М. ВИНАВЕРЪ

НЕДАВНЕЕ

(Воспоминанія и характеристики)

ПАРИЖЪ
1926

М. ВИНАВЕРЪ

НЕДАВНЕЕ

(Воспоминанія и характеристики)

Изданіе третье

ПАРИЖЪ
1926

Imp. d'Art Voltaire (O. Zeluk, directeur) 4, Pass. Alexandrine, Paris

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННАГО ДРУГА
ЛЕОПОЛЬДА АЛЕКСАНДРОВИЧА СЕВА

Предисловіе къ первому изданію

Собранные въ этой книгѣ очерки писаны всѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти людей, съ которыми судьба сталкивала меня на общественномъ поприщѣ. Общее у всѣхъ этихъ людей одно: всѣ они, недавно отошедшіе, боролись, въ мѣру силъ своихъ, за право и за свободу. Инымъ открыто было для дѣятельности широкое поприще, другіе исполняли свою жизненную задачу на скромныхъ, мало замѣтныхъ постахъ. Политики, адвокаты, судьи, писатели — всѣ они отражаютъ, вѣроятно, каждый по своему, ту общую интеллигентскую разночинную среду, которая давала и продолжаетъ давать тонъ всѣмъ общественнымъ и литературнымъ настроеніямъ послѣдняго полустолѣтія. Я ихъ не подбиралъ по какому нибудь плану — подборъ совершала смерть...

Но при этой случайности подбора, быть можетъ, особенно выпукло выступаетъ здѣсь одна черта. За 10 лѣтъ съ лишнимъ набралось у меня въ сферѣ адвокатуры, суда, политики и литературы 15 замѣтныхъ именъ, и среди нихъ, рядомъ съ великороссами Муромцевымъ, Мясоѣдовымъ, Колюбакинымъ, Потѣхинымъ, Проскуряковымъ, Полетаевымъ, стоятъ имена поляковъ — Спасовича, Карницкаго, Шершеневича, малороссовъ — Исаченко и Бершадскаго, евреевъ — Пассовера и Гольденвейзера, прибалтійскаго нѣмца Книрима и сына нѣмецкаго колониста Люстиха. И каждый изъ нихъ несъ свою лепту культурнаго труда, каждый участво-

валъ въ тѣсномъ содружествѣ народовъ Россіи, направленномъ къ умноженію ея вѣчныхъ, неизмѣнныхъ цѣнностей. Вотъ она — истинная Великая Россія.

Воспроизводя облики покойныхъ дѣятелей въ разныхъ сферахъ общественнаго служенія, я интересовался больше индивидуальными чертами характера, чѣмъ общественною оцѣнкою результатовъ дѣятельности. Судья, адвокатъ, политическій ораторъ, если они не оставляютъ литературнаго наслѣдія, только съ этой стороны, пожалуй, и могутъ быть воспроизводимы въ памяти потомства. Эти индивидуальныя черты привлекали меня въ людяхъ независимо отъ того мѣста, которое отведено имъ было судьбою въ рядахъ общественныхъ работниковъ. Нерукотворный памятникъ человѣкъ создаетъ себѣ всею жизнью своею, во всѣхъ ея проявленіяхъ — большихъ и малыхъ. Проникновеніе во всю душевную ткань человѣка, если онъ только осуществляетъ заложенныя въ немъ творческія начала, — въ какомъ бы масштабѣ дѣятельность ни проявлялась, — всегда захватывающе интересно и глубоко поучительно:

Смѣлѣй лишь проникай въ людскую жизнь!
Хоть всѣ живутъ, но жизнь не всѣмъ понятна, —
И гдѣ ни выхватишь, вездѣ она занятна.

(Фаустъ, Прологъ).

Петроградъ, декабрь 1916 г.

Предисловіе ко второму изданію

Первое изданіе этой книги вышло наканунѣ революціи, въ январѣ (или февралѣ) 1917 г.

Судьба книгъ, вышедшихъ въ то время въ свѣтъ, остается тайной для ихъ авторовъ. Въ тѣ бурные дни некогда было справляться о томъ, что произошло съ книгою, и хотя книгопродавецъ Вольфъ, имѣвшій на складѣ мою книгу, сообщилъ мнѣ какъ-то къ концу лѣта, что книга разошлась, увѣренности въ этомъ у меня нѣтъ. Но есть полная увѣренность, что все, бывшее на складѣ у Вольфа, исчезло, и на книжномъ рынкѣ моей книги больше нѣтъ. Нѣтъ въ Россіи, нѣтъ и никогда не было въ эмиграціи. Это внѣшній поводъ для переизданія книги. Къ тому же за истекшіе годы написано кое-что новое, и книга нынѣ дополнена нѣкоторыми характеристиками (Андреевскаго, Ан—скаго, Арсеньева, Блюменфельда, Кокошкина, Кулишера, Шингарева), которыхъ не было въ первомъ изданіи.

Но есть и внутренняя причина для переизданія книги именно теперь.

Пережитые годы нанесли тяжелый ударъ нашей культурной традиціи. Новая жизнь оторвалась отъ старыхъ корней. Тамъ, въ Россіи, забвеніе прошлаго стало даже символомъ вѣры. Долго ли продлится это неестественное состояніе, — предрекать не стоитъ. Но пока оно существуетъ, обрываются одна за другой живыя нити, связывающія два поколѣнія, стушевываются образы людей, затем-

няется смыслъ ихъ творческихъ усилій. Очень крупныя имена сохранятъ еще свое обаяніе: память о нихъ будетъ воссоздана по нетлѣннымъ результатамъ ихъ творчества. Но исчезнутъ, сотрутся безслѣдно изъ памяти поколѣній образы людей, хотя и значительныхъ, создавшихъ общими усиліями тонъ эпохи, но индивидуально не отмѣтившихъ своего жизненнаго пути крупными, безсмертными достиженіями. Долгъ современниковъ, на долю коихъ выпало счастье жить и работать съ этими людьми, увѣковѣчить и сохранить ихъ образы.

Въ свѣтѣ ихъ жизненнаго подвига выступитъ рельефнѣе и самый смыслъ тѣхъ двухъ историческихъ сдвиговъ, дѣйствіемъ которыхъ опредѣлялась общественная жизнь за послѣднее полустолѣтіе: реформъ Александра II и освободительнаго движенія начала нынѣшняго вѣка. У этихъ двухъ истоковъ черпали свое вдохновеніе люди, образы которыхъ отражены въ моей книгѣ. Самыя идеи поворотныхъ моментовъ недавней исторіи можно понять и не зная индивидуально ихъ носителей; но вліяніе этихъ идей на ходъ жизни, силу общественнаго размаха, достигнутаго ими, и особенно несказанную прелесть того юнаго воодушевленія и непочатой вѣры, съ которыми люди шли на службу исповѣдуваемымъ имъ идеямъ, пойметъ только тотъ, кто прикоснется — хотя бы черезъ слабое литературное отраженіе — къ живымъ лицамъ, творцамъ и носителямъ священныхъ завѣтовъ.

Книгу мою я посвящаю памяти недавно скончавшагося друга. Тридцать пять лѣтъ самой тѣсной сердечной близости соединяли насъ. Никто не оказалъ столь сильнаго вліянія на направленіе моей умственной, и, въ частности, литературной работы, какъ онъ — строгій, проникновенный до ясновидѣнія, цѣнитель и поклонникъ литературнаго творчества. Этой любви и вкусу къ литературѣ не соотвѣтствуютъ, увы, его внѣшнія достиженія. Долголѣтнее

редактированіе литературнаго органа, посвященнаго интересамъ русскаго еврейства, переводы, совмѣстно съ Владиміромъ Соловьевымъ, питавшимъ къ нему неизмѣнную дружбу, философскихъ трудовъ Ланге, Іодля, Гумбольдта — вотъ тѣсныя рамки, въ которыхъ роковымъ образомъ замкнулась внѣшняя его дѣятельность. Какъ безконечно мизерно все это, по сравненію съ тѣмъ излученіемъ душевной жизни, которое неотразимо вовлекало въ кругъ его воздѣйствія всѣхъ, кому приходилось встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ, слушать его огненную, вдохновенную рѣчь, проникать съ нимъ вмѣстѣ въ глубочайшія извилины человѣческой души, въ тайны художественнаго творчества, заражаться непререкаемою, чуждою компромиссовъ, дѣятельною вѣрою въ правду. Чарующая прелесть этой возвышенной и трогательно преданной мнѣ души слишкомъ близко ощущалась мною въ теченіе всей жизни, чтобы я могъ и сейчасъ еще отдѣлиться отъ нея. Я не могу описывать его, какъ описываю другихъ, — не могу стать въ положеніе наблюдателя къ человѣку, съ которымъ съ юношескихъ лѣтъ шло у насъ непрерывное взаимодѣйствіе мыслей и стремленій. Могу лишь оплакивать и съ неутоленною скорбью нести ему въ даръ то, что было ему дороже всего въ жизни — горсть мыслей и наблюденій надъ характеромъ и жизнью людей, плодъ углубленнаго вниманія къ художественной цѣльности человѣка.

Парижъ, апрѣлъ 1926 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Строитель русской адвокатуры (В. Д. Спасовичъ) 1
Муромцевъ 50
Отшельникъ въ міру (А. Я. Пассоверъ) 84
Эстетъ на службѣ правосудія (С. А. Андреевскій) 123
Трагедія русскаго парламентарія (Ф. Ф. Кокошкинъ) . . . 134
Ораторъ политической весны (А. М. Колюбакинъ) 165
Подвижникъ долга (А. И. Шингаревъ) 177
"Со щитомъ гражданина" (Г. Ф. Шершеневичъ) 186
Восьмидесятилѣтіе К. К. Арсеньева 199
Позитивистъ-мечтатель (А. С. Гольденвейзеръ) 212
Инстинктъ правотворчества (Н. Н. Мясоѣдовъ) 223
Іосифъ Ивановичъ Карницкій 238
Ветеранъ русско-еврейской интеллигенціи (М. И. Кулишеръ) 256
Судья тишайшій (Ф. И. Проскуряковъ) 264
Вдохновитель гражданскаго кодекса (А. А. Книрим ъ) . . . 267
Памяти Г. Ф. Блюменфельда 272

На службѣ уставовъ (В. Л. Исаченко) 275
Революціонеръ и фольклористъ (С. А. Ан—скій) 288
Наединѣ съ книгой (Н. А. Полетаевъ) 293
Рыцарь истины (С. А. Бершадскій) 299
Praeses magnificus (В. О. Люстихъ) 306
Паладинъ здраваго смысла (П. А. Потѣхинъ) 313

НЕДАВНЕЕ

СТРОИТЕЛЬ РУССКОЙ АДВОКАТУРЫ

(В. Д. Спасовичъ)

Одинъ старый французскій писатель такъ изображаетъ идеальный типъ адвоката:

«Адвокатъ долженъ имѣть видную, внушительную наружность, открытое, любезное и кроткое лицо, которое заранѣе служило бы ему рекомендаціей; онъ не долженъ выказывать высокомѣрной самоувѣренности, а, наоборотъ, долженъ возбуждать сочувствіе слушателей скромнымъ своимъ видомъ. Въ глазахъ и во взглядѣ его не должно быть ничего свирѣпаго и неправильнаго; черты лица его во время рѣчи не должны искажаться гримасами; голосъ его долженъ быть не крикливый, а полный и звучный, одинаково далекій отъ слишкомъ высокихъ и слишкомъ низкихъ нотъ... Движенія должны быть обдуманы и согласованы съ предметомъ рѣчи».

Кто бы съ этимъ рецептомъ въ рукахъ взглянулъ на сутуловатую, съ короткой шеей, фигуру, съ острыми, блестящими, скорѣе «свирѣпыми» и, во всякомъ случаѣ, не «кроткими» глазами, съ порывистыми движеніями, съ голосомъ безъ мягкихъ переходовъ, — передвигающуюся непрерывно отъ адвокатской каѳедры къ судейскому столу, съ особымъ, увѣковѣчен-

нымъ на рѣпинскомъ портретѣ, неуклюжимъ движеніемъ открытой ладони съ разставленными пальцами, направленными прямо въ лицо судьямъ, — тотъ никогда не догадался бы, что передъ нимъ общепризнанный, величайшій русскій адвокатъ. Онъ не подходилъ подъ утрированную книжную мѣрку адвоката; онъ не подходилъ ни подъ какую общую житейскую мѣрку. Ибо, прежде всего, онъ не умѣщался ни въ одну изъ профессіональныхъ клѣтокъ, на которыя разбито современное общество. «Въ жизни моей — пишетъ онъ,— я противъ воли долженъ былъ нѣсколько разъ мѣнять профессіи; оставивъ любимыя мною профессорскія занятія, взялся за перо журнальнаго критика, а потомъ посвятилъ себя адвокатурѣ. Меня интересовали вопросы искусства; въ свободное время я изучалъ великихъ писателей, въ особенности поэтовъ » [1]).

«Любимыя профессорскія занятія», — говоритъ Спасовичъ. «Не будь ко мнѣ немилостива судьба, я бы и донынѣ профессорствовалъ по призванію », говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [2]). «Нѣтъ профессіи, которая бы мнѣ была больше по душѣ, какъ профессура на пользу студентовъ» — повторяетъ онъ еще разъ, незадолго передъ смертью, въ застольной рѣчи 1901 г. [3]).

Такъ ли это? дѣйствительно ли Спасовичъ «по призванію» былъ профессоръ, или это, быть можетъ, ошибка самоанализа? Совершенная ли это случайность, слѣдъ простой административной репрессіи, что на солнцѣ зарождающейся русской адвокатуры разомъ засіялъ свѣточъ, не превзойденный донынѣ по блеску

---

1) Сочиненія, т. I. Предисловіе.
2) Застольныя рѣчи, стр. 97.
3) Тамъ же, 79.

своему? И не будь этого случайнаго, нелѣпаго насилія, — всѣ силы, сказавшіяся на новомъ поприщѣ, покрывшія блескомъ славы и его и все его поколѣніе, такъ и остались бы погребенными? Не было ли въ этой натурѣ чего-либо болѣе глубокаго и мощнаго, что должно было, рано или поздно, само собою, независимо отъ случайнаго факта внѣшней жизни, связать Спасовича съ тою средою, которой онъ отдалъ затѣмъ 40 лѣтъ беззавѣтнаго служенія?

На эти сомнѣнія наводитъ меня самъ Спасовичъ, когда онъ, обращаясь къ товарищамъ по адвокатурѣ въ 1884 г., восклицаетъ:

«Случалось мнѣ одерживать ораторскія побѣды, одерживать авторскія побѣды, увѣряю васъ, однако, что мнѣ милѣе и слаще то, что я ощущаю въ этотъ моментъ въ нашей общественной клѣточкѣ. Въ средѣ вашей я чувствую то, чѣмъ восторгался Гете во второй части своего «Фауста»:

«Лишь тотъ свободной жизни властелинъ,
Кто дни свои въ борьбѣ проводитъ трудной.
Пускай въ борьбѣ ведетъ свой круглый годъ
Дитя, и крѣпкій мужъ, и старецъ хилый —
И предо мной возстанетъ съ чудной силой
Моя земля, свободный мой народъ.
Тогда скажу я: чудное мгновеніе,
Прекрасно ты! продлись, постой» [1]).

Всѣмъ извѣстно, что значитъ этотъ монологъ во всемъ строеніи «Фауста»: въ него вложено разрѣшеніе всей мучительной трагедіи человѣка, все извѣдавшаго, все испытавшаго, — въ немъ вѣнецъ философіи геніальнаго поэта, главный и единственный канонъ для всѣхъ, ищущихъ мира въ жизни сей. И никому не былъ

1) Тамъ же, 38.

смыслъ этого откровенія ближе и дороже, чѣмъ Спасовичу, пережившему и проанализировавшему всѣ исканія въ области духа въ великихъ твореніяхъ западно-европейскихъ писателей. Было, значитъ, нѣчто индивидуально для Спасовича особенно цѣнное въ работѣ той «общественной клѣточки», которая именуется адвокатурою, въ самомъ свойствѣ этой работы, если онъ только въ ней, въ этой работѣ, находилъ тѣ чудныя мгновенія, которымъ стоило сказать: «остановись».

Да и изученіе «въ свободное время» великихъ писателей отнюдь не имѣло въ жизни Спасовича того эпизодическаго, по сравненію съ «любимымъ» профессорскимъ занятіемъ, характера, какимъ оно изображено въ цитированной мною бѣглой автобіографической замѣткѣ, — ибо, какъ Спасовичъ признается самъ въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей [1]), для него «нѣтъ болѣе хорошихъ минутъ, какъ тѣ, которыя проводятся въ обществѣ талантливаго художника и первостепеннаго мыслителя», и «хотя онъ не держался правила, свойственнаго писателямъ по профессіи: каждый день хотя бы по строчкѣ, но не проходилъ годъ, въ которомъ не было бы что-нибудь написано, а такъ какъ этихъ лѣтъ довольно много, то и цѣлое будетъ довольно объемистое и по содержанію самое разнообразное» [2]). И изъ десяти томовъ собранія сочиненій Спасовича семь томовъ посвящены литературѣ и публицистикѣ; а въ собраніе сочиненій не вошелъ еще такой крупный литературный трудъ, какъ «Исторія польской литературы». Эти литературные труды въ весьма ничтожной мѣрѣ захватываютъ профессорскіе годы Спасовича и почти всецѣло падаютъ на семидесятые,

---

1) Сочиненія, V, 103.
2) Сочиненія, I, Предисловіе.

восьмидесятые, частью девятидесятые годы — расцвѣтъ общественной и адвокатской, а не профессорской его дѣятельности.

Этотъ вопросъ — объ истинномъ «призваніи» Спасовича,—выдвинутый мною такъ рѣзко на первую очередь, можетъ кое-кому казаться празднымъ. Для меня онъ имѣетъ очень важное значеніе, — тѣмъ болѣе, что я не согласенъ въ этомъ пунктѣ съ признаніями самого Спасовича. Порою усталый отъ пестроты и внѣшней суетливости своей дѣятельности, адвокатской и журнальной, Спасовичъ могъ возвращаться мыслью вспять и мечтать о тиши ученаго кабинета и искренно думать, что главная его «святыня и завѣтная идея заключалась въ общеніи двухъ корпорацій — студенческой и профессорской — въ укромномъ уголку университетскаго самоуправленія» [1]). Припоминаю даже, какъ сравнительно недавно онъ меня лично уговаривалъ не оставлять науку и опочить на ней отъ адвокатуры, ибо адвокатура «все же занятіе суетное». Но это были не болѣе, какъ мимолетныя изліянія, навѣянныя рѣющими вдали, блѣдными уже образами давно минувшаго прошлаго: вся настоящая, живая, дѣйственная натура Спасовича, весь укладъ его ума, всѣ порывы его сердца толкали его въ другую сторону; они влекли его на болѣе бурное поприще, туда, гдѣ въ условіяхъ борьбы — жестокой, повседневной борьбы — онъ могъ собственными усиліями, собственнымъ мозгомъ и сокомъ своихъ нервовъ, со всей необходимою для его натуры непосредственностью, укрѣплять въ области людскихъ отношеній тѣ идейныя начала, которыя были ему особенно дороги и составляли для него поистинѣ святыню.

---

1) Заст. рѣчи, 79.

1.

Спасовичъ по душевному складу своему былъ въ гораздо большей мѣрѣ продуктъ западно - европейской, чѣмъ русской жизни. Его мало увлекали доморощенные споры о славянофильствѣ, западничествѣ и народничествѣ; вниманіе его приковывала къ себѣ въ гораздо большей мѣрѣ обще-европейская «болѣзнь вѣка». Укоренялась эта связь съ западомъ въ особенности черезъ посредство польской литературы, на которой онъ выросъ. Годы его юности совпали съ сильнѣйшимъ расцвѣтомъ романтической поэзіи Мицкевича, который находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Шатобріана и особенно Байрона.

Спасовичъ впослѣдствіи, въ минуты душевнаго подъема, любилъ отыскивать въ себѣ слѣды романтическихъ иллюзій и называлъ себя старымъ романтикомъ. На самомъ дѣлѣ вся его сознательная жизненная работа была направлена на обнаженіе самаго для него болѣзненнаго нерва романтической школы. Онъ прослѣдилъ съ исключительнымъ интересомъ всѣ перипетіи борьбы, охватившей въ теченіе 18-го и 19-го вѣковъ всю мыслящую Европу — борьбы страждущей личности противъ оковъ гнетущаго ее общества и государства. Онъ выслѣживалъ у корней тѣ взгляды на безпредѣльную свободу личности, которые выродились въ міровую скорбь Вертера и всеразъѣдающую мизантропію Чайльдъ-Гарольда. И бичуя, опровергая, иногда насмѣхаясь надъ безбрежностью той свободы, которую желала отмежевать себѣ человѣческая особь, онъ въ сущности — вы это чувствуете въ каждомъ словѣ — озабоченъ именно ею, судьбами бьющейся въ тенетахъ, человѣческой личности. И онъ желалъ бы

ее видѣть свободною, но онъ желалъ бы ее видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельною и живучею, — не безплодно бьющеюся о гранитъ своего высокомѣрія и не безнадежно тонущею въ мягкой слизи безволія. И потому основная проблема всей европейской литературы середины 19-го вѣка, объ обратномъ закованіи свободы личной узами общественности, является и для него главнѣйшею проблемою жизни. Анализу ея онъ посвящаетъ значительную часть своихъ литературныхъ работъ.

Онъ начинаетъ этотъ анализъ съ Руссо, проводитъ его черезъ Шатобріана, Гете, Шиллера, восходитъ до Байрона, на которомъ концентрируетъ главное свое вниманіе, и затѣмъ въ рядѣ особыхъ изслѣдованій разсматриваетъ отраженія Байрона въ Мицкевичѣ, въ Пушкинѣ, въ Лермонтовѣ. «Руссо — восклицаетъ Спасовичъ — поставилъ положеніе, что въ состояніи природы проявляется и найбольшая степень свободы и безвредность такой свободы. Вольный человѣкъ хочетъ лишь того, что можетъ, а дѣлаетъ только то, что ему нравится («Эмиль», II, 64). Итакъ сводъ власти разрушится, общественный механизмъ распадется среди наступающей анархіи, скристаллизованная твердая масса общественнаго тѣла разсыплется на атомы, лишенные связи и взаимодѣйствія. Подобная цѣль всего человѣческаго развитія, указанная Руссо, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ нашимъ нынѣшнимъ идеаламъ счастья и свободы. Наоборотъ, степень прогресса и усовершенствованія нынѣ измѣряется степенью возрастанія той зависимости, въ какой каждый находится отъ всѣхъ, — условіемъ, чтобы каждая личность извлекала возможно болѣе средствъ изъ окружающей ее среды и въ свою очередь приносила наиболѣе услугъ дру-

гимъ частицамъ той же среды, однимъ словомъ — возможно большимъ количествомъ услугъ взаимныхъ» [1]).

Еще рѣзче онъ подчеркиваетъ у Байрона [2]) это «стремленіе къ какой-то отвлеченной, неопредѣленной свободѣ, страстную влюбленность въ понятіе, внутри пустое, лишенное всякаго содержанія и сознанія о томъ, что свободѣ предстоитъ осуществляться не въ воздухѣ, но въ отношеніяхъ между людьми, отношеніяхъ, регулируемыхъ такими условіями, которыя каждое общество вырабатываетъ себѣ потомъ и кровью въ ежедневномъ, направленномъ къ тому, трудѣ, и что условія эти въ каждое данное время бываютъ настолько хорошія, насколько того достойно самое общество, ни болѣе ни менѣе».

Эта «выработка потомъ и кровью въ ежедневномъ трудѣ условій, регулирующихъ свободу личную», и составляла символъ вѣры Спасовича; она опредѣляла его жизненную задачу, она заставляла его съ особою силою — я бы сказалъ, почти съ презрѣніемъ — изобличать и обнажать натуры бездѣятельныя, страждущія однимъ центростремительнымъ ощущеніемъ скорби, безъ всякихъ иныхъ рессурсовъ для завоеванія и огражденія своей свободы.

Никто не былъ такъ безжалостенъ къ несчастному принцу датскому и къ юному, мечтательному Вертеру:

«Вертеръ одержимъ новой, модной болѣзнью, отъ которой страдалъ еще Гамлетъ, но которая съ конца XVIII вѣка начинаетъ уже свирѣпствовать среди людей эпидемически и получаетъ названіе «міровой скорби

---

1) Сочиненія, II, 29-30. « Байронъ и нѣкоторые его предшественники ».

2) Тамъ же, 149.

(Weltschmerz) или меланхоліи», — уже признаетъ за собою непонятное и непризнанное величіе, самъ однако же пальца не пошевельнетъ, чтобы разломать рѣшетку въ своей клѣткѣ съ мужественною рѣшимостью и выдержанностью, и вырваться на волю или по меньшей мѣрѣ приготовить освобожденіе для будущихъ поколѣній и вѣковъ...» [1]).

Несчастный Гамлетъ, по мнѣнію Спасовича, «палъ нравственно» такъ низко, что «подъ конецъ сталъ немногимъ лучше своего преступнаго дяди», и «царствованіе этого фантаста съ его скептицизмомъ, съ презрѣніемъ и пренебреженіемъ людей, заставило бы, вѣроятно, многихъ вспомнить съ сожалѣніемъ о временахъ короля Клавдія» [2]). И объясняетъ это Спасовичъ словами, вложенными въ уста Гамлета, послѣ прохода войскъ Фортинбраса, снаряженныхъ въ походъ противъ Польши: «Великъ тотъ истинно, кто безъ великой цѣли не возстаетъ, но за песчинку бьется на смерть, когда задѣта честь... Гляжу съ стыдомъ, какъ 20.000 войска идутъ на смерть, и за видѣніе славы, въ гробахъ, какъ въ лагерѣ, уснутъ. За что? За клокъ земли, гдѣ даже нѣтъ и мѣста сражаться всѣмъ, гдѣ для однихъ убитыхъ нельзя довольно накопать могилъ».

«Въ цѣломъ Гамлетѣ — восклицаетъ Спасовичъ — нѣтъ ничего, что бы превосходило этотъ отрывокъ по глубинѣ мыслей. Шекспиръ-соціологъ сравнился съ Шекспиромъ-психологомъ. Ибо величіе собирательнаго лица — народа, а, слѣдовательно, общественныя заслуги человѣческой особи заключаются только въ сознаніи долга и добровольномъ подчиненіи себя обществу, въ духѣ самопожертвованія, полагающемъ жизнь

---

1) Сочиненія, II, 41.

2) Сочиненія, I, 123-124 «Шекспировскій Гамлетъ».

и имущество за каждую малость, за нѣчто порою столь ничтожное, какъ скорлупа яичка».

Сопоставьте это со словами, съ которыми Спасовичъ обращался къ чудному мгновенью въ средѣ своихъ товарищей:

Лишь тотъ свободной жизни властелинъ,
Кто дни свои въ борьбѣ проводитъ трудной,—

и вы сдѣлаете первый шагъ къ разрѣшенію вопроса объ истинномъ «призваніи» Спасовича, — къ вопросу о томъ, что тянуло его въ адвокатуру, что дало ему въ ней удовлетвореніе, и почему онъ не вполнѣ «противъ воли» въ ней очутился.

II

Но это пока только одинъ уголокъ приподнятой завѣсы. Ибо, борясь противъ «свободы-своеволія», осмѣивая и бичуя «раскисаніе» души, тонущей въ волнахъ полной свободы отъ узъ внѣшнихъ, онъ воздвигалъ, однако, храмъ не тому Молоху, который долженъ былъ ее подавить; онъ радѣлъ только о ней самой. Горше и опаснѣе этого «раскисанія» личности, является для него та тяжесть, которую склонны положить на нее цѣпи государственности, церкви, всѣхъ тѣхъ единеній, тенденція которыхъ — сковать для своихъ особыхъ, полутрансцендентныхъ, цѣлей свободу личную. Ту рѣчь, которую онъ самъ считалъ центральною во всей своей дѣятельности, — истинный перлъ ораторскаго творчества, — рѣчь, непосредственнаго впечатлѣнія которой не забудетъ никогда тотъ, кто ее слышалъ, — не забудетъ ни дрожи глубокаго грудного голоса, ни этихъ глазъ, задернутыхъ поволокою и куда-то въ глубь жизни глядящихъ, — эту юбилейную рѣчь свою, сказанную въ день 25-лѣтія своей адвокатской дѣятельности, 31 мая

1891 года, Спасовичъ всю посвятилъ защитѣ личности противъ безпредѣльнаго господства давящихъ ее громадъ. «Я не намѣренъ васъ потчивать звонкими словами, я отвѣчу вамъ на ваши привѣтствія не виномъ, а кровью моего сердца, моими задушевнѣйшими чувствами и убѣжденіями, моею въ нихъ исповѣдью. Я всю почти жизнь мою былъ человѣкъ частный. Я былъ частный писатель, частный носитель нашего адвокатскаго значка, который, какъ вамъ извѣстно, несовмѣстимъ съ государственною службою, частный сознательный ненавистникъ всѣхъ тѣхъ клѣтокъ, средостѣній и перегородокъ, которыми, отдѣлившись и чуждаясь другъ друга, люди преслѣдуютъ себя и мучатъ. Такъ будучи съ юности настроенъ, я пришелъ къ однимъ, можно сказать, отрицательнымъ результатамъ. Я антицерковникъ, антинаціоналистъ и антигосударственникъ» [1]).

И съ особенною силою онъ подчеркиваетъ то отрицательное, къ чему пришелъ именно въ области государственной.

«Государство есть сила, которая людей объединила, оградила отъ всякаго внѣшняго врага и освободила отъ всякаго внутренняго супостата, провела надъ всѣми одинаковый законъ мирнаго сожительства и затѣмъ наблюдаетъ, чтобы люди жили по этому закону. Внѣ этихъ функцій государство ничего не смыслитъ, оно ничего не изобрѣтаетъ и не творитъ... Таковы были ходячія идеи о государствѣ, одушевлявшія меня и многихъ изъ моего поколѣнія, то-есть, изъ людей, дѣйствовавшихъ въ великое десятилѣтіе 1856—1866 г.г.». Но затѣмъ общество погрузилось въ «продолжающійся уже много лѣтъ безъ просыпа сонъ»; во снѣ и человѣкъ и общество не мыслятъ, а грезятъ, находясь подъ влія-

1) Сочиненія, IX, 260-276.

ніемъ неясныхъ представленій, которыя подымаются изъ темной, безсознательной глубины нашей личности и имѣютъ свойства стихійныхъ силъ. Такихъ, особенно опасныхъ по своей безпредѣльности, представленій онъ знаетъ два: это «штатсъ-соціализмъ и національнализмъ». «Оба теченія одинаково вредны, потому что, появляясь въ эпоху дремоты личности, они ее безжалостно приносятъ въ жертву извѣстному коллективизму. Въ накладѣ остается всегда и пропадаетъ та единица, изъ-за которой хлопотали люди сороковыхъ годовъ, — человѣческая личность погибаетъ въ этомъ коллективизмѣ, какъ въ гробницѣ...»

И кончается эта исповѣдь задушевнѣйшихъ чувствъ и убѣжденій всей жизни величественнымъ тостомъ за человѣческую личность, огражденную отъ давленія государства: «Я провозглашаю тостъ за эту человѣческую личность, за неодолѣніе ея государствомъ, за ея самобытность и своеобразіе, служащее источникомъ всякому творчеству, за естественную кривую линію вмѣсто прямой геометрической».

То же давленіе внѣшнихъ, чуждыхъ свободѣ личности, началъ онъ видѣлъ и въ теоріи господствующей національности и господствующей церкви. Въ этомъ именно смыслѣ онъ объявлялъ себя антицерковникомъ и антинаціоналистомъ. Онъ не отрицалъ религіознаго чувства, самъ признавалъ себя поклонникомъ Фейербаха и находилъ, что «чувство религіозное неистребимо, и духъ религіозности вѣченъ»; онъ не признавалъ лишь внѣшне-связующаго начала церкви, — онъ отрицалъ всегда и во всѣхъ видахъ «союзъ владыки душъ съ владыкою тѣлесъ». Ему было безконечно цѣнно національное чувство; мысль о свободѣ проявленія національности была одною изъ тѣхъ, къ которымъ онъ неотступ-

но всю жизнь возвращался; въ національномъ единеніи онъ видѣлъ одинъ изъ видовъ проявленія свободы личной. Но онъ ужасался при мысли, что, подъ прикрытіемъ этого нѣжнаго, священнаго для него символа, провозглашается принципъ принудительной, единоспасающей національности, — принципъ, при которомъ можно «донаціональничаться до каннибализма».

«Въ 90-милліонномъ государствѣ 50-милліоновъ великороссовъ пойдутъ избивать и вытравлять 40-милліонное населеніе невеликороссовъ, чтобы превратить богатую, пеструю, узорчатую ткань въ одноцвѣтную сѣрую портянку или въ рубаху, какъ кровь красную, хотя она не изъ кумача» [1]).

Въ 1901 году Спасовичу показалось, что «жестокій кризисъ націоналистическаго эгоизма проходитъ, что онъ теперь на ущербѣ». «Это единственное, что меня ободряетъ и удерживаетъ отъ отчаянія». Онъ увлекался мечтою, что «никогда еще не пропадало у насъ вполнѣ сознаніе, что значитъ общечеловѣкъ и общечеловѣчность», и надѣялся, что, можетъ быть, «доживетъ еще до того момента, когда будетъ признано, что и евреи люди тоже, что всякая разновидность человѣческая имѣетъ право на существованіе» [2]).

Онъ жаждалъ свободы національной, свободы религіознаго чувства, онъ жаждалъ свободы отъ давленія государства, церкви, господствующей національности — отъ всякихъ организованныхъ принудительныхъ узъ.

III

Какъ же примирить эту жажду личной свободы съ тою «необходимо возрастающею степенью зависимо-

---

1) Застольныя рѣчи, 31.

2) Тамъ же, 81.

сти отъ всѣхъ», на которую онъ же укоризненно указывалъ Руссо, какъ на единственную соотвѣтствующую нынѣшнему идеалу счастья и свободы?

Спасовичъ вѣрилъ, что оба начала — личное и общественное — внутренно и взаимно связаны, внѣ насъ, въ самомъ обществѣ, и внутри, въ предѣлахъ каждой отдѣльной личности; они есть полюсы одной оси, на которой держится все человѣческое общежитіе.

«Соціологія — пишетъ онъ въ статьѣ о Лермонтовѣ, по поводу книги Котляревскаго — объясняетъ законы роста и умиранія государствъ и народовъ и неизбѣжную зависимость лица и общества, ихъ, такъ сказать, полярность, вслѣдствіе которой я, какъ единица, и я, какъ гражданинъ, являемся полюсами одной и той же оси, вокругъ которой вращаются міровыя событія» [1]).

Эта связь идетъ дальше, — она гнѣздится въ самомъ индивидуумѣ, и чѣмъ сильнѣе индивидуальность, тѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе выступаетъ въ ней эта необходимая, сдерживающая міровоззаніе, сила.

«Во всякой выдающейся личности — пишетъ онъ, характеризуя Владиміра Соловьева—сплачиваются обыкновенно, проникаются и примиряются исключающія себя взаимно противоположности: эгоизмъ и альтруизмъ, индивидуальность и общественность, любовь свободы и властный темпераментъ. Отличительною чертою всякаго сильнаго ума бываетъ, такъ называемая, полярность его міросозерцанія» [2]).

И самъ Спасовичъ всю жизнь, во всѣхъ областяхъ творчества, стремится къ установленію того правильнаго соотношенія между двумя полюсами, при кото-

---

1) Сочиненія, VIII, 153.

2) X, 487.«Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, какъ публицистъ»

рыхъ ось спокойно удерживала бы гармонически движущуюся около нея тяжесть. Онъ подходилъ къ этой задачѣ съ двухъ концовъ: то оберегая отъ захвата, шагъ за шагомъ, всякую пядь личныхъ правъ, то участвуя въ строительствѣ тѣхъ единеній, коими на личную свободу накладываются узы въ интересахъ цѣлаго. Въ литературѣ, въ наукѣ, въ адвокатурѣ — всюду для него изъ-подъ груды разнообразныхъ наслоеній выступала та же нагая, мучительная задача жизни. И истиннымъ призваніемъ его явилась потому та сфера дѣятельности, въ которой эта задача, по условіямъ эпохи, могла быть имъ осуществлена съ наибольшимъ успѣхомъ и въ наибольшемъ соотвѣтствіи съ природою его творческихъ силъ.

Въ характерѣ этихъ творческихъ силъ была одна способность, которую я бы назвалъ господствующей. Спасовичъ былъ человѣкъ не созерцанія, а дѣйствія. Онъ былъ не изъ тѣхъ, у которыхъ

Рѣшимости природный цвѣтъ
Отъ блѣднаго оттѣнка мысли тускнетъ.

Кратчайшее разстояніе отдѣляло впечатлѣніе отъ реакціи на него. Вся его психика состояла какъ бы изъ двухъ огромной силы маховиковъ: сильнаго, точнаго и, главное, чрезвычайно рельефнаго аппарата, воспріемлющаго впечатлѣнія, и другого, выбрасывающаго ихъ тотчасъ же отраженными и переработанными. Между этими двумя процессами — ничего промежуточнаго. Никакой рефлексіи, ни одного момента созерцательнаго покоя.

Въ этомъ кроется разгадка и одного изъ секретовъ его творчества, нынѣ, впрочемъ, переставшаго уже быть секретомъ. Всѣмъ извѣстно уже теперь, что Спасовичъ всѣ свои рѣчи писалъ, — именно всѣ: не толь-

ко многочасовую рѣчь по сложному дѣлу, но мелкую застольную рѣчь въ 2 странички, даже краткое обращеніе къ профессорской коллегіи въ засѣданіи профессорскаго совѣта. И рѣчи эти составлялись и отливались отъ слова до слова тотчасъ же, немедленно послѣ воспріятія матеріала, на который онѣ должны были реагировать. Прочитавъ дѣло, Спасовичъ немедленно садился писать: онъ не переживалъ тяжелыхъ часовъ раздумья, сомнѣній, заставляющихъ иногда мѣнять въ послѣднюю минуту весь планъ, все содержаніе рѣчи. Все это было ему чуждо. Это была могучая, стихійная организація, перерабатывавшая разомъ все, что въ нее попадало, и разомъ же проектировавшая наружу весь продуктъ переработки. Къ тому, что сразу было выброшено, уже ничего потомъ не прибавлялось. Произведеніе, отдѣлившись отъ автора, являлось для него законченнымъ дѣйствіемъ, стояло уже внѣ его, холодное, получужое. Написавъ рѣчь, Спасовичъ переставалъ о ней думать, могъ переходить къ новой темѣ — литературной, научной, судебной, — къ дѣлу не возвращался, возобновлялъ рѣчь въ памяти лишь передъ самымъ произнесеніемъ, и только когда онъ вновь въ атмосферѣ суда переживалъ тѣ же впечатлѣнія, она въ немъ оживала и лилась изъ его устъ, такая свѣжая и страстная, точно она тутъ же непосредственно на глазахъ вашихъ рождалась. Помню, какъ по одному дѣлу, которое мы съ нимъ вмѣстѣ вели, я за недѣлю или за двѣ пришелъ къ нему столковаться, какъ намъ поставить защиту, какъ раздѣлить работу; а онъ въ отвѣтъ обычнымъ быстрымъ движеніемъ взялъ со стола и сунулъ мнѣ въ руку связку почтовыхъ, въ красную клѣтку, листиковъ бумаги, съ рѣчью, написанною отъ перваго до послѣдняго слова. Эта рѣчь не подлежала уже никакому измѣненію и черезъ недѣлю

она была произнесена съ такою непосредственностью, съ такою живостью движеній, что я то и дѣло поглядывалъ на каѳедру: а въ самомъ ли дѣлѣ это тѣ, казалось, уже омертвѣвшіе листики съ красною клѣткою? Та же непосредственность, то же кратчайшее разстояніе между впечатлѣніемъ и реакціей характеризовали и литературное творчество Спасовича. Пережитое непосредственно тотчасъ же запечатлѣвалось; тамъ, гдѣ были матеріалы, они пожирались, точно попадая въ жерло колосса, съ неимовѣрною быстротою, и тотчасъ же, безъ всякихъ промежутковъ, выбрасывался, почти безъ помарокъ, результатъ ихъ обработки. Въ 1897 году мы были вмѣстѣ со Спасовичемъ на брюссельскомъ адвокатскомъ конгрессѣ и оттуда оба отправились на воды въ Эмсъ. Не успѣли мы отпить одну недѣлю воды, а статья о брюссельской адвокатурѣ уже была готова, листочки были сложены и затѣмъ только черезъ 4 мѣсяца были вынуты и «произнесены» на годовомъ собраніи юридическаго общества. Въ послѣдніе годы вдова В. А. Арцимовича обратилась къ Спасовичу съ просьбою обработать часть матеріаловъ, касающуюся дѣятельности ея мужа въ Царствѣ Польскомъ. Матеріаловъ этихъ былъ цѣлый сундукъ, 14 пачекъ; работа была, какъ самъ Спасовичъ говорилъ, мозаичная, мелкая. Онъ долго за нее не принимался. Но, разъ дотронувшись до матеріаловъ, онъ затѣмъ съ неимовѣрною быстротою ихъ одолѣлъ, и въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ написалъ большое, интересное изслѣдованіе въ 8 печатныхъ листовъ.

Потребность непосредственнаго дѣйствія, дѣятельной и немедленой реакціи на всякое возбужденіе сказывалась и въ практической жизни Спасовича — личной, профессіональной, общественной; благодаря ей, удавалось ему и количественно такъ много сработать.

Она проявлялась особенно характерно, но только съ другого конца, въ одной чертѣ, для всякаго крупнаго человѣка всегда весьма существенной, — въ своеобразномъ отношеніи къ природѣ. Спасовичъ любилъ много путешествовать — онъ изъѣздилъ всѣ уголки Европы, ѣздилъ до самой глубокой старости, глядѣлъ на Альпы, на лазурь южныхъ морей, заѣзжалъ въ скалистыя шхеры сѣвера, но то было только движеніе среди природы. Не было той настоящей интимной любви, которая дается только спокойнымъ, ровнымъ, длящимся проникновеніемъ въ каждое очертаніе, въ каждую краску. Онъ любилъ смотрѣть природу; ища движенія во всемъ, онъ искалъ его и въ природѣ; онъ любилъ смѣну пейзажей, но не роднился ни съ однимъ изъ нихъ, не умѣлъ къ нимъ привязываться, возвращаться къ нимъ. Изъ путешествій своихъ онъ приводилъ гораздо болѣе свѣжія и сочныя воспоминанія о жестокомъ боѣ быковъ въ Санъ-Себастіанѣ, о которомъ разсказывалъ съ здоровымъ хохотомъ сильнаго человѣка, или о своеобразныхъ порядкахъ въ республикѣ Санъ-Марино, чѣмъ о величавыхъ, вѣчныхъ красотахъ Альпъ и океана. Среди массы статей, набросковъ, писемъ, воспоминаній, очень часто у него связанныхъ съ лично пережитымъ, нѣтъ почти ни одной строки (если не считать стараго далматинскаго путешествія), посвященной природѣ.

Природа не сулила ему ни «постигнуть счастье на землѣ», ни «въ небесахъ увидѣть Бога...».

И счастье его, и Богъ были тамъ, въ станѣ воюющихъ, гдѣ

Въ борьбѣ ведетъ свой круглый годъ
Дитя и крѣпкій мужъ и старецъ хилый.

IV.

Судебная реформа была у насъ первою, незаконченною еще и до селѣ, попыткою водворенія въ жизни принциповъ правового государства.

Она направлялась на укрощеніе безраздѣльнаго произвола власти и на огражденіе правъ личности.

Гражданину дано было орудіе, которымъ онъ можетъ ограждать свои права отъ гнета произвола власти, но не было дано самыхъ правъ. Эти права приходилось добывать, — добывать въ борьбѣ съ уцѣлѣвшимъ и слѣпо, съ отчаяніемъ необходимой обороны, защищавшимся строемъ. «Субъективныхъ правъ гражданина по отношенію къ государству» у насъ мало было начертано на страницахъ свода законовъ, а тѣ, которыя были, пропадали, задавленныя подъ грудою неисчерпаемыхъ прерогативъ административной власти. Надо было шагъ за шагомъ изрыть весь дореформенный, да и пореформенный, административно-полицейскій строй, проникнутый насквозь безраздѣльнымъ сцѣпленіемъ личности съ властью, выводить наружу всѣ его затаенные ходы, и всюду — въ маломъ и великомъ — исторгать жертву изъ рукъ власти. Только путемъ такой борьбы можно было претворить орудіе, данное уставами, въ животворный общественный факторъ.

Въ эту борьбу, требовавшую напряженія всѣхъ молодыхъ, здоровыхъ силъ общества, ринулась, украшенная цвѣтомъ тогдашней молодой интеллигенціи, адвокатура, и въ первыхъ рядахъ ея — всегда съ ногъ до головы вооруженный и, главное, всегда сознающій все значеніе и размахъ предстоящей борьбы — Владиміръ Спасовичъ. Онъ былъ старше своихъ товарищей — ему уже было 37 лѣтъ. Еще въ 1850 году, 21 года отъ ро-

ду, онъ написалъ свою магистерскую диссертацію»; съ 1857 года, при содѣйствіи Кавелина, съ которымъ сошелся очень близко, добился профессуры, четыре года профессорствовалъ въ Петербургѣ, затѣмъ, послѣ вынужденнаго политическими обстоятельствами оставленія университета, читалъ нѣкоторое время въ Училищѣ правовѣдѣнія, собирался читать въ Казани, но оттуда, благодаря какимъ то невѣдомымъ махинаціямъ, раскрывшимся для Спасовича лишь случайно за нѣсколько лѣтъ до смерти, при разборкѣ бумагъ Арцимовича, — былъ опять отставленъ, и, наконецъ, въ 1866 году, на 38-мъ году жизни, былъ принятъ въ петербургскую адвокатуру первымъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ составѣ коего находился, между прочимъ, К. К. Арсеньевъ. Въ слѣдующемъ же году Спасовичъ былъ избранъ въ совѣтъ и затѣмъ уже безсмѣнно въ немъ засѣдалъ — сначала въ качествѣ члена, когда предсѣдателемъ былъ Арсеньевъ, а съ 1874 года, съ уходомъ Арсеньева, въ качествѣ предсѣдателя совѣта.

Уже при сопоставленіи приведенныхъ хронологическихъ датъ въ жизни Спасовича съ его дѣятельностью во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя обезсмертили его имя, бросается въ глаза, что все, что въ твореніяхъ его, «отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти будетъ жить», относится не къ первой половинѣ жизни, не къ тѣмъ профессорскимъ годамъ, когда, казалось бы, и мыслить и писать было куда привольнѣе, чѣмъ среди суеты судебной, а къ исполненнымъ волненій зрѣлымъ годамъ, посвященнымъ кипучей адвокатской дѣятельности.

Въ чемъ же состоялъ тотъ жизненный эликсиръ, которымъ наполнила его адвокатура, которымъ она его поддерживала и укрѣпляла до преклонныхъ лѣтъ? Дадимъ отвѣчать Спасовичу самому. Это, къ счастію, и

очень легко сдѣлать. Въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, изъ года въ годъ, въ день выбора совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, петербургское адвокатское сословіе, по старому благочестивому обычаю, устраиваетъ обѣды, и на этихъ обѣдахъ вожди сословія, по почину, данному Спасовичемъ еще въ 1873 году, дѣлятся съ товарищами своими профессіональными и общеполитическими радостями и печалями. У Спасовича, по обыкновенію, рѣчи были впередъ записаны. Теперь всѣ эти рѣчи изданы — онѣ отчасти цитированы уже нами выше — и мы имѣемъ передъ собою какъ бы зеркало души Спасовича на протяженіи всей его профессіональной жизни. Кромѣ того, Спасовичу приходилось говорить не разъ въ юбилейные дни судебной реформы, — въ юридическомъ обществѣ, въ адвокатской средѣ, — приходилось чествовать и поминать отдѣльныхъ дѣятелей реформы: накопился такимъ образомъ достаточный матеріалъ, чтобы оцѣнить, какими именно сторонами своей дѣятельности адвокатура его привлекала.

Есть въ этомъ вопросѣ двѣ стороны, и каждая изъ нихъ должна быть разсмотрѣна отдѣльно.

Во-первыхъ, тѣ цѣли, которыя адвокатура преслѣдуетъ, и орудіе, которымъ она дѣйствуетъ, иначе говоря, самое содержаніе адвокатской дѣятельности, и во-вторыхъ, организація, которая дана адвокатурѣ, какъ цѣлому, въ видахъ лучшаго достиженія присущихъ ей цѣлей.

Цѣли адвокатуры — это для Спасовича цѣли, общія всей судебной реформѣ. Адвокатура была однимъ изъ необходимыхъ звеньевъ реформы, она подпирала главный сводъ новаго зданія — принципъ раздѣленія властей, — въ лицахъ изображая и противополагая свободу гражданина наступающей на нее государственной

власти. И потому тѣ, невидимые пока, результаты реформы, которые, какъ изъ зародыша, должны были развиться изъ реформы суда, — тѣ отдаленныя перспективы, которымъ суждено было, увы, въ теченіе долгихъ лѣтъ все меркнуть и отодвигаться — онѣ-то толкали и увлекали Спасовича, когда онъ, въ качествѣ адвоката, становился на стражу судебныхъ уставовъ. И онъ ихъ указывалъ — эти дальнія перспективы — своимъ товарищамъ по профессіи, не забывая о нихъ въ минуты самаго глубокаго помраченія общественной мысли.

«Въ такой громадинѣ, какъ государство, — говорилъ онъ, — ничто не дѣлается въ мигъ. Нельзя сказать, чтобы оно вдругъ сдѣлалось правовымъ, но рѣшено, что оно должно сдѣлаться правовымъ. Подъ него, по частямъ, съ большими натугами и дѣйствуя сообща, стали подводить гранитный фундаментъ, именуемый законностью... Этотъ фундаментъ еще не нынѣ, а со временемъ сдѣлается сплошнымъ, тогда и государственное зданіе сдѣлается гостепріимнымъ пристанищемъ для гражданственности и культуры» [1]).

«Величайшая для будущаго опасность въ нашемъ судебномъ дѣлѣ, — говорилъ онъ, при празднованіи адвокатурою 10-лѣтія реформы, — заключается не въ оскудѣніи привязанности нашей къ нему въ насъ, но въ слишкомъ большомъ увлеченіи этимъ дѣломъ, въ томъ, что на немъ одномъ нельзя остановиться и почить, а надо идти выше и выше. Мы, какъ тѣ путники, которые взбираются на какой-нибудь изъ верховъ, взошли наверхъ, тогда за нимъ показался другой еще высшій, а за этимъ вторымъ еще третій и такъ дальше. Мы добились того, что въ теперешней недодѣланной и

1) Сочиненія, IX, 292.

неготовой Россіи сначала подведенъ подъ нее фундаментъ: — упраздненіе крѣпостничества, а затѣмъ на пространствѣ, наполненномъ мусоромъ и обломками, возведено одно зданіе: судъ — крѣпкое, сводчатое и крытое. Мы въ этомъ зданіи проживемъ нашъ вѣкъ и костьми ляжемъ. Никакое, однако, одинокое зданіе не устоитъ, не трескаясь и не разваливаясь, когда его не скрѣпятъ, гдѣ слѣдуетъ подпорками, контрфорсами, когда его не обнесутъ заборами и не окружатъ другими зданіями, которыя бы составляли съ нимъ одно. Изъ любви къ судебнымъ уставамъ я, какъ лицо судебнаго вѣдомства, для ихъ укрѣпленія и преуспѣянія, желаю, чтобы были обновлены и пересозданы всѣ политическія учрежденія, среди которыхъ новыя судебныя учрежденія стоятъ одиноко» [1]).

И когда время уходило, а политическія учрежденія не пересоздавались, и даже въ самомъ фундаментѣ, — брошенномъ безъ стѣнъ и крыши, — стали появляться трещины, когда таяли всѣ драгоцѣнныя достоянія судебной реформы — судъ присяжныхъ, гласность, свободная адвокатура, — когда жизнь наполнилась міазмами злѣйшей реакціи, и въ воцарившейся тьмѣ только небольшая, все убывавшая горсть защитниковъ отстаивала послѣдніе обломки рушащагося зданія; когда потопъ грозилъ залить, такимъ образомъ, все живое, унося послѣдніе остатки надеждъ, — онъ искалъ спасенія въ той крошечной ячейкѣ, къ которой его привязала судьба, точно въ ковчегѣ, плавающемъ среди ошалѣлыхъ волнъ, пока не осядутъ воды, и не утихнетъ злобствующая стихія.

«Я испытываю то впечатлѣніе, — говорилъ онъ — которое имѣетъ человѣкъ, когда кругомъ буря, мя-

---

1) Застольныя рѣчи, 13.

тель, а онъ въ уютной избѣ и цѣлъ и живъ: авось продержится, пока буранъ пройдетъ. Прижавшись тѣлами другъ къ дружкѣ, мы подпираемъ стѣны нашей храмины» [1]).

Прощаясь съ К. К. Арсеньевымъ, какъ съ предсѣдателемъ совѣта, Спасовичъ говорилъ ему:

«Вы были кормчій нашей шхуны, вы стояли у руля въ день и въ ночь, почти безъ отдыха. Вы направляли этотъ руль и во время непогоды... Вы отстаивали права единицы страдающей, тѣснимой и защищающейся. Для этой личности приходилось вырабатывать гарантіи, и вы содѣйствовали ихъ выработкѣ... Вы удаляетесь, нашъ бравый капитанъ: руль цѣлъ, компасъ цѣлъ, снасти въ порядкѣ» [2]).

Этотъ руль, компасъ и снасти принялъ въ свои руки Спасовичъ и продолжалъ править шхуною, исполняя завѣтъ людей 40-хъ годовъ: защищать единицу «страждущую и тѣснимую» отъ покушеній власти, которая «ничего не творитъ, ничего не изобрѣтаетъ» и внѣ извѣстныхъ предѣловъ «ничего не смыслитъ».

V.

Такова цѣль борьбы. Но въ этой борьбѣ у адвокатуры было и особое орудіе. Оно само по себѣ составляло одно изъ тѣхъ плѣненныхъ сокровищъ, за добываніе которыхъ велась вся борьба.

Это орудіе — свободное слово.

«Мы — рыцари слова живого, болѣе свободнаго нынѣ, чѣмъ въ печати — слова, котораго не угомонятъ самые рьяные свирѣпые предсѣдатели, потому что пока

---

1) Застольныя рѣчи, 38 (рѣчь на обѣдѣ 1884 г.).
2) Тамъ же, 86 - 87.

предсѣдатель обдумываетъ васъ остановить, уже слово ускакало за три версты впередъ и его не вернуть»[1]).

«Мы — художники, и въ насъ звучитъ артистическая струнка, намъ дорогъ самъ процессъ ораторствованія, независимо отъ его результатовъ. Насъ привлекаетъ этотъ рѣдкій даръ излагать отвлеченное удобопонятно, сложное просто, играть словами на сердцахъ, точно пальцами на клавишахъ»[2]).

Но на этотъ свободный даръ вскорѣ попытались наложить узду: его приходилось отстаивать, — отстаивать не только передъ властью, но и передъ лицомъ общества.

Со стороны власти это было такъ понятно. Послѣ краткаго проблеска, она стала быстро возвращаться вспять къ идеаламъ полицейскаго государства. Для нея, въ сущности, никогда не было совсѣмъ ясно, для чего требуется такое лицедѣйство, для чего противополагать лицо подсудимаго лицу отечески опекающей его власти. Въ попыткахъ выяснить истину, въ спорѣ мнѣній, въ борьбѣ двухъ живыхъ интересовъ, она, эта полицейская власть, по прирожденной близорукости, не могла видѣть ничего иного, какъ только стремленіе къ «обѣленію явно виновнаго», къ извращенію устоевъ правосудія и всякой власти.

О «явности» или сомнительности вины она при этомъ предоставляла судить себѣ одной, — она, эта ничего не смыслящая, ничего не творящая, ничего не изобрѣтающая власть. Весь процессъ исканія судебной истины и то, что составляетъ ядро ея — судебное состязаніе — были для нея, въ сущности, недоразумѣніемъ, грѣхомъ юности, отъ котораго неловко такъ сразу от-

1) Застольныя рѣчи, 5.
2) Тамъ же, 87.

речься, но который можно разрѣшать себѣ лишь въ весьма умѣренныхъ дозахъ, — постольку, поскольку отъ этого не грозитъ затменіе истины, ей, власти, наперед вѣдомой. И прежде всего этой истинѣ, естественно, грозитъ затменіе въ сферѣ, гдѣ государственная власть задѣта, такъ сказать, наиближайшимъ образомъ — въ сферѣ критики ея же дѣйствій.

Необходимо поэтому устранить судебное состязаніе, и съ нимъ вмѣстѣ самый судъ, прежде всего отъ процессовъ политическихъ и процессовъ печати.

«Не будемъ мы участвовать въ политическихъ процессахъ — восклицаетъ по этому поводу Спасовичъ — ни въ процессахъ печати; но мы будемъ хлопотать по векселямъ и заемнымъ письмамъ, но мы будемъ ходить защищать кражи со взломомъ и убійства на судѣ съ присяжными, но мы будемъ осуществлять судебные уставы. Въ сухихъ словахъ, въ сухихъ статьяхъ будетъ все-таки дышать и проявляться могучій духъ, которымъ проникнуты были уставы въ моментъ ихъ зачатія... Вольнолюбцами мы родились, вольнолюбцами мы будемъ... Духъ учрежденій не уходитъ изъ него никакъ, не вывѣтривается. Онъ сильнѣе косметическихъ эссенцій и мускуса» [1]).

Но область примѣненія «косметическихъ эссенцій и мускуса» все расширялась: духъ свободной защиты пытались вытравить по всякимъ дѣламъ, а не только по тѣмъ, гдѣ власть непосредственно заинтересована. Эта стрѣла вонзалась глубже, въ самую основу института — и она была особенно опасна потому, что была брошена, заправленная ядомъ, такимъ сильнымъ стрѣлкомъ, какимъ былъ ученый криминалистъ и оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента, Неклюдовъ.

---

1) Застольныя рѣчи, 41.

Для Спасовича она была къ тому же и лично чувствительна: Неклюдовъ былъ одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и любимыхъ нѣкогда учениковъ его.

Это было въ серединѣ 80-хъ годовъ, въ періодъ, когда первыя удачи новаго реакціоннаго режима окрыляли его розовыми надеждами на быстрое искорененіе всѣхъ золъ, и когда на пути къ этой цѣли оставалось только одно препятствіе: духъ реформы, всѐ еще витавшій надъ обществомъ. Это было время, когда Спасовичъ съ ужасомъ думалъ о Катковѣ, что «этотъ зловѣщій старикъ, съ красными, какъ у американскаго кондора, ободками у почти бѣлыхъ глазъ, можетъ пережить меня, васъ и всѣ учрежденія, и есть единственный великій человѣкъ не особенно важной эпохи, въ которой намъ посчастливилось жить» [1]).

Въ это-то время Неклюдовъ выступилъ со своимъ знаменитымъ заключеніемъ по дѣлу Мельницкихъ, въ которомъ, ополчаясь противъ суда присяжныхъ за частые оправдательные приговоры, взвалилъ всю тяжесть этого грѣха на злоупотребленія защиты, которая-де «одними средствами защищаетъ отъявленнаго злодѣя и человѣка, случайно попавшаго въ преступленіе, и настаиваетъ во что бы то ни стало, чтобы ей былъ отпущенъ ея «Варавва» и распинаетъ ради сего свидѣтелей и потерпѣвшихъ, и обвинительную власть, и даже самый законъ».

Спасовичъ явился въ сенатъ отстаивать вердиктъ присяжныхъ, вѣрнѣе, защищать самый судъ присяжныхъ, ибо, говорилъ онъ, «по настоящему дѣлу судятся не лица, не Мельницкіе, Дорвойдтъ, Гетманчукъ, которыхъ я вовсе не знаю, которые представляются для меня, какъ условные знаки, а обвиняется и судится самъ ин-

1) Тамъ же, 37.

ститутъ присяжныхъ, обвиняемый въ дурномъ и неправильномъ дѣйствованіи. Этотъ институтъ выросъ на нашихъ глазахъ, взлелѣянъ нашими руками, на него мы молились, его мы нѣжили и чествовали, а теперь, можетъ быть, будемъ собственными руками разрушать. Неправда ли, впечатлѣніе, похожее на то, какое бываетъ у паціента передъ ампутаціей, когда собираются ему отрѣзать кусокъ его же тѣла. Я не въ правѣ вносить въ дѣло личную страсть, но да будетъ мнѣ разрѣшено, въ виду того, что разбирается живой и наболѣвшій вопросъ, говорить, не стѣсняясь и называя вещи ихъ надлежащими именами вполнѣ и совершенно откровенно, выразить безъ иносказаній, какими онѣ мнѣ представляются» [1]).

Эта боязнь за судьбу дорогого учрежденія, которая частью лежала въ его рукахъ, заставила, повидимому, Спасовича быть сдержаннымъ и по мучительному для него вопросу о правахъ защиты. Онъ только извинился, что «не въ состояніи говорить совершенно хладнокровно», и закончилъ свое вступленіе къ рѣчи слѣдующими словами: «Здѣсь предлагаемы были крутыя мѣры для обузданія рѣчей защиты. Эти мѣры еще не приняты, слово защиты еще свободно; да будетъ и мнѣ позволено, можетъ быть, въ послѣдній разъ, воспользоваться имъ во всемъ объемѣ этой свободы».

Но тотчасъ послѣ засѣданія былъ предпринятъ, по плану Спасовича, со стороны адвокатуры шагъ — единственный, насколько мнѣ извѣстно, во всей исторіи нашей адвокатуры. Въ печати появился составленный, судя по стилю, Спасовичемъ, протестъ отъ имени сеньоровъ сословія — всѣхъ бывшихъ со дня учрежденія

---

1) Сочиненія, VII, 61. Рѣчь по дѣлу Мельницкихъ.

адвокатуры предсѣдателей совѣта: Стасова, Арсеньева, Спасовича, Унковскаго и Люстиха.

Этотъ протестъ, нынѣ многими уже забытый, многимъ совершенно неизвѣстный, стоитъ того, чтобы его, хоть въ нѣкоторыхъ частяхъ, освѣжить въ памяти.

«Г. Неклюдовъ освѣтилъ предметъ — говорится въ протестѣ — такимъ образомъ, что злоупотребленія защиты составляютъ, если не исключительную, то главную причину частыхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей... и наступленія, будто бы, «судебнаго потопа», который сметаетъ учрежденія, подобно тому, какъ, по приводимымъ ораторомъ словамъ книги Бытія, всемірный потопъ истреблялъ съ лица земли все живое, отъ человѣка до скотовъ и птицъ небесныхъ...

«Мы считаемъ долгомъ заявить, что невѣрно, будто бы защита по уголовнымъ дѣламъ только то и дѣлаетъ, что распинаетъ на крестѣ и вопіетъ объ отпущеніи ей ея Вараввы; что дѣло суда и правды немного выиграетъ отъ того, если бы свобода защиты была поставлена въ рамки, начертанныя г. Неклюдовымъ, при установленіи которыхъ пропала бы, въ сущности, всякая свобода защиты.

«Защитникъ — не судья, онъ не выдаетъ того, что произноситъ, за безусловную истину, онъ часто не воленъ въ избраніи надлежащей почвы для защиты... По своему назначенію защита въ правѣ предлагать только то, что располагаетъ въ пользу подсудимаго. Нравственно она обязана, конечно, держаться какъ можно ближе правды, быть по возможности искреннею, но никакихъ положительныхъ правилъ на этотъ счетъ предписать ей нельзя, все зависитъ отъ индивидуальныхъ качествъ защитника, отъ его чутья и такта...

«Предписывать защитѣ планъ дѣйствій, внушать ей, какое должно быть ея содержаніе, равносильно уничто-

женію ея свободы, наложенію на нее кандаловъ. Останется отъ нея только декорація, въ дѣйствительности органъ будетъ атрофированъ, а отъ его безсилія самъ судебный организмъ сдѣлается хромающимъ и увѣчнымъ... Атрофія защиты поведетъ къ такой же атрофіи обвиненія. Уже нынѣ замѣтно убываніе въ прокуратурѣ тѣхъ блистательныхъ талантовъ, которые ее въ прежнее время украшали...»[1]).

Во всемъ протестѣ, мѣстами заправленномъ горькимъ сарказмомъ, чувствуется глубокая, тревожная боль: моментъ былъ очень отвѣтственный — гроза нависла надъ двумя самыми драгоцѣнными частями судебной реформы. Самая мысль, обратиться къ такой небывалой, особенно въ то время, формѣ самозащиты, указываетъ, каково должно было быть на душѣ у тѣхъ, кому предлагали либо отречься отъ свободы защиты, либо принять на себя грѣхъ дискредитированія суда присяжныхъ. И кто знаетъ: быть можетъ, эта мужественная, откровенная и, главное, публичная защита за-разъ обѣихъ угрожаемыхъ позицій остановила на мигъ наступательное шествіе къ окончательному закрѣпощенію свободы слова.

Но въ то же самое время, и, если угодно, въ томъ же направленіи пришлось адвокатурѣ выдержать натискъ и съ другой стороны — со стороны общества. Я говорю: «въ томъ же направленіи», ибо и общество, въ сущности, требовало ограниченія свободы защиты. Общество, только что пробужденное къ жизни, не имѣя самыхъ элементарныхъ условій для проявленія свободы мысли и слова, накинулось со всею страстностью порыва молодыхъ силъ, на единственную открытую трибуну: отъ нея оно требовало просвѣтленія, отъ нея требовало

---

1) Тамъ же, 85-90.

насажденія опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ. И не того идеала правового государства, къ которому и судъ и адвокатура приближали общество уже въ силу своихъ функцій: общество не этого требовало и этимъ не удовлетворялось.

Оно даже не удовлетворялось тѣмъ, что адвокаты, какъ таковые, какъ люди, — наконецъ, какъ организація, болѣе свободная, болѣе открытая, — могутъ оказывать свое вліяніе на общественную жизнь. Нѣтъ, общество требовало, чтобы адвокатура отреклась отъ защиты низменнаго права, того ничтожнаго, мелкаго, часто непопулярнаго права, которое топчется въ грязь изо дня въ день, вдали отъ большой дороги крупныхъ общественныхъ движеній и интересовъ. Мало того: оно требовало себѣ — и это самое ужасное — оно требовало себѣ того же, о чемъ вопила вооруженная полицейскимъ кулакомъ власть: оно объявляло, что оно знаетъ наперед, гдѣ судебная правда, и казнило адвокатуру за то, что она обѣляетъ «отъявленныхъ злодѣевъ». Въ своей близорукости, жертвою которой пали самые выдающіеся люди эпохи, оно не понимало, что, только исполняя свой долгъ во всемъ объемѣ, только расширяя базу своихъ дѣйствій, адвокатура можетъ оказаться животворною силою даже для той цѣли, которою общество интересовалось, — для политическаго обновленія родины. Только при этихъ условіяхъ она сохраняетъ значеніе необходимой общественной функціи, — необходимой для огражденія всякой свободы, въ томъ числѣ и свободы политической.

Спасовичъ былъ изъ тѣхъ, которые превосходно понимали, въ какой мѣрѣ необходимо адвокатамъ, каждому въ отдѣльности, и адвокатурѣ въ цѣломъ, какъ союзу, какъ организаціи, не чураться участія въ общеполитической жизни своей страны и даже Европы. Онъ

это высказалъ въ горячей рѣчи по поводу инцидента съ вѣнкомъ на могилу Гамбетты:

«Не робѣйте и смѣло откликайтесь, когда будутъ происходить кругомъ событія, въ которыхъ подобаетъ заявить себя гражданами и вообще европейцами. Не говорите: наша хата съ краю—ничего не знаю. Остальной міръ намъ нипочемъ, лишь бы намъ предоставили поѣдать травку на нашемъ лугу, лишь бы насъ не сгоняли съ нашего подножнаго корма, а то при выходѣ нашемъ за этотъ лугъ насъ прихлопнутъ. Эта политика была бы невѣрная. Россія прорѣзана струями другихъ западно-европейскихъ теченій. Одно изъ этихъ теченій идетъ по западно-европейскому каналу, именуемому судебными уставами и открытому для плаванія въ 1866 году. Каналы эти можно закрыть совсѣмъ и землею засыпать, но это произойдетъ независимо отъ насъ — просто потому, что всѣ сѣтки каналовъ можно засыпать. Мы уйдемъ вмѣстѣ съ городовымъ положеніемъ, съ присяжными засѣдателями, съ безцензурною прессою, съ тысячею другихъ благъ: да будемъ же мы упразднены, какъ люди безбоязненные и вольные, съ перьями на шляпахъ и со шпагами, не покупавшіе существованія своею уступчивостью, не отдѣлявшіе себя отъ среды, отъ интересовъ общества и даже отъ общенія съ жизнью европейскою» [1]).

А между тѣмъ, именно къ Спасовичу обращены были самые злобные, самые язвительные упреки — изъ устъ Салтыкова, Достоевскаго, — упреки въ томъ, что адвокатура, горячо заявившая по началу о своей солидарности съ вопросами жизни, затѣмъ превратилась въ ремесло, — что она стала защищать Овсянниковыхъ, Мясниковыхъ и Кроненберговъ.

---

1) Заст. рѣчи, 35-36.

Спасовичъ говоритъ объ этихъ, обрушившихся на него, обвиненіяхъ, на обѣдѣ 1874 г., въ полушутливой и даже добродушной формѣ по адресу самыхъ яростныхъ враговъ своихъ.

«Для нашего брата больно наша эпоха немилостива и сердита. Всѣ въ насъ вцѣпились, всѣ насъ ругаютъ и хлещутъ, а между ними тотъ великій сатирикъ, который и есть единственный хорошій прозаикъ нашей эпохи» [1]).

«Никогда еще не гордился я больше тѣмъ, что принадлежу къ сословію петербургской адвокатуры, — говоритъ онъ нѣсколькими годами позже — что посвятилъ себя этой опальной нынѣ профессіи и даже, что эта профессія обрѣтается нынѣ въ опалѣ; есть опалы, которыя честнѣе чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія... Въ началѣ судебной реформы въ народныхъ представленіяхъ положенъ былъ во главу угла реформы не судья, а адвокатъ, и являлся онъ въ какомъ-то фантастическомъ ореолѣ, какъ чародѣй Орфей, спасающій невинныхъ, истребляющій чудовища, совершающій одни только добрыя дѣла. Ореолъ былъ утрированный, послѣдовало неизбѣжное развѣнчаніе и соотвѣтствующее прежнему напрасному величанію втаптываніе въ грязь» (рѣчь 1878 г.) [2]). «Есть интересы, въ данную минуту непопулярные, а между тѣмъ вполнѣ законные. Присяжный повѣренный никогда не долженъ быть въ рабскомъ отношеніи къ общественному мнѣнію, лакействовать передъ этимъ мнѣніемъ. Идеаломъ для адвокатуры должно служить такое состояніе, когда самый непопулярный интересъ, насколько онъ законенъ, можетъ легко себѣ найти своего бойца [3])... Если на такихъ основаніяхъ будетъ держаться

1) Заст. рѣчи, 9.
2) Тамъ же, 18.
3) Заст. рѣчи, 43.

нашъ союзъ, то не одолѣютъ насъ враги, хотя бы на нашу утлую храмину направлены были всѣ громы краснорѣчія, всѣ заряды изъ Священнаго Писанія, изъ книгъ Библіи или Экклезіаста». И, суммируя свое отношеніе къ роли суда и адвокатурѣ, среди современныхъ ему явленій, Спасовичъ провозглашаетъ тостъ: «Если бы я жилъ въ эпоху Руссо или даже Карамзина, я бы поднялъ тостъ: за добродѣтель. Если бы я былъ молодъ и жилъ еще въ годы гегеліанства, я бы провозгласилъ — за идею. Нынѣ мнѣ приходится поднять бокалъ за наисложнѣйшее и наипослѣднѣйшее изъ чувствъ-идей въ общественномъ быту: — за справедливость» [1]).

V.

Вы спросите: какова была по содержанію его адвокатская дѣятельность, какъ онъ защищалъ? Подкупалъ ли логикой или дѣйствовалъ на чувства? Бывалъ ли бурно-страстенъ или изящно-нѣженъ?

Не знаю. Есть любители разграфливать всю вселенную на клѣтки, — всѣ движенія души, всѣ творческіе помыслы раскладывать по ящикамъ: они вамъ, можетъ быть, отвѣтятъ на эти вопросы — даже по отношенію къ Спасовичу.

Есть другіе, которые разсортируютъ поученія, извлеченныя изъ сборника рѣчей любого оратора, —поученія объ отношеніи защиты къ подсудимому, къ суду, къ свидѣтелямъ, къ кліенту, — и свяжутъ изъ этихъ поученій сушеный букетъ благочестивыхъ правилъ, вродѣ тѣхъ, коими кормятъ доселѣ во Франціи молодыхъ стажьеровъ престарѣлые знаменоносцы сословія. Всѣ эти методы въ примѣненіи къ Спасовичу имѣютъ такую

1) Тамъ же, 39.

же приблизительно цѣну, какъ изслѣдованіе о томъ, употреблялъ ли Рафаэль больше желтой или синей краски. Для изученія процесса творчества такого мастера, какъ Спасовичъ, они ровно ничего не даютъ. Можно, конечно, возстановить въ воспоминаніи особенности рѣчи, движеній, особенности обстановки, но это все мелочи, детали, матеріалъ скорѣе для характеристики автора, чѣмъ его рѣчей.

Со Спасовичемъ въ одно время, или почти въ одно время, выступилъ на арену адвокатскаго служенія цѣлый рядъ первоклассныхъ ораторовъ : точно благословеніе Божіе пало на вновь вспаханную ниву русскаго суда. Тутъ были: Александровъ, Жуковскій, Пассоверъ, Урусовъ, Андреевскій; затѣмъ пошло затишье: земля перестала родить таланты, — но тѣмъ замѣтнѣе всѣ эти великаны выдѣляются теперь, каждый со своимъ особымъ обликомъ, легко отличаемымъ.

Создались для нихъ даже ходячія характеристики, довольно мѣткія, близкія къ истинѣ: Жуковскій — язвительный, злой Мефистофель; Александровъ — рѣжущій съ холодною страстью скальпель; Андреевскій — чарующій эѳирнымъ изяществомъ эстетъ и т. д. Къ Спасовичу, изъ великановъ великану, никакой ярлыкъ не приклеенъ, и приклеенъ не будетъ.

Двѣсти слишкомъ лѣтъ литературные критики всѣхъ странъ и народовъ силились опредѣлить секретъ творчества Шекспира. И, наконецъ, послѣ безплодныхъ усилій, объявили устами Тэна, что гадать дальше нечего, ибо это было не творчество, а ясновидѣніе, и съ этою кличкою «ясновидца» Шекспиръ идетъ теперь въ литературѣ; съ нею, между прочимъ, онъ фигурируетъ и у самого Спасовича.

Для меня Спасовичъ въ ораторскомъ творчествѣ тотъ же ясновидецъ, — невѣдомыми, недосягаемыми для

насъ путями нащупывающій тотъ синтезъ образовъ и явленій, въ которомъ у него преломляется жизненный фактъ. Онъ не разсѣкаетъ, не анатомируетъ, а возсоздаетъ творческимъ геніемъ въ видѣ цѣлаго, сроденнаго, органически живущаго, а потому такъ непререкаемо убѣдительнаго, то, что нашему простому глазу представляется въ видѣ разсѣянныхъ крупицъ жизни.

И потому для него не писаны никакія схемы условнаго порядка или нарочитаго безпорядка, потому онъ дерзаетъ тамъ, гдѣ не дерзаетъ никто. Ему не страшно разомъ огорошить слушателя образомъ, въ которомъ вся суть, весь смыслъ защищаемаго положенія, который въ другихъ, болѣе дисциплинированныхъ рукахъ, долженъ бы раскрыться постепенно и выступить стройно, въ концѣ драмы; ему не страшно изображать со всѣмъ ужасомъ, то, для чего онъ, казалось бы, долженъ вызвать снисхожденіе (таково знаменитое введеніе къ защитѣ по дѣлу объ убійствѣ Зона): онъ чуетъ правду и знаетъ, что она его не оставитъ.

Ему не страшны интервалы, экскурсіи въ другія области, ему не страшно подниматься до высотъ философіи и спускаться до низинъ житейской прозы. Онъ — какъ рубенсовскіе титаны, огромные, ныряющіе въ первичной стихіи и изъ нея, играя, создающіе міры. Въ немъ таился запасъ этой первичной стихіи — той самой, изъ которой художники лѣпятъ по вдохновенію образы, никогда не бывшіе, но правдивые вѣчною правдою. Изъ этой самой матеріи онъ пересозидалъ, восполнялъ ближайшую, видимую всѣмъ намъ дѣйствительность.

Судебное краснорѣчіе есть тоже художество, — художество низшаго ранга, художество, исходящее для своихъ построеній не изъ міра предполагаемаго, а изъ міра сущаго, вынужденное держаться очень близко этого конкретнаго, сущаго міра. Спасовичъ вознесъ это ху-

дожество до той грани, на которой оно наиближе соприкасается съ высокими сферами вѣчныхъ твореній чистой поэзіи и чистой пластики. И достигалъ онъ этого не тѣми сверкающими въ его рѣчахъ, какъ блестки золота, картинными выраженіями, отдѣльными образами, другъ на друга громоздящимися и болѣе всего останавливающими на себѣ вниманіе поверхностныхъ цѣнителей, а художественнымъ проникновеніемъ и возсозданіемъ всего явленія — всей личности, всего дѣянія, всего комплекса житейскихъ или правовыхъ отношеній. И передъ этою всепокоряющею силою исчезали вопросы о томъ, какими внѣшними способами, — разложеніемъ или соединеніемъ, дедукціей или образами — твореніе проникало въ душу слушателя; тутъ исчезаютъ и всѣ бросавшіеся обычно въ глаза наружные дефекты: и запинающаяся рѣчь, и отсутствіе правильныхъ кадансовъ, и нечистое произношеніе и многое другое. А. Ѳ. Кони мѣтко подхватилъ процессъ въ душѣ слушателя, который, придя послушать «знаменитаго» Спасовича, сначала удивленно вопрошалъ себя: «какъ? неужели это Спасовичъ? не можетъ быть!» а затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, говорилъ себѣ: «а, вѣдь, пожалуй, это онъ!» и, наконецъ, восклицалъ съ восторгомъ: «да, это онъ и никто другой!». Ибо величественно было само твореніе, и ораторъ вырасталъ вмѣстѣ съ нимъ.

Сказать все это о творчествѣ Спасовича, значитъ, сказать не болѣе, чѣмъ, что Шекспиръ былъ ясновидецъ, но это значитъ, однако, не обманывать себя иллюзіями и не увлекаться тщетными потугами: путемъ микроскопическаго изслѣдованія вскрывать то, на чемъ лежитъ нетронутая печать творческаго генія.

Все сказанное относится къ Спасовичу, какъ уголовному защитнику. Принято думать, что онъ только и былъ уголовный защитникъ. Цивилиста общество у

насъ представляетъ себѣ, примѣрно, въ видѣ муміи, засушенной среди страницъ X-го тома, и ужъ, конечно, Спасовичъ подъ этотъ типъ не подходилъ. Никто потому, вѣроятно, не повѣрилъ бы, что, на самомъ дѣлѣ, Спасовичъ велъ — притомъ охотно и успѣшно — гражданскія дѣла, и главное, что писалъ онъ по гражданскому праву не меньше, чѣмъ по уголовному. Многимъ памятенъ турниръ его съ Пахманомъ въ юридическомъ обществѣ, по поводу кодификаціи гражданскаго права: Спасовичъ съ большою прозорливостью доказывалъ, что какъ судебные уставы, несмотря на продолжительную подготовку, явились вдругъ въ одну минуту, въ моментъ подъема народнаго духа, такъ будетъ и съ гражданскимъ уложеніемъ. «Въ котелъ бросили — такъ онъ объяснялъ эту мысль свою впослѣдствіи — куски желѣза, мѣди, золота, чугуна — затѣмъ трясутъ котелъ изо всѣхъ силъ. Выходитъ стукъ, звонъ, а сплава металловъ нѣтъ какъ нѣтъ, потому что для сплава нужна высокая температура, оживленіе идеями, подъемъ духа» [1]).

Въ собраніи рѣчей Спасовича напечатана серія рѣчей его по одному изъ самыхъ запутанныхъ вопросовъ гражданскаго права — по вопросу чиншевому. Рѣчи эти произвели переворотъ въ практикѣ сената, незадолго передъ тѣмъ провозгласившаго взглядъ, который Спасовичъ съ большимъ блескомъ и успѣхомъ оспаривалъ. Спасовичъ, повидимому, очень гордился и цѣнилъ успѣхъ этой своей кампаніи: онъ напечаталъ не только свои рѣчи, но и свою кассаціонную жалобу, и всю исторію сенатской практики, и полный текстъ рѣшенія, закрѣпившаго за нимъ побѣду. Казалось бы: что Гекуба ему, что онъ Гекубѣ? Почему именно процессъ о чиншевомъ правѣ — изъ ряда другихъ гражданскихъ

1) Заст. рѣчи, 49.

дѣлъ его — удостоился такой обработки, удостоился чести быть напечатаннымъ въ сборникѣ рѣчей? Есть и другая область гражданскаго права, которая еще менѣе подходитъ къ облику уголовнаго защитника, и которой, однако, Спасовичъ посвятилъ цѣлое изслѣдованіе, которую разрабатывалъ затѣмъ, какъ предсѣдатель особой комиссіи при юридическомъ обществѣ; это — акціонерныыя компаніи. И, наконецъ, третій крупный цивилистическій вопросъ, усиленно занимавшій Спасовича, былъ вопросъ о литературной собственности.

Въ самомъ выборѣ этихъ именно предметовъ сказывается весьма характерная черта: всѣ они далеки отъ унаслѣдованныхъ отвлеченныхъ схемъ римскаго права; всѣ они срощены еще живыми нитями съ современными или только что отжившими формами государственной и общественной жизни, еще не окончательно отвлечены отъ нихъ; ихъ надо еще обособлять, выдѣлять, надо проникать въ особыя ихъ жизненныя условія ранѣе, чѣмъ они войдутъ въ схему гражданскаго права. Чиншевое право есть одно изъ проявленій и послѣдствій полуличной, полуимущественной связи, занесенной къ намъ изъ средневѣковья и еще не окончательно ликвидированной. Спасовичъ пытается воскресить эти отношенія и, вызвавъ ихъ къ жизни, заставляетъ заговорить противъ ложнаго ихъ разумѣнія со стороны сената. Акціонерныя общества интересны для него по своему строенію, какъ отраженіе системы народоправства, съ вѣчемъ — общимъ собраніемъ, съ отвѣтственнымъ министерствомъ — правленіемъ и его президентомъ, иногда съ особымъ сенатомъ въ видѣ совѣта, и, наконецъ, съ рядовыми гражданами — акціонерами.

«Акціонерное дѣло въ своемъ теперешнемъ цивилистическомъ нарядѣ — говорилъ онъ — похоже на того

мальчика въ обтянутыхъ штанахъ и узкой курточкѣ, который растетъ не по днямъ, а по часамъ, и у котораго носимое имъ платье раъѣхалось по всѣмъ швамъ и рвется по всѣмъ складкамъ. Никто не станетъ отрицать близкую связь этого новаго вида торговыхъ товариществъ съ новѣйшими государственными учрежденіями».

Эти же аналогіи, въ весьма остроумныхъ иногда комбинаціяхъ, онъ приводилъ и въ комиссіи объ акціонерныхъ компаніяхъ при юридическомъ обществѣ. Интересъ, съ которымъ онъ предавался работѣ въ этой комиссіи, вообще чрезвычайно поражалъ всѣхъ насъ, его товарищей по комиссіи; и я приписываю его исключительно порубежному характеру института между двумя областями права, особенному вниманію къ процессу кристаллизаціи новыхъ гражданскихъ правъ изъ недиференцированной матеріи государственнаго общежитія.

Наконецъ, литературная собственность интересна была для Спасовича той борьбою, которая ведется изъза схематизаціи особливаго права на продуктъ умственнаго труда въ видѣ классическаго права собственности. И въ этой борьбѣ онъ съ горячностью отвоевываетъ для новаго права самостоятельную жизнь и, опираясь на Прудона, настаиваетъ на изъятіи его изъ сферы правъ собственности.

VI.

Таковы были, по мнѣнію Спасовича, цѣли и средства адвокатской дѣятельности; таково содержаніе собственной его адвокатской дѣятельности. Въ осуществленіи этой именно функціи средствами, ей только свойственными, онъ находилъ наиболѣе полное воплоще-

ніе своей философско - общественной вѣры, наиболѣе полное выраженіе борьбы повседневной за свободу личности. Но рядомъ съ функціею здѣсь было и нѣчто, что склонялось въ сторону второго полюса оси, — здѣсь была и особая общественная организація. И кто знаетъ, какой изъ этихъ полюсовъ былъ болѣе для него заманчивъ.

По крайней мѣрѣ, и въ рѣчахъ его, и во всей дѣятельности столько глубокаго вниманія, столько трогательной заботы посвящено было устройству этой «своей маленькой клѣточки», «своей теплой укромной избы», столько положено усилій крупнѣйшаго ума на сохраненіе той «купы», въ которой онъ все призывалъ держаться, чтобы вмѣстѣ побѣждать и гибнуть, что всякій, даже не зная міровоззрѣнія Спасовича и той цѣны, за которую онъ, романтикъ въ юности, купилъ для себя ученіе о необходимости держаться вкупѣ, не можетъ безъ особаго вниманія не остановиться на этомъ явленіи.

Уже въ первой своей застольной рѣчи, въ 1873 году, онъ заявляетъ: «Свобода наша имѣетъ свою точку опоры, свое достоинство, свой вѣсъ потому, что она основана на корпоративной организаціи, на стояніи въ каждомъ существенномъ вопросѣ всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ. Есть громадная сила въ каждомъ зародышѣ живой организаціи. Дайте двѣ-три статьи закона и клѣточку маленькую, безцвѣтную, — и изъ этой клѣточки въ какія-нибудь семь лѣтъ вырастетъ организмъ. Мы, сочлены въ государствѣ, въ которомъ вообще не разрѣшено сочленяться, соединяться, а сочленяемость достигается развѣ въ видѣ исключенія».

Но данная организація пріобрѣтаетъ для него особенную силу потому, что она добровольна — она покоится на такихъ началахъ, при которыхъ цѣлому уступается минимумъ свободы его членовъ. Въ той рѣчи,

которою Спасовичъ проводилъ съ предсѣдательскаго мѣста въ совѣтѣ К. К. Арсеньева въ 1874 году, содержатся слѣдующія замѣчательныя строки: «По чувству самосохраненія, мы изобрѣли и возложили на себя вериги самой строгой, самой безпощадной дисциплины, вслѣдствіе которой мы не колеблясь жертвуемъ своимъ вкусомъ, своими мнѣніями, своею личною свободою тому, что изречетъ громада — великій человѣкъ. Это подчиненіе особаго рода не физическому человѣку, не людямъ, а началу, — себѣ лично, себѣ же самому, съ безличной громадской стороны разсматриваемому, есть такая великая и дивная сила, которая способна совершать чудеса и которую ощущаешь только тогда, когда она изъ насъ исходитъ».

Но Спасовичъ превосходно сознавалъ, что только дотолѣ, доколѣ живо самоограниченіе, жива и свобода, и потому онъ съ монотонною неумолимостью продолжаетъ твердить изъ года въ годъ о необходимости установить «рядомъ съ терпимостью этнографическою, великую и строгую нетерпимость этическую».

«Всякое послабленіе преступно, останется форма, но разрушится цементъ корпораціи — взаимное уваженіе. Коль скоро корпорація сдѣлается пріютомъ для всякаго, хотя бы нечистоплотнаго народа, то порядочные люди уйдутъ... Слово наше бываетъ цѣнимо и уважаемо потому, что оно слово присяжнаго повѣреннаго, что за каждымъ изъ насъ стоитъ корпорація. Пока есть организація — все спасено, мы ничего не боимся».

И, сознавая всю важность поддержанія въ организаціи строгой нравственной дисциплины, онъ самъ становится у руля шхуны и въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій тратитъ громадныя залежи энергіи и умственныхъ силъ на то, чтобы «компасъ и снасти» сохранить въ цѣлости.

Прощаясь съ «бравымъ» своимъ предшественни-

комъ, Спасовичъ открываетъ ему еще одну часть своего капитанскаго регламента:

«Правила нашего судна таковы, что вольно на него вступить, вольно и уйти; неволя наша только въ томъ, чтобы, пребывая на суднѣ, извѣстнымъ образомъ жить».

Вольно вступить и вольно уйти — эта вольность была ему не менѣе дорога, чѣмъ «этическая нетерпимость» и «извѣстный образъ жизни», ибо онъ понималъ эту вольность не только въ смыслѣ отрицанія принципа принудительности въ самомъ союзѣ: онъ разумѣлъ ее въ смыслѣ той широкой терпимости, которой чуждались до сихъ поръ всѣ наши государственныя и общественныя организаціи. Его мысль, какъ политика, какъ европейца, не постигала свободнаго союза съ свободно установленною дисциплиною, рядомъ съ какими бы то ни было стѣсненіями, въ зависимости отъ политическихъ убѣжденій, отъ вѣры, происхожденія. Тутъ не было никакой сентиментальности — было просто твердое, какъ кремень, убѣжденіе культурнаго, политически-умнаго человѣка. Онъ любилъ сравнивать адвокатское сословіе съ казацкимъ кошемъ,куда всякому пришлому былъ доступъ, если онъ только брался храбро и честно сражаться за общую справу, или съ римскимъ asylum, гдѣ «мы стоимъ и съ радостью подаемъ братски руки бѣглецамъ, которые по красноватому цвѣту своихъ убѣжденій найдены неподходящими въ другомъ мѣстѣ.» И онъ же предвидѣлъ полный развалъ и паденіе, если хоть на мигъ это правило будетъ забыто: никакія грозы извнѣ, никакое помраченіе политическаго сознанія не казались ему такъ страшны, какъ это возможное помутненіе понятія объ элементарной основѣ истинно-свободнаго общественнаго единенія.

«Бояться ли намъ того, что министерство юстиціи

ударитъ насъ по шапкѣ и предложитъ отмѣнить организацію? Отмѣнить можно и присяжныхъ засѣдателей, и несмѣняемыхъ судей, и самые судебные уставы... Уйти съ честью, сражаясь до послѣдней мниуты, — не бѣда: бѣда постыдно устать, бѣда самимъ наложить на себя руку. Вотъ чего я боюсь, и противъ чего надобно общими силами обороняться. Вы меня спросите: да какъ же такъ, да развѣ это возможно? Да, къ несчастью, оно очень возможно. Я вамъ объясню, какъ эта бѣда можетъ произойти. Она произойдетъ, когда мы забудемъ, что мы вольное братство, когда мы запремъ входъ въ это братство сначала еврею, потомъ татарину, нѣмцу, поляку и всякому иному, кромѣ русскаго, языку; когда мы будемъ ставить нашъ сословный мелкій интересъ выше общественнаго и государственнаго».

Съ этой же точки зрѣнія онъ вытравливалъ изъ корпоративной жизни всякую тенденцію къ келейности, къ закупориванію оконъ для прегражденія доступа свѣту снаружи.

Съ особенною рѣзкостью онъ выступилъ противъ этихъ пріемовъ въ застольной рѣчи по поводу, такъ называемаго, птицынскаго дѣла. Присяжный повѣренный Птицынъ напечаталъ памфлетъ, въ которомъ изобличалъ — по мнѣнію многихъ, ложно — дѣятельность петербургской адвокатуры. Въ совѣтѣ возникъ вопросъ о привлеченіи его къ дисциплинарной отвѣтственности, такъ какъ въ оклеветаніи товарищей усматривалось позорящее честь дѣяніе. Спасовичъ со всею силою возмущенія обрушился на эту мѣщанскую точку зрѣнія, и когда ему удалось одержать верхъ въ совѣтѣ, то предался по этому поводу ликованіямъ на очередномъ совѣтскомъ обѣдѣ:

«Для меня лично это воспоминаніе свѣтлое: оно наглядно доказало, что наше сословіе не изображаетъ со-

бою медвѣдя во время зимней спячки, что оно отзывчиво, что въ немъ есть страсти, что борьба мнѣній въ немъ ведется... Но этого мало. Я не могу не заявить, что это воспоминаніе не только для меня, но и для сословія будетъ свѣтлое и славное; мы будемъ гордиться, что мы это рѣшеніе провели... Бѣда была бы, если бы мы отступили отъ нашихъ принциповъ, отъ нашихъ преданій, отъ духа нашего учрежденія съ самаго его основанія. Говорятъ, что Птицынъ виноватъ, потому что состоитъ въ особомъ положеніи относительно корпораціи, что онъ въ нее проникъ и знаетъ ея тайны, что ему, какъ присяжному повѣренному, скорѣе повѣрятъ, чѣмъ не присяжному повѣренному. Это, въ сущности, старое, гадкое, отвратительное правило: не смѣй изъ избы сору выносить... Господа-товарищи, чистота — дѣло вкуса, не хочу я жить въ избѣ, которая не метется, не хочу по соображеніямъ чисто - санитарнымъ... Моя адвокатская дѣятельность была и будетъ публичная, я хочу, чтобы она таковая была, — мы точно на площади стоимъ подъ стекляннымъ колпакомъ и ничего не боимся» [1]).

Такъ Спасовичъ сколачивалъ союзъ людей вольныхъ, такъ онъ направлялъ одинокій общественный корабль. Чаще всего кораблю приходилось идти въ штормъ, въ ненастье, и кормчему было не до заботъ о регламентѣ: необходимо было поддерживать духъ экипажа, который нѣтъ-нѣтъ да оставитъ корабль, и главное, устанетъ въ борьбѣ съ непогодою. Въ эти минуты нашъ капитанъ былъ несравнимъ. Какія бы мрачныя тучи ни собирались кругомъ — а онъ менѣе всего склоненъ былъ недооцѣнивать ихъ силу, — онъ всегда находилъ нужное бодрящее слово: онъ его черпалъ изъ своего опыта, изъ своей метафизической вѣры, а чаще всего изъ своего дѣя-

---

1) Заст. рѣчи, 63-64.

тельнаго, живого, на борьбу закаленнаго и до борьбы охочаго темперамента: «Тучи сходятся и расходятся, а солдатъ долженъ стоять на своемъ посту... Бываютъ эпохи, когда мы теряемъ компасъ и идемъ наугадъ, не зная куда, когда работаемъ не на прибыль, а на убыль,— тогда и есть заслуга стоять при знамени, крѣпиться и дѣйствовать... Пока мы не извѣрились въ вѣковѣчные идеалы, въ добро, красоту и человѣчность; пока мы соединены въ одно, этимъ цементомъ держимся въ кускѣ; пока живемъ по братски, — будущность еще наша, и мы передадимъ нашъ свѣточъ нашимъ преемникамъ... Жизнь русская устроена такимъ образомъ, что у народа въ его молодомъ еще возрастѣ сильнѣе инстинктъ, чѣмъ рефлексія, что онъ дѣйствуетъ болѣе по внезапному порыву, нежели по системѣ и съ выдержкою, и что великъ онъ въ строю, но особи, изъ коихъ состоитъ строй, и мелки, слабы, и неустойчивы. При сильномъ вѣяніи общественности они — герои, но, когда вѣяніе прекратилось, они падаютъ и подвергаются удивительнѣйшимъ превращеніямъ... При такихъ роковыхъ условіяхъ громадной по размѣрамъ общественности, всякая ячейка есть часть общаго цѣлаго, но часть дѣйствующая: она взаимно подвергается дѣйствію извнѣ и сама по рефлексу воздѣйствуетъ на цѣлое. Въ эпоху акціи она должна быть однимъ изъ факторовъ этой общественной акціи, а въ эпоху реакціи она должна сопротивляться стѣсняющимъ ее внѣшнимъ вліяніямъ и сохранять по возможности остатки жизненной теплоты, стараться, чтобы не быть сдавленною, заморенною и изуродованною, чтобы не выродиться и не отойти отъ своего назначенія».

Въ маѣ 1882 года, среди мрака сгустившейся реакціи эпохи Александра III, онъ вопрошалъ: «Неужели это начало конца? Неужели мы присутствуемъ при окончательномъ вымираніи цѣлой лжецивилизаціи,недоразвив-

шейся до настоящей культуры и мелькнувшей обманчивымъ призракомъ, приведшимъ въ заблужденіе цѣлые два вѣка? Происходитъ ликвидація цѣлаго громаднаго періода Россіи петровской.Умеръ взаправду ты, гигантъ на бронзовомъ конѣ, взмахомъ весла котораго неслась до сихъ поръ Россія по волнамъ всемірной исторіи... Ты теперь опозоренъ, — низвергнись поскорѣе въ пропасть, надъ которою ты повисъ на твоемъ конѣ, вздернутомъ на дыбы. Твое прошло, теперь ихъ чередъ, тѣхъ, которыхъ ты якобы устранялъ. Добрую половину остатка моей жизни отдалъ бы я за то, чтобы то, что я испытываю, оказалось кошмаромъ».

Картина такъ сумрачна, острый ножъ сомнѣнія такъ глубоко, казалось бы, вонзается въ самую сердцевину государственной жизни, что исхода нѣтъ. И тѣмъ не менѣе, Спасовичъ бодръ. «Есть въ мірѣ и физическомъ и общественномъ законъ вѣчности и неистребимости силы. Есть еще другой законъ, міровой, соціальный — преемственности идеи. Я твердо вѣрю, что осуществленію идеи великаго Петра одними только дѣйствіями верховной власти насталъ конецъ, но значительная доля этой идеи живетъ уже во всемъ русскомъ обществѣ и можетъ быть воплощаема имъ...Какіе бы ни были смуты и ураганы, вѣрю, что наше цѣлое вытащитъ насъ, что насъ спасетъ витающій въ обществѣ донынѣ духъ Петра Великаго».

Когда затѣмъ — много лѣтъ спустя, уже нынѣшнею весною — дѣйствительно обнаружилось, что значительная доля петровской идеи живетъ въ русскомъ обществѣ и будетъ осуществлена имъ, то Спасовичъ, уже догорая, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, писалъ М. М. Стасюлевичу, точно торжествуя свою побѣду: «Я счастливъ, что дожилъ до нашего тревожнаго времени и не мирюсь съ пессимистическимъ взглядомъ на нашего Яну-

са», а черезъ мѣсяцъ, 21 мая, все еще исполненный бодрой надежды, писалъ: «У правительственныхъ министровъ, мало, впрочемъ, образованныхъ, находится, однако, довольно здраваго смысла, чтобы понять, что Думу, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ разгонять». Увы, этотъ разсчетъ Спасовича на здравый смыслъ, какъ извѣстно, не оправдался...

Диѳирамбомъ въ честь будущаго торжества идеи звучитъ, наконецъ, слѣдующій, быть можетъ, самый сильный изъ призывовъ [1]): «Настоящее настроеніе — это упадокъ духа и нытье, пессимизмъ и хныканіе, отсутствіе всякихъ надеждъ... Не хочу я заниматься этой современностью, бѣгу отъ нея и всячески хочу спасаться. Есть разные пути спасенія. Есть люди блаженные потому, что имѣютъ вѣру религіозную. У кого нѣтъ религіозной вѣры, у того можетъ быть другое счастье: метафизика, философская иронія по отношенію къ царящей неправдѣ и отрицаніе настоящаго потому, что оно — призракъ, потому что оно только кажущееся, а настоящее дѣйствительное — это тѣ свѣточи, которыхъ нѣтъ въ природѣ, которые только въ сознаніи нашемъ существуютъ, но которые побѣдятъ, хотя они только умственныя созданія или, можетъ быть, мечты воображенія: красота, правда и добро. Вы, можетъ быть, этой метафизики не понимаете, но я, старый человѣкъ, учился еще у Гегеля, а чѣмъ раковина въ молодости своей питается, тѣмъ она и въ старости отдаетъ. Въ моемъ метафизическомъ настроеніи я отрицаю теперешній Берлинъ, желѣзнаго канцлера и тотъ сапогъ, которымъ онъ придавилъ колѣнопреклоненную Европу, съ Россіей включительно... Я отрицаю чудовищный союзъ всякаго первосвященника, всякаго владыки души съ владыкою

---

1) Заст. рѣчи, 45-47.

тѣлесъ... Я многое еще отрицаю, прогоняю, какъ кошмары, всякую нетерпимость религіозную и національную, всякое рабство нравственное, всякую тираннію. Для меня безразлично, что надо мною будутъ будутъ смѣяться люди довольные, люди положительные, — пусть называютъ меня галлюцинатомъ, визіонеромъ. Ясновидѣніе и галлюцинація — вѣдь это понятія относительныя. Я убѣжденъ, что если бы нашлось побольше галлюцинатовъ, если бы они дѣйствовали рука въ руку, если бы они очутились въ извѣстномъ количествѣ въ маленькой, въ крошечной, — хотя бы такой, какъ наше сословіе, — организаціи (а извѣстно, что всякая организація есть могучая сила), то мы бы были способны осрамить этихъ людей положительныхъ и осуществить нашу метафизику, наши мечты воображенія. Сомкните же ваши ряды, товарищи. Учинимъ торжественное возліяніе за якобы несуществующее, а между тѣмъ, единственное реальное, за то, что одно даетъ цѣну жизни — за правду, за добро, за возстановленіе той цѣпи преданій, которая васъ, молодыхъ, свяжетъ со слишкомъ забытымъ поколѣніемъ, изъ котораго я, старикъ, вышелъ, — съ людьми сороковыхъ годовъ».

Иматра, 1906 г.

МУРОМЦЕВЪ

(1910)

Это было въ маѣ нынѣшняго года. Въ той самой Національной гостинницѣ, въ которой онъ пять мѣсяцевъ спустя, съ такою суровою для насъ неожиданностью, почилъ навѣки, мы съ нимъ сидѣли два дня подъ рядъ, работая надъ общимъ адвокатскимъ дѣломъ; въ перерывахъ весело болтали, подшучивая надъ ожидавшейся въ ту ночь кометой Галлея и связанными съ нею зловѣщими пророчествами. Онъ былъ необыкновенно бодръ, почти моложавъ. Явился ко мнѣ въ первый день утромъ и просидѣлъ до третьяго часа ночи, прервавъ занятія лишь къ вечеру часа на три, въ теченіе которыхъ производилъ экзаменъ въ Коммерческомъ институтѣ. Часовъ въ 9 вернулся и, несмотря на такую интенсивную цѣлодневную работу, продолжалъ заниматься со всею свѣжестью умственныхъ силъ.

Размышленія о кометѣ Галлея нѣтъ-нѣтъ да врывались въ нашу работу. Муромцевъ съ точностью и полнотою изложилъ и даже изобразилъ графически весь планъ путешествія коварной кометы, передавалъ, улыбаясь, слышанные имъ въ конкѣ разговоры старухъ и увѣрялъ, что вотъ-вотъ черезъ часъ смететъ она насъ, пожалуй, вмѣстѣ со всѣмъ земнымъ шаромъ.

— Такъ неужели же, С. А., — говорю я, — это событіе должно насъ застать за столь скучнымъ судебнымъ дѣломъ? Давайте, поболтаемъ.

— Давайте.

— Знаете, чѣмъ я теперь занятъ? — началъ С. А. бесѣду. — Подготовляю законопроекты для будущей «нашей» Думы. Не улыбайтесь. Нужно, чтобы все было готово въ совершенно законченномъ, средактированномъ видѣ. Бѣда наша въ томъ, что мы никогда не готовы. Когда настанетъ моментъ, необходимо, чтобы мы могли въ нѣсколько дней принять нужные законы

— А такъ ли скоро настанетъ?

— Скоро ли? Это вамъ въ Петербургѣ лучше знать — отвѣтилъ онъ съ полуиронической улыбкой. —Только настанетъ несомнѣнно. А потому надо готовиться.

Вспомнился мнѣ при этомъ разговоръ, который мы вели ровно пять лѣтъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1905 года, въ Петербургѣ, гуляя по большой пріемной залѣ кассаціоннаго департамента Сената. Муромцевъ тогда поразилъ меня еще больше теперешняго. То было время незажившихъ еще ранъ 9 января, все новыхъ позоровъ японской войны, безсильнаго, но тупого упорства старой власти, не сдавшей пока ни одной изъ своихъ позицій.

— Знаете что — говорилъ мнѣ въ ту минуту Муромцевъ — конституція-то у насъ будетъ, а вотъ, когда будетъ конституція, и парламентъ будетъ собранъ, люди съѣдутся, и никто не будетъ знать, куда сѣсть, куда встать. Не смѣйтесь, пожалуйста, если скажу вамъ, что я пишу уже инструкцію для нашего будущаго парламента и для этого изучаю всѣ иностранные регламенты.

Онъ такъ и говорилъ: «инструкція», «парламентъ»; не было еще русскихъ словъ для обозначенія того, что ему мерещилось вдали. Онъ и не надѣялся лично быть въ «парламентѣ» и приводить въ исполненіе свою «инструкцію»: отъ Москвы де онъ могъ бы быть только

пятымъ — именно пятымъ — кандидатомъ [1]), но пяти депутатовъ вѣдь Москвѣ не дадутъ. А спустя годъ съ небольшимъ онъ былъ предсѣдателемъ Думы, на обложкѣ муромцевской работы было начертано: «Наказъ Государственной Думы», и этотъ наказъ былъ положенъ въ основу всей работы нашего народнаго представительства.

Въ ночь кометы Галлея, въ ночь чудовищныхъ возможностей, это сопоставленіе двухъ разговоровъ могло показаться вѣщимъ.

Но мы на немъ не останавливались, перешли къ другимъ темамъ: къ профессорской работѣ, которая все болѣе его засасывала и изнуряла — приходилось читать чуть ли не 15 или 20 часовъ въ недѣлю въ разныхъ мѣстахъ, — къ адвокатской дѣятельности, болѣе покойной въ послѣдніе годы, носящей почти исключительно консультаціонный хараректеръ. Вся бесѣда, всѣ его замѣчанія носили отпечатокъ полной уравновѣшенности человѣка, который не растерялся подъ вліяніемъ испытанныхъ перемѣнъ, а нашелъ себя вновь во всѣхъ областяхъ привычной своей дѣятельности и мужественно и спокойно ждетъ грядущихъ событій.

Попрощались мы, «быть можетъ, навсегда». Слова эти были сказаны имъ шутливо, въ разсужденіи все той же кометы Галлея, въ томъ же коридорѣ гостиницы, откуда теперь пронесли его бренные останки. И въ нѣкоторой мѣрѣ вѣдь оправдались и эти слова. Одинъ

---

1) Первымъ кандидатомъ представлялся ему тогдашній городской голова кн. Голицынъ; вторымъ, если не ошибаюсь, Д. Н. Шиповъ; третьимъ « нѣкій Гучковъ, человѣкъ съ энергическою купеческою складкою, ѣздившій на Дальній Востокъ и сумѣвшій понравиться въ сферахъ »; четвертымъ, не помню, кого называлъ, только не себя.

только разъ видѣлись мы съ тѣхъ поръ — одинъ только слѣдующій день.

Онъ пришелъ ко мнѣ утромъ, — мы быстро засѣли за работу, отъ времени до времени прерывая ее.

Въ бесѣдѣ, завязавшейся въ одинъ изъ такихъ перерывовъ, припоминаю одинъ только, особенно для меня цѣнный, эпизодъ.

— А знате, С. А., — сказалъ я ему какъ-то, — я передъ вами въ долгу и долгъ свой хочу заплатить.

— Какъ такъ?

— Былъ недавно вашъ 25-лѣтній юбилей. Я долженъ былъ написать о васъ статью для одного журнала, но не могъ къ сроку поспѣть и отказался. А потомъ пожалѣлъ, потому что сталъ какъ-то обдумывать и нашелъ, кажется, правильную концепцію вашей личности.

И изложилъ ему основную идею моей «концепціи».

Мы ходили по комнатѣ, онъ слушалъ, глядѣлъ на меня тѣмъ растроганнымъ, не то сдержанно-радостнымъ, не то застѣнчивымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ, какимъ онъ всегда встрѣчалъ обращаемыя къ нему такъ часто въ послѣдніе годы слова признанія. А въ заключеніе, улыбаясь, повторилъ нѣсколько разъ:

— Да, это вѣрно. Только вы это напишите.

— Напишу непремѣнно, уже не дожидаясь случая.

Увы, печальный «случай» подошелъ скорѣе, чѣмъ мы оба думали.

***

Начало знакомства моего съ Муромцевымъ относится къ той средней, самой сѣрой эпохѣ его жизни, когда онъ не былъ уже профессоромъ и еще не былъ политическимъ дѣятелемъ въ широкомъ смыслѣ слова. Онъ былъ адвокатомъ, и въ теченіе шести-семи лѣтъ я наблюдалъ его только, какъ адвоката. Затѣмъ слу-

чайными путями мы встрѣтились въ области политики, оказались членами центральнаго комитета одной партіи, соратниками по Думѣ и по Выборгу. Характерныя черты человѣка остались вездѣ однѣ и тѣ же; но самое крупное и значительное проявилось, конечно, въ послѣдней сферѣ — въ политикѣ. И, быть можетъ, въ интересахъ концентраціи вниманія, правильнѣе было бы пріурочить свои воспоминанія и наблюденія именно къ этой области, — главнымъ образомъ къ предсѣдательствованію въ Государственной Думѣ. Однако и то, что сохранилось въ памяти о Муромцевѣ, какъ адвокатѣ, не должно быть безынтересно для современниковъ, и въ особенности для будущихъ поколѣній. Къ тому же кое-какія характерныя черты въ Муромцевѣ, какъ адвокатѣ, освѣтятъ, быть можетъ, нѣчто, оставшееся неяснымъ въ фигурѣ Муромцева, какъ предсѣдателя Думы. Я рѣшаюсь потому соединить въ одномъ очеркѣ мысли и воспоминанія о Муромцевѣ, какъ адвокатѣ, и о Муромцевѣ, какъ предсѣдателѣ Думы, слѣдуя въ изложеніи внѣшнему хронологическому порядку событій его жизни и моихъ надъ нимъ наблюденій.

I.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ совершился подневольный исходъ профессоровъ петербургскаго университета, одарившій русскую адвокатуру Спасовичемъ; двадцать лѣтъ спустя такой же исходъ московскихъ профессоровъ одарилъ русскую адвокатуру Муромцевымъ. «Мы какъ кошъ казацкій, — писалъ впослѣдствіи Спасовичъ, — или какъ римское asylum, гдѣ стоимъ и съ радостью подаемъ братски руку бѣглецамъ, которые по красноватому цвѣту своихъ убѣжденій найдены неподходящими въ другомъ мѣстѣ». А въ отплату за эту поддержку, за любовь и теплоту эти бѣг-

лецы озарили пріютившую ихъ среду блескомъ своей неувядаемой славы, прилагали свое мастерство къ укрѣпленію самой корпораціи, свободной и свободолюбивой, но часто гонимой и тѣснимой, и сохраняли навсегда нѣжное, родственное чувство къ ней, даже тогда, когда, идя навстрѣчу высшимъ призывамъ, приходилось покидать ее.

Оба бѣглые профессора стали красою и гордостью русской адвокатуры. Одинъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ, — одинъ на уголовномъ, другой на гражданскомъ поприщѣ, они переросли вскорѣ эти условныя категоріи мѣста и спеціальности и засіяли солнцами первой величины на общемъ небѣ всей русской адвокатуры. И оба, удостоиваемые избраніемъ товарищей, десятки лѣтъ стояли у руля единственной свободно управляемой общественной ладьи, затрачивая свой талантъ и энергію на укрѣпленіе ея силы и достоинства. И оба они, при всемъ различіи темпераментовъ и характера дарованій, одинаково глубоко восприняли основную сущность адвокатскаго служенія. Спасовичъ всю жизнь былъ глашатай борьбы за «права единицы страдающей, тѣснимой, и защищающейся», — за созданіе для нея крѣпкихъ правовыхъ гарантій. Муромцевъ, поминая покойнаго Ал. Ив. Урусова, спрашиваетъ: «Въ чемъ же крылся источникъ выдающагося его значенія... этого тончайшаго и талантливѣйшаго выразителя задачъ русской адвокатуры?» И отвѣчаетъ: «Глубокое уваженіе человѣческой личности, какъ таковой, горячее и стойкое стремленіе къ защитѣ ея правъ — вотъ откуда проистекала мощь Александра Ивановича. Этотъ именно стимулъ... поднялъ на такую высоту его адвокатское служеніе» [1]). Этотъ стимулъ, прибавимъ мы,

---

1) Отчетъ Моск. Сов. Прис. Пов. за 1900/1901 г., стр. 50.

поднялъ на высоту и всѣхъ корифеевъ русской адвокатуры, — онъ поднялъ и самого Муромцева.

Борьба за права личности, защита ея отъ безраздѣльнаго владычества государственныхъ началъ — такова арена дѣятельности свободной адвокатуры. И человѣкъ, выросшій въ теоретической вѣрѣ въ самодовлѣющую цѣнность человѣческой личности, крѣпнетъ и закаляется въ жестокой повседневной борьбѣ, въ созерцаніи жизненныхъ конфликтовъ и въ дѣятельномъ напряженіи къ ихъ разрѣшенію. И какъ знать: быть можетъ, только это сочетаніе абстрактной, взрощенной на профессорской каѳедрѣ идеи съ практическимъ закаломъ, пріобрѣтеннымъ въ повседневномъ адвокатскомъ бою за право, и создало этотъ стальной панцырь неизмѣннаго и непреклоннаго, не гнущагося ни передъ какой преградой, уваженія къ праву и свободѣ, чистѣйшаго въ своемъ источникѣ, возвышеннѣйшаго въ своихъ конечныхъ цѣляхъ, — съ какимъ вышелъ затѣмъ на высокое общественное служеніе Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.

II.

Борьба за право... Таковъ общій лозунгъ. Но она идетъ столь различными путями; она такъ разнообразится въ зависимости отъ склада ума, отъ темперамента, отъ характера міровоззрѣнія. Во имя права борется моралистъ, вѣруя въ него постольку, поскольку оно исполняетъ опредѣленную моральную программу жизни; во имя права борется формальный логикъ, связывающій его силу съ адэкватностью логическимъ построеніямъ ума; во имя права борется тотъ, кто видитъ въ немъ силу строительную, организующую, пластическую, лѣпящую жизненныя и общественныя отношенія, какъ художникъ лѣпитъ изъ глины свое изваяніе.

Такое художественное, организующее отношеніе къ праву воодушевляется не логическою послѣдовательностью вывода и даже не всегда матеріальною справедливостью содержанія, — оно воодушевляется самымъ процессомъ формулированія, закругленія жизнеспособныхъ нормъ. Оно относится часто особенно любовно къ нормамъ формальнымъ, проявляетъ особую склонность и чуткость къ выработкѣ и защитѣ этихъ именно нормъ. Въ огромной массѣ явленій, на которыя направляется строительство, матеріальная основа представляется ему ясною, впередъ данною; важно только ее уловить въ правильно дѣйствующую, на неотъемлемыхъ, внутреннихъ законахъ основанную форму. И это строительство жаждетъ ширіться, оно заходитъ во всѣ области человѣческаго духа, въ общественную, моральную, всюду желаетъ внести чинъ, порядокъ, всѣ сферы жизни закрѣпить самодовлѣющими,природѣ каждой отдѣльной сферы свойственными, правовыми нормами. Такому воззрѣнію на право сопутствуетъ, а отчасти имъ и обусловливается, извѣстный жизненный укладъ, извѣстное специфическое отношеніе къ прекрасному въ природѣ и въ искусствѣ, — если угодно, извѣстная внѣшность. Отчего каждый, кто хоть разъ видѣлъ Муромцева, невольно восклицалъ: «Эллинъ! античное изваяніе!» И это впечатлѣніе получалось не только отъ линій его поистинѣ прекраснаго лица, но и отъ природно размѣренныхъ движеній, отъ стройно поднятой головы, отъ гармонически законченной фразы, отъ звонкаго, кристально-чистаго голоса. Во всемъ была пластика, стихійная — или даже сознательная — работа надъ созданіемъ чего-то законченнаго, цѣльнаго, отточеннаго. И въ области прекраснаго онъ былъ чувствителенъ не къ краскамъ, а къ линіямъ. И въ міросозданіи его интересовала гармонія линій, распланировка всего сущаго,

взаимная связь и соотношеніе частей... Онъ такъ наблюдалъ природу, такъ, сквозь такую призму, оріентировался во всемъ окружающемъ. Въ разсказахъ о многочисленныхъ путешествіяхъ своихъ онъ никогда не давалъ картины, не отражалъ яркости видѣннаго, но передавалъ точно и съ любовью соотношеніе размѣровъ, взаимное расположеніе, перспективу. Онъ любилъ потому странствовать не столько на лонѣ природы, гдѣ очертанія могли быть для него слишкомъ однообразны, но и среди городовъ, по улицамъ и площадямъ, съ ихъ разнообразіемъ угловъ и изгибовъ, съ оригинальнымъ расположеніемъ частей, — ходить много и далеко, чтобы, вобравъ въ себя большую перспективу, тотчасъ же возсоздать и связать части въ ракурсѣ у себя въ головѣ. И разсказывая объ этихъ странствіяхъ, онъ тутъ же, на второмъ словѣ, бралъ карандашъ и бумагу, чертилъ планъ и затѣмъ водилъ васъ уже по этому своему плану. Такъ онъ описывалъ свои странствія по Парижу, гдѣ каждый день совершалъ пѣшкомъ обходы отъ предмѣстья до предмѣстья, такъ онъ разсказывалъ и о своихъ любимыхъ странствіяхъ въ томъ узлѣ германскихъ городовъ и мѣстечекъ, центромъ которыхъ является Веймаръ и Іена, мѣста Шиллера и Гете. Въ одной московской газесѣ, среди посмертныхъ воспоминаній о Муромцевѣ, я нашелъ даже воспроизведеніе такого плана, сочиненнаго имъ при бесѣдѣ съ авторомъ воспоминаній, — съ характерными кружками, линіями и съ выписанными четко, красиво краткими ремарками.

И этотъ вкусъ къ внѣшнему правильному укладу, къ плану, къ приведенію всего въ ясность и гармонію, замѣчался у Муромцева во всѣхъ его дѣлахъ, большихъ и малыхъ. Муромцевъ слѣдовалъ ему не слѣпо, не по одной привычкѣ. Онъ сознавалъ , что въ его методѣ мышленія и воспріятія есть творческія, устроительныя

начала. Въ глубоко трогательномъ поминальномъ словѣ, посвященномъ памяти товарища и друга, Сергѣя Трубецкого, онъ влагаетъ это свое міропониманіе въ заключительныя краткія, задушевныя слова: «Рѣдко кто такъ умиралъ — ради дѣла, которое все было жизнь, устроеніе и гармонія. Велика личная жертва, приносимая человѣкомъ, вносящимъ устроеніе въ потокъ лавы, еще горячій и неоформленный».

Любить гармонію — значитъ ли это быть ея пассивнымъ зрителемъ? Натура созерцательная только воспринимаетъ, натура дѣйственная творитъ ее. Муромцевъ былъ par excellence натура дѣйственная, человѣкъ воли. Активность его была не бурная, не порывистная, подмываемая страстью; она была ровна, непрерывна, неустанна и неизмѣнна, точно подземнымъ, ровнымъ, чистымъ родникомъ питающаяся. Огромный трудъ исполненъ въ теченіе этой, въ сущности недолгой, жизни. Этотъ трудъ имѣлъ и свой канонъ, свою систему. Муромцевъ искалъ приложенія своихъ силъ къ цѣлямъ непосредственнымъ, реальнымъ, ближайшимъ. Онъ точно искупить хотѣлъ старый грѣхъ русской интеллигенціи, прекраснодушной, но безвольной. Онъ такъ и мотивировалъ всегда выборъ своихъ путей:

— Вѣдь мы всегда такъ, ближайшаго не сдѣлаемъ. Мы никогда не готовы.

Оттого-то, когда еще о конституціи у насъ не было рѣчи, онъ сталъ готовить наказъ для Думы. Оттого онъ еще до послѣднихъ дней готовилъ и оттачивалъ законопроекты для будущихъ, лучшихъ временъ.

Non multa sed multum, — пишетъ онъ въ своихъ наброскахъ («На заданныя темы») — эту, казалось бы, избитую истину русская дѣйствительность всегда готова игнорировать. Стремленіе къ multum предполагаетъ упорство въ трудѣ, тогда какъ multa манятъ

къ себѣ перспективою пріятнаго разнообразія...Всѣ какъ бы предпочитаютъ быть барами, гнушаясь отчетливымъ исполненіемъ своей работы въ ея мельчайшихъ подробностяхъ. Сколько еще пережитка въ этомъ пренебрежительномъ отношеніи къ составнымъ элементамъ труда. А между тѣмъ, есть особая прелесть въ томъ, чтобы, сосредоточившись на относительно небольшомъ количествѣ данныхъ, углубляться постепенно въ самое существо избраннаго предмета» [1]).

III.

Мы провели съ Муромцевымъ много дней, а подчасъ и ночей, въ общей умственной работѣ. И если не считать политической дѣятельности послѣднихъ лѣтъ, гдѣ работа его также отчасти происходила на людяхъ, это, можетъ быть, была единственная область, въ которой можно было постороннему глазу слѣдить за процессомъ его творчества. Да и политическая дѣятельность собственно была не столь интимна; и она обнаруживала только изрѣдка процессъ, чаще — результаты творчества. Мы вели съ нимъ вмѣстѣ судебныя дѣла, разрабатывали ихъ вмѣстѣ, вмѣстѣ на глазахъ другъ у друга искали и находили разрѣшеніе сложныхъ проблемъ права, дополняли другъ друга, критиковали другъ друга, вмѣстѣ ликовали и отчаивались.

Бывало, въ маленькой, но уютной, не совсѣмъ по-петербургски устроенной, квартирѣ на Николаевской улицѣ сидимъ до поздней ночи, вмѣстѣ «на четыре руки» — какъ мы выражались -сочиняемъ состязательныя бумаги или обдумываемъ планъ защиты. И при составленіи бумагъ и при обдумываніи защиты его интересо-

1) Статьи и рѣчи, вып. I, стр. 73, 74.

валъ прежде всего планъ. Отмежеванный ему отдѣлъ онъ тотчасъ же разбивалъ на рубрики и выписывалъ ихъ заголовки и подзаголовки на бѣломъ листѣ бумаги крупнымъ почеркомъ, кое-что подчеркивая цвѣтнымъ карандашомъ, а главное, стараясь придать и этимъ замѣткамъ возможно точную редакцію. Больше уже онъ къ рѣчи не готовился. Рѣчей впередъ не писалъ. Достаточно ему было закрѣпить на бумагѣ планъ: развитіе, содержаніе, фраза были уже дѣломъ момента, когда рѣчь произносилась.

При разрѣшеніи самихъ юридическихъ проблемъ по существу Муромцевъ никогда не искалъ путей діалектическихъ, хитроумныхъ логическихъ комбинацій, внѣшне-стройныхъ, но безжизненныхъ. Онъ слишкомъ былъ эстетикъ, слишкомъ было ему дорого трепетаніе жизни, чтобы, создавая логическую конструкцію, не чувствовать, гдѣ уже уходитъ у него изъ-подъ ногъ жизненная почва. Но тѣ комбинаціи, которыя онъ создавалъ или долженъ былъ проводить, должны были быть строго очерчены внѣшними контурами, ясно, до прозрачности формулированы. Иначе онъ ихъ не могъ защищать. Матерію жизни текучую, не поддающуюся еще закрѣпленію въ форму, металлъ въ расплавленномъ состояніи, онъ ни воспринять, ни передать не могъ.

Онъ мыслилъ и образами, но образы эти были простѣйшіе, на шагъ только отстоящіе отъ обобщенія; въ нихъ не было яркости, разнообразія, но была элементарная выпуклость. И они выходили у него особенно сильно и величественно, когда въ нихъ должна была отразиться защита какой-нибудь главной, основной,формальной гарантіи личности въ борьбѣ ея за право. Къ этимъ формальнымъ прерогативамъ, ограждающимъ личность и въ гражданскомъ правѣ, и въ особенности въ гражданскомъ процессѣ, онъ былъ особенно чутокъ.

«Процессуальные вопросы, — говоритъ онъ въ одной сохранившейся у меня, ненапечатанной, но имъ самимъ исправленной судебной рѣчи, — процессуальные вопросы, возраженія, которыя строятся на несоблюденіи истцомъ какихъ-либо процессуальныхъ требованій, вовсе не такая ничтожная вещь въ каждомъ судебномъ дѣлѣ... Эти формальныя правила, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, могутъ быть иногда несправедливы, но они логически и справедливо юридически вытекаютъ изъ особыхъ свойствъ гражданскихъ правъ, съ которыми нужно считаться, — гражданскихъ правъ, которыя защищаются только по иниціативѣ лицъ, которымъ они принадлежатъ, и только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ эти лица хотятъ защищаться».

Подъ покровомъ вопросовъ формальныхъ онъ какъ бы инстинктивно ощущалъ грань дозволеннаго вторженія въ предѣлы личности и съ особеннымъ подъемомъ, почти съ паѳосомъ, становился на ея защиту. Онъ и любилъ потому гражданскій процессъ больше, чѣмъ гражданское право. И въ дѣлахъ, когда мы распредѣляли между собою работу, всегда просилъ отмежевывать ему вопросы процессуальные и сознавался, что питаетъ къ нимъ особенную слабость. Это можетъ казаться страннымъ въ устахъ человѣка, самый классическій трудъ котораго посвященъ изображенію «Гражданскаго права древняго Рима», который на профессорской каѳедрѣ читалъ матеріальное гражданское право. Разгадка тутъ, можетъ быть, кроется отчасти въ томъ пути, которымъ шло само классическое право: развиваясь и вбирая въ себя новыя струи жизни, оно всегда закрѣпляло свои завоеванія въ строго опредѣленныя формы, — отчасти же въ томъ особомъ методѣ изложенія, которымъ проникнутъ его классическій трудъ, который вѣроятно отражался и на его лекціяхъ по граж-

данскому праву.Въ этомъ методѣ онъ былъ воленъ,—онъ могъ, пользуясь только болѣе широкой матеріально-правовой базой,примѣнять и въ этой сферѣ свою основную тенденцію, вносить пластическія начала, оформливать въ видѣ нормъ самочинныхъ, внутреннему своему закону подчиненныхъ, къ защитѣ интересовъ личности и общежитія направленныхъ, назрѣвшія въ сознаніи общества основныя жизненныя потребности. Самаго содержанія этихъ жизненныхъ потребностей онъ не разрабатывалъ, — соціальныхъ проблемъ самихъ по себѣ не разрѣшалъ. Это была не его сфера. Онъ бралъ выводы для нихъ изъ общей сокровищницы, накопленной столѣтіями культурнаго Запада и почти вѣковою, возвышенною и мученическою, работою русской интеллигенціи. Онъ старался ихъ только насадить, найти для нихъ форму бытія.

М. М. Ковалевскій въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ о Муромцевѣ нѣсколько разъ подчеркивалъ его организаторскій талантъ. Не знаю, можно ли это назвать организаторствомъ, — это не былъ во всякомъ случаѣ талантъ организовывать непосредственно людей на опредѣленное дѣло, а талантъ внутренно организующій, создающій формы незыблемыя, прочныя, въ которыхъ можетъ не на мигъ только, а прочно протекать человѣческое общежитіе.

Среди основъ этого общежитія была одна, которая занимала и въ творчествѣ и въ психикѣ его иное мѣсто, нежели всѣ прочія соціальныя требованія, имъ исповѣдуемыя. Это — принципъ свободы, наивысшее формальное благо, столь же, если не болѣе, ему дорогое, какъ гармонія, красота, порядокъ. Онъ принадлежалъ къ тому типу идеалистовъ эпохи Шиллера и Гете, для которыхъ красота и свобода внутренне неразлучны. Свобода была для него нѣчто первичное, неразложимое,

не требующее ни обоснованій, ни оправданій, — та предпосылка всякаго личнаго и соціальнаго существованія, ради охраны которой только и идетъ вся борьба за созданіе формальныхъ устоевъ жизни, за гармоническую связь общежитія. «Не пренебрегайте формой — она охраняетъ вашу свободу». Эту максиму онъ любилъ повторять часто и въ дѣлахъ судебныхъ, и въ дѣлахъ политическихъ. Она запечатлѣна имъ съ особенною торжественностью и въ одной изъ немногихъ рѣчей, обращенныхъ къ Первой Государственной Думѣ: «Господа, соблюденіе извѣстныхъ формъ есть гарантія нашей свободы и нашихъ правъ; если мы не будемъ уважать форму въ ходѣ нашихъ сужденій и рѣшеній, мы во многихъ случаяхъ будемъ рисковать посягательствомъ и на наши права и на нашу свободу»[1]).

IV.

Муромцевъ былъ принятъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ московскаго округа 13 октября 1884 г. и пробылъ въ сословіи до самой своей смерти. Уже въ 1887 году избранный членомъ Совѣта, а три года спустя — товарищемъ предсѣдателя Совѣта, онъ выбирался затѣмъ на эту послѣднюю должность безсмѣнно вплоть до конца 1905 года, когда политическая дѣятельность отозвала его отъ адвокатуры. Практикуя первоначально въ Москвѣ, онъ появлялся среди насъ, въ Петербургѣ, сравнительно рѣдко, пріѣзжалъ только для защиты своихъ московскихъ дѣлъ въ кассаціонномъ Сенатѣ. Но приблизительно съ середины девятидесятыхъ годовъ имя его, какъ адвоката, пріобрѣтаетъ такую извѣстность, что къ нему стекаются сенатскія

1) Стеногр. Отчетъ 1-й Думы, т. 1-й, стр. 62.

дѣла изъ всей Россіи, а затѣмъ и мѣстное петербургское населеніе начинаетъ прибѣгать къ его совѣту и помощи въ дѣлахъ наиболѣе крупныхъ, отвѣтственныхъ, поручая ему веденіе ихъ отъ начала, съ первой судебной инстанціи. Въ эту эпоху не проходило недѣли, чтобы Муромцевъ не появлялся и у насъ, въ Петербургѣ, у адвокатской каѳедры въ томъ или иномъ судебномъ установленіи. Къ концу девятидесятыхъ годовъ относится и начало его лекцій въ Александровскомъ лицеѣ, для которыхъ пришлось уже регулярно пріѣзжіть въ Петербургъ еженедѣльно на два дня. Эта періодичность пріѣздовъ склонила Муромцева въ концѣ концовъ къ мысли обосноваться прочнѣе въ Петербургѣ; онъ нанялъ постоянную квартиру на Николаевской, въ которой и прожилъ затѣмъ всѣ годы своей работы въ адвокатурѣ и въ Лицеѣ и краткіе дни своего предсѣдательствованія въ Думѣ.

Къ этому времени, къ концу девятидесятыхъ годовъ — къ 1899 или 1898 году — относится и мое первое знакомство съ Муромцевымъ. Мы встрѣтились въ процессѣ, какъ противники; но въ слѣдующемъ же дѣлѣ стали союзниками и съ тѣхъ поръ не переставали, кажется, быть союзниками въ дѣлахъ судебныхъ до самой его кончины. За всѣ годы нашей общей работы, я имѣлъ, естественно, возможность наблюдать Муромцева не только въ рабочемъ кабинетѣ, но въ минуты, особенно важныя для оцѣнки дѣятельности адвоката: на судѣ, у адвокатской каѳедры. Къ сожалѣнію, этимъ непосредственнымъ наблюденіемъ и исчерпываются всѣ источники для сужденія о судебной дѣятельности Муромцева. Рѣчей своихъ цивилисты наши не записываютъ и, во всякомъ случаѣ, ихъ не печатаютъ. Древній Демосѳенъ записалъ свои рѣчи по гражданскимъ дѣламъ, и теперь въ великолѣпныхъ европейскихъ пе-

реводахъ онѣ служатъ въ назиданіе потомству. Гражданскія рѣчи Цицерона переводятся и тщательно комметируются даже русскими учеными. Великіе французскіе, англійскіе цивилисты сохраняютъ въ печати плоды своихъ, подчасъ огромныхъ, умственныхъ усилій. У насъ работа юриста-практика, даже самая углубленная, самая талантливая, открывающая иногда новыя перспективы въ неизвѣданныя области, — достиженія, возможныя только при свѣтѣ живого, конкретнаго случая — пропадаютъ втунѣ, умирая въ стѣнахъ судебнаго зала. Умеръ Муромцевъ, умеръ недавно Пассоверъ, живъ и здравствуетъ, но отошелъ отъ адвокатуры третій корифей нашей цивилистики, Потѣхинъ. А много ли осталось отъ всего блеска ихъ таланта, отъ всѣхъ изумительныхъ по силѣ и красотѣ построеній? Одни разсѣянныя, блекнущія отъ времени, а затѣмъ и совсѣмъ исчезающія воспоминанія современниковъ.

И это особенно досадно именно у Муромцева. Не потому, чтобы онъ былъ выше тѣхъ — на этихъ высотахъ нѣтъ ранговъ, а есть лишь индивидуальныя различія — но потому, что манера его творчества сильно облегчала такую именно систему закрѣпленія результатовъ творчества. Склонный и пріученный къ обстрактному мышленію, войдя въ адвокатуру съ профессорскою закваскою, онъ умѣлъ очень быстро возноситься отъ конкретнаго случая къ абстрагирующей его общей схемѣ и уже затѣмъ непрерывно въ ней оставался. Онъ не добирался до сути ощупью, то притягиваемый, то отталкиваемый отъ нея новыми, невидимыми сразу сторонами явленія; онъ и не оплодотворялъ своихъ построеній мыслями, рождающимися только въ пылу спора. Споръ и борьба не были для него животворящей стихіей; его мысль не крѣпла въ пылу защиты и нападенія. Искра его творчества не возжигалась отъ

все новаго и непосредственнаго соприкосновенія съ живою жизнью. Онъ находилъ свой путь въ тиши уединенія, при ясномъ и ровномъ свѣтѣ вѣчныхъ путеводныхъ идей. И творя такъ, въ свободныхъ, размѣренныхъ, адэкватныхъ душѣ его формахъ, онъ сразу вырисовывалъ всѣ линіи зданія, клалъ фундаментъ и возводилъ куполъ. И эти изящныя, граненыя, прозрачныя постройки, которыя такъ и просились на бумагу, которыя такъ легко было запечатлѣть, погибли всѣ, просіявъ на мигъ, въ пучинѣ забвенія. Изъ всѣхъ судебныхъ рѣчей Муромцева напечатана, если не ошибаюсь, одна, и то не изъ лучшихъ.

Я упомянулъ о трехъ корифеяхъ нашей цивилистики — своеобразныхъ, чрезвычайно рельефныхъ, выпуклыхъ фигурахъ, — и упомянулъ не случайно. Имъ приходилось всѣмъ тремъ дѣйствовать часто вмѣстѣ, въ качествѣ союзниковъ и противниковъ, и характерныя особенности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности выступали — и выступаютъ, быть можетъ, сейчасъ въ воспоминаніи — рельефнѣе при контрастномъ свѣтѣ, падающемъ отъ остальныхъ. Одинъ — поражающій блескомъ неожиданныхъ, незамѣтно для глаза нанизываемыхъ и разомъ вспыхивающихъ абстракцій, властно приковывающій и завлекающій васъ, вопреки вашей волѣ, подчасъ вопреки непосредственному ощущенію, на неизмѣримыя выси логическихъ конструктивныхъ отвлеченій, творящій тутъ же на вашихъ глазахъ, воспламеняющійся, оживающій, пріобрѣтающій глубокіе грудные тоны въ самомъ процессѣ своего творчества и тутъ же на вашихъ глазахъ мертвѣющій, застывающій подъ маской непроницаемости съ момента, когда актъ священнодѣйствія оконченъ. Таковъ былъ Пассоверъ. Другой, стихійно чуждый всякимъ излишествамъ логическихъ построеній, отметающій ихъ своимъ непо-

средственнымъ здоровымъ ощущеніемъ, никогда ни на минуту не возвышающійся до обобщенія, котораго нельзя было бы выразить въ терминахъ закона или житейскаго здраваго смысла, покоряющій самою наивностью и властностью этого здраваго смысла, который не вѣдаетъ и не желаетъ вѣдать никакихъ другихъ, выспреннихъ, научныхъ и иныхъ высшихъ инстанцій, съ здоровымъ, заразительнымъ, басистымъ хохотомъ отворачивается отъ нихъ и переводитъ всѣ словопренія въ простую, обывательскую, подкупающую силою живой непосредственности, бесѣду судьи съ адвокатомъ. Таковъ Потѣхинъ. Третій... Третій былъ Муромцевъ.

Стройная, съ прямою спиною фигура поднимается съ мѣста и ровнымъ неторопливымъ шагомъ приближается къ каѳедрѣ. Онъ не прилипаетъ къ каѳедрѣ, не виснетъ у нея и не странствуетъ безпорядочно впереди ея, а стоитъ свободно, рядомъ съ каѳедрой, — линіи стройной фигуры рѣзко вырисовываются въ воздухѣ, античная голова съ матовымъ лицомъ, обрамленная черными, какъ смоль — въ концѣ жизни побѣлѣвшими — волосами, водруженная на цоколѣ, случайно, казалось, одѣтомъ въ черный фракъ со звѣздочкою, а не въ бѣлую мантію. Рѣчь начинается плавно, размѣренно, входя сразу in medias res, безъ приступовъ, безъ искусственныхъ или естественныхъ заминокъ. Она захватываетъ слушателя не сразу и захватываетъ его не въ какой-либо отдѣльный моментъ, не феерической молніей или громомъ. Слушатель подпадаетъ лишь подъ очарованіе рѣчи въ цѣломъ, ея внутренней гармоніи, связности частей, изъ которыхъ постепенно вылупливается основная, главная идея, складывается нѣчто цѣльное, подкупающее этою своею цѣльностью, своею простою, нѣсколько холодною, но все же такою чистою, плѣнительною, мраморною красотою. Глаза оратора по

временамъ вспыхиваютъ какимъ-то особымъ, теплымъ интимнымъ блескомъ, движенія нѣсколько оживаютъ, голова гордо поднимается: то онъ добирается до святая святыхъ своего творчества, созерцаетъ уже созданное, отдѣлившееся отъ него твореніе. Ни рѣзкаго выкрика, ни страстнаго движенія. А вы все же у него въ плѣну: васъ держатъ чары той гармоніи, которая такъ всецѣло владѣла имъ, отблески которой живы въ душѣ каждаго человѣка. Васъ держитъ вѣра въ силу идеи, гармонически воплощающейся въ живую, законченную форму.

И такой же плѣнительный, такой же мраморный, какъ человѣкъ, какъ его голосъ, какъ его рѣчь, былъ самый языкъ его. Въ этомъ языкѣ не было блестокъ, не было игривости, легкости, извилистости, но въ немъ была крѣпость и свободная изысканная простота. Муромцевъ любилъ обращаться къ старому, суровому, но ядреному языку древнихъ памятниковъ, къ языку Сперанскаго, и въ немъ находить украшенія и узоры для своей, вполнѣ гармонирующей съ ними по тону, рѣчи. Онъ любилъ говорить: «Господа Правительствующій Сенатъ», какъ писали еще въ петровское время, — и совершенно одинаково послѣднее слово подсудимаго въ выборгскомъ процессѣ и благодарственное слово Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ въ день своего юбилея начиналъ неизмѣнно: «Господа Особое Присутствіе», «Господа Совѣтъ». Въ отвѣтъ на привѣтствіе Совѣта онъ не «благодарилъ», а «низко кланялся» Совѣту. И самую знаменитую первую рѣчь свою къ Государственной Думѣ началъ съ простой, но торжественной, на старинный ладъ, формулы: «Кланяюсь Государственной Думѣ». Онъ былъ изысканъ въ выраженіяхъ, какъ изысканъ былъ въ мысляхъ. Уродство слова, какъ и уродство мысли, причиняли ему боль.

Есть въ области адвокатской дѣятельности еще одна

своеобразная сторона. Воплощенная въ живыхъ лицахъ, борьба двухъ интересовъ имѣетъ опасную склонность переходить за предѣлы необходимаго состязанія въ интересахъ права. Борьба интересовъ переходитъ въ борьбу лицъ. Азартъ спора ослѣпляетъ, и очень рѣдко даже самые высокіе умы и сильные таланты умѣютъ начертать себѣ предѣльную линію и не переступать ея. Между тѣмъ, въ этомъ умѣніи безпощадно бороться съ идеею и бережно щадить человѣческое достоинство противника — главный залогъ, основная предпосылка всего строя судебнаго процесса, неизбѣжно разсѣченнаго между отдѣльными живыми лицами, мыслимаго и живущаго только при условіи такого разсѣченія. Здѣсь неизбѣжны два мнѣнія, и неизбѣжно ихъ столкновеніе. Здѣсь истина не можетъ рождаться иначе, какъ изъ столкновенія мнѣній. И изъ всѣхъ адвокатовъ нашихъ и не нашихъ, корифеевъ и не корифеевъ, никто не превзошелъ Муромцева въ пониманіи этой особенности судебнаго спора и въ вытекающей отсюда категорической обязанности оставаться всегда въ предѣлахъ объективнаго состязанія, не вторгаясь въ области, внѣ его лежащія, и не принижая своего противника, не дѣлая изъ лица его мишени для обстрѣла. Онъ былъ олицетвореніемъ деликатности и терпимости, джентельменъ съ ногъ до головы. Подъ внѣшнимъ, нѣсколько суровымъ и холоднымъ покровомъ всегда радушный и снисходительный, онъ не только не задѣвалъ чужого самолюбія, но самъ стоически переносилъ, не всегда, увы, сдерживавшіеся даже по отношенію къ нему эксцессы слова; онъ не снисходилъ къ отвѣту на нихъ и тѣмъ менѣе къ отраженію ихъ тѣмъ же оружіемъ. Эта сдержанность, переходившая иногда въ какую-то особенную, несоотвѣтственную даже возрасту, застѣнчивость, несомнѣнно связывалась съ

основными чертами его характера; но она имѣла въ своемъ источникѣ и особенное, специфическое отношеніе именно къ дѣятельности его въ качествѣ адвоката. Ни въ одной области онъ не цѣнилъ такъ скромно своихъ заслугъ, какъ въ адвокатурѣ. Бѣглецъ, смущенно пріютившійся въ чужомъ станѣ, онъ всю жизнь какъ будто не переставалъ испытывать это смущеніе, всю жизнь чувствовалъ себя не вполнѣ своимъ на этомъ мѣстѣ.

«Господа Совѣтъ, — говорилъ онъ въ день своего 25-лѣтняго юбилея, — откроюсь вамъ, что трепетомъ сопровождалось во мнѣ ожиданіе нашей сегодняшней встрѣчи. Вы пришли сюда привѣтствовать адвоката, но что стоящій передъ вами можетъ сказать, какъ адвокатъ? Съ увлеченіемъ онъ слѣдилъ въ годы своей юности за первыми мощными проявленіями русской адвокатуры, но себя въ адвокаты не готовилъ. Судьба привела его въ эту область... и двадцать пять лѣтъ онъ употребилъ на то, чтобы учиться на вновь избранномъ поприщѣ. Онъ учился у тѣхъ, кто, будучи старше его, по праву почитались первоклассными свѣтилами, онъ учился у своихъ бывшихъ учениковъ» [1]).

Такая аттестація въ устахъ Муромцева не была пустой фразой, скроенной для юбилея. Это была истина. Крайне строгій къ себѣ, онъ охотно спрашивалъ совѣта у насъ, младшихъ, охотно выслушивалъ нашу критику, охотно примѣнялся къ нашимъ указаніямъ. Онъ точно опасался всегда своей неловкости въ средѣ, въ которой онъ не ставилъ первыхъ шаговъ, не пріобрѣлъ въ свое время первичныхъ навыковъ. И онъ никогда не чувствовалъ себя къ этой средѣ окончательно прикрѣпленнымъ. До конца дней адвокатура все же

---

1) Статьи и рѣчи. Вып. I, стр. 68.

оставалась для него только asylum — теплымъ, привѣтливымъ гнѣздомъ, въ которомъ онъ укрылся, пережидая непогоду.

А когда прояснилось небо, онъ потянулся на широкій просторъ — не назадъ, къ профессорской каѳедрѣ, а въ новую, озаряемую первыми яркими вешними лучами, политическую жизнь.

V.

То была пора государственнаго строительства, вырисовывшагося въ невиданныхъ доселѣ, величественныхъ размѣрахъ. Когда, въ какой моментъ человѣческой исторіи такое множество политическихъ и соціальныхъ проблемъ, въ такой пестрой и необъятной человѣческой средѣ, ждали своего устроенія въ формѣ незыблемыхъ нормъ закона? И впереди всѣхъ главнѣйшая, — та, во имя которой шелъ въ теченіе столѣтія самый тяжкій бой: проблема участія воли народной въ рѣшеніи судебъ страны, облеченія ея въ прочныя, «природѣ народнаго представительства свойственныя» формы. Какъ эта среда должна была манить, возбуждать правотворческій духъ! И въ какомъ блескѣ долженъ былъ сказаться здѣсь даръ создавать изъ аморфной человѣческой массы, по опредѣленнымъ архитектурнымъ планамъ, новыя, исполненныя гармоніи, формы! И какъ этотъ даръ необходимъ былъ именно въ послѣдній день творенія... Не тогда, когда еще бушевали стихіи, когда споръ рѣшался азартомъ, страстью, подчасъ авторитетомъ силы. А тогда, когда улеглись воды, и встала твердь земли, — когда провозглашена была основа права и свободы, и на нихъ приходилось строить въ благородномъ, чистомъ стилѣ крѣпкое, незыблемо

охраняющее связь общественную, учрежденіе. Доброму генію исторіи угодно было именно Муромцева выдвинуть на роль творца и хранителя этого учрежденія.

Говорятъ, онъ къ этому готовился чуть ли не годъ, два или больше. Это не совсѣмъ вѣрно: онъ готовилъ не себя, а готовилъ для новой формы жизни, самой по себѣ, основу, на которой должна была встать и упрочиться новая постройка. Онъ зналъ, что хватитъ въ русскомъ обществѣ идей и высокихъ помысловъ для лучшаго устроенія жизни, но боялся, что не будетъ зодчихъ и ваятелей, чтобы ихъ отлить въ формы, дающія имъ жизнь и силу. Самъ ваятель, онъ заблаговременно готовилъ матеріалъ и инструментъ; и, какъ истый художникъ, впередъ всей душою полюбилъ свой творческій замыселъ. На Наказъ Думы онъ смотрѣлъ, какъ на актъ самоопредѣленія новаго государственнаго организма. Въ мучительный періодъ, протекшій между обѣщаніями 17 октября и воплощеніемъ ихъ въ видѣ Положенія о Государственной Думѣ, многія изъ прерогативъ Думы были урѣзаны. Актомъ самоопредѣленія надо было закрѣпить, фиксировать права, вытекающія изъ природы народнаго представительства, которыхъ не успѣлъ урѣзать положительный законъ; актомъ самоопредѣленія надо было установить формы и предѣлы с в о е й дѣятельности, дабы этимъ самымъ установить предѣлы вторженія властей сопредѣльныхъ. Наконецъ — и это главное — для высокой миссіи, для законодательства именемъ народа, надо было создать высокіе, безупречные способы проявленія воли народа.

Эти способы надо было создавать немедленно, съ первой же минуты, не выжидая даже того момента, когда будетъ готовъ писанный Наказъ. На дѣлѣ оказалось, что этотъ писанный Наказъ и не понадобился, ибо... предсѣдателемъ былъ самъ Муромцевъ. Наказъ

былъ сданъ въ комиссію, тамъ долго разсматривался, потомъ разсматривался въ Думѣ, а тѣмъ временемъ Дума жила, дѣйствовала и выросла, какъ по волшебному манію, въ стройное законодательное учрежденіе, двигаясь въ путяхъ и формахъ, повелительно указуемыхъ вдохновеннымъ ея предсѣдателемъ.

Именно вдохновеннымъ. Нужна была вся глубокая вѣра въ самодовлѣющее значеніе правовой формы, въ самый процессъ выдѣленія новыхъ формъ жизни, нужна была вся любовь творца-художника къ воплощаемому въ жизни, въ мукахъ вынесенному, замыслу, чтобы такъ непрерывно, неусыпно отдѣлывать и заканчивать эту новую форму, чтобы такъ душевно слиться съ нею, давать ей чеканъ собственной мысли, собственной чистоты и достоинства. «Свершалось великое» въ жизни страны. Но въ каждомъ движеніи того, кто произносилъ эти торжественныя слова, чувствовалось, что самое великое свершается въ его душѣ. Онъ видѣлъ воплощеніе не только нашей общей, но и своей особенной мечты, такъ полно и всецѣло соотвѣтствующей его міропониманію. Воля народная получала внѣшнее выраженіе, охраняемая незыблемыми гранями закона. Вотъ тутъ, на его глазахъ, подъ его руками, эта безформенная масса 500 разрозненныхъ единицъ отливается въ нѣчто новое, особенное, цѣльное — въ государственное учрежденіе. Съ этого мгновенія оно будетъ само жить, двигаться, этою жизнью своею создавать благо. Только бы не дать расплыться матеріи и не слишкомъ ее сдавить тугою формою. Все, все должно быть принесено въ жертву этой цѣли: лишь бы твореніе проявило свое, отдѣльное бытіе... Здѣсь исчезаетъ даже грань между важнымъ и неважнымъ съ точки зрѣнія конечныхъ цѣлей. К а ж д о е движеніе правильное, организованное знаменуетъ жизнь, ростъ, зрѣлость. Среди бурь и тре-

волненій, среди лязга скрещивающагося оружія, подъ шумъ радостно ликующей новой жизни и гнѣвно вздымающихся волнъ реакціи, среди горячечной спѣшности законодательнаго творчества и страстнаго натиска на произволъ старой власти — надо методически провести голосованіе о часѣ слѣдующаго засѣданія, надо углубиться въ провѣрку полномочій, надо стройно провести работы комиссій, надо оттачивать статьи наказа. Вспыхнуть ликованіемъ, скорбью или возмущеніемъ можетъ толпа, можетъ митингъ; создавать орудіе, всегда и неизмѣнно пригодное для дѣйственнаго выраженія мыслей — такова задача творцовъ учрежденія.

VI.

Муромцевъ не былъ вожакомъ движенія и тѣмъ не менѣе онъ сталъ предсѣдателемъ первой Государственной Думы. Не знаю, осуществлялась ли когда-либо такая комбинація. Въ предсѣдатели первыхъ представительныхъ учрежденій, особенно вынесенныхъ такими бурными волнами, выбираются обыкновенно люди боевые, сами направлявшіе событія, — люди, могущіе не только представлять учрежденіе, но имѣющіе право и смѣлость направлять и мѣнять самое движеніе. Трудно сказать, что было бы, если бы во главѣ перваго нашего народнаго представительства сталъ человѣкъ такого калибра. Возможно, что онъ съумѣлъ бы болѣе ловко и во-время предохранить Думу отъ того или другого удара; но возможно также, что онъ уронилъ бы народную святыню. Одно несомнѣнно : онъ никогда не могъ бы остаться въ такой мѣрѣ представителемъ учрежденія, какъ такового, символомъ и носителемъ самой идеи народнаго представительства, какъ особаго

правового организма, противополагаемаго всѣмъ прочимъ властямъ въ государствѣ. А въ эпоху борьбы, которую намъ суждено вести — быть можетъ, долго еще — за идею народнаго представительства, вознести такъ высоко эту идею въ народномъ сознаніи, умѣть стать ея обожаемымъ воплощеніемъ важнѣе, быть можетъ, временнаго практическаго успѣха въ борьбѣ за власть.

Нельзя сказать, чтобы Муромцевъ не сознавалъ указанной особенности своего положенія. Единственное соединительное звено между монархомъ и народнымъ представительствомъ, онъ естественно являлся лицомъ, на которое направлялись взоры всѣхъ жаждавшихъ мирнаго разрѣшенія конфликта. Между тѣмъ предпринимать что-либо для этой цѣли онъ не могъ. Онъ не имѣлъ необходимой для этого увѣренности въ своемъ вліяніи, въ политическомъ своемъ авторитетѣ въ глазахъ общества. Вождь движенія можетъ въ рѣшительныя минуты дерзать: онъ знаетъ, что душа его звучитъ въ унисонъ съ тѣми, кто его вознесъ, что его поймутъ, за нимъ пойдутъ. Муромцевъ такъ поступать не могъ: онъ психологически былъ связанъ. И пришлось ему и здѣсь искать спасенія въ формальныхъ условіяхъ права — въ правовыхъ традиціяхъ конституціоннаго строя. А традиціи эти гласили, что предсѣдатель Думы можетъ вступить въ сферу переговоровъ о власти только по непосредственному призыву монарха. Эту правовую точку зрѣнія Муромцевъ усвоилъ и строго выдержалъ въ самые затруднительные моменты, когда «съ того берега», со стороны высшихъ сановниковъ, начались переговоры и предложенія, направленныя къ образованію такъ называемаго «кадетскаго министерства». Предложенія эти были достаточно солидны; они исходили отъ лица, приближен-

наго къ верховной власти (А. С. Ермолова), и въ перепискѣ съ Муромцевымъ лицо это ссылалось на«докладъ, сдѣланный непосредственно Государю Императору», — они исходили затѣмъ отъ сильнѣйшаго уже въ то время члена правительства (П. А. Столыпина) и предлагали опредѣленную комбинацію кадетскаго министерства съ однимъ лишь представителемъ бюрократіи въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Что же сдѣлалъ Муромцевъ? Онъ передалъ то, что слышалъ, своимъ товарищамъ. Самъ онъ не счелъ себя въ правѣ предпринять ни одного шага.И это поведеніе его всецѣло объясняется сохранив шеюся въ запискахъ его краткою фразою: «я призывань не былъ». Только непосредственный призывъ конституціоннаго монарха могъ, по понятіямъ Муромцева, заставить конституціоннаго предсѣдателя Думы нарушить выжидательное положеніе и вмѣшаться въ споръ о власти, безъ урона для силы и достоинства представляемаго имъ учрежденія.

На предсѣдательское мѣсто выдвинулъ Муромцева его общеизвѣстный предсѣдательскій талантъ. Огненную пробу талантъ этотъ выдержалъ еще въ отдаленные, преддумскіе забастовочные дни, въ знаменитомъ засѣданіи Московской Городской Думы 15 октября 1905 года. Москва была объята забастовочнымъ движеніемъ. Столкновенія власти съ населеніемъ грозили ежеминутно разразиться кровавымъ побоищемъ. По почину Московской Городской Думы организовано было въ самомъ большомъ думскомъ залѣ огромное собраніе представителей всѣхъ общественныхъ и партійныхъ организацій, въ томъ числѣ и гласныхъ Городской Думы. И руководство этимъ небывалымъ по характеру своему, состоявшимъ изъ самыхъ разнообразныхъ, разрозненныхъ и бурныхъ элементовъ, крайне отвѣтственнымъ по послѣдствіямъ собраніемъ возложено было на Му-

ромцева. И Муромцевъ показалъ себя здѣсь во весь ростъ. Почтенные отцы города мало по малу незамѣтно исчезали, тонъ наиболѣе крайнихъ организацій становился все болѣе требовательнымъ, подчасъ нестерпимымъ, основная цѣль — созданіе изъ общественныхъ элементовъ умиротворяющаго средостѣнія между властью и населеніемъ — все болѣе оттѣснялась; а онъ стоялъ, ровный, спокойный среди бушующихъ волнъ, и дѣлалъ свое дѣло, претворяя разнородныя части въ правильно дѣйствующее и формулирующее свою волю цѣлое.

Предсѣдателемъ Муромцевъ былъ особаго, непривычнаго для насъ, типа. Въ одномъ изъ посмертныхъ воспоминаній, посвященныхъ Муромцеву, кто-то изъ участниковъ послѣдняго (ноябрьскаго) земскаго съѣзда, на которомъ Муромцевъ два дня предсѣдательствовалъ, разсказываетъ, что земцамъ было какъ-то не по себѣ съ его предсѣдательствованіемъ, что оно было холодно, сухо, жестко. Я присутствовалъ на засѣданіяхъ съѣзда и долженъ признать, что наблюденіе вѣрно: дѣйствительно, было жестко. Такое же впечатлѣніе было и отъ предсѣдательствованія его въ теченіе одного вечера на нашемъ преддумскомъ кадетскомъ съѣздѣ въ апрѣлѣ 1906 года. И тутъ и тамъ Муромцевъ, оставаясь вѣрнымъ своей теоріи безучастности предсѣдателя къ содержанію того, что происходитъ въ собраніи, ставилъ рѣзко свой ультиматумъ: «Кто имѣетъ предложенія, пусть ихъ формулируетъ. Предсѣдатель только голосуетъ дѣланныя ему участниками предложенія».Такая система сократила сильно число вопросовъ и голосованій, — это несомнѣнно; только она и упорядочила на земскомъ съѣздѣ доставшееся Муромцеву отъ предшественника (М. М. Ковалевскаго) весьма запутанное положеніе — до того упорядочила, что земцы, поеживаясь отъ предсѣдательской

жесткости, попросили его, не въ примѣръ прочимъ, предсѣдательствовать на слѣдующій день. Но вѣрно то, что эта система не совсѣмъ подходитъ для нашихъ, — а можетъ быть, и не только нашихъ — не постоянно дѣйствующихъ, не организованныхъ принудительнымъ образомъ общественныхъ собраній, когда люди разнородные сходятся на мигъ и должны въ теченіе краткаго мгновенія выковать единую волю, всѣхъ объединяющую мысль, по вопросамъ сложнымъ, многограннымъ, въ положеніяхъ крайне отвѣтственныхъ. Здѣсь нужна нѣкая централизующая воля, умѣющая прислушиваться къ шороху каждой индивидуальной мысли среди этого многоголоваго моря, подготовленная технически къ улавливанію этой мысли въ твердую и ясную формулу, имѣющая смѣлость доразвить мысль несозрѣвшую, пользующаяся достаточнымъ авторитетомъ и обаяніемъ, чтобы самой отметать съ пути все лишнее, сохраняя и выкристаллизовывая лишь важное.

И тѣмъ не менѣе большое счастье выпало на долю Государственной Думы, что она получила предсѣдателя именно муромцевскаго типа. Государственное учрежденіе, постоянно дѣйствующее, работающее не на спѣхъ, создающее нормы, обязательныя для милліоновъ, должно быть воспитано такъ, чтобы каждый участникъ умѣлъ и желалъ самъ нести отвѣтственность за формулировку своей мысли. Каждая пядь, уступленная въ этомъ отношеніи кому-либо одному, хотя бы и первоизбраннику, будь то въ области прерогативъ или обязанностей, есть подрывъ подъ принципъ осуществленія народной воли. Народное представительство, уважающее свою роль, должно т р е б о в а т ь такого ограниченія власти предсѣдателя. Муромцевъ самъ себя ограничилъ и проводилъ это самоограниченіе съ необычайною послѣдовательностью, почти что съ упорствомъ.

«Предсѣдатель предсѣдательствуетъ; Дума обсуждаетъ и рѣшаетъ; дѣло другихъ органовъ — дѣлать практическіе выводы изъ этихъ рѣшеній». Такъ онъ недавно формулировалъ свое credo одному изъ газетныхъ интервьюеровъ. «Въ нѣкоторые моменты жизни первой Думы — прибавилъ онъ, — члены ея, особенно крестьяне, не разъ обращались ко мнѣ съ просьбой: «Вы бы съѣздили куда слѣдуетъ, объяснили бы». Я категорически отказывался, такъ какъ такое совмѣстительство функцій у предсѣдателя не считалъ конституціоннымъ».

Да, это жестко, сухо, но только такъ выковывается самостоятельное государственное учрежденіе, — такъ воспитывается уваженіе къ нему. Для Думы, призванной стать государственнымъ учрежденіемъ, Муромцевъ былъ предсѣдатель волею Божьею, совершенный, незамѣнимый.

Въ ту же сторону — организаціи Думы, какъ учрежденія — направлена была не только всѣмъ видимая, торжественная сторона дѣятельности Муромцева на трибунѣ Думы, запечатлѣнная на страницахъ думскихъ отчетовъ, но и вся огромная, хотя и никому не видимая, дѣятельность внѣ засѣданій Думы. Работать такъ, какъ работалъ предсѣдатель первой Думы и его канцелярія, не можетъ ни одно постоянное, непрерывно дѣйствующее государственное учрежденіе. Темпъ у нея былъ другой, необычный. Никакое учрежденіе и никакой человѣкъ, во главѣ его стоящій, не въ состояніи были бы въ теченіе мѣсяцевъ, а то и годовъ, исполнить ту огромную, не всегда замѣтную, кропотливую работу, которую исполнила Дума въ теченіе своего 72-дневнаго, исполненнаго горечи и тревогъ, существованія. Старые думскіе служащіе еще и теперь вспоминаютъ предсѣдателя, уходившаго вмѣстѣ съ секретаремъ въ три часа ночи изъ своего кабинета, для того чтобы на слѣдующій день

явиться ровно къ 10 час. и опять не выходить изъ зданія Думы до 3 час. ночи. Въ 11 час. онъ уже на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Засѣданія часто идутъ дневныя и вечернія. Предѣльныхъ часовъ для засѣданій нѣтъ, — ихъ быть не можетъ: работы такъ много и такой спѣшной. Дневное засѣданіе кончается въ 7—8 часовъ, вечернее затягивается далеко за полночь. А тутъ только начинается канцелярія, работа съ секретаремъ, сношенія съ властями. Машину надо еще только налаживать, никто ее не приготовилъ, а между тѣмъ необходимо ее сразу двигать — двигать въ совершенствѣ, какъ подобаетъ канцеляріи муромцевской Думы.

И этотъ тяжелый крестъ изнурительной до отупѣнія работы онъ взялъ на себя съ первой же минуты, съ той самой минуты, когда не остыли еще восторги, когда только что «свершилось великое». Торжественное засѣданіе кончено; Дума разошлась; городъ ликуетъ; депутаты радостные, осыпаемые цвѣтами, идутъ среди ликующей толпы; съ балконовъ льются рѣчи, народъ рукоплещетъ. А Муромцевъ? Гдѣ Муромцевъ? Герой минуты,первоизбранникъ среди первоизбранниковъ народныхъ? Нѣкоторые изъ общихъ друзей нашихъ, вѣроятно, припомнятъ вечеръ 27 апрѣля. Упоенные счастьемъ,мы собрались, человѣкъ 10-15, у меня на квартирѣ для рѣшенія неотложныхъ вопросовъ: объ отвѣтномъ адресѣ и другихъ событіяхъ ближайшихъ дней. Вечеръ былъ лѣтній, теплый, почти іюльскій. Пришли всѣ по-лѣтнему, налегкѣ, всѣ успѣли уже и пообѣдать и отдохнуть; головы свѣжія, полныя живыхъ впечатлѣній, бесѣда такъ и брызжетъ, веселая, возбужденная, — никому не охота заниматься. Часовъ въ 10 стали, наконецъ, засѣдать. Черезъ часъ звонокъ: появляется предсѣдатель Думы, во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, все еще сіяющій тѣмъ же свѣтомъ глубокаго внутренняго

восторга, въ какомъ онъ сходилъ въ первый разъ съ трибуны Думы.

— Что это? Откуда?

— Изъ канцеляріи Думы. Надо же было все устроить, наладить; и я предпочелъ остаться и все сдѣлать. Только накормите, ради Бога; съ утра ничего не ѣлъ.

Часъ былъ поздній; оказавшаяся подъ рукою скромная закуска послужила трапезою перваго предсѣдателя первой Думы въ первый день его избранія.

Затѣмъ шли дни радостные и нерадостные, а работа все росла и росла. Были у предсѣдателя два товарища, но онъ очень рѣдко сваливалъ тяжесть на ихъ плечи. Время было тревожное, отвѣтственное, поминутно требовался весь талантъ, весь тактъ, вся уравновѣшенность предсѣдателя. И предсѣдатель всегда оказывался на посту.

Теперь, когда прошли годы, когда первая Дума въ непосильной борьбѣ пала, когда отошелъ въ вѣчность и ея знаменосецъ, многіе — даже изъ друзей, искренно оплакивающихъ Муромцева — склонны не безъ иронiи изображать трагизмъ положенія, въ которомъ очутился Муромцевъ во главѣ Думы, великолѣпно управляемой, но никѣмъ не признаваемой. Это очень игриво, но и очень близоруко. Если первую Думу, даже по ученію самыхъ ярыхъ скептиковъ, надо было во всякомъ случаѣ использовать для того, чтобы съ трибуны ея просвѣтить населеніе для временъ будущихъ, то по меньшей мѣрѣ съ такой же, если не большею настоятельностью диктовалась обязанность использовать ее для временъ и будущихъ и ближайшихъ, организуя ее, какъ правильно и независимо дѣйствующее учрежденіе, какъ сосудъ, готовый вмѣстить блага, ожидаемыя отъ временъ грядущихъ. Первая Дума пала; но Дума, какъ учрежденіе, существуетъ даже и теперь, и какая бы ни прилипла къ

ней муть и гниль, онѣ безсильны были пошатнуть заложенные Муромцевымъ устои Думы, какъ организаціи.

И если въ народной памяти личность можетъ превратиться въ символъ, то символомъ нарожденія на Руси учрежденія, воплощающаго въ правовой формѣ волю народную, навсегда останется Муромцевъ.

Петербургъ, 1910.

ОТШЕЛЬНИКЪ ВЪ МІРУ

(А. Я. Пассоверъ)

Невысокая, худощавая фигура, съ продолговатымъ лицомъ, короткими, жесткими волосами, съ неправильнымъ очертаніемъ рта, съ кожею какой-то особенной прозрачности, бѣлою, розовѣющею въ моментъ возбужденія, желтою и мертвенною во время покоя, — глаза большіе, сѣрые, глубокіе, съ холоднымъ, стальнымъ блескомъ, смежающіеся какъ разъ настолько, чтобы не показать изъ души больше, чѣмъ хотѣлось ихъ хозяину. А показать хозяину хотѣлось такъ мало. И за всю долгую жизнь его, едва ли кто-либо много въ нихъ вычиталъ, — въ этихъ невеселыхъ, своеобразно-красивыхъ, сѣрыхъ, холодныхъ глазахъ.

Онъ сошелъ въ могилу, неузнанный, неразгаданный никѣмъ; едва ли и будетъ когда-либо разгаданъ. Дисциплина воли, все превозмогающая, отдана была всю жизнь на служеніе горделивой замкнутости, сознательно не желавшей допускать никого въ святыя святыхъ. Едва ли кто-либо изъ самыхъ близкихъ друзей — если здѣсь вообще умѣстны термины «другъ» и «близкій» — едва ли кто-либо вспомнитъ изъ бесѣдъ съ нимъ какой-нибудь значительный автобіографическій разсказъ, что либо выходящее за предѣлы внѣшняго, обыденнаго. Не знаю, жилъ ли когда-либо человѣкъ, такъ

рѣдко прибѣгавшій къ мѣстоименію «я». И это не была особая стыдливая скромность, недоцѣнивающая свои заслуги, не было тутъ и углубленной, во-внѣ направленной созерцательности, безсознательно отвращающейся отъ своего «я». Нѣтъ, это была сознательная,неусыпная охрана и самыхъ внѣшнихъ и самыхъ тончайшихъ чертъ своей индивидуальности отъ чужого вторженія, и еще въ большей мѣрѣ сознательное устраненіе всякой видимости, будто ему, одинокому среди шумной, чуждой ему и въ сущности презираемой имъ толпы, можетъ быть хоть въ малой степени цѣнна ея хвала или поруганіе. Ему претила собственно не только «толпа», но и общественность въ самой основѣ своей: она не давала ему никакого питанія,—раздѣленная скорбь не умалялась для него, радость раздѣленная не возрастала, — онъ не умѣлъ влагать душу въ творчество общественныхъ формъ, какъ таковыхъ. Было нѣчто стихійно-антагонистическое между нимъ и его великимъ сверстникомъ Спасовичемъ,который искалъ примирнеія между Байрономъ и«штатсъ-соціализмомъ»,искалъ его во всѣхъ сферахъ жизни и нашелъ прежде всего въ самомъ себѣ: въ кипучей работѣ не только въ области литературы и суда,но и во всѣхъ доступныхъ ему областяхъ общественной дѣятельности. Пассоверу была чужда эта подвижность,это увлеченіе переходомъ отъ одной общественной сферы къ другой и вообще увлеченіе непосредственной цѣлью.Спасовичъ былъ для него только «сеймикующій шляхтичъ» — не больше. Было и для Спасовича нѣчто чуждое въ фигурѣ Пассовера, но безсознательно чуждое, чему онъ никогда выраженія не давалъ и не искалъ; поскольку приходилось формулировать свое отношеніе, Спасовичъ не сходилъ съ почвы всеобщаго преклоненія передъ умомъ и талантомъ Пассовера.Тѣмъ не менѣе, у него оказались чрезвычайно нѣжные, даже

трогательные тона для Пассовера, когда праздновался день его юбилея, и въ словахъ, сказанныхъ имъ въ этотъ день, была такъ образно воспроизведена одна существенная черта Пассовера, какъ это не было сдѣлано ни до, ни послѣ того.

Einsiedler по природѣ, онъ былъ слишкомъ уменъ, да и слишкомъ поздно родился на свѣтъ Божій, для того, чтобы «удалиться въ пустыню» или просто повернуться къ міру спиною, — чтобы не видѣть необходимости прокладывать себѣ дорогу въ условіяхъ современнаго общежитія. Но онъ прокладывалъ ее по возможности въ сторонкѣ, отдавая с е б я въ минимальной дозѣ и не стремясь брать отъ общественности больше самой скромной пропорціи. Дружба, интимность — какъ мы ихъ обычно понимаемъ — были ему какъ бы отъ природы чужды. Не могу себѣ представить у Пассовера проявленій ласки и вообще внѣшней близости; онъ и руку подавалъ внѣ дома не иначе, какъ въ перчаткѣ. Когда на его юбилеѣ кто-то изъ молодыхъ поклонниковъ бросился цѣловать его, на лицѣ Пассовера изобразилось нѣчто вродѣ нелюдимаго ужаса, голова подалась назадъ, и поцѣлуй повисъ на воротникѣ пиджака.

Не было друзей, а были собесѣдники, — и этихъ собесѣдниковъ не онъ искалъ: его искали. Кто хотѣлъ отдохнуть душой на умной, игривой и разнообразной бесѣдѣ, могъ всегда найти въ утренніе часы, между 11—2 ч., въ большой зеленой гостиной на Французской набережной, доступнаго въ эти часы хозяина, принимавшаго тутъ же, въ гостиной, кліентовъ, выслушивавшаго тутъ же и сообщенія о дѣлахъ отъ своихъ сотрудниковъ и даже изготовленныя ими дѣловыя бумаги, — охотно, однако, бросавшаго всю эту стряпню, какъ только появлялся интересный собесѣдникъ, съ которымъ

тутъ же, въ той же компаніи, за тѣмъ же маленькимъ, овальнымъ столикомъ среди зеленой гостиной, завязывалась живая, искрящаяся бесѣда. А послѣ двухъ часовъ Сезамъ закрывался, — никто уже не зналъ, гдѣ хозяинъ, — находится ли онъ гдѣ-нибудь за городомъ, на своей одинокой, дальней, пѣшей прогулкѣ, или зарылся въ своихъ книгахъ; прислуга - чухонка, нарочито выбираемая изъ непонимающихъ по-русски, произносила ломаннымъ языкомъ единственную внушенную ей фразу: «нѣту дома » — а на всѣ дальнѣйшіе разспросы съ улыбкой пожимала плечами.

Былъ десятокъ-другой людей помоложе, — отъ времени до времени мѣнявшихся въ своемъ составѣ, — бывавшихъ у него чаще въ эти утренніе часы, сопровождавшихъ его иногда въ прогулкахъ. И съ ними велись шутливыя бесѣды, говорилось о мелочахъ дня, — иногда, весьма рѣдко, когда хозяинъ на мигъ терялъ бдительность, проскакивало нѣчто изъ глубины, но клапанъ быстро закрывался, и опять шли шутки, каламбуры, мелочи... Семьи онъ не завелъ. «Во-первыхъ, геніальные люди не женятся», — такъ онъ отпарировалъ какъ-то разъ выдвинутое имъ же предположеніе, будто общій нашъ пріятель N. считаетъ себя геніальнымъ человѣкомъ. Это не былъ, конечно, аскетизмъ — отнюдь нѣтъ, — а стихійное отвращеніе отъ затягиванія около себя узла, хотя бы въ видѣ самой маленькой, самой нѣжной общественной ячейчи.

II.

«Люди скрытны, недоступны и уединены... но мысль, которую они не открывали даже лучшимъ своимъ друзьямъ, написана ясными словами для насъ, постороннихъ людей иного вѣка...Мы обязаны к н и г а м ъ тѣми

главными благодѣяніями, которыя исходятъ отъ высокихъ разумныхъ дѣйствій».

Это изреченіе англійскаго моралиста Эмерсона, правильное для эремитовъ всѣхъ временъ и настроеній, — для отшельниковъ, физически ушедшихъ отъ суеты мірской, — для скептиковъ и мизантроповъ, съ высоты философскихъ принциповъ презиравшихъ и отвергавшихъ не только человѣческое общество, но и человѣка — правильное для Монтэня и Шопенгауэра, — оказалось неправильнымъ для него, хотя, можетъ быть, никто болѣе, чѣмъ онъ, не испыталъ того благодѣянія, которое исходитъ отъ книги. «Скрытный, недоступный, уединенный», онъ прожилъ жизнь и не написалъ ясными словами для насъ «той мысли, которую онъ не открывалъ друзьямъ». Почему? Быть можетъ, она не сложилась въ систему, не оказалось въ ней единаго начала, расплескивалась на отдѣльные блестящіе, но разрозненные бызги? Или литературный талантъ изложенія не отвѣчалъ мѣрѣ горделивой требовательности автора? Или просто не стоило: для кого писать? Предѣлъ угрюмаго презрѣнія—не высказывать даже этого презрѣнія...

А между тѣмъ, какъ дорога была ему «мысль,написанная ясными словами»» — написанная не имъ, а другими. Это была особенная, всеобъемлющая любовь къ книгѣ, какъ таковой. Она выродилась со временемъ въ страсть, проникавшую весь его обиходъ. Онъ сталъ любить книгу, какъ предметъ, — любилъ ее видѣть, обладать ею. Ежедневно опредѣленный часъ посвящался чтенію каталоговъ, любимыя бесѣды происходили съ антикваріями, съ переплетчиками. Еще недавно берлинскій его антикварій разсказывалъ мнѣ, какъ онъ съ нимъ проводилъ свободные вечера въ бесѣдахъ, какое онъ при этомъ обнаруживалъ колоссальное знаніе

всѣхъ библіографическихъ деталей: цѣнъ, форматовъ, изданій, условій книжнаго рынка.

— Ахъ, какой бы изъ него вышелъ антикварій! — смаковалъ простодушный нѣмецъ.

Изъ всѣхъ странъ міра доставлялись ему каталоги, — книги закупались, по его порученію, антикваріемъ и даже не пересылались ему, годами онѣ хранились тамъ, въ Берлинѣ, — быть можетъ, еще и въ другихъ мѣстахъ, — и только по особому требованію высылалась то та, то другая изъ закупленныхъ книгъ. Къ моменту его смерти на рукахъ у берлинскаго антикварія оказалась цѣлая коллекція книгъ, которыя Пасссоверъ считалъ своими, хотя никогда ихъ не видѣлъ. Что особенно замѣчательно, это — что въ числѣ прочихъ закуплена была берлинскимъ антикваріемъ, спеціалистомъ по юриспруденціи, цѣлая масса книгъ естественнонаучнаго содержанія, пролежавшая рядъ лѣтъ и такъ и оставшаяся на рукахъ его въ Берлинѣ...

Однажды, помню, мы съ нимъ вели бесѣду о польскихъ историкахъ, и я лестно отозвался объ «Исторіи Польши» Бобржинскаго. Черезъ нѣсколько минутъ случайно является какой-то кліентъ-полякъ, благодаритъ за оказанную ему помощь и сконфуженно спрашиваетъ о размѣрѣ гонорара.

— Вы знаете книгу Бобржинскаго «Dzieje Polski?» Такъ вотъ поднесите мнѣ ее, какъ гонораръ.

— Какъ, такая мелочь?(книга стоила всего рубля 3).

— Помилуйте, вѣдь это превосходная книга! Отличный будетъ гонораръ.

И обычнымъ движеніемъ далъ понять, что разговоръ конченъ, и получилъ гонораръ — «Исторію» Бобржинскаго.

Пусть все это чудачества, но они проистекали изъ источника, которымъ питалась и согрѣвалась вся жизнь

человѣка. Они выросли изъ глубочайшаго интереса къ человѣческой мысли. Этотъ интересъ не имѣлъ только противовѣса въ другихъ душевныхъ рессурсахъ: волевыхъ, эмоціональныхъ, эстетическихъ. Волевые импульсы всецѣло во власти разума — ни одной пяди для самодовлѣющаго ихъ проявленія, — никакой имманирующей цѣли, требующей дѣла, какъ такового. Въ литературной области, въ которой эстетическія влеченія проявлялись у него въ наибольшей мѣрѣ, — чувствительность только къ величавому, къ классическому, къ Гомеру, къ Данте, — и чувствительность, я бы сказалъ, процѣженная черезъ мозгъ, а не черезъ сердце. Онъ любилъ говорить о великихъ писателяхъ; радовался появленію «Иліады» въ новомъ переводѣ, убѣждалъ Минскаго бросить всѣ занятія и взяться за переводъ Данте. Но недоставало ему необходимаго для глубокаго эстетическаго воспріятія, особаго ощущенія связности явленія и возсоздающаго его образа. Отсюда душевный складъ, глубоко дисгармоническій, обреченный на внутренній разладъ. Оставался только интересъ къ самой игрѣ мысли, какъ таковой — радостное ощущеніе отъ преодолѣнія умственной задачи и особенно острое удовольствіе отъ той парадоксальной игры мысли, которая находитъ свое выраженіе въ шуткѣ, въ анекдотѣ.

И случилось такъ, что преодолѣніе логическихъ трудностей стало его жизненнымъ дѣломъ; шутка, насмѣшка стала его общежительной стихіей. Въ атмосферѣ шутки проходили бесѣды — шутка отгораживала отъ назойливаго вторженія въ душу чужого, нескромнаго глаза, шутка стала большимъ,непомѣрно большимъ источникомъ удовлетворенія въ жизни.

Быть можетъ, въ этомъ отношеніи къ шуткѣ, къ сарказму сказалось еще нѣчто гораздо большее. Въ воспоминаніяхъ выступаетъ тутъ невольно еще одна черта: тонкое, превосходное знаніе людей. Вотъ ужъ кто по-истинѣ могъ бы легче, чѣмъ на флейтѣ, играть свободно на струнахъ сердца человѣческаго. Могъ бы, если бы сильнѣе были общественно-волевые инстинкты... Говорятъ, Спасовичъ когда-то назвалъ его Гамлетомъ. Не рѣшаю здѣсь вопроса, насколько это вѣрно вообще, — но несомнѣнно, было что-то гамлетовское въ этомъ глубокомъ прозрѣніи въ чужую душу и чаще всего въ мрачныя стороны этой души. Можно стать ипохондрикомъ, отшельникомъ — при такой прозорливости. А поскольку остаешься жить среди людей и сталкиваешься съ ними изо дня въ день, поневолѣ проявляешь свой талантъ въ устраненіи съ своего пути по меньшей мѣрѣ всего пошлаго, въ легкомъ и презрительномъ удовлетвореніи мелкихъ самолюбій, въ насмѣшкѣ надъ человѣческою немощью, иногда въ снисхожденіи къ ней, а главное — въ умѣніи ставить другихъ на мѣсто и охранять свое мѣсто. Въ тысячѣ мелочей это сказывалось: въ тонѣ привѣтствія и прощанія, въ избраніи момента, когда надо подняться и разговоръ закончить, въ перемѣнѣ темы разговора, въ недоговоренной фразѣ, въ неподхваченномъ намекѣ. Всю эту филигранную работу онъ исполнялъ мастерски. Радости только это мастерство доставляло ему мало: слишкомъ ясно видѣть значитъ вѣдь не знать увлеченій, не испытывать очарованій...

III.

Однако, та умственная сила, которая, царствуя безраздѣльно, не примиренная, гармонически не связанная съ другими, не радовала его самого, — не оказалась

ли силою плодотворною въ дѣйствіи наружу, когда она озаряла своимъ свѣтомъ чужія души — души, не зараженныя внутреннимъ разладомъ, жаждущія восполненія именно въ этой, недостающей имъ стихіи? Безплодно ли гибла эта сила «въ бездѣйствіи пустомъ» или творила работу, сѣяла жизнь? Давно сказано, что умъ — что ножъ острый: имъ убиваютъ на большой дорогѣ, имъ же рѣжутъ хлѣбъ въ семьѣ. Но остріе его рѣжетъ подчасъ самого носителя, создавая въ то же время «хлѣбъ для семьи»...

И несомнѣнно, что огромному уму Пассовера суждена была именно такая участь. Онъ оказывался творческимъ, живительнымъ началомъ, сплетаясь въ душѣ тѣхъ, на кого приходилось ему дѣйствовать, — въ душѣ слушателя, въ душѣ судьи, въ душѣ руководимыхъ имъ молодыхъ стажьеровъ, — съ иными, болѣе полно расцвѣтшими элементами душевной жизни, сплетаясь или хотя бы расчищая логически путь къ ихъ проявленію. Сколько разъ уже самый ѣдкій скепсисъ расчищалъ и удобрялъ почву, на которой взростали и развивались самыя жизненныя и подчасъ жизнерадостныя философскія системы. Пассоверъ не былъ умомъ философскимъ въ строгомъ смыслѣ. Онъ не создалъ какой-либо единой системы, онъ не обладалъ единымъ, основополжнымъ началомъ и въ той области, въ которой онъ проработалъ всю жизнь. Но тѣмъ конкретнымъ кругомъ явленій, къ которому приходилось ему въ каждый отдѣльный моментъ прилагать свою силу, онъ овладѣвалъ съ такою необычайною мощью, окружалъ ее такимъ желѣзнымъ обручемъ присущихъ ей законовъ логической связности и развитія, что для даннаго случая, для даннаго круга явленій это было подлинное вдохновенное творчество. Пусть черезъ минуту самъ творецъ, душевно раздвоенный, не испытывалъ уже радости, при

созерцанія своего творенія. Вамъ, зрителю, слушателю, оно было нужно, полезно,подчасъ незамѣнимо.Формально-логическій методъ не единственный, а на мой взглядъ даже и не главный, элементъ въ развитіи и примѣненіи правовыхъ нормъ; но онъ — элементъ необходимый, и необходимымъ всегда останется. И пусть въ отдѣльномъ случаѣ не ему достанется побѣда, — пусть въ борьбѣ съ другими правообразующими началами онъ въ конкретномъ случаѣ уступитъ имъ рѣшающую роль, — самая эта побѣда будетъ прочна и справедлива только тогда, когда со всею силою и до конца будетъ испытано на данномъ конкретномъ случаѣ это формально-логическое начало. Въ этомъ кроется отвѣтъ на вопросъ, мучившій нѣкогда и окружавшую Пассовера молодежь: гдѣ его талантъ, гдѣ его геній? По классическому опредѣленію Гете, геній обнаруживается въ продуктивности. Гдѣ же продуктивность — ни единой строки не написано, ни единаго общаго начала не провозглашено? А вотъ въ этомъ самомъ повседневномъ выявленіи истины путемъ приложенія къ неяснымъ, спутаннымъ жизненнымъ явленіямъ могучаго рычага логики. Да, предѣлы примѣненія этого орудія и въ области гражданско-правовой далеко не такъ широки, какъ кой-кому кажется. Примѣненіе этого метода становится безопаснымъ, лишь когда онъ сопровождается здоровымъ сознаніемъ соціальныхъ, психологическихъ и своеобразно-эстетическихъ основъ института, въ сферѣ коего правоотношеніе создалось и развивается. Ошибка въ ощущеніи этой основы можетъ сдѣлать безплоднымъ и самый мастерскій формально-логическій пріемъ; онъ повиснетъ въ воздухѣ и будетъ неубѣдителенъ. Но разъ основа такъ или иначе избрана, исходный пунктъ найденъ — она не можетъ быть развита дальше и примѣнена къ конкретному случаю иначе, какъ путемъ формально-логическаго

мышленія: внутри даннаго, очерченнаго другими стимулами, круга явленій, оно, это логическое мышленіе, единственный полновластный хозяинъ.

Мало того: иногда неважно даже, кѣмъ найдена самая основа. Огромная заслуга лежитъ уже въ ея прояснѣніи, въ развитіи. Пассоверу чаще всего приходилось и въ консультаціяхъ, и въ конференціяхъ говорить послѣднимъ. И въ заключеніяхъ его вы ясно видѣли подчасъ чужія, только что выслушанныя мысли, иногда ваши же мысли, — но всѣ эти мысли выходили преображенными: кое - какая на голову разбита, а иная увѣнчана сіяніемъ, которому вы, авторъ, могли только радоваться. Нельзя сказать, чтобы тѣ, кому приходилось съ нимъ консультировать — все равно, молодые или старые — не испытывали нѣкоторой тревоги въ минуту, когда начинался этотъ страшный судъ надъ ихъ мыслями; ибо бой бывалъ нещадный, и никогда по началу неизвѣстно было, какою дозою перца будетъ приправлено въ концѣ концовъ состряпанное изъ тебя же кушанье. И сказать ли правду? Даже тогда, когда мы внутренно не сдавались, блескъ его критики такъ ослѣплялъ, что все предшествовавшее блекло, мы не возражали, оставался на полѣ битвы одинъ Пассоверъ, снисходительно заканчивавшій бой одною изъ обычныхъ своихъ шутокъ и бравшійся тутъ же за шляпу: значитъ, все, господа, кончено.

Трудно сказать, впрочемъ, что въ этомъ подчиненіи старшихъ и младшихъ, походившемъ на истинное преклоненіе, дѣйствовало больше: убійственная ли сила аргументовъ, или особенная, присущая Пассоверу внѣшняя авторитетность, сознаніе своей силы. Одно несомнѣнно: преклоненіе передъ этою силою и авторитетомъ было какое - то, я бы сказалъ, паническое: я не видалъ человѣка, который бы въ его присутствіи чув-

ствовалъ себя выше его, и не видалъ никого, — мало того: не могу мыслить никого, — передъ кѣмъ онъ, Пассоверъ, согнулся бы. «У васъ прямая спина», сказалъ ему Спасовичъ во время его чествованія, и со свойственною ему рѣзкостью движенія очертилъ въ воздухѣ однимъ взмахомъ прямую, негнущуюся стѣну.

IV.

Пассоверъ готовился къ научной дѣятельности, но, какъ еврей, долженъ былъ отказаться отъ этой мысли и сталъ адвокатомъ. «За необращеніемъ въ православіе — говаривалъ онъ — обращенъ въ адвокатуру». Можно негодовать и скорбѣть по этому поводу съ общей точки зрѣнія; но лично по отношенію къ Пассоверу скорбѣть о случившемся, по моему глубокому убѣжденію, не приходится. Я согласенъ съ Н. П. Карабчевскимъ, что такъ оно было къ лучшему. Въ адвокатурѣ Пассоверъ сталъ крупною, первенствующей силою; а что онъ далъ бы наукѣ, остается подъ вопросомъ. Надо полагать, на профессорской каѳедрѣ онъ обнаружилъ бы тотъ же педагогическій талантъ, тотъ же даръ яснаго, до непререкаемости убѣдительнаго, изложенія, какой проявлялъ предъ судьями. Но это вѣдь только педагогика, а не наука. Творить въ области науки — творить въ большомъ масштабѣ — значитъ создать и прилагать къ явленіямъ свою особую мѣру вещей, давать въ построеніи и даже въ самой критикѣ свое положительное мѣрило. И если это дано человѣку, оно скажется и внѣ университетской каѳедры. Человѣкъ погружался и безъ того непрерывно, изо дня въ день, въ книги, стоялъ, такъ сказать, у самыхъ вратъ науки, и ничто ему не мѣшало, будь у него туда истинное влече-

ніе, входить въ нихъ и даже совсѣмъ за ними затворить-ся. И однако...

Впрочемъ, не эта внѣшняя сторона особенно характерна. Характерно то, что нельзя было бы указать какого - нибудь широкаго положительнаго начала, которое руководило его мыслью въ области той или иной дисциплины, той или иной сферы человѣческаго творчества.Уже одно множество духовныхъ интересовъ, привлекавшихъ его вниманіе, представляется опаснымъ: рѣдкій умъ человѣческій въ состояніи быть творческимъ при такомъ объемѣ интересовъ. И бесѣды Пассовера носили потому характеръ отдѣльныхъ блестящихъ замѣчаній, разнообразныхъ по предмету и разрозненныхъ по существу своему. Но сколь часто они ни вращались въ одной и той же сферѣ, сколь близко и вплотную вы ни подходили уже къ властвующей въ данной области идеѣ - матери, вы никогда до нея не добирались, — игривымъ поворотомъ попадали опять въ боковой ходъ, опять блестящее замѣчаніе, иногда скачокъ въ другую область, и все тутъ: ничего больше. Это было всегда умно, критика — особенно критика — бывала ѣдка, неумолима, но и въ критикѣ вы на протяженіи времени не чувствовали подлиннаго единства. Для даннаго момента, для данной конъюнктуры, для даннаго случая, въ данномъ, всегда неполномъ, кругѣ конкретнаго случая, она была полна, закруглена, непреоборима.

Но то, что было бы недостаткомъ въ ученомъ, не было недостаткомъ въ адвокатѣ. Для защиты конкретнаго случая, конкретнаго положенія, нуженъ въ каждый отдѣльный моментъ небольшой, но крѣпко связанный кругъ мыслей, руководимый сильнымъ мыслительнымъ аппаратомъ. У одного этотъ аппаратъ можетъ дѣйствовать по законамъ формальной логики, у другого по законамъ психологической или — если угодно — эстети-

ческой связности явленій, — это неважно: важно владѣть даннымъ кругомъ, быть въ немъ хозяиномъ, и изнутри, изъ него исходя, пускать въ бой свое оружіе. И адвокатъ можетъ съ огромнымъ успѣхомъ — и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ — защищать дѣла, выявлять по убѣжденію своему частицы истины, хотя бы онъ не обладалъ единою основною истиною. Единымъ, связующимъ можетъ оказаться — сознательно или безсознательно примѣняемый — методъ изслѣдованія даннаго круга явленій, и чѣмъ этотъ методъ качественно сильнѣе, тѣмъ крупнѣе заслуги, тѣмъ вѣрнѣе результатъ. Это не значитъ, конечно, что личность адвоката вообще не можетъ отразиться въ его юридическихъ воззрѣніяхъ на протяженіи его дѣятельности. Оно возможно, но не неизбѣжно: и значеніе адвоката, какъ такового, какъ защитника даннаго правового интереса, можетъ быть громадно и при отсутствіи этого всепроникающаго единства.

V.

Единство метода... Когда примѣняешь это понятіе къ конкретному человѣку, оно всегда имѣетъ значеніе относительное, — такъ рѣдко оно вполнѣ и до конца реализуется; по отношенію къ Пассоверу оно имѣло характеръ почти абсолютный. Въ палитрѣ у него не было яркихъ красокъ, да и вообще палитры у него не было,—не было у него и лирики:παθоса страсти, обиды за поруганное моральное или иное общежительное начало.У него плакалась, страдала и звала къ возмездію поруганная логическая послѣдовательность. Взывала къ возмездію и чаще всего этого возмездія добивалась. Въ посмертныхъ воспоминаніяхъ о Пассоверѣ описывалось не разъ, какъ старцы Правительствующаго Сената

слушали его, точно зачарованные, увлекамые, сами не зная куда. Все это такъ и было. Случалось, однако, что вотъ идутъ-идутъ за нимъ и вдругъ разомъ остановятся: слишкомъ тонко, слишкомъ далеко ужъ ушло отъ нутра. Были и такіе, которые разомъ становились на дыбы, упорствовали, зная, что достаточно поддаться, потомъ ужъ не воротишься къ себѣ.

И Пассоверъ зналъ эту опасность, какъ онъ вообще превосходно зналъ и свои слабости, и слабости своихъ слушателей. Онъ зналъ, что его методъ особенно опасенъ и труденъ въ русскомъ судѣ, — не только вслѣдствіе слабаго развитія у нашихъ судей теоретическихъ знаній, но въ виду самой психики русскаго судьи, далекаго отъ раціоналистическихъ крайностей французскаго легиста или нѣмецкаго гелертера. Онъ зналъ это и сознательно приспособлялъ свой аппаратъ къ ауди-торіи. Вы чувствовали, что весь подъемъ его, все возбужденіе — въ доказательствѣ какой - то носящейся передъ нимъ абстракціи, въ тонкой связи двухъ общихъ посылокъ, въ соединеніи и противопоставленіи; а между тѣмъ, ни одного абстрактнаго термина, ни одной юридической теоремы — все статьи X тома, нашего устарѣлаго гражданскаго кодекса. Черезъ этотъ фильтръ все процѣжено, туда все вложено; всѣ выводы, всѣ конструкціи строятся уже на подобранной для сего буквѣ X тома. Въ этомъ была несомнѣнно нѣкоторая искусственность; X томъ брался не въ руку вѣрующаго и искренно имъ клянущагося:онъ брался, какъ инструментъ, на которомъ можно было наигрывать въ привычное ухо не всегда свойственныя его струнамъ мелодіи. И не диво, что струна иногда лопалась отъ перенапряженія. А иногда — и, пожалуй, гораздо чаще — слушатели слушали, видѣли, что въ рукахъ у маэстро привычный для нихъ инструментъ, и вѣрили, что музы-

ка именно оттуда и исходитъ. Ахъ, сколько жертвъ приходилось приносить ради этой цѣли бѣдному маэстро! Онъ такъ не высоко цѣнилъ музыкальный слухъ и пониманіе своихъ судей, — и чѣмъ выше возносилась мысль, тѣмъ ниже приходилось спускаться, чтобы стать имъ въ уровень. Онъ всегда внушалъ и своимъ питомцамъ: не надо брать слишкомъ высокихъ нотъ, надо спускаться до пониманія судей. Онъ и выраженія подбиралъ попроще, всячески избѣгалъ иностранныхъ словъ и даже умышленно съ нѣкоторою манерностью произносилъ простовато русскія слова.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всю искусственность пріемовъ, на необходимость неусыпно быть на стражѣ, этотъ процессъ — и только онъ — видимо его возбуждалъ и поднималъ. Вотъ настаетъ моментъ, когда нужно выступать. До этой минуты худенькій человѣкъ въ застегнутомъ на всѣ пуговицы фракѣ, съ адвокатскимъ знакомъ не въ петлицѣ, какъ у всѣхъ, а на груди, въ сѣрыхъ замшевыхъ перчаткахъ, сидѣлъ тамъ, гдѣ - то въ толпѣ, незамѣтный, опустивъ голову, закрывъ глаза, — исхудалая, желтая, мертвенная фигура. Настаетъ его очередь — фигура угловатою походкою приближается къ каѳедрѣ — раздается какой-то неясный, никому неслышный, робкій шопотъ. Невольно настораживаются уши. Не къ чему: черезъ минуту исчезъ уже куда-то маленькій робкій человѣкъ, движенія оживаютъ, голосъ набухаетъ сильными, подчасъ раскатистыми звуками, глаза раскрылись и блещутъ своимъ сѣрымъ, стальнымъ блескомъ, — часто злымъ, безжалостнымъ, насмѣшливымъ блескомъ, — лицо розовѣетъ, точно молодая кровь въ немъ играетъ. То играетъ мысль. Точно комокъ нервовъ передъ вами движется, сыплются искры, онѣ мигаютъ у васъ передъ глазами, и вы не видите уже ни маленькаго человѣка, ни его движеній, не

замѣчаете, его ли это голосъ, или нѣтъ, вы только видите блескъ этихъ искръ и любуетесь и увлекаетесь ими, какъ дивною, ошеломляющею игрою. Какъ рѣшить споръ, — ахъ, да это въ сущности не такъ важно; конечно, вы рѣшили бы его, какъ онъ хочетъ, но вы охотно отъ себя отталкиваете этотъ вопросъ,—Богъ его вѣдаетъ, пускай рѣшаютъ, какъ знаютъ. Но главное : блескъ-то какой,игра какая.И онъ самъ увлеченъ именно игрою, этимъ всплескомъ вздымающихся волнъ—выводовъ, заключеній, построеній, громоздящихся куда-то вверхъ въ поднебесье, связываемыхъ, соединяемыхъ, отталкиваемыхъ, вновь разъединямыхъ... Гдѣ вы найдете еще пловца такого?Вотъ оно, мгновенное, но истинное упоеніе творчествомъ. Всѣ покоящіяся, сознательно сдавливаемыя силы тутъ - то сосредоточиваются, тутъ рвутся наружу; здѣсь ихъ торжество, здѣсь таинство ихъ откровенія. Но вотъ игра идетъ къ концу. Лицо опять мертвѣетъ, фраза медленно застываетъ и незамѣтно замираетъ, руки опускаются; худенькій человѣкъ въ застегнутомъ фракѣ неторопливо возвращается на мѣсто.

VI.

Рѣчей печатныхъ Пассоверъ не оставилъ. Онъ умудрился даже оградить себя отъ напора газетныхъ репортеровъ и стенографовъ, и ни одна рѣчь его, насколько мнѣ извѣстно, не попала въ полномъ видѣ въ газеты, если не считать нехарактерной для него по темѣ и очень ранней рѣчи по дисциплинарному адвокатскому дѣлу, да еще какой - то защитительной рѣчи по уголовному дѣлу. Изъ гражданскихъ рѣчей, — а въ нихъ-то и проявлялась его сила — не напечатана ни одна. Случайно ,однако, у меня на рукахъ осталась одна гражданская рѣчь его, вся полностью; храню ее, какъ рѣдкость, — она едва ли не уникумъ. Рукопись не его, ко-

нечно. Писалъ ли онъ вообще рѣчи, писалъ ли замѣтки, конспекты, и какъ онъ обычно готовился къ дѣлу — все это тайна, которую онъ унесъ съ собою въ могилу. На судъ во всякомъ случаѣ онъ являлся безъ писанной рѣчи и безъ всякихъ замѣтокъ — вообще безъ какихъ - либо бумагъ, безъ книгъ, безъ портфеля. Адвокатъ передъ судомъ долженъ говорить — такъ гласила его теорія, и теорію эту онъ, какъ всегда, осуществлялъ съ педантичною неуклонностью. Статьи законовъ, цитаты, текстъ документовъ, цифры, даты — все это приводилось наизусть, точно съ судьей ведется разговоръ, и точно всѣ эти детали тутъ же только и припоминаются. Иногда прибавлялись словечки: «Если я правильно припоминаю, то это статья закона такая-то», — или «кажется, а можетъ быть я ошибаюсь, такое рѣшеніе сената состоялось тогда - то», хотя на статьѣ закона строилась чуть ли не вся защита, а сенатское рѣшеніе наканунѣ тщательно обсуждалось въ предварительномъ совѣщаніи адвокатовъ.

Рѣчь, которая у меня сохранилась, была записана стенографомъ и провѣрена лично Пассоверомъ: экземпляръ съ собственноручными поправками Пассовера у меня и хранится.Дѣло, къ которому она относится (о выкупѣ петербургской конки), велось Пассоверомъ совмѣстно съ Муромцевымъ и мною. Рѣчи наши, произнесенныя 22 декабря 1900 года въ С.-Петербургской судебной палатѣ, предполагалось напечатать, такъ какъ печаталось все производство по дѣлу; предположеніе это потомъ, однако, не осуществилось, и рѣчи остались у меня.

Рѣчь эта не принадлежитъ, къ сожалѣнію, къ числу лучшихъ его рѣчей; но она все же отражаетъ нѣкоторыя особенности его пріемовъ, хотя несомнѣнно тѣ же особенности въ гораздо болѣе чистомъ видѣ могли

бы быть почерпнуты изъ другихъ, болѣе значительныхъ, но, къ сожалѣнію, не сохранившихся рѣчей.

На этой рѣчи, какъ на единственномъ «человѣческомъ документѣ», я хотѣлъ бы остановиться. Документъ этотъ имѣетъ къ тому же одну рѣдкую и цѣнную особенность: это поправки Пассовера. Человѣкъ сказывается не только въ томъ, что онъ сказалъ, но и въ томъ, что изъ сказаннаго пожелалъ вытравить, когда рѣчь должна была идти въ публику, должна была сохраниться въ печатномъ видѣ. Къ этимъ поправкамъ не мѣшаетъ потому присмотрѣться. Стенографическая запись въ общемъ была сдѣлана прекрасно. Огромная цѣпь сложныхъ доводовъ осталась почти безъ всякихъ исправленій. А вотъ гдѣ являются исправленія, — вѣрнѣе, устраненіе сказаннаго: тамъ, гдѣ рѣчь пріобрѣтаетъ живость, гдѣ чувствуется вольный переливъ фразы, рѣзкій возгласъ, недоумѣніе; все это старательно вычеркивается и замѣняется банальною, казенною фразою, самымъ сѣрымъ, обычнымъ книжнымъ оборотомъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ рѣчи было сказано: «Городъ предлагаетъ производить ежегодные платежи по такой схемѣ: извѣстную часть въ пользу Общества, другую часть облигаціонерамъ. Какъ выражаются французскіе ораторы, я всѣми силами души буду протестовать противъ такого дѣленія». Кто слышалъ когда-либо Пассовера, тотъ ни на минуту не усумнится, что онъ именно такъ сказалъ: эта полушутливая, полупомпезная фраза, при помощи которой произносится слово «протестъ», но торжественность его тутъ же умаляется легкою насмѣшкою по адресу... французовъ,—это несомнѣнное произведеніе Пассовера; да и стенографы такихъ вещей не выдумываютъ. А между тѣмъ рукою

Пассовера всѣ «французскіе ораторы» упразднены, — вся фраза: «Какъ выражаются...» и т. д. вычеркнута, и на ея мѣсто вписано: «Противъ такого дѣленія придется возразить».

Въ другомъ мѣстѣ имѣется живой, обычный въ разговорной рѣчи оборотъ: «Въ этомъ отношеніи есть сходство между выкупомъ и куплей - продажей. Ну, относительно купли - продажи, что говоритъ X томъ? Переберемъ нѣсколько статей X тома. 1426 ст. говоритъ... и т. д.". Въ этомъ пассажѣ вычеркнута вся фраза «Переберемъ нѣсколько статей X тома»; зачеркнуто даже маленькое «Ну»...

Въ стенограммѣ было сказано: «Сколько тутъ разсужденій, столько недоразумѣній, сколько словъ, столько промаховъ», — послѣднія четыре слова зачеркнуты, и на ихъ мѣсто вписано: «въ примѣненіи къ нашему дѣлу». О статьѣ закона (1513 ст.) сказано было: статья «популярная и многострадальная»; эта характеристика зачеркнута. Кое гдѣ выбрасывается весь вопросительный оборотъ («Неужели намъ и тогда нужно передать городу платформы, вагоны, лошадей?»), очевидно, только за его живость, ибо онъ даже не замѣненъ ничѣмъ, и мысли остаются безъ нужной связи. Еще въ другомъ мѣстѣ зачеркнуты два словечка: «Ну, хорошо», — повинныя, несомнѣнно, не въ томъ, что они не были сказаны, а только въ томъ, что ими открывается живое движеніе мысли или рѣчи автора больше, чѣмъ онъ того желаетъ, — какъ оно вырвалось невольно въ минуты творческаго подъема.

Все это мелочи, характеризующія отношеніе къ произнесенной рѣчи, воспроизводимой въ печати. Но особенно существенно, конечно, не это, а самая рѣчь, ея строеніе. И на этомъ пунктѣ приходится остановиться

нѣсколько подробнѣе, ибо рѣчь эта, какъ сказано, почти единственный вещественный слѣдъ его творчества.

Центральное мѣсто въ защитѣ интересовъ конки занималъ анализъ понятія «выкупъ»: городъ, требуя отъ конки передачи предпріятія, не указалъ правильной цѣны, путался, мѣнялъ свои предложенія, не указывалъ, какъ будетъ платить, не предлагалъ никакого обезпеченія тяготѣвшаго надъ предпріятіемъ облигаціоннаго займа и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы общество считалось недобросовѣстнымъ владѣльцемъ съ момента перваго заявленія о выкупѣ, которое самъ городъ признавалъ неправильнымъ.

Возникалъ потому вопросъ о значеніи опредѣленности цѣны при выкупѣ, а этотъ вопросъ вызвалъ сопоставленіе выкупа съ куплею - продажею. Вопросъ былъ выдвинутъ съ перваго же момента С. А. Муромцевымъ (который одинъ велъ дѣло въ первой инстанціи) и былъ разработанъ имъ съ большою полнотою въ массѣ обширныхъ состязательныхъ бумагъ, занявшихъ значительную часть трехъ печатныхъ томовъ судебнаго производства. Къ этому наиболѣе общему въ дѣлѣ, отвлеченному вопросу надо было подойти и Пассоверу. Но уже двѣ трети рѣчи прошли, — а онъ все нанизываетъ одинъ за другимъ разные пункты договора, устава, перебираетъ мелкіе вопросы: о природѣ выкупа ни слова. И вотъ уже, кажется, конецъ: онъ заявляетъ, что дѣлаетъ «послѣднее замѣчаніе». Какъ такъ «послѣднее»? а гдѣ же вопросъ о выкупѣ? Да, послѣднее. Правда, потомъ, черезъ семь страницъ, оказывается еще «самое послѣднее возраженіе», которое еще займетъ двѣ страницы. Но пока что мы этого не знаемъ и слышимъ: «Послѣднее замѣчаніе мое будетъ относиться къ требованію дохода съ 1 января 1896 года». Какъ видите, все еще нѣтъ ни слова о природѣ выкупа, объ отношеніи къ куплѣ. Далѣе слѣдуетъ: «Но по

поводу этого замѣчанія, такъ какъ это будетъ послѣднее замѣчаніе и затѣмъ я кончу, я могу представить объясненіе, полезное для всего дѣла». Видите, сколько оправданій и смягченій передъ готовящимся введеніемъ общей теоріи, — чего - то пахнущаго абстракціей: это будетъ - де и конецъ уже, и «полезно для всего дѣла"... «Я выскажу общую мысль, примѣнимую почти ко всѣмъ рубрикамъ, которыя были мною сейчасъ пройдены». Все еще подготовка: не пугайтесь, не будетъ ничего новаго, ничего страшнаго, все это уже собственно пройдено, я скажу только общую мысль. И, наконецъ, только ставится вопросъ: «Что такое выкупъ? позволю себѣ подъ конецъ встать на такую общую, абстрактную точку зрѣнія, какъ метафизикъ въ баснѣ". Слова « какъ метафизикъ въ баснѣ » въ стенограммѣ зачеркнуты, но кто сомнѣвается въ томъ, что они были сказаны?

«Что такое выкупъ?» повторяетъ онъ.«Выкупъ—это есть видовое понятіе купли: кто желаетъ выкупить, тотъ желаетъ купить. Конечно, тутъ есть и нѣкоторая разница, потому что выкупъ есть покупка выговоренная. Но это не составляетъ аномаліи въ области X тома. Мало мальски серьезной куплѣ-продажѣ предшествуетъ запродажа, въ которой выговаривается право купить и обязанность продать. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи есть сходство между выкупомъ и куплей - продажей. Ну, относительно купли-продажи что говоритъ X томъ? Переберемъ нѣсколько статей. 1426 ст. говоритъ, что необходимая принадлежность. купли - продажи есть цѣна. И дѣйствительно, если мы вспомнимъ приложенную къ этимъ статьямъ форму, то... Если мы обратимся къ другой статьѣ, 1526, то найдемъ... А ближайшая статья 1513 говоритъ, что...» и т. д. А затѣмъ быстро дѣлается поворотъ «отъ общихъ

разсужденій къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла», и получается «выводъ простой: вы хотѣли сдѣлать выкупъ, а заплатили ли выкупную цѣну?» Правда, «можно сказать, что я не заплатилъ, но потому что тутъ цѣна кредитована, уплата раздѣлена на цѣлый періодъ времени по условію... Но гдѣ же въ контрактѣ сказано, что первый платежъ вы платите въ концѣ перваго года по выкупѣ, а не въ самомъ началѣ?... Противная сторона должна была сказать: «слѣдовало столько-то, это кредитовано согласно условію, а первый платежъ я плачу; они не хотятъ принять его — я представляю въ судъ» (здѣсь въ скобкахъ приписана статья X тома: 2055).

Вотъ и вся общая мысль, вся «абстрактная, общая точка зрѣнія». Не правда ли: вѣдь, кажется, это дѣйствительно все, все прописано въ X томѣ? А бѣдный С. А. Муромцевъ сколько общихъ положеній долженъ былъ приводить, отнюдь въ X томѣ не прописанныхъ, — и именно потому, что они въ X томѣ не прописаны, — со сколькими теоретическими возраженіями долженъ былъ посчитаться... И всѣ вѣдь эти общія ученія, всѣ абстрактные доводы pro и contra превосходно усвоилъ и впиталъ въ себя Пассоверъ,—всѣ они тутъ, неотступно рѣютъ надъ его головою. А выходитъ все такъ просто — все дано въ самомъ X томѣ. И вы видите: даже указаніе на общую абстрактную мысль было какъ бы напрасно — такъ себѣ, шаловливая фраза, чтобы при случаѣ посмѣяться лишній разъ надъ бѣднымъ «метафизикомъ въ баснѣ». А можетъ быть... можетъ быть, для того, чтобы тотчасъ же, въ послѣднюю минуту, еще разъ мигомъ незамѣтно взобраться на высоту и тутъ же ударить о земь изо всей силы противника въ скромномъ «самомъ послѣднемъ возраженіи». Это «самое послѣднее возраженіе» заслуживаетъ быть воспроизве-

деннымъ цѣликомъ. «Затѣмъ самое послѣднее возраженіе. Я сейчасъ говорилъ, что доходы могутъ быть потребованы съ 1900 года. Но въ этомъ требованіи заключается роковое недоразумѣніе, о которое юристы очень часто спотыкаются. Отъ васъ требуютъ имущество. Вы, положимъ, не недобросовѣстный владѣлецъ, но самое высшее, самое идеальное положеніе, котораго можно домогаться, это то, чтобы васъ признали за добросовѣстнаго владѣльца. Но съ момента предъявленія иска вы становитесь въ положеніе недобросовѣстнаго владѣльца и должны уплатить доходы, а если неправость заранѣе была извѣстна, то съ этого момента должны были сохранять доходъ. Сколько тутъ разсужденій, столько же и недоразумѣній, сколько словъ, столько промаховъ. Вѣдь говоря о добросовѣстномъ и недобросовѣстномъ владѣніи, предполагается, что владѣлецъ владѣлъ чужимъ имуществомъ, которое будетъ признано чужимъ въ тотъ моментъ, когда еще искъ былъ предъявленъ, но дѣйствіе рѣшенія относится къ прежнему времени. Но въ данномъ случаѣ нѣтъ чужого владѣнія, нѣтъ чужого имущества. Мы владѣемъ своимъ имуществомъ, и наше имущество изъ нашего владѣнія, изъ нашей собственности требуютъ въ собственность города»...

Вотъ видите, куда ударила волна. Вѣдь это противоположеніе «недобросовѣстнаго владѣнія» «недобросовѣстной собственности», такое на видъ внезапное, ослѣпительное, самодовлѣющее — есть только самое тонкое, самое субтильное умозаключеніе изъ ряда общихъ абстрактныхъ мыслей: что выкупъ есть видъ купли, что купля требуетъ опредѣленія цѣны, и что уплата перваго срочнаго платежа требуется немедленно. Безъ этого ряда абстрактныхъ предпосылокъ, остается простецкая точка зрѣнія, что переходъ собственности со-

вершился въ моментъ заявленія о выкупѣ и, слѣдовательно, имѣется съ этого момента недобросовѣстное владѣніе, а не собственность. Вся сила антитезы, весь подъемъ, съ которымъ произносилось: сколько словъ, столько промаховъ — все это коренится тамъ, на высяхъ отвлеченія. А между тѣмъ, она такъ прегнантна, эта антитеза, такъ проста, — она такъ врѣзываеется въ мясо противнику и такъ она на видъ далека, такъ тщательно отрѣзана отъ «абстрактной общей мысли»... Просто, «самое послѣднее возраженіе», ничего больше. И какъ только эта стрѣла брошена, и ораторъ чувствуетъ, что она вонзилась въ умы судей, рѣчь замедляется, еще двѣ-три незначительныхъ фразы — и все кончено. Никакого эмфатическаго возгласа, даже никакого резюме доводовъ, простой переходъ къ молчанію.

Матеріалъ этой рѣчи несомнѣнно бѣденъ, — далеко не всѣ струны душевныя могли въ ней прозвучать, но кое-что отъ души и въ ней сказалось. Въ одномъ направленіи сказалось даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ оно было Пассоверу привычно. Пріемъ формально-логическихъ выводовъ изъ общихъ идей былъ ему глубоко сроденъ, но этотъ методъ имѣетъ фатальную склонность, переходить отъ формально-логическихъ выводовъ изъ мысли, къ выводамъ изъ буквы — изъ буквы закона или буквы акта. Пассоверъ остерегался и рѣдко попадалъ въ этотъ ложный кругъ, но, попавъ, не могъ уже выбраться и съ какою-то особою страстностью замыкался въ немъ. Въ сохранившейся у меня рѣчи имѣется одно такое мѣсто, крайне характерное даже въ своей рѣдкости, въ своей эксцентричности. Въ договорѣ между городомъ и конкою былъ параграфъ, гласившій, что «право выкупа дорогъ городомъ назначается по прошествіи 15 лѣтъ со дня подписанія контракта». На этомъ параграфѣ городъ строилъ все свое

право, и въ теченіе всего процесса, длившагося уже 5—6 лѣтъ, стороны не сомнѣвались, что эти 15 лѣтъ обозначаютъ только время, ранѣе котораго право города не наступаетъ, но что послѣ 15 лѣтъ городъ можетъ потребовать выкупъ въ любое время. У Пассовера, однако, при чтеніи этого параграфа, вдругъ явилась мысль, показавшаяся ему, повидимому, очень цѣнною, ибо онъ наканунѣ засѣданія сообщилъ ее намъ съ Муромцевымъ, что не входило въ его привычки (союзники никогда не знали впередъ, что онъ будетъ говорить). Намъ эта мысль показалась сомнительною,мы пробовали его переубѣдить, но онъ не сдавался... И, явившись въ судъ, сталъ развивать эту мысль съ большимъ подъемомъ и искреннимъ убѣжденіемъ.Вотъ какъ она изложена въ рѣчи: «Сказано: по прошествіи 15 лѣтъ. Значитъ, право выкупа обусловлено этимъ срокомъ, пріурочено къ окончанію процесса, и мало того: пріурочено настолько къ этому процессу, чтобы не было интервала, не было промежутка между наступленіемъ этого момента и осуществленіемъ права выкупа. Если обратиться къ обыкновенной книжной или, все равно, разговорной рѣчи, то когда мы говоримъ, что извѣстное событіе должно совершиться по прошествіи другого событія, то мы имѣемъ въ виду, что промежутка между двумя событіями не должно быть. Возьмемъ, положимъ, очень обыкновенный примѣръ. Напримѣръ, кто-нибудь сказалъ бы, что Николай Павловичъ вступилъ на престолъ по прошествіи царствованія Петра Великаго, это было бы неправильно,—не по прошествіи царствованія Петра, а Александра I; а по прошествіи царствованія Петра Великаго вступила на престолъ Екатерина I, — потому что между Петромъ Великимъ и Николаемъ былъ большой промежутокъ. Такъ что нельзя говорить о вступленіи Николая «по прошествіи» Петра. Конечно, легко

противъ этого возразить, что по прошествіи все равно, что послѣ. Нѣтъ, не все равно. Когда говорится послѣ, тогда устанавливается хронологія. Послѣ съ промежуткомъ или безъ промежутка — это все равно; это значитъ, что послѣ извѣстнаго событія. Но если говорятъ о наступленіи права по прошествіи опредѣленнаго числа лѣтъ, то мы должны разумѣть это въ томъ смыслѣ, что когда процессъ «прошествія» окончился, тогда и наступило время воспользоваться правомъ, осуществить то право, которое обусловлено прошествіемъ. Когда въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду, что выкупъ осуществляется по прошествіи 15 лѣтъ, то это значитъ: по прошествіи 15 лѣтъ со дня подписанія контракта 1874 года, слѣдовательно въ 1889 году. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ только въ 1895 году объявлено было о желаніи города произвести выкупъ, а не по прошествіи 15 лѣтъ. Это уже будетъ по прошествіи 20 лѣтъ, а не по прошествіи 15 лѣтъ со дня подписанія контракта»... и т. д.

Мы убѣждали Пассовера, что толкованіе это безжизненно, что оно приводитъ къ мысли, будто городъ въ одинъ мигъ, въ минуту окончанія 15 лѣтъ, долженъ совершить операцію выкупа, ибо черезъ день уже будетъ «послѣ», а не «по прошествіи», но онъ стоялъ на своемъ, доказывая, что срокъ опредѣленъ «прямо и точно», что въ противномъ случаѣ слѣдовало бы сказать: «по прошествіи 15 лѣтъ и въ теченіе остающихся затѣмъ 25 лѣтъ». И когда судебная палата отвергла этотъ доводъ, онъ рѣшилъ отстаивать его въ сенатѣ. Хотя это былъ доводъ изъ существа дѣла, и, какъ превосходному «кассатору», ему была извѣстна вся трудность такого предпріятія, онъ исполнилъ свое намѣреніе, — посвятилъ этому пункту въ жалобѣ чуть ли не наибольшее мѣсто. Мало того: кассаціонныхъ жалобъ,

да и вообще состязательныхъ бумагъ, Пассоверъ самъ не писалъ, — писали другіе, а онъ слушалъ и критиковалъ; на сей разъ — для этого довода — онъ сдѣлалъ отступленіе и принесъ намъ собственноручно написанное начало жалобы, посвященное именно толкованію «по прошествіи». А когда и сенатъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій, онъ утверждалъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, что «все было противъ него, кромѣ закона»..

Это, конечно, эксцессъ мысли, — но развѣ не характеренъ человѣкъ и въ своихъ эксцессахъ?

VII.

Во внѣшнемъ обиходѣ Пассоверъ приверженъ былъ ко всему англійскому: пиджакъ англійскаго покроя (въ сюртукѣ едва ли кто-либо его видѣлъ), жилетъ съ особыми отворотами; лѣтомъ всегда безъ пальто, зимою въ самой легонькой барашковой шубкѣ,не доходившей до колѣнъ; никогда палки въ рукахъ; на ногахъ одни толстые штиблеты безъ галошъ, хотя бы на дворѣ стояли лютые морозы. Очень много моціона — длиннѣйшія прогулки пѣшкомъ, — а лѣтомъ странствованія по морямъ въ невѣдомыхъ никому направленіяхъ. Было у него и много личныхъ связей съ Англіей; говорили даже одно время, что онъ состоитъ адвокатомъ и въ Лондонѣ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что онъ живалъ въ Англіи подолгу и заимствовалъ оттуда не только внѣшніе навыки, но и общіе культурные пріемы, свойственные джентльмену: строгую пунктуальность, неуклонную точность въ исполненіи разъ принятыхъ на себя обязанностей. Никто точнѣе его не являлся на консультаціи, — ни минутою позже, но и ни минутою

раньше. Помню, какъ на консультацію, назначенную въ 10 час. утра, гдѣ-то въ концѣ Морской, я, въ качествѣ молодого человѣка, поскакалъ на извозчикѣ раньше, чтобы не заставить никого ждать, и пріѣхалъ за пять минутъ до срока: Пассоверъ уже гулялъ съ часами въ рукахъ взадъ и впередъ по улицѣ, чтобы за минуту до 10′ войти въ подъѣздъ. Конференція его назначалась неизмѣнно по воскресеньямъ утромъ въ 11 часовъ. Ничего не помогали просьбы и жалобы молодежи, что хоть одинъ день въ недѣлю она хотѣла бы не такъ рано подыматься; въ теченіе десятковъ лѣтъ часъ остался все тотъ же, — и все такъ же молодежь опаздывала, и все такъ же Пассоверъ являлся ровно въ 11 часовъ. При наличности 2—3 человѣкъ начиналъ засѣданіе, а вбѣгавшимъ затѣмъ впопыхахъ, оправдывающимся, что всего-то опоздали на нѣсколько минутъ, неизмѣнно указывалъ, что невелико утѣшеніе опоздать къ поѣзду всего на одну минуту. Обязанности въ комитетахъ, совѣщаніяхъ, комиссіяхъ онъ вообще принималъ на себя рѣдко, но то, что было принято, исполнялось съ методическою точностью. Въ общихъ собраніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ никогда, кажется, не говорилъ, но на собранія эти неизмѣнно являлся. Учредилась какая то комиссія для изданія книги, характеризующей еврейское безправіе; вошло въ нее, помнится, человѣкъ пять старшихъ адвокатовъ и нѣкоторое число помощниковъ. Вскорѣ изъ 5 старшихъ четверо отпали, — одинъ Пассоверъ аккуратно до конца приходилъ на всѣ засѣданія, пока дѣло какъ-то само собою не замерло. Такъ было всегда и вездѣ — во всѣхъ тѣхъ, правда, немногочисленныхъ общественныхъ ячейкахъ, съ которыми ему приходилось соприкасаться. Все это были не его душевныя дѣла, — онъ и мало любилъ ихъ и мало былъ въ нихъ плодотворенъ, — но

исполнялъ по отношенію къ нимъ свой долгъ, какъ подобаетъ культурному, хорошо воспитанному европейцу.

Можно думать, что англійскія вліянія оставили слѣдъ не на одной только его внѣшности и не въ одной только формальной исправности находили свое выраженіе. Вліяніе это шло глубже. Ему импонировалъ и англійскій складъ мышленія — трезвая дѣловитость, покоющаяся на уваженіи къ позитивному, къ факту, какъ таковому, — импонировалъ, несмотря на то, что глубоко былъ несроденъ основнымъ, самымъ сильнымъ элементамъ его ума. Можетъ быть даже: именно потому, что былъ несроденъ. И онъ сознательно и усиленно старался въ дѣлахъ и въ разсужденіяхъ примѣнять это особое отношеніе ко всему окружающему, сознательно умѣряя имъ свою склонность къ отвлеченному. Этимъ поддерживалась отчасти и тенденція излагать абстрактныя нормы не иначе, какъ въ формулахъ позитивнаго закона, и даже подчеркивать, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ англійскаго консерватизма, вѣру въ единоспасающую силу дѣйствующаго кодекса, какъ бы онъ ни былъ несовершененъ.

Такой процессъ сочетанія трудно соединимыхъ душевныхъ началъ — сознательное подавленіе крупнѣйшей, индивидуально ему присущей силы, во имя преклоненія передъ другой, внутренно ему чуждой, — хотя сообщало ему нѣкоторый внѣшній стиль, видимое равновѣсіе и твердость въ дѣйствіи, въ сущности, однако, только усиливало внутреннюю, душевную дисгармонію, обусловленную основными чертами характера. Его тянуло туда, въ высь абстракціи, — тамъ только онъ парилъ свободно, тамъ расправлялъ крылья. Но zwei Seelen wohnten, ach, in seiner Brust, — одна взлетала, а другая тянула внизъ, на землю, страшась обнаруженія

этого пафоса передъ людскимъ взоромъ, и искривляла лицо гримасою насмѣшки надъ «метафизикомъ въ баснѣ». Сколько разъ онъ тревожилъ и терзалъ этого бѣднаго Хемницеровскаго метафизика!.. И каждый разъ вамъ, слушателю, больно становилось: это человѣкъ вѣдь себя терзалъ...

VIII.

Совершенно особое мѣсто въ жизни и дѣятельности Пассовера занимаетъ отношеніе его къ конференціи помощниковъ. Это было единственное дѣло съ оттѣнкомъ общественности, съ которымъ онъ связалъ себя прочно и съ которымъ не разставался до смерти. Эта связь шла все черезъ ту же умственную сферу, въ которой лежали всѣ его истинные жизненные интересы: самое «дѣло» состояло въ общеніи мыслью. Какъ всякій пытливый, безкорыстно преданный идеѣ умъ, онъ готовъ былъ всегда становиться не только учащимъ, но и учащимся. Въ молодыхъ, неопытныхъ, но искреннихъ поискахъ истины всегда брезжитъ для внимательнаго глаза слабый свѣтъ чего-то новаго, неизвѣданнаго. И Пассоверъ своимъ зоркимъ глазомъ умѣлъ высматривать этотъ свѣтъ. И кто знаетъ: быть можетъ, этотъ личный безкорыстный интеллектуальный интересъ учителя къ идеѣ, зарождающейся въ головѣ ученика, является лучшею, болѣе надежною спайкою, чѣмъ всѣ педагогическія усилія и самое глубокое сознаніе общественнаго долга — именно какъ долга — передъ молодымъ поколѣніемъ. Нѣкоторый отблескъ удовлетворенія, получаемаго отъ интимнаго общенія съ книгами, Пассоверъ получалъ и отъ конференціи. И потому онъ относился къ ней особенно любовно; потому его резюме, всегда богатыя знаніемъ, подчасъ блестѣли здѣсь

такимъ же искрометнымъ огнемъ мысли, какъ и лучшія судебныя рѣчи. И здѣсь также часто и вполнѣ естественно перечеканивались мысли, только что высказанныя, но самый характеръ ихъ переработки, ихъ взаимное скрещиваніе, вылупливаніе чистой идеи изъ неясныхъ ощущеній — доставляли всякому, кому дорогъ интересъ роста и развитія мысли, истинное наслажденіе, проясняли сознаніе и толкали мысль на новые пути.

Я имѣлъ счастье принадлежать къ пассоверской конференціи въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девятидесятыхъ годовъ, въ пору наибольшаго, пожалуй, расцвѣта ея. Она тогда еще занималась не спеціально государственно-правовыми вопросами, какъ впослѣдствіи, а по преимуществу цивилистическими, и не привлекались тогда въ нее, для оживленія, докладчики извнѣ. Оживленіе вносилось самими участниками. Случайно къ тому времени сосредоточился въ конференціи кружокъ очень интеллигентныхъ, интересовавшихся наукою, молодыхъ людей — значительная часть ихъ такъ и осталась поднесь связанною въ томъ или иномъ видѣ съ литературою и наукою. Конференція наша по воскресеньямъ была мѣстомъ пріятныхъ дружескихъ встрѣчъ для собесѣдованій на темы, всѣхъ насъ интересовавшія. По положенію она имѣла трехъ руководителей, но такъ уже сложилось, что фактически единодержавно правилъ Пассоверъ: это не была узурпація, а естественно годами сложившійся фактъ. Академію отъ него отставить было можно, но его отъ Академіи нельзя. Какъ же иначе? Могло, напримѣръ, случиться, что на конференцію не явится ни одинъ помощникъ, но чтобы Пассоверъ не явился, того случиться не могло.

Засѣданія происходили въ нынѣшней совѣтской библіотекѣ — тогда еще комнатѣ засѣданій совѣта. Ровно въ 11 часовъ во главу стола садился Пассоверъ и при-

глашалъ «коллегу», ведшаго протоколъ прошлаго засѣданія, огласить оный. Этотъ терминъ «коллега» былъ нѣкоторымъ образомъ техническій. Какъ бы близко ни зналъ Пассоверъ человѣка, — будь онъ ближайшій его сотрудникъ, помощникъ, — въ конференціи онъ для него былъ безымянный «коллега»: коллега справа, коллега слѣва, коллега въ серединѣ, коллега третій съ краю, но только не Иванъ Ивановичъ, хотя онъ съ нимъ только что, какъ съ Иваномъ Ивановичемъ, бесѣдовалъ. Мало того: были въ нашей средѣ въ то время люди старшіе, имѣвшіе уже извѣстное имя въ литературѣ — былъ М. И. Кулишеръ, С. А. Венгеровъ, — но и они также превращались въ коллегъ справа и слѣва.

Коллега съ протоколомъ чаще всего къ началу засѣданія отсутствовалъ; и если не оказывалось также очередного докладчика, то обыкновенно время заполнялось шутками и анекдотами по сему поводу, исходящими отъ самого Пассовера, пока, наконецъ, кто нибудь изъ нужныхъ функціонеровъ не являлся. Чтеніе протокола считалось актомъ большой важности: Пассоверъ всегда доказывалъ, что умѣніе схватывать и излагать чужую мысль является однимъ изъ важнѣйшихъ достоинствъ адвоката. Затѣмъ начинался докладъ, причемъ всегда и неизмѣнно докладчикъ норовилъ докладъ читать, а руководитель требовалъ, чтобы докладъ дѣлался изустно — такъ, какъ придется говорить предъ судомъ. Побѣда оставалась обычно за докладчикомъ, который, заготовивъ докладъ на письмѣ, никакъ не могъ оторвать взора отъ лежащей передъ нимъ бумаги. Но такъ какъ все же формально это считалось «рѣчью», то уже Пассоверъ не пропускалъ безъ критики ни одного оборота, свойственнаго письменной формѣ и неумѣстнаго въ устномъ изложеніи. Какъ только докладчикъ скажетъ: «Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ», Пассоверъ

непремѣнно подниметъ очи горѣ и спроситъ: гдѣ это «выше», а при всякомъ упоминаніи о «нижеслѣдующемъ», заглянетъ подъ столъ и спроситъ, гдѣ это «ниже». Всѣ эти и тѣмъ подобныя замѣчанія, приправленныя шутками, имѣли цѣлью попутно внушить намъ нѣкоторыя правила поведенія на судѣ. Характеръ ихъ смущалъ часто начинающихъ, — одинъ разъ они вызвали даже протестъ, весьма смутившій непривыкшаго къ такимъ вольностямъ руководителя; но со временемъ всѣ свыклись съ этою манерою, и ни шутливо-менторскій тонъ, ни безымянность наша насъ не шокировали. Мы скоро научились цѣнить то крупное и важное, что намъ въ этой, не всегда пріятной, оправѣ давалось.

Докладъ выслушивался руководителемъ съ необычайнымъ вниманіемъ, и этимъ положеніе наше радикально отличалось отъ положенія нашего на судѣ, къ которому такъ страстно хотѣлъ насъ пріучить нашъ руководитель. О, если бы онъ могъ этотъ опытный урокъ вниманія преподать нашимъ судьямъ, — быть можетъ, многія правила, намъ преподаваемыя, стали бы излишни. Помню, что темою перваго реферата моего для конференціи я избралъ «Вопросъ объ источникахъ X тома». Нельзя сказать, чтобы выборъ этотъ былъ очень счастливый. Работа, объемомъ въ четыре печатныхъ листа, а по содержанію своему она такъ нагружена всякими ссылками и цитатами и сопоставленіями, что разсчитывать здѣсь на слухъ, память и просто терпѣніе слушателей было большою наивностью. И, дѣйствительно, нетрудно было видѣть, какъ физіономіи моихъ коллегъ, подъ вліяніемъ моего чтенія, постепенно совѣютъ; а по окончаніи доклада я не удостоился ни единаго возраженія, ни единаго замѣчанія. Одинъ только Пассоверъ, какъ вперилъ въ началѣ взглядъ, такъ и не спускалъ его; а по окончаніи сдѣлалъ

замѣчанія съ полнымъ знанія дѣла, въ выраженіяхъ, остающихся мнѣ памятными и донынѣ.

Обычно послѣ доклада слѣдовалъ перерывъ. Во время перерыва руководитель нашъ исчезалъ куда-то, уединялся. Перерывъ длился всего минутъ 10—15, но и этого краткаго времени, проводимаго нами за чаемъ въ «смирновкѣ», онъ не пребывалъ съ нами просто, безъ конференціи. Зданіе суда въ воскресные дни бывало уныло и пустынно, и насъ всегда сильно интриговало, куда это, въ какой уединенный уголокъ, удалялся нашъ руководитель, и какъ онъ тамъ проводилъ время.

Съ обратнымъ появленіемъ Пассовера изъ нѣдръ судебныхъ коридоровъ, засѣданіе немедленно возобновлялось. Коллеги справа, слѣва и сбоку дѣлали свои замѣчанія, дѣлали въ очередь замѣчанія и другіе руководители, буде таковые имѣлись, а затѣмъ начинался... страшный судъ, послѣ коего никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ возраженій и оправданій уже не полагалось, ибо съ послѣднимъ словомъ бралась уже въ руки барашковая шапка, тутъ же лежавшая на столѣ,слѣдовалъ быстрый общій поклонъ, и руководитель, уже никого не видя, мчится къ двери, стремительно спускается съ лѣстницы, въ мигъ накидываетъ шубку и уже шагаетъ по улицѣ, по направленію къ островамъ или въ Екатерингофъ. При всемъ желаніи немыслимо было остановить его, обратиться съ вопросомъ и, въ особенности, чего Боже упаси, вмѣстѣ съ нимъ выйти, быть ему попутчикомъ. И тутъ тоже — конецъ священнодѣйствія, и въ нѣкоторомъ смыслѣ«the rest is silence".

А оставшіеся кругомъ стола, — кто побитый, а кто и помилованный на «страшномъ судѣ» — тутъ только возобновляютъ споры, пользуясь свободою возражать отсутствующему руководителю. И въ минуты этихъ

вольныхъ бесѣдъ выковывались подчасъ узы дружбы и взаимной близости, остававшіяся затѣмъ крѣпкими въ теченіе всей жизни. Ихъ и сейчасъ еще живитъ воспоминаніе объ общемъ молодомъ возбужденіи, общихъ исканіяхъ и общемъ учителѣ — такомъ своеобразномъ, почти недоступномъ, но такомъ преданномъ нашему дѣлу, такъ глубоко, всѣми фибрами своей души связанномъ съ тѣмъ главнымъ, что и насъ объединяло — съ интресомъ къ человѣческой мысли.

IX.

Еще одно воспоминаніе, связанное нѣкоторымъ образомъ съ тою же конференціею. Два юбилея. Въ 1891 году справлялъ свой юбилей Спасовичъ, въ 1897 — Пассоверъ.Къ юбилею Спасовича готовились адреса,депутаціи, банкетъ. Спасовичъ ничему не препятствовалъ, хотя вся внѣшняя церемоніальная суета, повидимому, мало его занимала. Помню, какъ мы съ М. И. Кулишеромъ — обы мы числились помощниками Спасовича — рѣшили вмѣстѣ отправиться къ нему съ поздравленіемъ. Нарядились во фраки, сѣли на извозчика, ѣдемъ, ожидая встрѣтить торжественную обстановку дома, юбиляра, соотвѣтственно настроеннаго, принимающаго или ожидающаго дорогихъ гостей. Вдругъ гдѣ-то около угла Кабинетской и Ивановской видимъ: плетется самымъ будничнымъ образомъ какая-то сѣрая фигура. Да вѣдь это онъ. Прячется, что-ли.

Соскакиваемъ съ извозчика, останавливаемъ:

— А, это вы? — спрашиваетъ довольно равнодушно.

— Да, вотъ поздравить къ вамъ ѣхали.

— А мнѣ тутъ письма въ почтовый ящикъ опустить надо было.

И отправился опускать письма. Этимъ кончилось поздравленіе, и фраковъ нашихъ мы такъ и не показали.

Другія депутаціи потомъ являлись, онѣ были между дѣломъ принимаемы, читали адреса, говорили привѣтствія. Все какъ полагается. А вечеромъ въ обычной ресторанной обстановкѣ состоялся банкетъ, на который юбиляръ явился, какъ подобаетъ, во фракѣ, со значкомъ, — и вотъ тутъ, среди звона стакановъ и шумнаго застольнаго говора, раздалась его рѣчь, не только самая сильная, блестящая, значительнѣйшая по содержанію, но и самая искренняя, задушевная, идущая изъ тайниковъ души, — исповѣдь всей долгой жизни: въ бокалъ, по его выраженію, «нацѣживались капли крови». Присутствіе людской толпы и вся вульгарная обстановка ресторана не только не ослабляла силы этой исповѣди — она, наоборотъ, какъ будто возбуждала оратора, поднимала тонъ его рѣчи. Людская, общественная стихія — и именно въ самой обычной, даже въ грубой ея формѣ, — была элементомъ его жизни... Возбуждались, говорили рѣчи Андреевскій, Потѣхинъ, Герардъ, — говорили хорошо, даровито, — послѣ обѣда еще долго въ сосѣднемъ залѣ, около сидѣвшаго въ центрѣ юбиляра, стояла, образовавъ нѣчто вродѣ живого амфитеатра, толпа, и произносились рѣчи, — всплывали, подъ вліяніемъ выпитаго вина, забавныя шутки, анекдоты, а старикъ сидѣлъ, улыбался и отъ времени до времени заливался здоровымъ хохотомъ.

Нѣсколько времени спустя наступилъ срокъ Пассоверовскаго юбилея. Все сословіе готово было почтить его, какъ подобало его заслугамъ, его положенію — способомъ самымъ торжественнымъ, но и единственнымъ обычнымъ: банкетомъ, адресами, депутаціями. Однако, всѣ попытки добиться его согласія были тщет-

ны. Просилъ совѣтъ, просила комиссія помощниковъ, просили члены конференціи — все напрасно. Онъ никогда на юбилейныхъ обѣдахъ даже рѣчи не произносилъ; помню, одинъ разъ (на юбилеѣ Люстиха) силою, его поднесли на рукахъ къ самому лицу юбиляра, умоляли говорить — напрасно. А мысль о юбилейномъ обѣдѣ, сооружаемомъ спеціально въ его честь, наполняла его, повидимому, просто ужасомъ. Мнѣ лично приходилось съ нимъ много по этому поводу бесѣдовать, упрашивать, — и вотъ во время одной изъ такихъ бесѣдъ явилась у меня мысль: не связать ли это празднество съ конференціей,—не устроить ли въ ознаменованіе юбилея торжественное засѣданіе его конференціи. На робкое мое предложеніе въ этомъ смыслѣ получился, наконецъ, отвѣтъ:

— Das lässt sich hören.

Съ этимъ отвѣтомъ я направился въ комиссію помощниковъ, и мы тутъ же рѣшили такъ именно отпраздновать юбилей.

Зрѣлище было совершенно исключительное. Длинный судебный коридоръ, сѣрыя стѣны, сводчатый потолокъ, полъ изъ каменныхъ, кое-гдѣ покривившихся, плитъ, у стѣнъ шкафы съ архивными номерами, и посреди коридора длинный рядъ черныхъ, мѣстами лоснящихся уже отъ старости, скамей. Таковъ былъ «юбилейный» залъ, похожій скорѣе на рефектуаръ средневѣковаго монастыря. У маленькаго простѣнка межъ двухъ сводовъ простой столикъ съ перомъ и чернильницей — мѣсто для юбиляра, а рядомъ нѣсколько простыхъ стульевъ для старѣйшинъ сословія. Вскорѣ унылый коридоръ наполняется пестрой, говорливой толпою въ праздничныхъ нарядахъ, — лоснящіяся манишки, фраки и значки, — кое у кого бюваръ съ адресомъ подъ мышкою. Появляется, наконецъ, юбиляръ — онъ одинъ, какъ всегда, въ обычномъ пиджакѣ англійскаго покроя.

въ замшевыхъ перчаткахъ, съ конусообразной барашковой шапкой въ рукѣ. Его встрѣчаютъ, хватаютъ подъ руки Спасовичъ и Герардъ и ведутъ, а у него лицо удивленное, почти страдальческое — такъ это ему неудобно, такъ не по себѣ, что его держатъ, такъ близко прикасаются, ведутъ.

Начинаются привѣтственныя рѣчи, но непривычная холодная обстановка дѣйствуетъ, видно, сдерживающе — рѣчи выходятъ блѣдныя, сѣрыя; одинъ только Спасовичъ, писавшій всегда рѣчи заранѣе и потому менѣе всего зависѣвшій отъ обстановки, согрѣваетъ атмосферу. Слѣдуетъ рѣчь юбиляра — стройная, ясная, но вся посвященная значенію конференціи и призыву къ углубленію умственной работы среди молодежи. И только. Ничего личнаго, ничего интимнаго.

Вотъ и конецъ первой, привѣтственной части собранія. Начинается затѣмъ вторая: въ ней только для него, Пассовера, настоящее. Открывается засѣданіе конференціи, и ancien stagiaire нашей «колонны», покрытый уже адвокатскою славою Н. П. Карабчевскій, читаетъ очередной докладъ о знаменитомъ французскомъ адвокатѣ Linguet. Пассоверъ опять только руководитель конференціи, съ вниманіемъ слушаетъ, резюмируетъ; кончилось чуждое ему общественное дѣйство, онъ опять у себя — идетъ работа мысли. И съ нею гармонируетъ вся эта монастырская обстановка, — и сѣрыя стѣны, и сводчатый потолокъ, и каменный полъ, и угрюмые шкафы, и даже эти старыя, черныя, какъ будто школьныя, скамьи...Праздникъ мысли, особенный праздникъ — е г о праздникъ.

Два юбилея — два символа.

Перкьярви (Финляндія), 1913 г.

ЭСТЕТЪ НА СЛУЖБѢ ПРАВОСУДІЯ

(С. А. Андреевскій)

Стройная, высокая фигура съ матовымъ лицомъ, черными, какъ смоль, волосами, высоко поднятою головой. Темно-каріе, широко открытые, съ какимъ то колючимъ блескомъ, глаза всегда устремлены впередъ. Нельзя представить себѣ этой спины сгорбленною, этихъ глазъ опущенными. Взглядъ пронизываетъ все и всѣхъ съ одинаково острымъ, но ровнымъ любопытствомъ созерцателя. Никакихъ порывистыхъ движеній, никакихъ страстныхъ нотъ въ свѣжемъ, до самой старости необыкновенно звучномъ и гибкомъ, голосѣ. Рѣчь льется изъ устъ плавная, мастерски размѣренная, но лицо остается неизмѣннымъ: ни негодованія, ни восторга. Только когда должна сорваться съ устъ язвительная эпиграмма или тонкая шутка, поднимается полукругомъ лѣвая бровь, въ глазахъ и на губахъ мелькаетъ на мигъ чуть-чуть сдавливаемая улыбка. Это не безчувственность, не безразличіе; это только отвращеніе къ аффектаціи, боязнь потерять равновѣсіе холоднаго изящества—преклоненіе передъ чувствомъ мѣры во всемъ: въ движеніи, во внѣшности, въ словѣ. Особенно въ словѣ. Только художественная цѣнность слова оправдываетъ выражаемое имъ чувство. Онъ цѣнитъ «чувствительность» только въ оправѣ кристальнаго слога

Лермонтова, Пушкина. Стихъ Лермонтова пріобрѣталъ для него моментами силу религіознаго откровенія: «Вспоминаю безсмертныя двѣ строки:

Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Пускай же самый яркій позитивистъ станетъ въ пустынѣ, подъ дивнымъ куполомъ яркихъ безчисленныхъ звѣздъ, и онъ хоть на секунду, вопреки разуму, почувствуетъ Бога... Моя вѣра всего ближе къ поэзіи Лермонтова». *)

Вѣра всего ближе къ поэзіи — это не обмолвка. Не божество въ природѣ, не звѣзды, и не небо, не чары тихой ночи, а эстетическое преломленіе ихъ въ стихѣ поддерживаютъ религіозное настроеніе; отлитый поэтомъ образъ глубже проникаетъ въ душу, чѣмъ внушившая его природа. Съ восторгомъ онъ цитируетъ слова близкаго ему по духу Урусова: «Произведеніе слова — это единственный видъ безсмертія. Одинъ стихъ можетъ пережить цѣлый народъ».

Рѣчи свои онъ старательно оберегалъ отъ вычурныхъ словъ и — главное — отъ повтореній: никогда въ рѣчи одинъ и тотъ же оборотъ не долженъ повторяться два раза. Правило это онъ строго внушалъ и своимъ сотрудникамъ. Изящество рѣчи — все равно судебной, застольной, литературной — составляло для него болѣе, чѣмъ форму: только черезъ такое воспріятіе онъ постигалъ душу подсудимаго, — только на этомъ пути находилъ надежный ключъ къ сердцамъ судей. Если угодно, онъ и не произносилъ рѣчей въ обычномъ смыслѣ слова: это была всегда только изящная causerie — не

*) «Книга о смерти», т. II, стр. 258. Всѣ дальнѣйшія ссылки относятся къ той же книгѣ.

болѣе. Безъ повышеннаго тона, безъ видимаго плана, безъ вступленій, безъ подчеркнутыхъ заключеній. Легкость, непринужденность, простота, — простота, доведенная до педантизма, почти что до искусственности. И дѣйствовали эти рѣчи на души слушателей, на души судей тѣми же путями, какими дѣйствуетъ ясное небо, солнечное утро, пейзажъ Рюисдаля, строфа Пушкина. Между бесѣдою съ глазу на глазъ въ кабинетѣ и рѣчью на судѣ вы не чувствовали никакой почти разницы. Слово не должно было приспособляться къ торжественности обстановки судебнаго зала: магическая сила въ немъ самомъ и, можетъ быть, даже въ самомъ контрастѣ этого красиваго въ простотѣ своей человѣческаго слова съ золотыми позументами судей на возвышеніи и притаившею дыханіе толпою слушателей позади. По поводу одной изъ своихъ защитъ Андреевскій обронилъ характерную фразу: «Я высказалъ совершенно просто все, что думалъ. Но именно вслѣдствіе простоты — впечатлѣніе оказалось какимъ то чрезвычайнымъ». (I, 243)

Помню безподобную рѣчь Андреевскаго на юбилейномъ обѣдѣ Спасовича. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а какъ сейчасъ вижу этотъ длинный столъ подковой — въ центрѣ грузную фигуру Спасовича съ выраженіемъ, такъ удивительно подхваченнымъ на портретѣ Рѣпина, и рядомъ со Спасовичемъ поднимающагося для произнесенія рѣчи смуглаго, юношески гибкаго Андреевскаго.

Не знаю, — да и никто изъ насъ потомъ сказать не могъ, — какъ она началась, эта рѣчь; вѣроятно, самою обыденною фразою. Но знаю, что уже черезъ минуту мы всѣ были захвачены созерцаніемъ чего то воздушнаго, граціозно выростающаго на нашихъ глазахъ и поминутно мѣняющагося, — образовъ, вмигъ сотканныхъ изъ невидимыхъ нитей и тутъ же тающихъ въ воздухѣ, чтобы уступить мѣсто новымъ. Точно игривый взлетъ мо-

тылька, сверкающаго серебристыми крыльями, то взносящагося въ голубую высь, то плавнымъ взмахомъ опускающагося внизъ, и опять куда то улетающаго и манящаго, манящаго все ближе и ближе. Вы чувствуете, что все это неповторимо, что этихъ образовъ не удержишь воображеніемъ и вновь не нанижешь, что мигъ ихъ творенія есть мигъ ихъ смерти. И со сладостнымъ трепетомъ идете за ними, не спрашивая пути — куда и откуда — не требуя ни руля, ни вѣтрилъ. Вы не замѣтили даже, съ какой игривой легкостью вы воспарили на высоты, съ которыхъ такъ непринужденно просто прозвучалъ изъ устъ оратора величавый пушкинскій стихъ:

«Ты, Моцартъ, Богъ и самъ того не знаешь»

— точно сами заиграли струны арфы, не тронутыя рукой пѣвца. И еще одно мгновеніе, еще взмахъ крыльевъ, и вы опять на землѣ, въ дымномъ воздухѣ юбилейнаго зала — разгоряченныя лица, пѣнящіеся бокалы, черные фраки — и съ устъ оратора летитъ фривольная шутка, каламбуръ, пока опять и опять новая волна не увлечетъ его въ высь. И вдругъ пѣснь умолкаетъ. Внезапно, безъ переходовъ. Слушатели въ зачарованной нѣмотѣ. А самъ волшебникъ стоитъ спокойный, прямой, точно ничего и не было, точно хочетъ сказать: «Глядите — ни арфы въ рукахъ, ни волшебной палочки; вѣдь это была только дружеская бесѣда».

II.

Какъ случилось, что этотъ эстетъ связалъ себя съ адвокатурою, съ прокуратурою — съ атмосферой суетливой борьбы за право? Что для него право? что условныя нормы, связующія общество, для человѣка, исповѣдующаго максиму Флобера: „Personne ne comprend personne“.

«Политика никогда не захватывала и не увлекала меня», признается онъ. Общественные вопросы тоже. Правовыя основы общества онъ воспринималъ сквозь призму элементарныхъ ощущеній: ложь и зло отвратительны своимъ эстетическимъ безобразіемъ. Революціонеры - террористы импонируютъ ему красотою своего жертвеннаго жеста и, пожалуй, безстрашіемъ передъ лицомъ смерти, которой самъ онъ такъ мучительно боялся: «Сколько сильныхъ и чистыхъ людей погибло... Какіе это были безкорыстные аскеты и страдальцы за идею. Балмашевъ, Сазоновъ, Каляевъ...» (II, 202).

Это не мѣшало ему печатать свои стихи и литературные очерки въ «Новомъ Времени». Политическая грязь къ нему не приставала. Политической доблести онъ не искалъ. Когда послѣ процесса Вѣры Засуличъ правительство проявило грубое давленіе на судъ и на предсѣдательствовавшаго въ процессѣ Кони, Андреевскій бросилъ прокуратуру, въ которой ему стало противно, и шутливо называлъ себя «прокуроромъ, фатально перешедшимъ въ адвокатуру».

За эту эстетическую чистоту свою онъ причислялся къ элитѣ поколѣнія великихъ реформъ, хотя внутренно былъ чуждъ и не чутокъ къ политическимъ идеямъ, вдохновлявшимъ его соратниковъ. Онъ любилъ ихъ за талантъ, но былъ равнодушенъ къ ихъ взглядамъ. Въ Спасовичѣ ему очень нравилось, при видимой шершавости рѣчи, умѣніе находить настоящее мѣткое слово. Съ Кони былъ очень близокъ, но оба они, такъ же какъ и третій въ ихъ «естественной компаніи», А. И. Урусовъ, «чувствовали, что служба и профессія были какъ то н и ж е ихъ...»«Разговоръ нашъ былъ живой, необычный, нервный, интересный» только потому, что «всѣ мы тяготѣли къ литературѣ». На Арсеньева, на Унковскаго, «неподражаемо недоумѣвавшаго передъ всѣмъ нечест-

нымъ», онъ взиралъ, какъ на людей, высоко достойныхъ, но... немного скучныхъ. А юристы pur sang — особенно цивилисты — казались ему просто людьми другой породы. Для Пассовера у него не было другого эпитета, какъ «загадочный», и глядѣлъ онъ на него всегда, какъ мнѣ казалось, съ какимъ то дѣтскимъ испугомъ въ глазахъ; въ одномъ письмѣ ко мнѣ даже окрестилъ его «сфинксомъ». Не могу забыть и характерныхъ его движеній при бесѣдахъ со мною, когда затрагивались вопросы правовые, особенно гражданско-правовые. Слушаетъ, бывало, «гражданскія» разсужденія, — наивно, даже весело улыбается: «Какой фокусъ: цивилистъ», — зашагаетъ изъ угла въ уголъ большого углового кабинета своею плавною своеобразною походкою и все искоса на меня поглядываетъ. И вдругъ усядется рядомъ на глубокомъ диванѣ, подниметъ лѣвую бровь: «Послушайте...» и отпуститъ шутку, разскажетъ анекдотъ — точно хочетъ скинуть чуждый ему грузъ.

Самое вступленіе свое на судебное поприще онъ объяснялъ такъ: «Новое судебное разбирательство захватило меня своими торжественными формами. Общій тонъ былъ проникнутъ самымъ изысканнымъ благородствомъ». А главное: «Въ судебныхъ рѣчахъ того времени было болѣе лиризма, психологіи и красоты, нежели во всей беллетристикѣ». Относительно беллетристики дѣлается, впрочемъ, тутъ же исключеніе для «писателей стараго поколѣнія», разумѣй: для Тургенева. Ибо «Толстой и Достоевскій ковыряли въ глубинахъ души и тѣла до того придирчиво, каверзно и утомительно»... А то, что творилось тогда въ области поэзіи и литературной критики, было для него ужъ просто нестерпимо: отъ этой «поэзіи» онъ искалъ убѣжища въ лиризмѣ и красотѣ нашего молодого ораторскаго искусства. «Писаревъ, при общихъ рукоплесканіяхъ, вышутилъ Пуш-

кина; все, что было мечтательнаго въ моей натурѣ, пристыдилось и съежилось. Въ русской поэзіи славился тогда Некрасовъ. Но когда при мнѣ кто нибудь изъ молодежи декламировалъ его самыя модныя вещи, я оставался холоденъ къ грубому, тяжеловѣсному некрасовскому языку и думалъ про себя:«И зачѣмъ это говорится стихами? Ужъ лучше бы прозой". И наконецъ наиболѣе характерное признаніе: «Ничего не было проще, какъ попасть въ тонъ моимъ современникамъ. Но мнѣ было просто скучно среди нихъ». (I, 138).

На судебной трибунѣ онъ надѣялся такимъ образомъ найти удовлетвореніе изгоняемымъ изъ поэзіи эстетическимъ эмоціямъ. Это стремленіе онъ приписываетъ даже всему поколѣнію своихъ современниковъ: «Наиболѣе художественныя натуры изъ всего народившагося свѣжаго поколѣнія ушли въ судебную дѣятельность», такъ какъ «литература тщательно избѣгала чувствительности и всѣми силами настаивала на важности практическихъ вопросовъ».

Можно усумниться въ справедливости этого общаго наблюденія. Среди богатой талантами семьи судебныхъ дѣятелей великой эпохи имѣлись люди разнаго душевнаго уклада. И то настроеніе, которое толкало на судебную арену Андреевскаго, отнюдь не было главенствующимъ среди нихъ. Для всѣхъ ихъ былъ характеренъ высокій душевный тонъ, но преобладала вѣра дѣйственная, стремленіе къ общественному идеалу; судебная арена была для нихъ не цѣлью, а средствомъ. Они искали въ судѣ не лиризма и красоты, не удовлетворенія чувствительной потребности души. Они шли на борьбу за правду, за моральныя цѣнности, за созданіе базы того общественнаго зданія, куполъ котораго воздвигнутъ былъ въ видѣ судебныхъ уставовъ ранѣе, чѣмъ сооружены были фундаментъ и стѣны. Спасовичъ, потряса-

ющій рубенсовскими мазками своей кисти, Кони, возвышающій сердца своимъ«поэтическимъ морализмомъ», Жуковскій, борющійся мефистофельскимъ сарказмомъ; Александровъ, «острый, какъ бритва и мужественный, какъ воинъ»; загадочный Пассоверъ съ его головокружительными логическими построеніями — всѣ они, при всемъ различіи темпераментовъ, были по основному мотиву своей дѣятельности ближе другъ къ другу, чѣмъ къ Андреевскому. Многихъ изъ нихъ — особенно Спасовича и Кони — связывали съ Андреевскимъ и эстетическія симпатіи; ихъ сближала и общая работа въ шекспировскомъ кружкѣ, гдѣ Андреевскій плѣнилъ ихъ своимъ замѣчательнымъ этюдомъ о Лермонтовѣ, — но онъ одинъ только среди нихъ былъ истиннымъ эллиномъ, не знавшимъ другихъ стимуловъ дѣятельности, кромѣ стремленія къ изящному. Единственною конгеніальною ему натурою былъ стоявшій нѣсколько вдали отъ петербургской плеяды Урусовъ. И неудивительно, что въ «Книгѣ о смерти», гдѣ только мелькомъ, полусловами, упоминаются друзья и соратники, истинно любовное вниманіе удѣлено именно этому московскому «не то сатиру, не то эллину».

Самый молодой въ блестящемъ созвѣздіи петербургской адвокатуры — Андреевскій былъ и наименѣе съ нимъ идейно связанъ. Его любили за талантъ, за изящество слова, за эстетическій пуризмъ, за горделивую независимость, но съ нимъ не роднились душой. Онъ сіялъ своимъ особымъ свѣтомъ, рядомъ съ ними, но не сливался съ ними.

III.

Кромѣ сборника стиховъ, за которыми онъ самъ отрицалъ художественное значеніе, да трехъ болѣе крупныхъ литературныхъ изслѣдованій, онъ написалъ лишь

одну книгу, самую для него дорогую. Онъ писалъ ее всю жизнь и завѣщалъ издать ее послѣ смерти. Она названа имъ «Книгою о смерти». «Пусть когда закроется книга моей жизни — раскроется моя книга о смерти».

Андреевскій умеръ четыре года тому назадъ, уже при большевикахъ, въ Петербургѣ, и теперь, согласно предсмертной волѣ его, появились два изящно изданныхъ томика его книги. Они состоятъ изъ ряда блестящихъ по формѣ отрывковъ — преимущественно размышленій, иногда глубокихъ, иногда мелкихъ и случайныхъ. Оцѣнка ихъ — дѣло философовъ и моралистовъ. Для характеристики личности Андреевскаго важна лишь одна черта. Есть въ этой книгѣ нѣчто трагическое: отраженіе души, вѣчно терзаемой видѣніемъ смерти. Именно видѣніемъ: не философскій анализъ, а непосредственное лицезрѣніе обыденныхъ аксессуаровъ смерти болѣзненно щемитъ эту душу. Временами оно смахиваетъ на садизмъ — это ковырянье въ горестныхъ деталяхъ эстетически для него страшнаго, непріемлемаго перехода отъ жизни къ смерти. Искаженныя черты покойника, формы гроба, могильная яма, фигуры гробовщиковъ, восковыя свѣчи, надгробныя надписи — все это страстно подхватывается и заносится въ книгу. Сквозь эти мрачныя картины одно только свѣтится: несокрушимая любовь къ жизни, къ свѣту, къ краскамъ. Она то — эта несокрушимая жажда жизни, радость при видѣ ея цвѣтенія, — и внушаетъ ужасъ передъ всѣмъ, что есть распадъ, увяданіе: передъ смертью, передъ старостью. «Въ ранніе годы я съ острымъ любопытствомъ желалъ заглянуть въ души стариковъ. Когда я сталъ цвѣтущимъ юношей, я жаждалъ найти гдѣ нибудь искреннія и подлинныя признанія старцевъ...Никто въ глубинѣ души не мирится со своею старостью; каждый цѣпляется за остатки ощущеній». (I, 152).

И этотъ голый ужасъ, вѣчно поднимаемый со дна души острыми зрительными ощущеніями, не встрѣчаетъ никакого смягчающаго корректива. Религія? Да, онъ былъ религіозенъ когда-то, но «Ренанъ развѣнчалъ моего дѣтскаго Христа». А затѣмъ... Лермонтовъ далъ ему Бога, но, видимо, для того, чтобы этотъ Богъ могъ избавить отъ ужасовъ смерти, нужно было обладать еще чѣмъ то, не одной любовью къ красивому образу: нужно было умѣть почувствовать связь съ обожествляемой природой, какъ ее чувствовалъ великій Олимпіецъ:

«Подожди немного —
Отдохнешь и ты».

Андреевскій былъ чуждъ этого олимпійскаго величія. Онъ былъ одинокъ во всемъ мірозданіи, — всѣ жизненные стимулы были очерчены его личнымъ «я». Ни созерцаніе прошлаго, ни философская мысль, ни истинная любовь къ природѣ не смягчали этого одиночества. И боли отъ возможнаго исчезновенія единственно-цѣннаго въ мірѣ «я» ничто не въ силахъ было утолить. Ядъ подносился ему тѣми же каналами — внѣшнихъ, безраздѣльно властвующихъ воспріятій,—какими подносились живыя радостныя ощущенія. Оттого и отсутствіе страсти, отсутствіе истиннаго пафоса, незначительность художественныхъ достиженій — одна блестящая игра формою.

Его эстетизмъ былъ угрюмъ. Съ изумленіемъ — и, быть можетъ, не безъ зависти — онъ констатируетъ, что наиболѣе родственный ему по духу Урусовъ, въ которомъ онъ особенно цѣнилъ «свободную и естественную приверженность къ прекрасному», такъ легко относился къ своей болѣзни, «сопровождавшейся постепеннымъ угасаніемъ жизни». Съ юморомъ, никогда не покидавшимъ его, онъ говорилъ: «Мы всѣ готовимся въ

мертвецы. Ну, что же, это сословіе имѣетъ свои почтенныя права».

Да, здѣсь было чему позавидовать. Въ Урусовѣ была та «легкая кровь», которая и безъ олимпійскаго величія справляется со сложными жизненными проблемами. У него не было бога, — но онъ обходился безъ него. У него, какъ оказывается, не было въ жизни ни разу настоящей, глубокой страсти; но онъ полной чашей безъ оглядки наслаждался легкими увлеченіями. И глаза у него были всегда «веселые», и о смерти говорилъ «съ искренней веселой важностью». Вотъ это другой выходъ изъ эстетическаго воспріятія жизни. Можно или беззаботно не заглядывать въ бездну, или, величественно скрестивъ руки, глядѣть на дно. Андреевскому не дано было ни то, ни другое.

И потому онъ только и могъ закончить свою посмертную книгу словами: «Я закрою глаза на здѣшній міръ съ тѣмъ же недоумѣніемъ, съ какимъ я ихъ впервые раскрылъ».

«А вы, всѣ прочіе, остающіеся люди-братья, развѣ что нибудь поймете послѣ меня?»

Парижъ, 1923 г.

ТРАГЕДІЯ РУССКАГО ПАРЛАМЕНТАРІЯ

(Ф. Ф. Кокошкинъ)

Десять лѣтъ тому назадъ, въ суровой судейской залѣ стоялъ онъ, стройный, воодушевленный, съ сознаніемъ своей моральной силы и говорилъ своимъ судьямъ: «Мы хотѣли способствовать тому, чтобы Россія сдѣлалась страной свободной, правовымъ государствомъ, гдѣ право было бы поставлено выше всего, гдѣ праву подчинены были бы всѣ, отъ высшаго представителя власти до послѣдняго гражданина. Мы хотѣли сдѣлать Россію страной счастливой и процвѣтающей. Мы знали, что для этого путь только одинъ, — поднять благосостояніе низшихъ трудящихся классовъ населенія. Мы хотѣли сдѣлать Россію страной сильной и могущественной единствомъ, не внѣшнимъ насильственнымъ единствомъ, а единствомъ внутренней организаціи, которое совмѣстимо съ разнообразіемъ мѣстныхъ условій, съ разными особенностями всѣхъ народностей, ее населяющихъ... Говорятъ, что всякая великая идея требуетъ жертвъ; если мы должны быть этими жертвами, мы готовы быть ими... въ твердомъ сознаніи, что для нашего дѣла суждено неизбѣжное близкое торжество». [1])

Надъ страшною, безвинною могилою того, кто произносилъ эти возвышенныя слова, гаснетъ вѣра въ близость и неизбѣжность торжества, и рыдать хочется отъ сознанія безцѣльности, безсмысленности этой

---

1) Выборгскій процессъ, стр. 39 и 46.

жертвы. Кому она потребовалась? Не тѣмъ, противъ кого онъ боролся за трудящихся, за Россію свободную, счастливую, могущественную, а тѣмъ, за кого онъ готовъ былъ положить жизнь, чье счастье и свобода и были для него счастьемъ и свободой Россіи...

Каинъ, Каинъ, зачѣмъ ты убилъ брата своего Авеля?

***

«Мы съ вами рождены быть парламентаріями, а судьба все ставитъ насъ въ условія, гдѣ борьба должна вестись другими путями. Такъ было всегда, въ 1905-1906 г.; такъ оно и теперь».

Въ этихъ словахъ, сказанныхъ въ одной изъ интимныхъ бесѣдъ нашихъ еще въ первые мѣсяцы революціи, скрыта глубокая трагедія жизни этого замѣчательнаго человѣка. Трагическое тутъ было, впрочемъ, не въ личномъ его ощущеніи: гармоничность его натуры предохраняла его отъ внутренней драмы. Трагизмъ здѣсь — въ судьбѣ Россіи, которая, обладая такой жемчужиной на зарѣ своей свободной парламентской жизни, не смогла взять отъ нея всего ея блеска и въ тупомъ безуміи дала ее растоптать.

Кокошкинъ былъ по профессіи ученый государствовѣдъ, профессоръ и публицистъ, но по призванію былъ прежде всего парламентарій. Наука, публистическая дѣятельность, участіе въ правительствѣ — все это были сферы, подчиненныя одной, главной, единственной. Въ годы безвременья, когда мракъ Столыпинскаго режима уничтожилъ, казалось, навсегда надежду на возвратъ къ лучшимъ днямъ, я сказалъ ему какъ-то, что сдалъ въ архивъ всякую мысль о политикѣ, что ухожу цѣликомъ въ литературу, въ юриспруденцію.

— А я нѣтъ, — возразилъ онъ рѣшительно. — Я не сдаюсь, не могу. Это моя настоящая стихія; я долженъ жить надеждой, что вернусь къ ней.

И насталъ часъ возвращенія. Когда мы встрѣтились въ первые дни революціи, въ день пріѣзда его въ Петербургъ, щеки его рдѣли живымъ румянцемъ, глаза блестѣли радостной надеждой.

— Вотъ мы опять съ вами, — говорилъ онъ. — Смотрите, какая тутъ символика. Помните, какъ въ лѣтнюю ночь въ Выборгѣ писали мы вдвоемъ завѣтъ 1-й Думы. Теперь меня просятъ сочинить первый привѣтъ свободной Россіи, манифестъ Временнаго Правительства. Давайте опять сочинять вмѣстѣ. Начнемъ съ того, чѣмъ кончили 11 лѣтъ тому назадъ.

Разговоръ происходилъ въ министерскомъ кабинетѣ, рядомъ съ залой,гдѣ засѣдало въ первые дни Временное Правительство. Отъ времени до времени заходили къ намъ то тотъ, то другой изъ «молодыхъ» министровъ, всѣ радостно возбужденные, полные вѣры, чуждые сомнѣній, а мы сидѣли и сочиняли, совсѣмъ какъ тогда, въ Выборгѣ, — только съ душой приподнятой, ликующей. Вотъ оно, казалось, пришло «торжество близкое, неизбѣжное».

Намъ дали какой-то проектъ, который мы забраковали, и сѣли писать заново. Кокошкинъ настоялъ на томъ, чтобы я составилъ проектъ съ тѣмъ, что вмѣстѣ будемъ потомъ править. Я не могъ отказаться и засѣлъ. Онъ сидѣлъ поодаль все время въ одной позѣ, заложивъ ногу на ногу, скрестивъ руки, съ высоко поднятой головой. Когда во время писанія я отрывалъ на минуту глаза отъ бумаги, то ловилъ его счастливый, мечтательный взглядъ, устремленный въ какую-то, ему одному видимую, лучезарную даль. Мнѣ чуялось, что вотъ человѣкъ переживаетъ счастливѣйшую минуту жизни, и жаль было шевельнуться,—нарушить этотъ сосредоточенный, свѣтлый покой. Правили мы эту первую торжественную грамоту новой власти, опубликованную на слѣдующій

день, 7-го марта, въ видѣ перваго манифеста Временнаго Правительства,съ особымъ піэтетомъ, точно осязали въ ней воплощенную мечту нашу.Онъ вообще любилъ сдержанное величіе въ слогѣ,какъ любилъ его въ самомъ политическомъ дѣйствіи.Слогъ отражалъ человѣка.Нѣкогда консерваторъ, воспріявшій сознательно, на основаніи научнаго опыта,принципы либерализма, онъ сохранилъ внутреннее преклоненіе передъ самымъ величіемъ государственной идеи и соблюдалъ особую осторожность въ выраженіяхъ, когда они касались основъ государственной жизни. Я ему въ этомъ сочувствовалъ, и намъ как-то легко вмѣстѣ писалось.

— Смотрите, какъ у насъ опять идетъ плавно и легко, — воскликнулъ онъ, — точно нить нашей политической жизни и не обрывалась. Опять будемъ строить въ томъ же стилѣ...

«Въ томъ же стилѣ», — это значило въ нашихъ бесѣдахъ въ стилѣ первой Думы.

II.

Да, она имѣла свой особый стиль — первая Дума. Не знаю, удалось ли бы мнѣ опредѣлить его точно словами, но если бы нужно было назвать живыхъ лицъ, наиболѣе ярко отражавшихъ въ себѣ этотъ стиль, — я назвалъ бы И. И. Петрункевича и Ф. Ф. Кокошкина. Муромцевъ былъ организаторъ, — онъ дорожилъ стройностью, внѣшнимъ благолѣпіемъ учрежденія, какъ такового: о н и выражали внутренній духъ, поддерживали негаснущее пламя восторга, душевный подъемъ, прямоту и достоинство въ дѣяніяхъ Думы. Въ нихъ обоихъ жила точно готовая идея - образъ государства съ благородными очертаніями, и всякое осквернение этого образа вызывало инстинктивную реакцію, рѣзало ихъ глазъ и ухо. Одинъ отвѣчалъ на это крикомъ сердца, у другого

чувство облекалось въ форму сдержанной, но отнюдь не безстрастной, юридико-политической критики. Въ этой критикѣ былъ не одинъ анализъ отъ разума, не одна ясность и послѣдовательность, въ которыхъ обычно усматривали всю силу Кокошкина; въ ней было и нѣчто отъ глубины незамѣтнаго поверхностному наблюдателю общаго эстетическаго міроощущенія. Только цѣлостно, въ эстетической связности воспринимая явленіе, можно такъ мѣтко улавливать чужія извращенія его основъ,—такъ жизненно, безъ педантизма, критиковать. Эта критика не разлагала, а возсозидала. Разомъ нащупывая основной нервъ спора, она быстро отметала лишнія, мѣшающія уклоненія и возвращала слушателя въ сферу тѣхъ общихъ идей, необходимость и внутренняя связь которыхъ съ такою ясностью носилась передъ глазами критика. Въ опубликованныхъ послѣ смерти Кокошкина выдержкахъ изъ переписки его съ другомъ содержится одно характерное признаніе. «Было время, — пишетъ онъ, — когда отношеніе мое къ юриспруденціи носило по преимуществу эстетическій характеръ. Меня увлекала лишь эстетическая сторона изящныхъ въ своей стройности и гармоніи юридическихъ конструкцій». [1]). Это эстетическое отношеніе являлось факторомъ болѣе общимъ: оно сказывалось и въ особой, тихой созерцательной любви къ природѣ, носившей отпечатокъ пантеистическаго преклоненія, и въ преданности искусству, въ особливомъ интересѣ къ новѣйшимъ поэтическимъ исканіямъ. Недостаточное для самостоятельнаго художественнаго творчества, оно клало, однако, отпечатокъ на творчеетво во всѣхъ другихъ сферахъ, придавая ему особую жизненную цѣлостность, закругленность, внутреннюю гармонію. Улеглось юношеское увлеченіе «изящ-

---

1) « Русскія Вѣд. » № 11-й за 1918 г.

ными въ своей стройности и гармоніи юридическими конструкціями», но не изсякъ тотъ родникъ, изъ котораго изливается всякое увлеченіе «изяществомъ и гармоніей», то, что составляетъ основу эстетическаго ощущенія, — воспріятіе явленія, какъ замкнутаго, своей особой жизнью живущаго и своимъ внутреннимъ законамъ подчиняющагося цѣлаго. Оно и выступало у Кокошкина во всѣхъ сферахъ дѣятельности, оно выступало и въ сферѣ государственно-правового строительства въ видѣ первичнаго,неразложимаго ощущенія связи государственно-правовыхъ явленій,—ощущенія,которое и критикѣ придаетъ характеръ созиданія, которое и юридическому государственному творчеству даетъ подлинный душевный подъемъ. Только при такомъ міроощущеніи можно отстаивать свои взгляды съ вѣрой, съ любовью, какъ отстаиваетъ художникъ свой цѣлостный замыселъ, какъ ратуетъ вѣрующій за цѣлостность и неразложимость своего вѣрованія. Однимъ логическимъ анализомъ такого подъема не создашь и вѣры не сохранишь.

Вотъ этотъ-то подъемъ въ творчествѣ, этотъ молитвенный порывъ вѣрующаго и роднилъ Кокошкина съ основнымъ настроеніемъ, со «стилемъ» 1-й Думы.

III.

Три идеи воодушевляли его въ его парламентской дѣятельности, — онъ ихъ назвалъ впослѣдствіи въ своей книгѣ о «Республикѣ» «тремя устоями» своей партійной программы: Первый устой — неприкосновенность началъ гражданской свободы и равенства, второй — полное господство народной воли, и третій — осуществленіе началъ соціальной справедливости, широкія реформы, направленныя къ удовлетворенію справедливыхъ требованій трудящихся классовъ. [1]) Эти три идеи состав-

1) « Республика ». Петроградъ. 1917 г. Стр. 5-6.

ляли и основной канонъ первой Думы. Эти идеи надо было воплотить въ жизнь, превратить изъ общихъ абстрактныхъ лозунговъ въ практическія правовыя нормы. Первая Дума стремилась стать реальной государственной силой, она и дорожила потому этимъ перевоплощеніемъ,—возможно быстрымъ перевоплощеніемъ— отвлеченныхъ принциповъ въ жизненныя нормы; она желала выявить живучесть извѣстныхъ идеаловъ русскаго освободительнаго движенія и самымъ процессамъ приближенія принциповъ къ жизни закрѣпить бытіе народнаго представительства. Для этого недостаточно было одной восторженной вѣры въ идею: нужно было особое чувство мѣры, правильное ощущеніе жизненной обстановки, умѣніе бережно относиться къ многообразному живому, чтобы спѣшной ломкой, совершаемой во имя идеи, не дискредитировать самой идеи. Такое чувство мѣры было въ высшей степени присуще Кокошкину. Душевное пареніе вверхъ не мѣшало ему здравымъ практическимъ чутьемъ оріентироваться въ условіяхъ мѣста и времени, примѣнять принципы сообразно съ извилинами жизни, и брать изъ нихъ только то, что уловимо въ прочныя формы права, что оправдано либо связью съ прошлымъ, либо иноземнымъ опытомъ. Утонченность и возвышенность общаго плана не затуманивали взгляда строителя; онъ считался съ годностью матеріала и со всѣми прочими конкретными условіями постройки. Было въ этомъ нѣчто отъ здороваго консерватизма англичанъ, который такъ удивительно соединяется съ преклоненіемъ передъ самыми высокими идеями, — консерватизма, который, при всѣхъ индивидуальныхъ и программныхъ различіяхъ,одинаково присущъ Биконсфильду и Гладстону, Асквиту и Бальфуру. Это не расчетливое стремленіе сохранить старое во имя чьихъ-либо выгодъ или интересовъ, — своихъ или общихъ; и

не трусливое нежеланіе или неумѣніе воспарять въ высь отъ тьмы низкихъ дѣлъ. Нѣтъ. Это — стихійное стремленіе связывать живое съ живымъ, —отвращеніе отъ всего, что не выростаетъ изъ сущаго, какъ цвѣтокъ изъ корня, и въ этомъ именно ростѣ, въ этой связи, находитъ свое высшее, единственно убѣдительное оправданіе.

Кокошкинъ не гонится потому въ своихъ построеніяхъ за упрощенными схемами, не преклоняется передъ фетишемъ логической ясности и послѣдовательности. Онъ пріемлетъ разнообразіе жизни и, стремясь влить ее въ правовыя нормы, не желаетъ давить ни одного ростка ея. Оттого онъ не одобряетъ формально-логическаго метода въ юриспруденціи; [1]) оттого его не тянетъ къ французамъ, столь склоннымъ къ логическому упрощенію, и близокъ его сердцу только зараженный англоманствомъ Монтескье. «Многіе французскіе писатели, — поучаетъ онъ своихъ слушателей въ «Лекціяхъ» [2]), — иронизировали надъ англійскимъ государственнымъ строемъ, послужившимъ образцомъ для Монтескье; они говорили, что англичане вмѣсто того, чтобы создать простой порядокъ (simple ordre) создаютъ сложное нагроможденіе предохранительныхъ мѣръ противъ безпорядка (un échafaudage des précautions contre le désordre). Исторія, однако, не оправдываетъ этой оцѣнки государственныхъ формъ по степени ихъ простоты. Сложный механизмъ англійскаго государственнаго строя оказался гораздо прочнѣе и благопріятнѣе для свободы, чѣмъ тѣ «простыя машины», которыя строили французы въ теченіе ста лѣтъ, и которыя ломались одна за другой, разбивая вмѣстѣ съ тѣмъ и индивидуальную свободу».

---

1) « Юридическій Вѣстникъ », 1913 г. Книга I-я, стр. 36: « Юридическая природа манифеста 17 октября ».

2) Лекціи по общему государственному праву, изд. 2, Москва, 1912 г., стр. 253.

Эта же готовность брать жизнь во всей ея сложности, умѣніе горѣть высокой «освободительной и либеральной» идеей и проносить ее черезъ все разнообразіе жизненныхъ сплетеній, видоизмѣняя ея примѣненіе, не насилуя историческихъ традицій и народныхъ чаяній, дали ему возможность съ такимъ исключительнымъ пониманіемъ проникнуть въ сущность національной проблемы. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ Россіи не было человѣка, который бы подходилъ къ рѣшенію этой наисложнѣйшей и, быть можетъ, самой роковой проблемы русской государственной жизни съ такимъ прочнымъ идейнымъ планомъ, съ такимъ знаніемъ не только русской дѣйствительности, но и всемірно-историческаго опыта. Государственная машина, построенная на принципѣ полной централизаціи и угнетенія, съ одной стороны, и дешевыя общія трафаретныя формулы «самоопредѣленія», съ другой, — таковы были два полюса нашей жизни въ сферѣ національныхъ вопросовъ. Между двумя крайностями пропасть, а кругомъ мракъ, насиліе и стонъ угнетаемыхъ. Черезъ эту пропасть надо было перекинуть мостъ, въ этотъ мракъ надо было бросить лучъ свѣта, угнетеннымъ вселить надежду, насилію бросить вызовъ, противопоставивъ ему ясную и прочную правовую норму. Откуда ее взять? Она нигдѣ не прописана въ готовомъ видѣ. Когда Сперанскій клалъ основу нашей централистической административной организаціи, онъ имѣлъ передъ собою готовые образцы Запада: принципы тѣ же и формы тѣ же. Но гдѣ единый принципъ разрѣшенія національной проблемы для такого, ни съ чѣмъ не сравнимаго, многонаціональнаго организма, какъ Россія? Его нѣтъ. Здѣсь нужно творчество новыхъ правовыхъ формъ,умѣніе прислушаться къ пульсу народной жизни каждой изъ частей, къ ея культурнымъ задаткамъ и историческимъ завѣ-

тамъ, умѣніе найти въ формѣ права ту линію, которая, охраняя и продолжая развитіе сущаго, осторожно создавала бы новую нѣжную ткань, связующую самодѣятельныя части въ единое живое цѣлое. Ощущеніе разнообразія жизни, не заглушаемое общей идеей, а, наоборотъ, регулирующее въ извѣстныхъ предѣлахъ самую идею, дало всѣмъ построеніямъ Кокошкина характеръ непосредственной практической приложимости, — вѣрнѣе: оно превращало носящіяся въ воздухѣ общія политическія идеи въ практически оправданныя, зрѣлыя политическія требованія. Такъ было съ идеей всеобщаго избирательнаго права, разработаннаго имъ еще въ эпоху первыхъ земскихъ съѣздовъ въ докладѣ, который и по дѣловитости изложенія, и по прозрачности стиля напоминаетъ лучшія записки Сперанскаго; такъ было въ особенности съ идеей о правахъ національностей, и въ частности, съ идеей автономіи. Только когда Россія, послѣ кошмарныхъ дней униженія и распада, перейдетъ къ свободному строительству національныхъ отношеній, только тогда она реально почувствуетъ, какой она лишилась незамѣнимой силы въ уясненіи и практической постановкѣ этихъ основныхъ вопросовъ нашего государственнаго бытія.

IУ.

Эмиль Фагэ такъ характеризуетъ ораторское дарованіе одного изъ знаменитой «тройки» французскаго національнаго собранія (Dupont, Barnave, Lamette): «Барнавъ былъ одинъ изъ величайшихъ французскихъ ораторовъ, котораго однако мало знаютъ... Его рѣчи отличаются прочнымъ и стройнымъ планомъ; онъ обладалъ яснымъ умомъ и несравненнымъ умѣніемъ сводить дебаты къ существенному пункту и вдругъ освѣщать его яркимъ лучемъ». Кокошкинъ принадлежалъ къ тому же типу

ораторовъ. И, можетъ быть, не совсѣмъ случайность, что его въ обществѣ также мало знали, какъ оратора, — хотя и онъ по праву долженъ быть отнесенъ къ числу «величайшихъ» въ средѣ представителей нашего политическаго краснорѣчія.

Тотъ, кто первый разъ видѣлъ восходящимъ на каѳедру этого тонкаго, стройнаго, моложаваго, изящно одѣтаго человѣка, съ мелкими чертами лица, на которомъ выдѣлялся только высокій красивый лобъ, — со сдержанными движеніями, начинающаго свою рѣчь безъ искусственныхъ приступовъ, обладающаго голосомъ сильнымъ, но безъ оттѣнковъ и модуляцій, преодолѣвающаго совершенно явные дефекты при произнесеніи нѣкоторыхъ буквъ, — никогда не повѣрилъ бы, что этимъ голосомъ, этимъ произношеніемъ, этою спокойною, почти безъ жестикуляцій, позою приковывалось вниманіе слушателей на цѣлые часы безъ перерыва. Я не помню оратора, который бы такъ мало утомлялъ слушателя и такъ легко и спокойно держалъ его въ своей власти, не страстными порывами, не красотою фразы, а единственно и исключительно неустаннымъ, ровнымъ и постояннымъ накопленіемъ мысли, — тою интуитивно-создаваемою гармоніей между темпомъ мысли слушателя и темпомъ мысли оратора, которая прочнѣе всего связываетъ трибуну съ аудиторіей. Слушатель не ощущаетъ рѣчи, какъ таковой, какъ формы, какъ оболочки; онъ не ощущаетъ даже самой личности оратора; онъ весь скованъ плавнымъ ходомъ мысли, которая такъ идетъ ему навстрѣчу, такъ угадываетъ, что ему, слушателю, нужно, точно ораторъ подслушалъ его душевныя сомнѣнія. Онъ получаетъ отвѣты такъ во-время, — какъ разъ тогда, когда онъ вотъ-вотъ готовъ былъ смутиться. И дѣлается все это такъ мягко, не раздражая его: ему даже начинаетъ казаться, что это онъ самъ все приду-

мываетъ, а ораторъ только произноситъ. И онъ уже ждетъ съ необычайной личной заинтересованностью каждаго слѣдующаго оборота мысли, — «своей» мысли, которую онъ только не успѣлъ еще облечь въ такую пріятную, кристаличчески - ясную форму. Тѣмъ лучше, тѣмъ пріятнѣе, если онъ, ораторъ, можетъ такъ хорошо, такъ легко это сдѣлать. Ну, какъ не полюбить, какъ не довѣриться этому стройному, моложавому чело вѣку, который такъ мало себя выдвигаетъ, не коритъ васъ, даже не смотритъ на васъ, а явился только для того, чтобы за васъ сказать вслухъ то, въ чемъ вы такъ крѣпко убѣждены теперь и какъ-будто уже были убѣждены много раньше, всегда... Развѣ можно не быть убѣжденнымъ въ томъ, что такъ складно, просто и ясно?

Такъ всѣ слушали Кокошкина съ трибуны Думы, на митингѣ и даже въ самомъ интимномъ закрытомъ партійномъ собраніи. Онъ всегда и вездѣ былъ одинаковъ. И даже теперь, въ чтеніи, рѣчи его производятъ почти то же впечатлѣніе, какое производили при ихъ произнесеніи. Это—явленіе крайне рѣдкое въ произведеніяхъ ораторскаго искусства. Ораторы обыкновенно избѣгаютъ «литературности» въ рѣчахъ. Устная рѣчь имѣетъ свои законы, и то, что краситъ литературное произведеніе, — законченность, полнота, точность, — часто является тягостнымъ излишествомъ въ устной рѣчи. Кокошкинъ этого не опасался. Рѣчи его несомнѣнно обладаютъ чисто литературными чертами: мысли въ нихъ изложены такъ полно, обстоятельно, — всегда со всѣми нужными оговорками, со всѣми придаточными предложеніями, со всѣми предосторожностями научнаго изложенія. И тѣмъ не менѣе онѣ слушались такъ, что вся эта литературно-научная арматура оставалась незамѣченной. Въ чтеніи рѣчи кажутся длинными, между тѣмъ никто изъ слушателей этихъ длиннотъ не замѣчалъ. Произнося ихъ,

ораторъ никогда къ тому же не ставилъ себя въ зависимость отъ аудиторіи, онъ чаще всего и не глядѣлъ на нее, взоръ его направлялся куда-то вверхъ, надъ аудиторіей. Мѣрило у него было не въ выраженіи лицъ слушателей, не въ одобреніи или нетерпѣніи аудиторіи, а гдѣ то внутри, въ чудесномъ дарѣ ощущать нѣкій средній ритмъ человѣческой мысли, одинаковый для всякой аудиторіи. Въ этомъ — великое художество, свободное отъ потугъ, отъ риска неудачъ, независимое отъ внѣшняго міра, отъ случайнаго настроенія.

Рѣчи свои Кокошкинъ почти всегда импровизировалъ. — конспекты его, набрасываемые тутъ же передъ произнесеніемъ рѣчи, были необычайно кратки,—всего нѣсколько строкъ, заголовки двухъ-трехъ положеній, и изъ нихъ вырастали обширныя получасовыя или часовыя рѣчи съ необыкновеннымъ богатствомъ какъ положительнаго, такъ и полемическаго матеріала. Полемика давалась ему особенно легко, — я бы сказалъ, что въ ней-то и было главное его мастерство. Не даромъ онъ своимъ псевдонимомъ для газетныхъ статей избралъ англійское слово «Debater». Но это была полемика особенная, полемика, въ самые рѣзкіе, самые дорогіе для оратора моменты не теряющая самообладанія, хорошаго тона, джентльменской терпимости къ своему противнику. Въ ней подчасъ играютъ блестки ироніи, но ироніи тонкой, колющей безъ рѣзкостей, разящей идею, а не человѣка, вызывающей чаще улыбку сожалѣнія, чѣмъ ядовитую злобу; даже когда насмѣшка задѣваетъ слабость противника, она умѣло локализируется предѣлами спора, не покушаясь на большее, не вторгаясь въ святая святыхъ противника. Самая форма обращенія къ противнику носитъ отпечатокъ добрыхъ старыхъ нравовъ парламентскихъ странъ: никакихъ непосредственныхъ вызововъ, и часто даже нарочитая замѣна фамиліи

безличнымъ наименованіемъ «депутатъ такой-то губерніи». Ковалевскій, гр. Гейденъ, Стаховичъ, принадлежность которыхъ къ той или иной губерніи исчезала для насъ, въ виду ихъ личной значительности, являются для него, однако, чаще всего только «депутатами Харьковской, Псковской, Орловской губерніи». Въ этой особливой сдержанности, въ устраненіи всего личнаго, въ снисходительности, происходящей не отъ слабости, а отъ величія, — нѣтъ ли также отблеска той общей плѣнительной «незлобивости», которою запечатлѣна въ памяти потомства вся дѣятельность первой Думы?...

Скрещивать шпаги пришлось Кокошкину въ 1-ой Думѣ съ виднѣйшими депутатами: Гр. Гейденомъ по вопросамъ о гражданскомъ равенствѣ, съ Ковалевскимъ о свободѣ собраній, со Стаховичемъ объ участіи правительства въ организаціи погромовъ. Наиболѣе замѣчательна была эта послѣдняя рѣчь, — реплика Стаховичу, который взялъ на себя неблагодарную защиту правительства противъ обвиненія въ подготовкѣ еврейскихъ погромовъ. Рѣчь Кокошкина явилась импровизаціей въ полномъ смыслѣ слова, и тѣмъ не менѣе она остается до сихъ поръ одной изъ лучшихъ рѣчей, раздававшихся когда-либо съ трибуны русскаго парламента. Бичующее слово, съ каждымъ оборотомъ мысли все ближе и мѣтче обличающее развалъ и развращенность власти, смѣняется высокимъ патріотическимъ призывомъ къ искренности въ обнаженіи нашихъ язвъ и негодованіемъ по поводу попытокъ спасать престижъ власти лживою ея защитою и искусственными отводами: «депутатъ Стаховичъ обращается къ нашему національному самолюбію: онъ говоритъ объ униженіи государственной власти, говоритъ, что нельзя торопиться изобличать это униженіе, потому что мы идемъ не къ радости, а къ безславію, и поэтому не будемъ спѣшить открывать и из-

обличать. Я знаю эту теорію, господа. Этотъ духъ замалчиванія, неспѣшности въ раскрытіи всего позорнаго ведетъ не къ чести, — ведетъ къ безславію и позору... Именно въ интересахъ нашего національнаго самолюбія, именно въ интересахъ чести и достоинства Россіи мы должны заклеймить все то, что есть позорнаго въ Россіи, какъ бы высоко оно ни стояло, и только такимъ путемъ мы поддержимъ честь и величіе и достоинство Россіи. [1])

У.

Парламентская дѣятельность требуетъ не только ораторскаго таланта и не только правильныхъ политическихъ идей. Она требуетъ и умѣнія рѣшительно дѣйствовать,—дѣйствовать притомъ не лично за свой страхъ, а отъ имени и въ составѣ нѣкоего цѣлаго, — группы, партіи. Нужно обладать рѣшимостью, которой не убиваетъ «блѣдный цвѣтъ размышленія», которая и не таетъ въ горнилѣ неизбѣжныхъ коллегіальныхъ соглашеній. Въ эпохи бурныя, когда жизнь парламента особенно часто потрясается неожиданными взрывами изнутри или извнѣ, такая способность цѣннѣе даже ораторскаго таланта.

Первая Дума жила именно въ такую эпоху. Правительство вело борьбу съ нею на всѣхъ путяхъ ея дѣятельности и съ перваго момента этой дѣятельности. Жизнь ея непрерывно выбивалась изъ намѣченной колеи, ежедневно нарушался планъ работы, и руководящая Думою партія должна была поминутно мѣнять диспозицію, отбивать непредвидѣнныя атаки, сама предпринимать внезапныя наступленія. Для этой цѣли дѣйствовала у насъ въ Думѣ особая распорядительная ко-

1) Рѣчь 29-го іюня.

миссія (въ нее входили Петрункевичъ, Кокошкинъ, Набоковъ, Родичевъ, Мухановъ и я), которая должна была во-время засѣданій принимать немедленно тактическія рѣшенія и дѣлать заявленія отъ имени партіи по самымъ животрепещущимъ вопросамъ.Въ условіяхъ этой работы, спѣшной и отвѣтственной, легче всего познается нѣчто весьма важное въ характерѣ человѣка — степень непосредственности въ откликѣ на внѣшнія событія. Въ Кокошкинѣ мы всегда встрѣчали въ этихъ слу̀чаяхъ какую-то особую, далекую отъ бравуры, здоровую активность, чувство мѣры, не затрудняющее дѣйствія, а придающее ему увѣренный, радостный характеръ. Глаза его загорались, тихая улыбка скользила по губамъ,—даже когда минута была тяжелая, и реакція на событіе должна была быть негодующая. То была радостная улыбка отъ самаго ощущенія дѣйствія, эмоція, свойственная всѣмъ людямъ воли, столь же естественная въ живомъ человѣческомъ движеніи,какъ естественъ радостный восторгъ поэта при созерцаніи образа, какъ бы онъ ни былъ грозенъ и ужасенъ. Темпераментъ, рѣдко проявлявшійся въ рѣчахъ, въ виду особыхъ условій ораторскаго дарованія, здѣсь, въ минуты дѣйствія, непосредственной реакціи на явленія жизни, сказывался отчетливо и ярко. Я не помню у Кокошкина никогда въ эти минуты колебаній, нерѣшительности, половинчатости. Онъ и угадывалъ съ полуслова чужую мысль, и самъ поспѣшно движеніемъ головы одобрялъ, краткими вставками дополнялъ или видоизмѣнялъ ее. И отъ этого общенія съ нимъ чужая воля крѣпла, и самъ онъ не только не терялъ рѣшительности, но усугублялъ ее. Онъ обладалъ этимъ даромъ, далеко не всякому присущимъ, дѣйствовать соборнѣ и черпать силу въ этой соборности. Сговариваться съ нимъ вообще было какъ-то особенно легко. Взаимное убѣжденіе носило скорѣе характеръ изящ-

ной игры, чѣмъ состязанія. Тутъ была съ его стороны не одна внѣшняя предупредительность, изысканная и чарующая, но и особое умѣніе отстаивать свою мысль съ такой простотой и искренностью, съ такимъ отсутствіемъ даже тѣни самолюбиваго упрямства, что собесѣдникъ быстро и съ душевнымъ удовлетвореніемъ сдавался на доводы, освобождаясь и отъ собственныхъ колебаній, если они у него были. И это же отсутствіе самолюбиваго упрямства у Кокошкина, при чрезвычайной быстротѣ усвоенія имъ чужой мысли, давало возможность быстро убѣждать и его. Работа съ нимъ шла плавно, безъ борьбы, безъ надломовъ и компромиссовъ. Ибо при всей мягкости и очаровательной любезности, Кокошкинъ менѣе всего былъ человѣкъ компромисса. Suaviter in modo, fortiter in re. Научная закваска сохранила въ немъ навыкъ къ принципіальнымъ постановкамъ вопроса и непоколебимую твердость въ ихъ отстаиваніи. Но самый характеръ этихъ принциповъ былъ не доктринерскій, не книжный. Потому онъ неспособенъ былъ, реагируя на событія, совершить жизненную безтактность въ угоду доктринѣ. Потому и воля его, въ минуты, когда требовалась рѣшимость, не была скована узами доктрины. Мысль и воля были въ полной гармоніи. Твердость и рѣшимость получались не отъ односторонности душевныхъ процессовъ, не отъ отсутствія разнородныхъ началъ, но отъ ихъ примиренія. Однимъ изъ наиболѣе дѣйственныхъ моментовъ въ жизни перводумцевъ былъ безспорно моментъ изданія выборгскаго воззванія. Можно быть какого угодно мнѣнія о самой идеѣ воззванія, но несомнѣнно, что въ изданіи его сказалась великая рѣшимость, напряженіе воли, ищущей исхода въ опредѣленномъ дѣйствіи. И очень показательно, что идея объ этомъ воззваніи, о призывѣ къ пассивному сопротивленію, принадлежала Кокошкину. Это онъ и И. И. Петрун-

кевичъ, оба независимо другъ отъ друга, въ одно и то же время, толкнули фракцію на мысль объ обращеніи къ народу съ такимъ именно призывомъ. [1]) Онъ оставался вѣренъ этой своей идеѣ и во время процесса, и до, и послѣ него, доказывалъ на судѣ, съ величайшей убѣдительностью, что призывъ къ пассивному сопротивленію есть чисто конституціонный, а не революціонный, способъ борьбы, что онъ примѣнялся и англичанами, — народомъ, наиболѣе дорожащимъ правовыми началами. Но объ идеяхъ можно спорить, — могутъ найтись и сейчасъ охлажденные опытомъ люди, которые снисходительно улыбнутся надъ нашимъ «грѣхомъ молодости». Безспорно лишь одно, что въ этомъ порывѣ дать отпоръ, хотя бы безсильный, хотя бы фантастически дерзкій, сказался характеръ, человѣкъ воли, умѣющій не только разсуждать, но и дѣйствовать.

Были два человѣка, съ которыми Кокошкина ближе всего свела судьба въ сферѣ политики, и каждый изъ нихъ цѣнилъ его, пожалуй, выше всѣхъ другихъ своихъ единомышленниковъ: это — Петрункевичъ и Милюковъ. И происходило это потому, что въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуетъ одна изъ тѣхъ силъ, синтезъ которыхъ данъ былъ въ Кокошкинѣ. И. И. Петрункевичъ, нашъ старый вождь, — человѣкъ непосредственнаго дѣйствія съ безошибочнымъ чутьемъ жизни, интуитивно начертывающій путь свой еще ранѣе, чѣмъ цѣпь логическихъ доводовъ его приведетъ къ нему, человѣкъ, въ которомъ прежде всего и громче всего говоритъ «долгъ совѣсти и чести»: не случайно этими именно словами начинается первая,изъ его устъ раздавшаяся, рѣчь съ трибуны перваго русскаго народнаго представительства. А другой, П. Н. Милюковъ, идеологъ цѣлаго политическаго движенія, у

---

1) См. мою « Исторію Выборгскаго воззванія », Петр. 1917 г. стр. 10.

котораго нѣтъ дѣйствія, не оправдываемаго принципомъ, человѣкъ почти безъ рефлекторныхъ движеній, съ волею, поддающеюся только одному давленію: давленію кажущейся ему правильною идеи. Въ Кокошкинѣ удивительно сочетались оба темперамента, — ни одинъ не въ такой силѣ, какъ у каждаго изъ тѣхъ, но изъ сочетанія ихъ получилась новая сила, единственная, въ личномъ ея воплощеніи неповторимая. Близость этихъ трехъ людей, крупнѣйшихъ, быть можетъ, представителей нашей политической мысли, была не только близостью политическихъ убѣжденій: она покоилась на душевномъ сродствѣ, имѣющемъ и въ области политики гораздо большее значеніе, чѣмъ то обыкновенно думаютъ.

VI

Нужно ли теперь, послѣ ряда длинныхъ лѣтъ, среди переживаемыхъ нами ужасовъ, говорить о конкретныхъ проявленіяхъ парламентной дѣятельности Кокошкина въ первой Думѣ? Годъ тому назадъ все это казалось уже позади насъ, а теперь опять наши идеалы мерцаютъ впереди, но гдѣ-то очень далеко, какъ свѣтящаяся точка, къ которой будемъ вновь пробираться съ трудомъ, не мы даже, а будущія поколѣнія. Въ минуты поруганія тѣхъ основъ, на которыхъ строилась вся идеологія 1-ой Думы, воскрешать ли детали и формы, въ которыхъ мы пытались отливать основныя ея идеи? Кому нужна теперь повѣсть о нашей борьбѣ и нашихъ страданіяхъ? Да и что наши усилія — какъ бы они ни были исторически значительны — передъ лицомъ тѣхъ переживаній, которыя выпадаютъ теперь на нашу долю, которыя суждено было пережить и ему, отошедшему нынѣ и извѣдавшему въ предсмертный часъ такое жестокое крушеніе своей вѣры?

Да будетъ потому позволено, только ради полноты, напомнить въ самыхъ общихъ чертахъ то, что сдѣлано было Кокошкинымъ за короткое время существованія перваго народнаго представительства.

72 дня просуществовала первая Дума; изъ нихъ только половина пришлась на дни рабочіе, и во время этихъ немногихъ дней хрупкое здоровье Кокошкина часто измѣняло ему. Тѣмъ не менѣе изъ пяти сборниковъ рѣчей лидеровъ господствовавшей въ 1-ой Думѣ к. д. партіи (Петрункевича, Кокошкина, Родичева, Набокова и моихъ) наиболѣе объемистымъ оказывается томикъ Кокошкина, и наибольшее разнообразіе темъ приходится именно на этотъ томикъ. [1])

Въ теченіе первыхъ дней жизни Думы Федоръ Федоровичъ хворалъ; отвѣтный адресъ потому прошелъ въ Думѣ безъ его участія,—онъ участвовалъ лишь въ предварительной работѣ по его подготовкѣ. [2]) Впервые Кокошкинъ выступилъ въ Думѣ съ большой политической рѣчью 13-го мая, въ памятный день, когда Горемыкинъ прочиталъ отвѣтъ правительства на адресъ Думы.Правительство разошлось съ Думой по всѣмъ вопросамъ и съ особенной силою отмежевалось отъ аграрной программы ея, объявивъ принципъ принудительнаго отчужденія несовмѣстнымъ съ неприкосновенностью частной собственности, а потому «недопустимымъ». Кокошкинъ отвѣтилъ на декларацію правительства тономъ педагога, изобличая власть въ «полной неосвѣдомленности» по вопросу объ избирательномъ правѣ, объ амнистіи, объ исключительныхъ положеніяхъ и въ особенности о неприкосновенности частной собственности: «Всякій полу-

---

1) Изъ думскихъ отчетовъ. Вып. IV. Рѣчи Ф. Ф. Кокошкина. С.П.Б. 1907 г., 115 стр.

2) См. мои « Конфликты въ I-ой Думѣ » С. П. Б., 1907 г., стр. 32 и сл.

чившій юридическое образованіе знаетъ, что институтъ частной собственности обладаетъ неприкосновенностью по отношенію къ частнымъ лицамъ, а не по отношенію къ государству. Государство всегда можетъ отчуждать, разъ для государства необходима частная собственность. Неприкосновенность ея заключается лишь въ томъ, что владѣльцы отчуждаемаго имущества получаютъ справедливое вознагражденіе». Подъ смѣхъ аудиторіи Кокошкинъ доказываетъ затѣмъ Горемыкину, что съ его, Горемыкина, точки зрѣнія, «Англія также представляетъ государство, существованіе котораго немыслимо», и заканчиваетъ этотъ сдержанный урокъ по государственному праву скорбнымъ возгласомъ: «У меня сжимается сердце за достоинство этой страны... Сегодня нанесенъ тяжкій ударъ не только спокойствію страны, но и ея достоинству».

Слѣдовали затѣмъ на протяженіи короткаго времени рѣчи по поводу земельныхъ комитетовъ, депутатской неприкосновенности, три рѣчи о гражданскомъ равенствѣ, рѣчь о свободѣ собраній, о Бѣлостокскомъ погромѣ, объ аграрномъ обращеніи и другія болѣе мелкія. Наиболѣе выдающимися по содержанію, центральными во всей дѣятельности Кокошкина, являются рѣчи о гражданскомъ равенствѣ. Идея равенства занимала въ его міровоззрѣніи особое мѣсто. Это для него — не только философскій постулатъ равноцѣнности человѣческой личности, но краеугольный камень всего государственнаго зданія: «Установленіе гражданскаго равноправія есть не только дѣло справедливости, это есть дѣло государственной необходимости. У насъ нѣтъ націи въ юридическомъ смыслѣ слова; у насъ есть только отдѣльныя группы населенія, отдѣльныя племена, національности и сословныя группы. Нужно создать націю, а таковой въ

наше время можетъ быть только союзъ свободныхъ, равныхъ гражданъ».

Государственное строительство должно потому начаться съ уничтоженія существующаго у насъ средневѣковаго варварскаго пережитка, котораго нѣтъ ни въ одномъ культурномъ государствѣ міра. «Самымъ важнымъ, самымъ крупнымъ пережиткомъ варварства, разлагающимъ весь нашъ государственный бытъ», является та огромная сѣть ограниченій, которая опутывала жизнь еврейскаго населенія Россіи: «эти законодательныя ограниченія на практикѣ, въ жизни, складываются въ огромное, грязное, кровавое пятно, и одна изъ нашихъ неотложныхъ, съ политической и нравственной точекъ зрѣнія, задачъ, это — смыть съ себя это грязное кровавое пятно, охранить доброе имя Россіи въ глазахъ всего цивилизованнаго міра, охранить доброе имя нашего поколѣнія въ глазахъ нашего потомства».

Въ другомъ мѣстѣ, — въ изслѣдованіи «о корняхъ антисемитизма». [1]) онъ ту же мысль связываетъ съ духовнымъ складомъ русскаго народа: «Русскому народу чужда религіозная нетерпимость; одна изъ лучшихъ чертъ его, это — соединеніе глубокаго религіознаго чувства съ отсутствіемъ фанатизма и клерикализма... Антисемитизмъ могъ существовать въ Россіи, остановившейся въ колебаніи и нерѣшительности на историческомъ распутьи, но ему не можетъ быть мѣста въ Россіи, нашедшей себѣ дорогу и идущей впередъ».

Вѣруя въ зиждительную силу принципа равенства, Кокошкинъ не допускаетъ его дробленія, примѣненія его къ одной сферѣ жизни безъ вниманія къ остальнымъ: «Если кто-нибудь скажетъ, положимъ: я — крестьянинъ

---

1) Напечатано въ литературномъ сборникѣ « Щитъ » изд. подъ редакціей Андреева, Горькаго и Сологуба (« Москва, 1915 г. стр. 111).

и поэтому требую уравненія крестьянъ въ правахъ со всѣми гражданами, но я вмѣстѣ съ тѣмъ — русскій и не хочу отказываться отъ привилегій русскаго, то такой человѣкъ подрѣзаетъ тотъ сукъ, на которомъ онъ сидитъ... Будемъ смотрѣть впередъ на будущее и будемъ помнить, что въ правовомъ государствѣ, которое мы создаемъ, равенство есть одинъ цѣльный огранический институтъ, одинъ изъ главныхъ его устоевъ». [1])

Рѣчь Кокошкина о гражданскомъ равенствѣ является одною изъ наиболѣе богатыхъ содержаніемъ и выдержанныхъ рѣчей, произнесенныхъ въ 1-ой Думѣ. Можно даже сказать, что изъ всѣхъ входившихъ въ программу первой Думы вопросовъ, ни одинъ, — если не считать аграрнаго, — не былъ такъ ярко и всесторонне освѣщенъ, какъ вопросъ о равенствѣ въ рѣчи Кокошкина. Дума, одобривъ развитый имъ основной принципъ, передала разработку его въ комиссію; этимъ вотумомъ Дума въ сущности санкціонировала начало, отстаиваемое Кокошкинымъ и воплощенное затѣмъ въ жизнь мартовской революціей въ первые свѣтлые ея дни. И если когда-нибудь Россія выйдетъ изъ тяжелыхъ бѣдъ, ожившею, сплоченною и сознающею себя единой націей, «союзомъ свободныхъ и равныхъ гражданъ», то это будетъ лишь благодатная жатва изъ сѣмянъ, брошенныхъ этимъ добрымъ сѣятелямъ на нашу, доселѣ невоздѣланную, ниву.

VII.

Парламентарію Кокошкину пришлось послѣ десяти лѣтъ бездѣйствія вернуться къ политической жизни при Временномъ Правительствѣ и, въ ожиданіи парламента, принимать участіе въ административной работѣ временныхъ органовъ власти.

---

1) Рѣчь 8-го іюня (Рѣчи Ф. Ф. Кокошкина, стр. 72).

Онъ и тутъ избралъ пути, наиболѣе близкіе къ законодательной дѣятельности: руководство юридическимъ совѣщаніемъ, которое играло своеобразную роль маленькой законосовѣщательной камеры, затѣмъ руководство работами по выработкѣ закона объ Учредительномъ Собраніи. Ему предлагались почти непрерывно различные чисто-административные высокіе посты, но онъ всѣ эти предложенія отклонялъ. При всякомъ освобождающемся для партіи к.-д. министерскомъ портфелѣ, партія прежде всего предлагала его Кокошкину: она хотѣла видѣть въ правительствѣ не столько спеціалистовъ по тому или иному вѣдомству, сколько политиковъ, могущихъ быть отвѣтственными за общее направленіе государственной жизни, и въ качествѣ такового всегда и неизмѣнно выдвигался въ первую голову Кокошкинъ. Ему предлагали поочередно портфель министра народнаго просвѣщенія, портфель министра юстиціи, даже спеціально для него создававшійся портфель министра по Учредительному Собранію.

Въ періодъ всѣхъ этихъ предложеній онъ мнѣ какъ то сказалъ: «На всѣ эти административные посты меня не тянетъ. Не считаю себя годнымъ для нихъ. Не удивитесь тому, что вамъ скажу: единственный постъ, который я бы занялъ съ нѣкоторымъ интересомъ,это—постъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Тутъ я могъ бы кое-что сдѣлать; у меня есть на этотъ счетъ свои идеи».

Не знаю, сообщилъ ли онъ кому-нибудь эти идеи; возможно, что онъ унесъ ихъ съ собою въ могилу. Помню только,что,когда по поводу этой комбинаціи,одобренной партіею и разглашенной печатью, получились свѣдѣнія, что въ московскихъ духовныхъ кругахъ ею недовольны, считая Кокошкина недостаточно религіознымъ, онъ съ улыбкой замѣтилъ, что «они сильно за-

блуждаются», что на этотъ счетъ онъ еще могъ бы «поспорить со своими обвинителями».

Назначеніе на постъ оберъ-прокурора не состоялось; но въ іюлѣ Кокошкинъ сдался, наконецъ, на настоятельныя просьбы партіи, и въ частности П. Н. Милюкова, и вступилъ въ составъ Временнаго Правительства, принявъ портфель государственнаго контролера.

Административныя свои обязанности на всѣхъ этихъ временныхъ административныхъ и полу-административныхъ постахъ онъ исполнялъ со всею добросовѣстностью: строгость къ себѣ и къ своимъ обязанностямъ отличала его на всѣхъ поприщахъ. Дѣло у него и тутъ шло хорошо, безъ заминки, и тѣмъ не менѣе чувствовалось, что это не было его призваніемъ. Не напрасно его туда «не тянуло»: что-то ему приходилось преодолѣвать внутри себя для того, чтобы быть на высотѣ. Въ натурѣ его не было ни малѣйшаго стремленія къ властвованію, не было ни тщеславія, питающаго властолюбіе, ни достаточнаго сознанія собственной силы къ власти. Онъ очень цѣнилъ и даже превозносилъ это сознаніе въ другихъ, но сквозь эти похвалы, какъ это часто бываетъ, сквозило ощущеніе собственнаго недостатка. Едва ли были у него и большіе организаторскіе таланты, необходимые для управленія всякимъ дѣломъ въ крупномъ масштабѣ; не было и любви къ вопросамъ организаціи, — того, что такъ ярко выступало въ Муромцевѣ. Даже предсѣдательствованіе въ большомъ собраніи пугало его: ибо здѣсь также имѣются элементы властвованія и организаціи. Къ его фигурѣ, къ его скромнымъ навыкамъ и мягкимъ движеніямъ, и не шла эта роль регулятора чужихъ мыслей, вводящаго чинъ, порядокъ, готоваго со строгостью пресѣкать все индивидуальное, не укладывающееся въ коллективное русло, вынужденнаго подавлять свою собственную мысль для того, чтобы

направить все вниманіе на выработку мысли коллективной. Онъ слишкомъ былъ умственно заинтересованъ въ развитіи с в о е й мысли, чтобы жертвовать этимъ интересомъ, чтобы ощущать прелесть отъ исполненія функціи, связанной съ подавленіемъ своей индивидуальности. Его не увлекалъ и тотъ особый психологическій интересъ къ процессу творчества коллективной мысли, который долженъ жить въ истинномъ предсѣдателѣ, который даетъ ему возможность самому содѣйствовать созиданію чего-то новаго, общаго, и черпать въ этомъ удовлетвореніе за отказъ отъ своего индивидуальнаго. Все это было ему чуждо. Онъ никогда потому и не предсѣдательствовалъ ни въ какихъ собраніяхъ, комитетахъ, и, какъ это ни странно, никогда никому въ голову не приходило возлагать на него такія функціи, несмотря на то, что онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ въ нашей средѣ и обладалъ самыми существенными для предсѣдателя данными:ясностью ума, быстротой соображенія, способностью точно формулировать чужую мысль.

И когда ему предложили предсѣдательствовать въ Совѣщаніи объ Учредительномъ Собраніи, онъ долго отказывался, искалъ другихъ кандидатовъ, убѣждая себя и другихъ, что нужны люди «полѣвѣе», предлагалъ, вмѣсто себя, Плеханова, Чайковскаго, пока, наконецъ, не уступилъ давленію необходимости и не взялъ на себя этихъ обязанностей. Влагалъ онъ въ это дѣло всю свою душу, — ибо оно по существу ему было дорого, оно приближало его къ завѣтной цѣли: къ созданію на Руси правильнаго парламента. Но вся внѣшняя, церемоніальная и дѣловая, хозяйственная и организаціонная часть предсѣдательской должности явно тяготила его. Онъ такъ охотно промѣнялъ бы свое главенство на роль докладчика, движущаго работу по существу и не связан-

наго ни внѣшней помпой, ни вознею со всякими организаціонными мелочами и конфликтами. И онъ такъ облегченно вздыхалъ послѣ каждаго пройденнаго этапа. Наивная радость отъ преодолѣнія всякой мелкой трудности характернымъ образомъ выдавала его ощущеніе.

Были лѣтніе іюньскіе и іюльскіе дни. Жара въ городѣ стояла нестерпимая; въ большой залѣ Маріинскаго дворца, лишенной оконъ, подъ раскаленнымъ стекляннымъ куполомъ, среди духоты неописуемой, шла наша работа. Члены Совѣщанія бывали неаккуратны, являлись поздно, уходили рано, искали прохлады въ сосѣднихъ комнатахъ, — одинъ только предсѣдатель, исхудалый, съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ, всегда на своемъ высокомъ мѣстѣ и въ нѣкоторомъ торжественномъ напряженіи творитъ свою работу. Засѣданія затягиваются до 7-ми часовъ вечера, а съ 9-ти часовъ идутъ часто засѣданія комиссій, почти всегда съ участіемъ предсѣдателя. Во время перерыва предсѣдатель оживаетъ, точно упала съ плечъ тяжелая ноша. Бывало, отправляемся вмѣстѣ къ нему обѣдать, и какъ только переступили порогъ дома, начинается радостный, возбужденный, пересыпанный шутками разсказъ о пережитыхъ за день треволненіяхъ. Точно школьникъ о своихъ успѣхахъ, разсказываетъ онъ затѣмъ женѣ о всѣхъ улаженныхъ конфликтахъ — съ членами Совѣщанія, съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, — разсказываетъ о мелочахъ предсѣдательскаго обихода, хозяйственныхъ и канцелярскихъ,—и балконъ,выходящій на Мойку,на которомъ мы вкушали нашу трапезу, часто оглашается счастливымъ звонкимъ смѣхомъ супруговъ, привыкшихъ дѣлить въ маломъ и великомъ радость и горе. Кто не видалъ Кокошкина въ этой интимной обстановкѣ, тотъ не знаетъ, какія нѣжныя, очаровательныя струны звучали въ этомъ сердцѣ, какая жизнерадостность и добродушіе были

скрыты въ этомъ безпощадномъ Debater'ѣ и тонкомъ политикѣ.

И работа въ правительствѣ и напряженный трудъ по Учредительному Собранію были только ступенями. Впереди виднѣлись уже контуры того храма, въ который онъ готовился войти, чтобы въ немъ отдать родинѣ лучшія свои силы. Но храмъ разрушенъ, и подъ развалинами погибъ его зодчій.

VIII.

Человѣкъ сътакимъ складомъ ума, съ такими наклонностями и такими дарованіями не могъ остаться кабинетнымъ ученымъ; не могъ стать и революціонеромъ. Его слишкомъ возбуждаетъ трепетанье жизни, чтобы отвѣтомъ на него могло служить одно углубленіе абстрактной идеи. Но онъ также слишкомъ «тревожится мыслью о послѣдствіяхъ», «обуреваемъ слишкомъ многочисленными идеями», для того, чтобы довѣриться штыку, какъ единственному орудію борьбы. Эти именно недостатки мѣшали по мѣткому опредѣленію Тэна, [1]) цивилизованнымъ людямъ 18-го вѣка бороться съ терроромъ; они мѣшали и людямъ типа Кокошкина жаждать революціи, видѣть въ ней желанный способъ борьбы за свободу. Онъ не обладалъ къ тому же ни доктринерствомъ, ни изощреннымъ тщеславіемъ, — двумя качествами, необходимыми для всякаго якобинца. [2]) Онъ былъ прирожденный борецъ въ тѣхъ высшихъ культурныхъ формахъ, до которыхъ додумалось человѣчество, гдѣ оружіемъ является слово, ареной—внемлющее слову организованное человѣческое общество, а цѣлью —

---

1) « Les origines de la France contemporaine », 2-e partie, tome II. La conquête jacobine. Paris 1896, стр. 212.

2) Тамъ же, стр. 10 и сл.

воплощеніе въ форму права завѣтныхъ идеаловъ общежитія.

Революцію нашу онъ пріялъ, какъ актъ необходимый обороны передъ смертельной опасностью, но актъ единовременный, разомъ завершенный. Все дальнѣйшее развитіе могло и должно было идти въ формѣ парламентской борьбы во всенародномъ представительномъ собраніи, призванномъ немедленно претворить достигнутыя завоеванія въ форму права. Онъ слишкомъ давно и хорошо зналъ — онъ писалъ это другу еще въ молодые годы — что «идея общественнаго блага, не умѣряемая началомъ права, — опасная идея»;... недаромъ одно изъ самыхъ демократическихъ и кровожадныхъ учрежденій, извѣстныхъ исторіи, носило названіе комитета общественнаго блага. Исторія французской революціи показываетъ, къ какимъ результатамъ приводятъ перевороты, совершаемые во имя гуманныхъ идей тамъ, гдѣ не подготовлена юридическая почва для нихъ». [2]) Онъ зналъ также и крѣпко вѣрилъ, что только весь народъ въ организованной формѣ властенъ въ условіяхъ современнаго общежитія прочно и авторитетно придать завоеваніямъ правовую форму. «Во всеобщемъ избирательномъ правѣ, — писалъ онъ еще въ 1905 году (въ докладѣ своемъ земскому съѣзду), — кроется тотъ секретъ могущества, который повелѣваетъ и господствуетъ надъ людьми. Оно есть величайшая политическая сила новѣйшаго времени... Нужно привлечь весь народъ къ государственной жизни, выйти на общій судъ, чтобы узнать, что будетъ осуждено и что оправдано. [2])

---

1) «Русск. Вѣд. » отъ 19-го января 1918 г. № 11 « Изъ заграничной жизни Ф. Ф. Кокошкина».

2) Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства. Москва 1906 г., стр. 48 и 52.

На этомъ «общемъ судѣ» онъ готовъ бороться. Ибо онъ не только умѣетъ, но любитъ бороться. Онъ знаетъ, что истина въ человѣческомъ общежитіи не можетъ быть результатомъ творчества одного человѣка,что ее не дано постигнуть и отдѣльному народу; что она есть продуктъ общаго творчества всего человѣчества, добываемый повседневной упорной работой мысли, дѣятельною борьбою мнѣній. И участвовать въ этой борьбѣ,—напрягать всѣ силы души для того,чтобы приблизить человѣчество къ истинѣ,—не только долгъ,но и отрада,—та высшая отрада, которая вѣнчаетъ всякое человѣческое достиженіе въ области духа. Кокошкинъ ощущалъ этотъ долгъ и испытывалъ эту отраду. Въ исторіи нашей парламентской жизни едва ли найдется два-три имени, которыя могутъ съ нимъ дѣлить славу первыхъ парламентаріевъ въ Россіи. Весь огромный умъ свой, все богатство познаній, весь темпераментъ, всѣ художественные порывы, всю вѣру въ добро и красоту, плоды одинокихъ размышленій и жизненныхъ страданій, — все умѣніе мыслить и страдать и заражать другихъ любовью, мыслью и страданіемъ, — все это онъ несъ на алтарь одному излюбленному своему призванію. Увы, и большой умъ, и ораторское дарованіе, и благородные порывы, — все это оказалось не ко времени. Знать, рано еще. Слишкомъ нѣжный былъ цвѣтокъ для нашей суровой зимы, съ ея обманчивыми лжевесенними ураганами. Тамъ, въ культурныхъ условіяхъ Запада, изъ такихъ людей выходятъ Вудро Вильсоны, Гладстоны, а у насъ...

На одинъ только мигъ судьба улыбнулась ему, и въ этотъ краткій мигъ онъ успѣлъ раскрыть передъ страной всѣ таившіяся въ немъ возможности. Затѣмъ дверь наглухо закрылась, на всѣхъ путяхъ общественнаго служенія поставлены были заставы. Гибли въ бездѣйствіи

многіе таланты, — смерть уносила одного за другимъ, лучшихъ изъ насъ, — ряды наши рѣдѣли. Не досчитывались мы уже Муромцева, Герценштейна, Іоллоса Шершеневича, Ковалевскаго, и еще многихъ-многихъ, когда грянулъ громъ, разрядившій атмосферу, и раздался набатъ, призывающій опять къ работѣ. Сжавъ порѣдѣвшіе ряды, мы явились вновь, и впереди насъ шелъ тотъ, кого мы считали однимъ изъ нашихъ вдохновителей, кто лучше всего отражалъ наши думы.

Теперь онъ палъ. Разсыпается рать, и сердце чуетъ, что никогда ужъ не собрать ея вновь...

Москва, 1918 г.

ОРАТОРЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЕСНЫ

(А. М. Колюбакинъ) *)

Историкъ политической трибуны Франціи писалъ почти 100 лѣтъ спустя послѣ французской революціи, — въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка: «До сихъ поръ никто не предпринялъ изслѣдованія о политическомъ краснорѣчіи временъ революціи не потому, что тема неблагодарна, и не потому, что она далека отъ интересующихъ насъ теперь мыслей. Нѣтъ, можетъ быть, именно потому, что тема еще слишкомъ жгуча, и что нельзя было литературно оцѣнивать краснорѣчіе, страсть котораго есть наша страсть».

Примѣните эту мѣрку къ нашимъ условіямъ — къ сроку протекшему, — къ страстямъ, которыя въ насъ только и родились и въ насъ не стынутъ, — къ человѣку, съ которымъ мы такъ кровно, такъ близко связаны, — и вы поймете, что говорить объ Александрѣ Михайловичѣ, какъ объ ораторѣ, не значитъ расцѣнивать его политическое краснорѣчіе. Это значитъ только собрать нѣсколько живыхъ впечатлѣній и воспоминаній, — главнымъ образомъ, такихъ, въ которыхъ выступаетъ его ораторскій обликъ, — и сохранить ихъ для будущаго, для тѣхъ временъ, когда страсти будутъ уже не наши, но будетъ жить не менѣе возвышенное, спокойное преклоненіе передъ памятью одного изъ первыхъ и круп-

---

[1]) Рѣчь произнесенная на вечерѣ, посвященномъ памяти А. М. Колюбакина, 12 марта 1915 г.

нѣйшихъ политическихъ ораторовъ изъ эпохи нашей политической весны.

Воспоминанія объ ораторѣ — это все тѣ же воспоминанія о человѣкѣ, о движущихъ силахъ его души. Ибо ошибочно думать, что ораторъ силенъ связностью, вылощенностью и отточенностью рѣчи: онъ силенъ тѣмъ творческимъ началомъ, которое живетъ въ его душѣ, которое его самого поднимаетъ, которое возбуждаетъ слушателя. Изучить оратора значитъ, прежде всего, изучить это творческое начало. Для однихъ это желѣзный обручъ логическаго построенія, для другихъ — сознаніе моральнаго долга, для третьихъ — живое ощущеніе художественной, эстетической цѣльности явленія, для иныхъ, наконецъ, восторженная, диктуемая страстью рѣшимость воли. Колюбакинъ былъ ораторъ этого именно, послѣдняго типа. Онъ былъ человѣкъ, у котораго между убѣжденіемъ и рѣшимостью не было средостѣнія. Съ какимъ-то внутреннимъ сіяніемъ, разливавшимся и по всему лицу его и во всѣхъ движеніяхъ, онъ шелъ порывисто, безъ размышленія на всякій трудъ, — пошелъ бы и на казнь, — только бы цѣль была правая, достойная. Сіяніемъ этимъ онъ былъ одинаково окруженъ и тогда, когда привѣтствовали его толпы здѣсь, въ столичныхъ залахъ, на митингахъ, посылая его своимъ представителемъ въ Думу, и тамъ, въ тюремномъ коридорѣ, когда конвоируемый стражею, становился въ шеренгу, между двухъ уголовныхъ преступниковъ, для отбыванія такъ называемой тюремной прогулки. Изъ - подъ маленькой дорожной сѣрой фуражки, которую онъ носилъ въ тюрьмѣ, его большіе каріе глаза свѣтились тѣмъ же радостнымъ блескомъ,тѣмъ же сознаніемъ вѣрности избраннаго пути. Въ этихъ глазахъ, когда наши взгляды случайно на мигъ встрѣ-

тились, былъ энтузіазмъ, была нѣмая клятва устоять — въ нихъ не было ни горечи, ни сомнѣнія.

Первый разъ я увидѣлъ его, сіяющаго этимъ особымъ свѣтомъ восторга, въ день его избранія въ предсѣдатели новгородской губернской земской управы. То было въ началѣ девятисотыхъ годовъ, въ самый разгаръ плевенскаго режима. Случайный гость въ Новгородѣ, я отправился въ Дворянскій домъ на земское собраніе въ качествѣ зрителя, который никого не зналъ и котораго никто не зналъ. Большая толпа земскихъ гласныхъ чрезвычайно волновалась. Предстояли выборы. Противъ стараго предсѣдателя, преклонившагося передъ старымъ режимомъ, велась яростная атака. Волненіе охватило и публику: побѣдитъ ли новый, молодой кандидатъ, или не побѣдитъ. Самого его нѣтъ въ залѣ, но о немъ всѣ говорятъ. Одни говорятъ: «слишкомъ молодъ», — другіе: «слишкомъ красенъ», но всѣ говорятъ: «очень краснорѣчивъ». И кое кто произноситъ имя: Колюбакинъ, — имя, ничего мнѣ, столичному жителю, не говорящее. Идетъ медленно шарометаніе, вереницею тянутся люди къ урнѣ, — старые, очень старые, какъ мнѣ показалось. Среди нихъ, помнится, покойный уже нынѣ перводумецъ Корсаковъ и здравствующій поднесь Несторъ адвокатуры, уже тогда бѣлый, какъ лунь, Стасовъ. «Эти старики — шушукаются мои сосѣди — несомнѣнно за молодого». Какой же молодой ихъ такъ плѣнилъ? Выборы кончены, и съ торжествомъ, при грохотѣ апплодисментовъ всей залы — и тѣхъ, кто называлъ его слишкомъ краснымъ и молодымъ, — апплодисментовъ столь заразительныхъ, что и я къ нимъ вчужѣ присоединился, — вводятъ Колюбакина. Одѣтый весьма не торжественно, въ какомъ - то рыжемъ пиджакѣ, блѣдный, но сіяющій, стройный, какъ дубъ молодой, онъ становится у стола, и раздается звонкій, ласкающій ухо, голосъ. И помню

отчетливо, какъ этотъ голосъ быстро, покончивъ съ выраженіемъ обычной благодарности и готовности служить мѣстнымъ нуждамъ, переноситъ слушателя въ болѣе широкія сферы, связываетъ земское дѣло съ дѣломъ общаго освобожденія, какъ онъ манитъ и зоветъ туда, въ невѣдомыя, запретныя тогда выси. И да будетъ мнѣ позволено съ особою благодарностью передъ памятью усопшаго сказать: эти слова и эти призывные звуки на бой мнѣ, столичному жителю, впервые пришлось услышать въ открытомъ мѣстѣ, въ большомъ собраніи, въ государственномъ учрежденіи, тамъ, въ захолустьѣ, изъ горячихъ устъ, замолкнувшихъ нынѣ на вѣки. Пришлось у с л ы ш а т ь, — не вычитать въ недозволенномъ листкѣ, а услышать, быть частью толпы, которая поддается чарамъ живого слова. И въ эту минуту полусознательно чуялось: вотъ рождается новая сила — русское политическое краснорѣчіе. Есть оно, значитъ, — гдѣ-то подъ супдомъ, задавленное, но не убитое. И какъ нѣкогда, по мановенію творцовъ великой судебной реформы, вышло изъ тайныхъ нѣдръ народныхъ и неожиданно расцвѣло наше судебное краснорѣчіе, — такъ достаточно поднять еще одну плиту, и выступитъ наружу еще одно драгоцѣнное народное сокровище: даръ живого слова, направленнаго къ непосредственному, дѣйственному единенію людей въ борьбѣ за политическій идеалъ. Такія предчувствія овладѣли душою тогда, въ предразсвѣтную пору, подъ звукъ голоса молодого, стройнаго предсѣдателя. И предчувствія эти — къ гордости нашей, надо сказать, — блестяще оправдались.

Мнѣ не дано было тогда ни сблизиться, ни даже познакомиться съ А. М.; я уѣхалъ, унося въ душѣ радостный, весенній образъ, не догадываясь, что онъ станетъ со временемъ всѣмъ намъ здѣсь такъ трогательно близокъ.

Минуло два года. Общественная волна вздымалась все выше и выше. Мы переживали эпоху съѣздовъ, союзовъ. Съѣздъ союза писателей засѣдалъ въ какомъ-то гимнастическомъ залѣ на Мойкѣ. Толпа примелькнувшихся уже лицъ заполняла залъ. Вдругъ бросилась мнѣ въ глаза съ предсѣдательскаго мѣста своеобразная фигура высокаго человѣка, въ плохо къ нему идущемъ, тугo застегнутомъ черномъ сюртукѣ, держащагося особнякомъ, повидимому, никому въ этой средѣ неизвѣстнаго. Лицо открытое, залитое румянцемъ, глаза, горящіе какимъ-то особымъ огнемъ. Да это онъ, молодой, стройный новгородскій предсѣдатель. Для какой цѣли, по какому праву? Въ пестрой толпѣ литераторовъ, газетчиковъ, журналистовъ — предсѣдатель земской управы. Онъ попросилъ слова, голосъ зазвучалъ, точно мелодическая струна — тотъ же незабываемый голосъ — и вся зала къ нему повернулась. Держа газетный листокъ въ рукѣ, онъ объяснилъ, что, какъ предсѣдатель управы, онъ редактируетъ этотъ именно листокъ, «Извѣстія Новгородскаго Земства», и что пожелалъ этимъ воспользоваться, чтобы примкнуть къ общей работѣ интеллигенціи, — интеллигенціи, которая такъ проникнута демократическими началами. Это введеніе было горячо встрѣчено, и предсѣдатель управы заговорилъ, и писатели заслушались. Мысль о необходимости связи нашей работы — земской, городской и, особенно, общеполитической—съ возможно широкими слоями русской интеллигенціи,—мысль, такъ просто воплощенная имъ тогда въ присоединеніи земца къ интеллигентскому писательскому съѣзду, составляла его credo въ теченіе всей дальнѣйшей его общественной дѣятельности. Она исходила изъ ощущенія,что въ русской интеллигентской средѣ,политически строго недифференцированной, иногда въ практическихъ планахъ наивной, лежатъ, однако, са-

мыя цѣнныя залежи высшихъ порывовъ къ общественной дѣятельности, — что тамъ неизсякаемый источникъ того идеализма, безъ тѣсной связи съ которымъ истинная плодотворная политическая дѣятельность невозможна.

Моментъ формированія конституціонно - демократической партіи изъ двухъ союзовъ — союза освобожденія и союза земцевъ - конституціоналистовъ — засталъ Колюбакина въ обоихъ союзахъ, и весь жаръ его дѣятельности сталъ съ этой минуты протекать по новому, единому, болѣе широкому руслу. Съ этого времени исчезаютъ и воспоминанія объ отдѣльныхъ нашихъ встрѣчахъ, — идетъ повседневное, сплошное дружное движеніе впередъ, бокъ - о - бокъ, въ тысячѣ моментовъ и комбинацій; воспоминанія объ индивидуальныхъ дѣйствіяхъ и заслугахъ стушевываются на общемъ фонѣ крупныхъ событій. Создаются открытыя коллегіи — партіи, комитеты, — выступающія наружу, какъ цѣлое безымянное. Въ одной изъ такихъ коллегій — въ центральномъ комитетѣ к. - д. партіи — и растворилась на время вся работа Александра Михайловича. Внутри нашей коллегіи не было, собственно, никогда рѣзкаго дѣленія на два крыла — лѣвое и правое въ обиходномъ смыслѣ словъ, — но были, естественно, люди болѣе холодные и болѣе горячіе, люди рефлексіи и люди дѣйствія, дипломаты и энтузіасты. Къ числу горячихъ, къ группѣ энтузіастовъ, къ крылу людей рѣшительнаго дѣйствія всегда и неизмѣнно принадлежалъ Колюбакинъ. Его нельзя было назвать «политикомъ» въ обыденномъ смыслѣ; составленіе тактическихъ плановъ, кропотливое изо дня въ день наблюденіе за правильнымъ ходомъ партійной ладьи, вся партійная и общеполитическая стратегія, неизбѣжная въ политичес-

кой жизни вообще и въ парламентской въ особенности, — не входили въ сферу его компетенціи и не влекли его къ себѣ. Но планъ созданный, линія правильно взятая, практическая мысль, выкристаллизованная соотвѣтственно основнымъ нашимъ идеямъ, поднимала его, вдохновляла и находила уже въ немъ самаго горячаго, убѣжденнаго трибуна.

Да, т р и б у н ъ — таково было его настоящее призваніе. Небольшой партійный кругъ друзей оказывался часто тѣсной ареной, слишкомъ скромной аудиторіей для его огненныхъ рѣчей. А говорить иначе, какъ огненными словами, онъ не могъ. И потому наиболѣе благодарное для него поприще было народное собраніе, открытая кафедра.Движеніе и шорохъ толпы возбуждали его, окрыляя мысль; вдохновлявшія его общія идеи получали для него въ эти минуты реальность живыхъ существъ, и образы ихъ носились надъ нимъ, двигали имъ и толпою слушателей,поднимая толпу до уровня вдохновеннаго оратора. Образы и мысли были несложны, какъ несложна истина, какъ проста и безхитростна вѣра; они даже повторялись — повторялись неизбѣжно, — но, и повторяя ихъ, ораторъ каждый разъ вдохновлялся, точно вновь въ нихъ увѣровалъ; вѣрила и вдохновлялась за нимъ и толпа. Такъ слова молитвы, изъ вѣка повторяемыя, никогда не теряютъ возвышающей силы для истинно вѣрующаго. И если угодно, рѣчь его была именно для тѣхъ, кто еще склоненъ увлекаться и вѣрить, — не для изъѣденной умствованіемъ, испорченной многообразіемъ впечатлѣній, холодной и сдержанной столичной аудиторіи, а для той огромной Россіи, изжаждащейся по живомъ, свободномъ словѣ, умиляющейся передъ высокимъ энтузіазмомъ, пріемлющей пророка, поддающейся его чарамъ и идущей за нимъ. Отъ этой Россіи, нѣсколько намъ далекой, всегда полу-

таинственной, онъ являлся благодатнымъ посланцомъ къ намъ; въ минуты радости приносилъ ея ликованіе, въ минуты горя — ея сочувствіе. Нѣтъ угла въ Россіи, гдѣ бы онъ не насаждалъ нашего ученія, не водрузилъ нашего знамени. И если политическая партія крѣпка только непосредственною связью со страною, если для жизнеспособности ей нуженъ не только ученый и дальновидный командный составъ, но и организованная, преданная и готовая на бой армія, то создателемъ, вдохновителемъ и организаторомъ этой нашей арміи являлся не кто иной, какъ Колюбакинъ.

Однако, этотъ вдохновитель и вѣстникъ далекой провинціи въ концѣ концовъ сумѣлъ найти доступъ и къ сердцу столицы, и намъ, перводумцамъ, избранникамъ столицы, подобаетъ вспомнить о немъ здѣсь, какъ о нашемъ преемникѣ. Если идеалы, посѣянные первою Думою, дороги вамъ — дороги въ томъ чистомъ, неприкладномъ видѣ, въ какомъ мы только и успѣли ихъ вырастить, — то мы, первые, случайные, но вѣрные носители этихъ идеаловъ, можемъ свидѣтельствовать вамъ, что первая Дума, со всѣмъ ея опредѣленнымъ, уже отпечатлѣвшимся въ исторіи обликомъ, радостно, съ восторгомъ приняла бы въ свое лоно этого новаго избранника. Такой онъ былъ родной ей, близкій по духу.

То было время мрачное. Облетѣли цвѣты надеждъ, догорѣли огни юныхъ восторговъ — первая Дума отошла въ область исторіи, трагическая жизнь второй Думы только-что трагически прекратилась. Надо было идти въ третью Думу; надо было не только идти — надо было заставить вѣрить избирателей, — всѣхъ васъ, — что стоитъ идти, что идея народнаго представительства не умерла, что искру тлѣющую надо раздуть и добыть изъ нея пламя, что нельзя дать ей потухнуть — во имя будущаго, ради прошедшаго, — что отчаяніе пустынно

и ничего не родитъ. И долженъ былъ это дѣлать въ вашей средѣ человѣкъ новый, Петербургу чуждый, эксъ-гвардейскій офицеръ и эксъ-предсѣдатель провинціальной земской управы. Сколько бывшихъ радикаловъ въ ту пору предались дешевому скептицизму, и сколько нужно было истинной вѣры, чтобы не поддаться. У Колюбакина хватило этой вѣры, — и ею онъ побѣдилъ. Ибо онъ былъ по преимуществу человѣкъ вѣры.

Двухъ такихъ вѣрующихъ, вдохновенныхъ ораторовъ знала тусклая эпоха третьей Думы: одинъ былъ Карауловъ, другой — Колюбакинъ. Одинъ горѣлъ ровнымъ, никогда не меркнущимъ внутреннимъ свѣтомъ религіознаго экстаза, питаемаго одинокимъ размышленіемъ, молитвою, интимнымъ углубленіемъ вопросовъ индивидуальной совѣсти. Отсюда, отъ этихъ вопросовъ индивидуальной совѣсти, шелъ у Караулова путь къ служенію общественному. Непосредственное воздѣйствіе общественной среды ему не требовалось. Могучая фигура пророка съ львиною головою потрясала васъ всегда одинаково: въ народной толпѣ, на трибунѣ Думы и въ одинокой проникновенной бесѣдѣ съ глазу на глазъ. Онъ не нуждался во внѣшней обстановкѣ — въ возбужденіи толпы и въ ея поддержкѣ, — самый процессъ выявленія того, что было въ душѣ, происходилъ просто, безъ внезапныхъ потрясеній, безъ случайныхъ приступовъ воодушевленія. То былъ вѣчный внутренній подъемъ, неизбывно-напряженное состояніе души, легко и просто выходившее наружу, когда только душа сама почувствовала потребность проявиться. И запасъ словъ у Караулова былъ малъ, и интонаціи голоса не разнообразны, и движеніе рѣчи грузно, — но каждое слово, звукъ каждый точно отъ души отрывался и мощно, съ силою однотонныхъ раскатовъ грома, поднималъ душу слушателей. Тутъ не было личнаго сближенія съ

ораторомъ — не черезъ него слушатель подвигался на дѣло, а непосредственно, точно собственнымъ взмахомъ воспрянувшей души, оказывался вырваннымъ изъ когтей обыденности и перенесеннымъ въ другой міръ, куда его звалъ этотъ почти безличный, титаническій трубный звукъ. Въ рѣчи не было блеска, въ умѣ не было подвижности, игры. Веселье, легкое, острое возбужденіе, переливы мысли были ему чужды. Одноцвѣтный гигантъ-монолитъ.

Изъ чистаго родника вѣры черпалъ свое ораторское вдохновеніе родственный ему по духу Колюбакинъ. Не изъ вѣры религіозной, возводящей себя открыто къ божественному, мистическому первоисточнику, — но изъ этической вѣры въ идеалъ, въ неизбѣжность торжества правды, вѣры въ категорическій императивъ добра, въ благость человѣческой природы. Оттого онъ не боялся, а жаждалъ свободы, - - ся боятся только тѣ, кто презираетъ или ненавидитъ человѣка, кто не вѣритъ въ добрыя начала его души. Для него эта вѣра была альфой и омегой всего существованія. У этихъ предѣловъ останавливался его пытливый умъ. Онъ не стучался во врата Сезама; — онъ не жаждалъ иного источника жизни, ибо стихійно чувствовалъ, что въ ней, въ этой вѣрѣ, была вся его сила, всѣ нити, связующія его съ прошлымъ, съ грядущимъ, вся основа его бытія. Она то была разлита во всемъ его существѣ, она-то сіяла нимбомъ надъ его головою, горѣла въ очахъ, сказывалась во всѣхъ движеніяхъ и даже въ томъ своеобразномъ, порывистомъ жестѣ, съ которымъ, точно толкаемый невидимой силой, онъ направлялся къ мѣсту своего священнодѣйствія — къ ораторской кафедрѣ.

Вѣчно присущая въ состояніи покоя, эта вѣра нуждалась, однако, для своего возбужденія, во внѣшнемъ стимулѣ. Этимъ стимуломъ могла быть новая, извнѣ

полученная идея, могъ быть вызовъ противника, могъ быть рѣзкій жизненный диссонансъ; то могла быть, наконецъ, — и была, дѣйствительно, всего чаще — вся взволнованная, до основъ взбудораженная конфликтами эпоха. Искра, снаружи брошенная, зажигала душу яркимъ пламенемъ, и она не уставала горѣть, пока не проявляла себя дѣйственно и въ этомъ дѣйственномъ порывѣ не увлекала за собою другихъ. Въ промежутки онъ могъ быть веселъ, игривъ, даже ребячески шаловливъ и легкомысленъ, — добрый товарищъ, веселый собесѣдникъ; въ серьезныхъ кабинетныхъ бесѣдахъ могъ быть вялъ, могъ казаться неинтереснымъ, иногда вычурнымъ, иногда и банальнымъ. Ровная, беззвучная атмосфера дѣловой бесѣды обезцвѣчивала его; и тонъ рѣчи, и порывистыя движенія, и даже звукъ голоса дисгармонировали съ сѣрымъ полусвѣтомъ комнатнаго фона. Ему нужны были яркій свѣтъ, и звуки, и краски, и рокотъ толпы, и лязгъ скрещивающагося оружія. Онъ тогда хватался и за свой мечъ крестоносца и съ напряженными мускулами, съ грозно поднятою головою кидался въ бой. И не было больше ни безпечной радости, ни безцвѣтной вялости, — было слово, которое, какъ мечъ, рубитъ, которое сковываетъ волю слушателя, которое тянетъ его, властно тянетъ къ оратору, невидимыми нитями связываетъ съ его мыслями, со всею душою говорящаго, такъ что вы ужъ только черезъ него воспринимаете, только его глазами видите, за нимъ идете, — и непроизвольно двигаетесь такъ, какъ онъ хочетъ; мускулы напрягаются къ дѣйствію, которое онъ вамъ повелительно диктуетъ...

Здѣсь вѣнецъ и предѣлъ ораторскаго искусства, здѣсь совершается величайшее таинство человѣческаго слова: оно двигаетъ на дѣло. Такъ говорили вожди великихъ народныхъ движеній, такъ говорили фана-

тики, призывающіе къ дѣйственному подвигу въ борьбѣ за вѣру. И именно такъ, — я въ этомъ не сомнѣваюсь, — съ такимъ же порывистымъ движеніемъ, съ тѣмъ же сіяніемъ вѣры и съ тѣмъ же властнымъ, неотразимымъ призывомъ онъ повелъ въ бой, въ послѣдній бой, своихъ солдатъ въ ту темную ночь, освѣщаемый молніей вражескихъ огней, при громовомъ звукѣ вражескихъ орудій. И здѣсь, и тамъ онъ былъ одинъ и тотъ же. Гармонія и единство не только въ идейныхъ цѣляхъ, — гармонія и единство въ творческихъ процессахъ. Ибо едина была та душевная основа, изъ которой ткалась вся его жизнь: цѣлостная, восторженная вѣра въ способность человѣка водворить царство правды на землѣ.

Весенняя эпоха общественнаго подъема, приведшая насъ въ первую Думу, знаменовалась героизмомъ массовымъ. Много было разлито кругомъ духовной красоты, но на общемъ яркомъ фонѣ не выдѣлялись рѣзко индивидуальности; да и меньше требовалось духовной силы, чтобы воспрянуть и вдохновиться рѣшимостью на жертву. На тускломъ фонѣ послѣдующихъ лѣтъ рѣзко выдѣляются два яркихъ человѣческихъ лика особенной душевной красоты, два факела среди тьмы: Карауловъ и Колюбакинъ. Они были родственны духомъ и искренне любили другъ друга. И не будетъ умаленіемъ памяти А. М., если въ день его поминокъ поставимъ его рядомъ съ ранѣе отошедшимъ другомъ и призовемъ всѣхъ блуждающихъ, усталыхъ, сомнѣвающихся: придите, вникните въ смыслъ жизни этихъ двухъ людей и скажите, хватитъ ли у васъ безвѣрія и сомнѣнія, чтобы затмить этотъ яркій огонь любви и восторга.

Да будутъ же оба они благословенны для насъ въ дни тяжкихъ испытаній и въ неминуемые грядущіе дни великихъ радостей.

ПОДВИЖНИКЪ ДОЛГА

(А. И. Шингаревъ)

Невысокаго роста, худой, съ лицомъ землистаго цвѣта, съ невысокимъ лбомъ, блѣдноголубыми глазами, которые въ минуты умиленія покрывались поволокой сантиментальности, но умѣли кидать и искры въ минуты гнѣва. Русая бородка, русые волосы, густо обрамлявшіе благообразное лицо. Торопливая походка дѣлового человѣка, который цѣнитъ свое время и не любитъ, чтобы его останавливали, мѣшали дѣлу. По временамъ болѣзнь придавала лицу, и особенно бѣлкамъ глазъ, желчно - зеленый отливъ, и тогда движенія становились болѣе рѣзки, и въ голосѣ чаще звучало раздраженіе.

Впечатлительный, быстро овладѣвающій всякимъ новымъ дѣломъ, онъ не имѣлъ никакой опредѣленной склонности и не проявлялъ специфическаго дарованія въ какой либо отдѣльной области. Общественная медицина, аграрный вопросъ, военно - морскія дѣла, финансы, продовольствіе — всѣмъ этимъ онъ занимался одинаково успѣшно, всѣмъ съ одинаковымъ усердіемъ. Выборъ той или иной области опредѣлялся лишь близостью ея къ реальнымъ потребностямъ момента; ощущеніе этой реальности дано было долгимъ общеніемъ съ деревней. Талантливый врачъ, онъ отправился молодымъ еще человѣкомъ лѣчить простой народъ въ деревню, и жизнь въ народной гущѣ очерчиваетъ въ нѣко-

торой мѣрѣ кругъ его интересовъ въ теченіе всей дальнѣйшей жизни. Въ области идей, философски - политическихъ и даже практически - государственныхъ, не было у него самостоятельности; онъ проникался глубоко идеями того сильнаго человѣка, за которымъ слѣдовалъ, и съ искреннимъ убѣжденіемъ и особеннымъ пафосомъ ихъ проповѣдывалъ.

Онъ говорилъ красиво, звучнымъ мягкимъ баритономъ. Въ голосѣ звучалъ чаще всего пафосъ гражданской скорби, пафосъ не индивидуальный, не отъ особыхъ личныхъ переживаній исходящій, а общій пафосъ русскаго народничества, пафосъ хорошихъ русскихъ провинціаловъ, воспитанныхъ на Некрасовѣ, Михайловскомъ, Глѣбѣ Успенскомъ. Рѣчь была съ виду страстная, но это была страстность не индивидуальная, а какая то общая, идущая не отъ темперамента, а отъ самовозбужденія высокою идеею. Она не связывалась внутренно именно съ нимъ, съ Андреемъ Ивановичемъ Шингаревымъ; движеніе въ душѣ слушателя возбуждалось не его личностью, не субъективнымъ претвореніемъ идеи, а идеею самою по себѣ. Казалось: безразлично, кто бы ни произносилъ эту рѣчь, — она вызывала бы то же ощущеніе.

Въ условіяхъ русской жизни на плечи его легло выполненіе слишкомъ многаго, — не только того, что соотвѣтствовало его силамъ, но и того, что ихъ значительно превышало. Гдѣ - нибудь на Западѣ, въ условіяхъ болѣе развитой политической жизни, онъ занялъ бы, вѣроятно, очень прочное положеніе дѣлового работника въ одной какой нибудь сферѣ, и если въ этой сферѣ и не достигъ бы высшей ступени, то, во всякомъ случаѣ былъ бы изъ тѣхъ, чье участіе въ данной отрасли государственной жизни незамѣнимо.

У насъ ему приходилось переходить отъ одной области къ другой, что, при отсутствіи общей теоретической подготовки въ области государствовѣдѣнія, не могло не вести къ нѣкоторому диллетанизму. Общія идеи въ каждой отрасли управленія приходилось черпать не изъ собственнаго углубленнаго опыта, а брать на вѣру изъ окружающаго или изъ программныхъ тезисовъ,проявляя собственныя умственныя силы лишь въ соблюденіи извѣстной послѣдовательности въ ихъ примѣненіи. Такое положеніе становится особенно анормальнымъ,когда на долю человѣка,и безъ того обремененаго множествомъ спеціальностей, выпадаетъ заниматься и вопросами общей политики — внѣшней и внутренней. А участіе въ правительствѣ за тѣ четыре мѣсяца, въ теченіе коихъ Шингаревъ былъ министромъ (мартъ — іюль 1917 года), требовало отъ него не только занятій поочередно земледѣліемъ, продовольствіемъ и финансами, но прежде и главнѣе всего опредѣленнаго и дѣятельнаго отношенія къ вопросамъ международной политики и внутренней организаціи власти, — особенно съ того момента, когда съ уходомъ Милюкова лидерство въ кадетской группѣ министровъ Временнаго Правительства возложено было на Шингарева.

Человѣкъ добрый, доступный всѣмъ, когда рѣчь шла о личной услугѣ, онъ былъ упоренъ и властенъ въ области «дѣла». Натура дѣйственная, умѣющая и любящая проявлять свою волю, увѣренная въ себѣ, не склонная къ сомнѣніямъ относительно правильности своихъ исходныхъ точекъ зрѣнія, онъ находилъ примѣненіе этихъ своихъ душевныхъ качествъ въ практической, отвѣтственной, направляющей работѣ. Тутъ именно важенъ былъ не столько объемъ дѣятельности, сколько направляющій характеръ ея. Министръ Рос-

сійскаго Государства или Генеральный Секретарь Комитета партіи — Шингаревъ одинаково властно, съ одинаковой степенью требовательности къ подчиненнымъ, съ одинаковымъ сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей принимался за дѣло. Ибо — это надо подчеркнуть — сознаніе обязанностей не только не было въ немъ слабѣе сознанія правъ, но служило даже въ нѣкоторой мѣрѣ источникомъ самой увѣренности въ правахъ.

Въ его отношеніи къ дѣлу — быть можетъ, даже во всѣхъ его личныхъ отношеніяхъ — было нѣчто пуританское: приматъ идеи долга, — при томъ идеи долга, воспринимаемой раціоналистически. Оно и придавало характеру особый оттѣнокъ прямоты, честности, непреклонности. И могло случиться потому — какъ это ни покажется страннымъ, — что въ этомъ человѣкѣ практики окажется гораздо меньше гибкости и больше чисто доктринерской прямолинейности, чѣмъ въ книжникѣ Кокошкинѣ, воспринимавшемъ жизнь сквозь призму юридико - эстетическую, а не раціонально - пуританскую.

Трагическая судьба связала этихъ двухъ людей въ послѣднія минуты ихъ жизни, и вполнѣ естественно, что, вспоминая объ одномъ изъ нихъ, ищешь сближенія съ другимъ. Но эти поиски даютъ въ результатѣ скорѣе моменты различія, чѣмъ сходства. Кокошкинъ въ смыслѣ комбинаціи душевныхъ чертъ былъ одиночка; не только качество, но и особливое сочетаніе силъ придавало всѣмъ его душевнымъ процессамъ отпечатокъ исключительнаго своеобразія. Шингаревъ былъ человѣкъ, такъ сказать, групповый. Могли въ немъ отдѣльныя душевныя качества быть сильны — много сильнѣе, чѣмъ у средняго человѣка, — но ком-

бинація ихъ была обычная, повседневная. И игра ихъ была потому лишена того блеска, какой проявлялся — и въ особенности могъ еще проявиться — у Кокошкина. Шингаревъ могъ выявить всѣ свои силы въ любой обстановкѣ — самой скудной и культурно - мизерной. И чѣмъ скуднѣе была бы эта обстановка, тѣмъ ярче выдѣлялся бы его блескъ, тѣмъ болѣе плодотворно было бы приложеніе его крупныхъ, но примитивныхъ силъ. Для Кокошкина необходима была извѣстная оправа — онъ могъ расцвѣсти и дать нѣжный ароматъ только въ чистомъ, мягкомъ воздухѣ высокой общественной культуры. И обратно: сила Шингарева въ условіяхъ болѣе высокой культуры потускнѣла бы. Конечно, количественно сумма работы, имъ исполненной, и практическіе результаты ея были бы, пожалуй, значительнѣе, но личная роль, общее вліяніе его было бы несомнѣнно слабѣе. Кокошкину было бы открыто богатое поприще въ любой странѣ съ высокимъ политическимъ развитіемъ; для Шингарева, для той роли, какую онъ сыгралъ, нужна была Россія, — не Россія будущаго, а именно Россія настоящаго. Кокошкину предстоялъ полный расцвѣтъ только въ той Россіи, образъ которой носился еще только передъ нашими духовными очами. Все, что онъ успѣлъ дать намъ, было только крупицей отъ огромнаго богатства, въ немъ заложеннаго.

***

Въ тюремномъ дневникѣ Шингарева, доведенномъ почти до самаго дня кошмарнаго его убійства, имѣется нѣчто всеьма цѣнное для познанія его душевной сущности. Я имѣю въ виду не политическое исповѣданіе вѣры и не исполненныя сердечной нѣжности обращенія къ дѣтямъ, а штрихи болѣе мелкіе, незамѣтные, внѣ со-

знанія пишущаго проникшіе на страницы дневника, но тѣмъ не менѣе, а можетъ быть именно потому, особенно цѣнные. Дневникъ этотъ попалъ въ мои руки уже послѣ того, какъ были написаны предыдущія страницы; я оставляю нетронутымъ все сказанное, какъ основанное на личномъ наблюденіи, и отмѣчу лишь отдѣльныя мѣста дневника, имѣющія нѣкоторое отношеніе къ моимъ личнымъ наблюденіямъ.

Узникъ, неожиданно захваченный въ ночь съ 27 на 28 ноября, проведшій затѣмъ весь день въ канцеляріяхъ Смольнаго и переведенный ночью въ казематы Петропавловской крѣпости, тотчасъ досталъ блокнотъ и начинаетъ съ даты 27 ноября систематически записывать, «какъ это было», и затѣмъ правильно, не пропуская ни единаго дня, ведетъ свои записи вплоть до послѣдней минуты. Такова потребность этого систематически работающаго человѣка. Исторія есть исторія, и ее тоже надо дѣлать и отмѣчать по настоящему. Такъ у него завелось издавна. Ѣдетъ онъ за границу въ парламентской экспедиціи, и изъ всей многочисленной компаніи никто такъ регулярно, никто такъ систематически не излагаетъ всего, что происходило «за рубежомъ», какъ Шингаревъ. Эти зарубежныя замѣтки не выдѣляются литературнымъ талантомъ — стиль у него былъ вообще не изъ яркихъ; не замѣтно въ нихъ и особенно оригинальныхъ наблюденій, — все въ среднихъ регистрахъ, все въ порядкѣ, все на мѣстѣ, ясно, отчетливо и полно Но дѣло исполнено: извлечено изъ поѣздки все, что по личнымъ силамъ Шингарева было возможно. И самое исполненіе того, что полагалось, — всего, что можно сдѣлать для того, чтобы жизнь не проходила «безслѣдно и безплодно», — даетъ ему удовлетвореніе. Тоже и съ тюрьмою. Сѣлъ въ тюрьму — и опять никто изъ узниковъ не записывалъ такъ, какъ Шингаревъ,

не сдѣлалъ изъ этого въ такой мѣрѣ своего повседневнаго «дѣла», какъ онъ. Въ этой готовности и умѣніи овладѣть обстановкою для практической цѣли, хотя бы на потребу исторіи, есть вѣдь несомнѣнно отраженіе той особой дѣловитости, которая проистекаетъ изъ идеи о трудѣ, какъ о моральномъ долгѣ, которая довольно рѣдка въ русскомъ человѣкѣ, особенно въ русскомъ интеллигентѣ. Мало ли пересидѣло у насъ за сто лѣтъ по тюрьмамъ людей значительныхъ, одаренныхъ литературнымъ талантомъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ Шингаревъ, а мемуарной тюремной литературы имѣется сравнительно мало. Кокошкинъ, человѣкъ par excellence литературный, умѣвшій и созерцать и въ одиночествѣ творить, не написалъ ни одной строчки. У Кокошкина это была и особая скромность, нежеланіе занимать человѣчество своей персоною; но вообще говоря здѣсь дѣло бываетъ не въ преувеличенной скромности, а въ какой то разсѣянной недѣловитости — неумѣніи прилагать къ новой обстановкѣ прочные навыки регулярной дѣловой жизни.

А въ этой регулярной дѣловой жизни весь смыслъ существованія Шингарева. Подводя итоги минувшему году, онъ пишетъ 31 дек.:«Для страны и для себя лично я желалъ бы одного и того же въ настоящемъ году:полной возможности мирной и спокойной созидательной работы...Жить безъ свободной работы, это медленно умирать. Жизнь, сведенная къ житію,ужасна.Какъ хотѣлось бы повидать дѣтей,хотя немного отдохнуть среди нихъ и приняться за работу,не разставаясь съ ними.Какъ жаль даже эти немногіе дни сидѣть безсмысленно и безплодно здѣсь». 5-го декабря онъ пишетъ:«Я сплошь заполняю время какою либо работою».Уже на

третій или четвертый ден по прибытіи онъ«принимается за итальянскую грамматику»,и видимо работаетъ надъ нею усиленно,ибо вскорѣ уже переводитъ Дантовскій Inferno. .Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ,напечатанныхъ въ « Русск. Вѣд.», онъ сообщаетъ съ насмѣшкою, отъ которой отдаетъ теперь жутью, что при изученіи итальянскаго языка наткнулся на великолѣпную пословицу, гласящую, что лучше быть asino vivo чѣмъ dottore morto. Онъ одобряетъ эту народную мудрость и, точно предчувствуя свою участь, молитъ судьбу, чтобы его оставила, какъ asino vivo.

Времяпровожденіе его въ тюрьмѣ окрашено какою-то нарочитою аскетическою строгостью. Идея долга, жертвы была ему вообще присуща. Раціонализируя ее, онъ теряетъ въ ней чувство мѣры. Чувство мѣры вообще рѣдко присуще раціональнымъ моралистамъ; оно въ нѣкоторой мѣрѣ подрываетъ основу ихъ міроощущенія. Быть можетъ, мѣра есть даже преступленіе для людей долга. Отсюда одинъ шагъ къ мученичеству. И оно проявляется въ записяхъ: «A quoi bon? Зачѣмъ? для чего?» Не надо ни ѣсть, ни удручать никого своими болѣзнями...

Моментами манитъ какъ будто природа. Отмѣчается и голубое небо, и солнце, и морозъ, и иней; — но природа не умѣряетъ такихъ натуръ. Для этого нужна иная къ ней любовь. Нужно умѣть слиться съ нею — съ этою на видъ мертвою субстанціею — и даже иногда подчиниться ея власти. Человѣкъ, признающій во всемъ приматъ человѣческой воли, не въ состояніи утѣшаться созерцаніемъ, — тѣмъ менѣе подчиняться чужеродному, нечеловѣческому началу. А въ Шингаревѣ было особенно сильно это живое, индивидуальное волевое начало, и воля его направлена была на достиженіе самой

человѣческой цѣли: на исполненіе моральнаго долга. На этомъ пути онъ не зналъ предѣла. И подвигъ его смерти былъ лишь естественнымъ завершеніемъ этой, проведенной въ необычайномъ нравственномъ напряженіи, человѣческой жизни.

Москва, 1918 г.

« СО ЩИТОМЪ ГРАЖДАНИНА »

(Г. Ф. Шершеневичъ)

Мы втрѣтились впервые въ январѣ 1906 года. Сознаюсь: рѣдко въ жизни я испыталъ большее— и если имѣть въ виду эстетическія, зрительныя впечатлѣнія — болѣе пріятное, разочарованіе. Не знаю, по какой ассоціаціи идей, — вѣроятно, въ связи съ грудой написанныхъ имъ уже къ тому времени цивилистическихъ книгъ, — я представлялъ себѣ Шершеневича грузнымъ, тучнымъ, лысымъ, съ очками на лбу, углубленнымъ въ книги, — неподвижнымъ гелертеромъ нѣмецкаго покроя. А увидѣлъ я необыкновенно изящнаго молодого человѣка, невысокаго, стройнаго, худого, изысканно одѣтаго, съ лѣсомъ свѣтлорусыхъ волосъ на головѣ, съ голубыми бархатными глазами, съ тонкими, почти дѣтски - нѣжными чертами лица и съ особенно рѣзко выдѣлявшимися изъ - подъ усовъ на фонѣ чисто выбритаго подбородка, красиво очерченными губами, складывавшимися въ очаровательную, юношескую улыбку. Было въ его фигурѣ нѣчто, что въ дѣтскіе годы дѣлало его, вѣроятно, похожимъ на амура, въ юношескіе — на Ганимеда, что и въ зрѣлые годы придавало ему какой - то отпечатокъ особой женственности. И, когда я глядѣлъ на него, какъ онъ быстрымъ, изящнымъ движеніемъ почти - что вспрыгнулъ на трибуну и заговорилъ своею быстрою, бисерною рѣчью объ очередномъ тактическомъ вопросѣ момента (дѣло происходило на съѣздѣ

партіи к.-д въ Петербургѣ) — я все глазамъ своимъ не вѣрилъ и все сомнѣвался: да тотъ ли онъ самый? — тотъ, который и учебникъ гражданскаго права, и учебникъ торговаго права... и курсъ гражданскаго права, и курсъ торговаго права и столько въ нихъ параграфовъ, и столько кропотливыхъ цитатъ набралъ, и столько кассаціонныхъ рѣшеній, — и все это привелъ въ систему и связалъ, и объединилъ, и профильтровалъ, и еще, кромѣ того, столько статей и монографій?... Передъ памятью проходили вереницею заглавія, заглавія, томы, параграфы... Да нѣтъ, это не онъ: когда же онъ все это могъ продѣлать? и мыслимо ли, чтобы всѣмъ этимъ занимался этотъ жизнерадостный, казалось бы, только для жизни и звуковъ сладкихъ рожденный, человѣкъ,— этотъ загорающійся молодымъ румянцемъ агитаторъ, который такъ возбужденно и взволнованно говоритъ о тактической задачѣ, какъ о самомъ душевномъ своемъ дѣлѣ, и требуетъ, такъ настойчиво требуетъ, большей рѣшительности въ дѣйствіяхъ, большей широты въ надѣленіи неимущихъ классовъ, большей смѣлости въ приближеніи программы къ соціалистическому идеалу?...

Очень скоро молодой, горячій, изящный Шершеневичъ отстранилъ изъ моихъ представленій того перваго, обрюзглаго, заплывшаго, погруженнаго въ книги, — Шершеневича, никогда реально не существовавшаго.

Проблему двухъ Шершеневичей самъ онъ склоненъ былъ объяснять обстоятельствами случайными — нашимъ безвременьемъ: «Въ то время, когда престарѣлый Фаустъ, истомленный долгимъ исканіемъ истины, подноситъ къ устамъ кубокъ съ ядомъ, въ окна его мрачнаго кабинета врывается молодая, веселая пѣснь, — рука дрожитъ, и ядъ разливается по полу. Но въ кабинетъ русскаго ученаго, какъ бы глухо ни были за-

крыты его окна, доносятся жалобы и стоны, и капля по каплѣ вливаютъ ядъ въ его жизненную чашу. Не можетъ русскій ученый отдаться всецѣло наукѣ. Держа въ одной рукѣ свѣтильникъ знанія, онъ на другую руку надѣваетъ щитъ гражданина, чтобы охранить священный огонь отъ холоднаго вѣтра, сквозняковъ и вихрей» [1]).

Этотъ красивый образъ, которымъ Шершеневичъ-ученый желалъ объяснить «весь драматизмъ положенія русскаго профессора», едва ли, однако, исчерпываетъ всѣ душевные мотивы Шершеневича - политика и общественнаго дѣятеля. Не только «для охраны священнаго огня» знанія онъ одѣвалъ «щитъ гражданина». Щитъ и мечъ борца шли къ нему, просто въ виду потребностей его натуры, живой, впечатлительной, отзывчивой на дѣйствительные призывы къ добру, къ соціальной справедливости. Онъ и въ наукѣ, при всей разносторонности и плодовитости,не былъ начиненнымъ книгами, глухимъ къ жизни, педантомъ — онъ и тамъ былъ необычайно впечатлителенъ на внѣшнія явленія, на чужую мысль, на всякое новое жизненное движеніе. По легкости и нѣкоторой игривости ума, онъ все это легко, игриво и не слишкомъ глубоко воспринималъ и отражалъ. Та же впечатлительность въ воспріятіи и та же импульсивность отвѣтовъ на внѣшнія явленія характеризовали его въ политикѣ, — онѣ, можно сказать, и сдѣлали его политикомъ. И не будь онъ ученымъ, профессоромъ, занимай какое угодно иное положеніе, общественная волна все - равно подняла бы его и дала бы ему въ руки «щитъ гражданина».

---

1) « Муромцевъ, какъ ученый » въ сборникѣ « Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ », стр. 80.

Ставъ политикомъ, онъ набросился прежде всего на тотъ видъ политической дѣятельности, который былъ ему наиболѣе сроденъ — на популяризацію идей. Новая политическая вѣра, внезапно, точно откровеніе, снизошедшая на неподготовленное общество, нуждалась на первыхъ порахъ больше всего въ проповѣдникахъ — убѣжденныхъ, а главное, умѣющихъ ясно растолковывать новые символы, пересоздавать старые катехизисы, прояснять носящіеся въ воздухѣ туманные термины, связывать во - едино разсѣянные отрывки новыхъ системъ. А именно этотъ даръ — объединеніе разрозненнаго, конкретизація абстрактной мысли, умѣніе среди спутанныхъ контроверзъ находить простую, ясную, среднюю линію, — и составлялъ всегда faculté maîtresse Шершеневича. Онъ присущъ всѣмъ юридическимъ его трудамъ, онъ сказался и во всѣхъ его, по истинѣ образцовыхъ, популярныхъ брошюрахъ, лекціяхъ и статьяхъ на политическія темы. Темы эти необычайно разнообразны: «Аграрный вопросъ», «Конституціонная монархія», «Амнистія безъ исключенія», «Равноправіе женщинъ», «Прикащики», «Община и основные законы», «Расколъ среди соціалъ - демократовъ», «Новые члены Гос. Совѣта» и даже «Революція и Гражданское уложеніе». И вездѣ та же простота и та же кристаллическая ясность.

Начиная съ 27 апрѣля 1906 года, мы провели съ нимъ вмѣстѣ семьдесятъ два дня въ латахъ «гражданина» на самомъ высокомъ «гражданскомъ» посту. За все это время я ни разу не вспомнилъ, что имѣю дѣло съ собратомъ - цивилистомъ. Мы никогда не говорили о цивилистикѣ. Одинъ только разъ, помнится, мы коснулись нашей сферы: онъ изливалъ скорбь по поводу того, что намъ не даютъ въ первую Думу проекта гражданскаго уложенія.

— Муромцевъ, Петражицкій, да и мы съ вами вдвоемъ — быстро бы мы тутъ уложеніе соорудили. Нуженъ же случай, чтобы среди политиковъ, шедшихъ сюда съ совсѣмъ другими лозунгами, оказалось столько цивилистовъ! И когда ихъ соберешь опять такъ всѣхъ вкупѣ...

Эта элегическая нота на цивильную тему вырвалась случайно; вообще же намъ было не до уложенія, — про цивилистику мы вообще основательно забыли, и основательнѣе всѣхъ забылъ Шершеневичъ, тотъ самый, который ранѣе по справедливости могъ сказать о себѣ: nulla dies sine linea въ области цивилистики. Со всѣмъ душевнымъ пыломъ онъ ушелъ въ очередные политическіе вопросы. Онъ отдалъ себя на служеніе новому дѣлу цѣликомъ, не отказываясь ни отъ какой работы, какъ бы она ни была незначительна и далека отъ обычнаго его круга мыслей. Онъ принялъ, не совсѣмъ какъ будто по чину ему подходившую, должность товарища секретаря и съ особою торжественностью публично оглашалъ въ Думѣ поступавшія заявленія [1]), съ усердіемъ подсчитывалъ, стоя у двери, голосующихъ, когда результатъ перваго голосованія оказывался сомнительнымъ, — охотно бралъ на себя скучнѣйшіе доклады по провѣркѣ выборовъ и сдѣлалъ такихъ докладовъ больше, чѣмъ кто-либо изъ насъ; взялъ на себя и единственный, весьма тягостный, докладъ объ отмѣнѣ выборовъ, какъ произведенныхъ подъ давленіемъ администраціи [2]). И рядомъ съ этимъ брался съ жаромъ выступать по общетактическимъ, наиболѣе отвѣтственнымъ тогда вопросамъ.

---

1) Ср. Сеногр. отч. 1-й Думы, стр. 560.

2) Тамъ же, стр. 1507 и 1512.

«Тактикъ» онъ былъ не настоящій: слишкомъ для этого много въ немъ было возбудимости и непосредственности, слишкомъ мало для тактика «научной» уравновѣшенности. Помню первый день Думы, когда возвращающіеся изъ Зимняго Дворца депутаты встрѣчались ликующею столичною толпою, и когда среди радостныхъ возгласовъ толпы пронеслось и раскатилось по всему городу слово: «амнистія». Волненіе охватывало всѣхъ; самые спокойные люди въ нашей средѣ еле сдерживали порывъ, — Шершеневичъ, блѣдный, весь дрожа, бѣгалъ изъ угла въ уголъ по кулуарамъ Думы и все просилъ, со слезами на глазахъ просилъ: — «Ради Бога, требуйте немедленно амнистію, — какъ можно не отвѣчать на этотъ крикъ души народной? Не ждите, не готовьте сложныхъ отвѣтныхъ адресовъ, — требуйте амнистіи, и она дастся».

Большихъ трудовъ стоило успокоить общее волненіе и въ особенносоти волненіе нашего бурнаго цивилиста. За то не прошло получаса, какъ онъ съ такою же бурною радостью, съ просіявшими глазами, потрясалъ мнѣ руку, когда я нашелъ выходъ изъ положенія, — выходъ, спасавшій, по его словамъ, и Думу, и самый вопросъ объ амнистіи.

— Геніально, геніально! Какъ вамъ везетъ сегодня на выдумки! Вы насъ спасли...

И черезъ два дня, когда улегшаяся было волна опять поднялась — на этотъ разъ только среди болѣе лѣвыхъ круговъ, — онъ уже такъ проникнутъ былъ тревогою за судьбу Думы, что просилъ разрѣшить ему, именно какъ бывшему стороннику рѣшительныхъ мѣръ, отстоять публично точку зрѣнія интересовъ Думы. Миссію эту онъ исполнилъ съ большимъ подъемомъ и волненіемъ:

«Вчера ораторы съ такою яркостью подчеркивали

желаніе, перешедшее даже въ требованіе народа, — всѣ здѣсь присутствующіе охвачены однимъ желаніемъ: чтобы были освобождены тѣ, которые понапрасну томятся въ тюрьмахъ... Всѣ въ Россіи, имѣющіе уши, слышали это желаніе народное, и не на Думѣ будетъ лежать уже отвѣтственность за то, что не исполнено это народное желаніе... Но если мы выдѣлимъ этотъ вопросъ особо, то мы идемъ на конфликтъ. Я думаю, что онъ неизбѣженъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ предлагаютъ послать сегодня телеграмму, предлагаютъ послать депутацію, но каково будетъ положеніе Думы въ томъ случаѣ, если не будетъ отвѣта на телеграмму, если посланная депутація не получитъ утвердительнаго отвѣта?Мы, уважая себя, уважая свои права, должны будемъ идти на конфликтъ... Господа, вы сами не разъ здѣсь говорили: народъ послалъ своихъ избранниковъ съ требованіемъ земли и воли. Можетъ ли Дума разойтись, бросить свою работу, не заявивъ этого основного требованія?... Если бы насъ разогнали, если бы распустили Думу, или Дума сама разошлась, не заявивъ требованія о землѣ и волѣ... то наши избранники скажутъ: «мы васъ послали требовать земли, требовать свободы, а вы, не заявивъ этихъ требованій, довели дѣло до столкновенія и разошлись»... Партія народной свободы не будетъ избѣгать конфликта, но пусть этотъ конфликтъ произойдетъ тогда, когда мы съ увѣренностью можемъ сказать, что съ нами безусловно весь народъ... Если столкновеніе возникаетъ на почвѣ соціальныхъ вопросовъ, тогда, господа, конфликтъ не такъ страшенъ, потому что тогда мы рискуемъ только однимъ, только собою, а не народнымъ благомъ».

Несмотря на горячность, съ которою рѣчь была сказана, несмотря на легкость ея формы и благородство основного мотива, — она не вызвала тогда одобренія

въ средѣ партіи, отъ имени которой произносилась (стенографическій отчетъ не отмѣчаетъ аплодисментовъ ни въ серединѣ, ни даже въ концѣ рѣчи). Не вызвала потому, что была слишкомъ откровенна, слишкомъ темпераментна. О конфликтахъ съ правительствомъ—о той почвѣ, на которой столкновеніе пріемлемо, и внѣ которой оно недопустимо—принято было тогда думать, но не принято было говорить; не принято было говорить и о возможности роспуска и въ особенности «разгона» Думы. Это были еще первые дни жизни Думы (30-е апрѣля 1906 года) — готовящаяся къ бою армія только еще выстраивалась, — неблагоразумно было обнажать передъ врагомъ уязвимыя мѣста и даже публично провозглашать войну уже оффиціально объявленною. Потому въ воспоминаніяхъ о первой Думѣ, написанныхъ на свѣжей памяти, въ началѣ 1907 года, отмѣчается по поводу рѣчи Шершеневича: «Здѣсь ребромъ — быть можетъ, даже съ излишнею опредѣленностью — поставленъ былъ вопросъ о возможности конфликта, котораго Дума не должна принять на вопросѣ объ амнистіи, не успѣвъ ни словомъ обмолвиться о землѣ и волѣ. Впервые съ трибуны Государственной Думы было произнесено слово «конфликтъ». Фракція народной свободы не имѣла въ виду въ такой рѣшительной формѣ выносить на трибуну именно «конфликтную» сторону вопроса и въ особенности предвѣщать съ трибуны Думы неизбѣжность конфликта и напередъ указывать почву, на которой этотъ конфликтъ для насъ пріемлемъ» [1]). Вся эта тонкая сѣть стратегическихъ соображеній была совершенно чужда Шершеневичу. Воспламенившись како-нибудь мыслью, онъ разомъ до

1) См. мои « Конфликты въ I Думѣ » Спб. 1907 г., стр. 26.

конца проектировалъ ее наружу, не озираясь кругомъ, не чувствуя никакихъ дипломатическихъ препятствій. А когда затѣмъ дружески его корили, онъ краснѣлъ, улыбался своею очаровательною улыбкою и окончательно этимъ обезоруживалъ своихъ строгихъ судей.

Во время краткой жизни первой Думы мало кому удавалось проявить себя въ области законодательнаго творчества. Шершеневичъ принадлежалъ къ числу этихъ немногихъ.Законопроекту о собраніяхъ, по которому онъ намѣченъ былъ докладчикомъ, посчастливилось: онъ былъ по косточкамъ разобранъ въ публичномъ засѣданіи Думы еще въ предварительной стадіи, до передачи его въ комиссію. Здѣсь скрещивали шпаги, съ одной стороны, ораторы народной свободы и во главѣ ихъ Шершеневичъ, а съ другой — трудовики и соціалъ - демократы, поддержанные такимъ авторитетомъ въ области государственнаго права, какъ М. М. Ковалевскій. Какими мотивами вызывалась борьба, объ этомъ писалось много въ политической литературѣ того времени, — не мѣсто здѣсь къ этому вопросу возвращаться; но призомъ для побѣдителя являлось пріобрѣтеніе голосовъ безпартійныхъ и правыхъ элементовъ, и въ результатѣ трехдневныхъ дебатовъ Думы, въ которыхъ Шершеневичу приходилось выступать с е м ь разъ съ большими рѣчами — вся Дума, за исключеніемъ одного лишь М. М. Ковалевскаго, присоединилась къ Шершеневичу противъ трудовиковъ и соціалъ - демократовъ. Исторія этихъ дебатовъ отразилась и въ литературной дѣятельности Шершеневича тремя брошюрами: «Свобода собраній», «О правѣ собраній и о проф. Ковалевскомъ», «Законопроектъ о свободѣ собраній», и, наконецъ статьею, озаглавленною: «Проектъ закона о собраніяхъ», написанною для сборника «Первая Государственная Дума». Въ послѣд-

ней статьѣ суммированъ самимъ Шершеневичемъ ходъ думскихъ дебатовъ, приведены въ хронологическомъ порядкѣ существенныя мысли всѣхъ ораторовъ, и правильнѣе всего будетъ, пожалуй, отмѣтить собственныя его мысли именно по этому краткому, имъ самимъ сдѣланному, изложенію того, что представлялось въ рѣчахъ его существеннымъ. «Соціалъ - демократы противорѣчатъ себѣ — такъ излагаетъ Шершеневичъ свою мысль [1]) — когда, ставъ на революціонную точку зрѣнія, въ то же время предлагаютъ контръ - проекты и критикуютъ внесенный проектъ со стороны частностей. Съ точки зрѣнія революціонной, можетъ быть рѣчь только о сверженіи власти однихъ и вручении ея другимъ, на долю которыхъ и выпадетъ законодательное творчество. Съ такой точки зрѣнія нельзя соучаствовать въ законодательной дѣятельности нынѣшней Думы... Неограниченнаго права собраній не можетъ быть потому, что неограниченнаго права вообще нѣтъ, такъ какъ всякое право разграничиваетъ интересы... Если ограничиться принципіальнымъ провозглашеніемъ права собраній, не идущихъ дальше манифеста 17 октября (какъ предлагали соціалъ-демократы), то надо считаться съ тѣмъ, что границы осуществленія свободы будутъ все же установлены практикой...Оправдательные приговоры судовъ надъ чинами полиціи и послужатъ въ будущемъ границею свободы собраній... Противъ правила о томъ, что собранія воспрещаются подъ открытымъ небомъ вблизи Думы, возражали, что никакой опасности отъ народа для Думы быть не можетъ. Конечно, стойкость народныхъ представителей — великое качество души, но не къ чему подвергать ее напрасному испытанію».

---

1) Первая Гос. Дума. Вып. II, стр. 92.

Въ подлинныхъ стенографическихъ отчетахъ эти мысли красиво дополняются слѣдующимъ горестно-примирительнымъ аккордомъ — изъ первой же рѣчи (16 іюня 1906 г.). «Центръ тяжести въ томъ самомъ мѣстѣ, около котораго мы здѣсь, въ Думѣ, постоянно вертимся: какіе бы мы законы ни изобрѣли, и какіе бы лучшіе образцы Запада мы ни приняли, они могутъ свободно зачахнуть въ той атмосферѣ произвола, которая будетъ господствовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдвинутъ главный камень, лежащій на пути нашемъ... Судьба этого проекта, какъ и другихъ проектовъ о свободѣ, находится въ зависимости отъ «разрушенія Карѳагена» [1]).

Всѣ эти мысли — подлинныя и изложенныя сокращенно — вскрываютъ, естественно, скорѣе политическую, чѣмъ юридическую сторону аргументаціи. Только эта политическая сторона и поддается обобщенію; въ остальномъ работа Шершеневича связана съ многочисленными деталями законопроекта, которыя здѣсь не мѣсто разбирать. Необходимо только отмѣтить, что именно въ области детальнаго анализа проекта, и мысль, и аргументація Шершеневича, войдя въ обычную юридическую колею, — при всей страстности политической атмосферы, въ которой приходилось дѣйствовать, — обрѣли обычныя качества его цивилистическихъ построеній: методичность, упрощенность и особенную, краснорѣчивую ясность.

Послѣдняя работа въ Думѣ исполнена была Шершеневичемъ въ послѣдній день ея существованія: если не ошибаюсь, это онъ окончательно редактировалъ, какъ членъ редакціонной комиссіи, принятую въ тотъ день

---

[1]) Стен. Отч., стр. 1402.

(7 іюля) Думою, съ поправками, резолюцію по запросу о бѣлостокскомъ погромѣ.

Затѣмъ, послѣ рѣдкихъ свиданій на партійныхъ совѣщаніяхъ, мы съ нимъ встрѣтились въ декабрѣ 1907 года на скамьѣ подсудимыхъ по выборгскому процессу. Въ этотъ промежутокъ времени Шершеневичъ успѣлъ дать три грузныхъ ученыхъ труда, 3-е изданіе Учебника Торговаго Права, 2-е изданіе Исторіи Философіи Права (въ 588 страницъ) и 6-е изданіе Учебника Гражданскаго Права. И, исполнивъ сей очередной трудъ, онъ, опять смѣнивъ обликъ, явился къ намъ на «предварительное совѣщаніе» по выборгскому процессу, — нѣкотораго рода репетицію процесса, — и опять юношески - возбужденно говорилъ о тактикѣ, опять краснѣлъ, волновался и привѣтливо улыбался, а въ дни процесса, безпечный, точно мотылекъ, вспархивалъ во время перерывовъ отъ скуки сидѣнія, и съ особымъ удовольствіемъ погружался въ оживленную толпу, наполнявшую коридоры, — острилъ съ знакомыми, съ товарищами - подсудимыми, точно вновь запахло тою весною...

Весело и просто, съ тою же неподражаемою, женственною улыбкою, выслушалъ приговоръ — съ тою же улыбкою, не сомнѣваюсь въ томъ, сѣлъ въ тюрьму, а въ тюрьмѣ сталъ немедленно, повидимому, писать «Общее ученіе о правѣ и государствѣ». Ибо, какъ значится въ спискѣ его трудовъ [1]) — списокъ этотъ содержитъ цѣлыхъ 168 номеровъ! — оно появилось первымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1908 г. въ годъ выхода изъ тюрьмы.

«Щитъ гражданина» не тяготилъ его — онъ носилъ

---

1) См. сборникъ статей « Памяти профессора Габріеля Феликсовича Шершеневича », Москва, 1914.

его естественно и просто, не кичась имъ и не изнывая подъ его тяжестью, исполняя только потребность души: не оставаться безучастнымъ, когда кругомъ кипитъ борьба за самыя высокія, первичныя культурныя цѣнности. И, когда этотъ щитъ былъ у него вырванъ изъ рукъ, онъ не надломился и естественно, безъ душевнаго надрыва, направилъ свои силы на ту же борьбу по другому, болѣе скромному и спокойному руслу. Плоды онъ пожалъ на этомъ новомъ — въ сущности старомъ — поприщѣ болѣе обильные, но душа во всей ея красотѣ и привлекательности вскрывалась полнѣе, и жизнь сама протекала ярче тамъ, на временномъ, трудномъ этапѣ, когда бури человѣческихъ страстей на мигъ, какъ блескъ молніи, ворвались въ скромный кабинетъ ученаго. То была все же «молодая, веселая пѣснь»...

Петербургъ, 1915 г.

ВОСЬМИДЕСЯТИЛѢТІЕ К. К. АРСЕНЬЕВА.

Въ маѣ 1891 года Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ на страницахъ «Вѣстника Европы» писалъ: «Если восьмидесятилѣтній Гюго продолжалъ писать стихи, если восьмидесятилѣтній Гладстонъ соединяетъ политическую дѣятельность съ литературной работой, если даже у насъ восьмидесятилѣтній Рѣдкинъ напечаталъ въ три послѣдніе года передъ смертью чуть ли не больше, чѣмъ въ теченіе всей прежней жизни... »

Позволяю себѣ здѣсь оборвать цитату и продолжить ее по своему: «... Если восьмидесятилѣтній Арсеньевъ продолжаетъ по прежнему работу публициста и редактора съ тѣмъ же талантомъ и съ тою же силою убѣжденія — то можемъ ли мы нынѣ, какъ нѣкогда Арсеньевъ, жаловаться на то, что «немногочисленны у насъ люди, которые долго сохраняютъ свѣжесть мысли, бодрость духа, способность и охоту къ усиленному труду»?

Знать, не забыты и мы судьбою, и намъ тоже дано радостное созерцаніе свѣжести мысли и бодрости духа у вступающаго на порогъ девятаго десятилѣтія корифея нашей общественности. Я склоненъ даже думать, что намъ дано сейчасъ нѣчто большее, чѣмъ привыкшимъ къ счастливой долговѣчности своихъ избранниковъ западнымъ народамъ, и чѣмъ дано было намъ въ день 80-лѣтія Рѣдкина. Ибо изъ всѣхъ перечисленныхъ Арсеньевымъ ветерановъ духа едва ли одинъ хоть (исключая

развѣ Гладстона) такъ просто, такъ повседневно, безъ остановки въ своей привычной дѣятельности, переходилъ изъ седьмого въ восьмой, изъ восьмого въ девятый десятокъ, какъ это дѣлалъ всегда ровный, неустающій, во всемъ неизмѣнный нашъ Константинъ Константиновичъ. И стихи Гюго, и посмертные философскіе труды Рѣдкина все же отдаютъ otium'омъ глубокой старости: почтенные навыки мысли, заполняющіе литературою часы тягостнаго старческаго досуга, или торопливое стремленіе уловить уходящіе годы, чтобы на прощаніе досказать міру нѣчто завѣтное, недосказанное. Арсеньевъ не досказываетъ — онъ просто продолжаетъ. Тотъ же скромный кабинетъ, и та же въ центрѣ его черная рабочая конторка, нынѣ въ Царскомъ Селѣ, какъ была нѣкогда въ Петербургѣ, и тотъ же склоненный надъ нею благообразный старецъ, съ бѣлою какъ лунь бородою, съ нѣжною, легко розовѣющею кожею, съ голубыми, ровно и привѣтливо сквозь золотые очки глядящими глазами, — и изъ подъ пера выходятъ всѣ тѣ же, дышащіе свѣжестью, кристально-чистые и прозрачные, какъ гладь рѣки, какъ лѣтній полдень, слова и мысли, — все тотъ же въ нихъ издавній, юношескій, во всю долгую жизнь не умолкавшій призывъ. И въ бесѣдѣ, которая теперь, какъ двадцать-тридцать лѣтъ назадъ, какъ, вѣроятно, и шестьдесятъ лѣтъ назадъ, ведется ровнымъ, бархатнымъ, безъ рѣзкихъ интонацій, удивительно обаятельнымъ голосомъ, въ тонахъ столь мягкихъ,что вамъ все кажется, будто вашъ собесѣдникъ только и дѣлаетъ, что повторяетъ ваши мысли, — въ этой бесѣдѣ, въ которой, однако, планъ и направленіе все время, совершенно для васъ незамѣтно, остается въ его рукахъ, — и сейчасъ тотъ же живой интересъ ко всѣмъ текущимъ вопросамъ литературной и общественной жизни, къ вопросамъ, ко-

торые являлись всегда не только фономъ, но и стимуломъ его напряженной умственной работы.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ Арсеньевъ вздумалъ подводить итоги своей дѣятельности. « Старости свойственно желаніе подводить итоги », писалъ онъ и потому собралъ въ одну книгу все написанное имъ о свободѣ печати, а въ другую — все написанное о свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданія. Но « старость » онъ понималъ, видимо, въ календарномъ смыслѣ: года были старые, но человѣкъ не былъ старъ, и потому никто всерьезъ не повѣрилъ въ эти « итоги »; пересталъ ихъ, видимо, трактовать всерьезъ и самъ авторъ, и сейчасъ тѣ итоги являются уже только одною ступенью, частью цѣлаго, конецъ котораго, будемъ надѣяться, далекъ. Одно только является неизмѣримо цѣннымъ въ этихъ итогахъ: формулировка символа вѣры автора, данная въ первыхъ словахъ книги о свободѣ совѣсти, — формулировка, не блѣднѣющая съ годами, ибо она одинакова была и въ началѣ пути, и въ эпоху расцвѣта литературно - публицистической дѣятельности; она остается тою же и для нынѣшняго этапа дѣятельности. « Къ числу немногихъ свѣтлыхъ точекъ, представляемыхъ исторіей — такъ гласитъ этотъ символъ вѣры — принадлежатъ единоличныя или коллективныя попытки замѣнить право силы — силою права, власть преданія и привычки — властью идеи. Ихъ встрѣчаютъ большей частью снисходительной или презрительной усмѣшкой, отъ нихъ отворачиваются, пожимая плечами; практическіе люди спѣшатъ осудить мечтателей-идеологовъ... И все таки въ этой безнадежной борьбѣ съ господствующими теченіями есть нѣчто поразительное и трогательное, нѣчто болѣе привлекательное, чѣмъ многія громкія и блестящія побѣды. Она намѣчаетъ идеалы, возбуждаетъ и поддерживаетъ надеж-

ду на лучшее будущее, мѣшаетъ примиренію съ дѣйствительностью, какъ съ чѣмъ то неизбѣжнымъ и непоправимымъ ».

Эту борьбу, въ безнадежности своей « болѣе привлекательную, чѣмъ побѣды » — борьбу, мѣшающую примиренію съ дѣйствительностью, Арсеньевъ началъ съ первыхъ дней своей дѣятельности, но велъ съ особымъ упорствомъ и силою въ тѣ долгіе мрачные годы — 80-ые и 90-ые прошлаго столѣтія, — когда стоялъ кругомъ мракъ гуще тучи, и мракъ этотъ казался поистинѣ « непоправимымъ ».

Съ какою страстностью мы ждали въ эти годы изъ мѣсяца въ мѣсяцъ маленькой блуждающей искорки на страницахъ краснаго толстаго журнала, прорѣзывавшей на мигъ тьму, будившей вѣру, питавшей туманныя надежды. И кто не помнитъ скептиковъ, которые чуть не измывались надъ этою наивной методической аттакой почти безоружнаго стрѣлка противъ крѣпости, защищаемой всею силою старыхъ навыковъ, крѣпостныхъ инстинктовъ и безотвѣтственнаго произвола? Поистинѣ « трогательное нѣчто », — трогательное, какъ всякая наивная вѣра — было въ этомъ непреклонномъ стремленіи подходить всерьезъ, съ мѣркою « силы права » къ актамъ, совершаемымъ явно и цинично во имя принципа силы, идущей впереди права. По чьему адресу это писалось? — къ кому обращались эти великолѣпно аргументированные юридическіе анализы неправомѣрныхъ актовъ власти, писанные въ тискахъ цензуры и сохраняющіе живость и интересъ только благодаря необыкновенному публицистическому таланту автора? И для чего было тратить этотъ богатый даръ, это мастерство слова на безплодные, безнадежные призывы? Такія сомнѣнія и вопросы не были, повидимому, чужды и самому авто-

ру, и онъ отвѣчаетъ на нихъ въ томъ же изложеніи своего символа вѣры на первой страницѣ « Итоговъ ». « Какъ бы мало шансовъ успѣха не имѣлъ въ данную минуту призывъ къ истинѣ, важно уже и то, что онъ раздается во всеуслышаніе; совершенно безслѣдно онъ не пройдетъ, хотя осязательныхъ результатовъ не дождется, быть можетъ, ни одинъ изъ свидѣтей его».

И вся жизнь Арсеньева сознательно посвящена провозглашенію « во всеуслышаніе » призыва къ борьбѣ за силу права, безъ разсчета на ближайшій успѣхъ, но съ вѣрой въ конечный результатъ борьбы. Эта специфическая вѣра въ силу правовой нормы, столь характерно отличающая публицистическую дѣятельность Арсеньева отъ двухъ другихъ крупнѣйшихъ русскихъ публицистовъ недавняго времени, Влад. Соловьева и Михайловскаго, связана была въ нѣкоторой мѣрѣ съ той атмосферой, въ которой Арсеньевъ выросъ и дѣйствовалъ въ теченіе первой половины сознательной жизни. Конечно, уже одна тяга къ практической дѣятельности въ области правосудія знаменуетъ извѣстный душевный укладъ, но крѣпость и закалъ даются этому безформенному тяготѣнію только годами зрѣлой мужественной практической работы. Эта практическая работа годовъ юности и зрѣлости прошла у Арсеньева на службѣ новому суду и пріуроченной къ новому суду адвокатурѣ. Сначала въ кружкахъ, подготовлявшихъ реформу, негласно вдохновлявшихъ составителей Уставовъ, затѣмъ въ кружкахъ, занимавшихся самообученіемъ будущихъ судей, потомъ на открытой аренѣ во главѣ молодого, только что зародившагося, адвокатскаго сословія, наконецъ, въ составѣ оберъ - прокуратуры гражданскаго кассаціоннаго сената, — на всѣхъ этихъ этапахъ общая идея борьбы за право получала свое живое

воплощеніе, — въ конкретныхъ формахъ вырисовывались пути, которыми правовая идея можетъ быть насаждаема, и препятствія, которыя ей приходится преодолѣвать.

О первыхъ закулисныхъ моментахъ дѣятельности среди творцовъ судебныхъ уставовъ у насъ нѣтъ достаточныхъ литературныхъ матеріаловъ. Самъ К. К. объ этой эпохѣ своей дѣятельности скромно умалчиваетъ; но имѣется живой свидѣтель, приподнявшій недавно уголокъ завѣсы надъ исторіей этихъ первыхъ шаговъ Арсеньева. Помнится, на юбилейномъ обѣдѣ въ честь Арсеньева по случаю 50-лѣтія его дѣятельности, сынъ Сергѣя Ивановича Заруднаго, одного изъ главныхъ дѣятелей судебной реформы, А. С. Зарудный, вспоминалъ, какъ онъ, будучи еще мальчикомъ, въ 1874 году, разсылалъ приглашенія на скромную трапезу въ честь перваго 10-лѣтняго юбилея реформы и дѣтскимъ почеркомъ выводилъ адресъ К. К. Арсеньева, — причемъ отецъ объяснялъ ему, что этому неофиціальному « участнику » судебной реформы по праву отводится здѣсь мѣсто, такъ какъ ему принадлежитъ никому невѣдомая работа по созданію уставовъ, вдохновлявшая на дѣло офиціальныхъ авторовъ. О работахъ въ кружкѣ по самообученію разсказываетъ самъ Арсеньевъ на страницахъ « Права » въ 1902 году. Въ кружкѣ происходили опытныя засѣданія по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. « Хорошо помню, какъ я волновался въ ожиданіи дня, назначеннаго для засѣданія. Никогда передъ тѣмъ мнѣ не приходилось держать рѣчь въ присутствіи болѣе или менѣе многочисленнаго собранія. Нужно было рѣшить, что лучше: написать ли рѣчь отъ перваго слова до послѣдняго, а затѣмъ заучить ее наизустъ или приготовиться къ ея прочтенію, или же установить заранѣе только главные

пункты, а въ остальномъ положиться на импровизацію. Я остановился на послѣднемъ способѣ дѣйствія, котораго держался и во все время своей адвокатской дѣятельности».

Немного времени спустя, уже облеченный во фракъ адвоката, Арсеньевъ появляется однимъ изъ первыхъ, если не первымъ, передъ лицомъ настоящаго гражданскаго суда.

Дѣятельность Арсеньева въ качествѣ адвоката выдвинула его на мѣсто одного изъ лучшихъ юристовъ того времени, хотя литературныхъ слѣдовъ этой дѣятельности, какъ, впрочемъ, слѣдовъ дѣятельности всѣхъ адвокатовъ, у насъ нѣтъ. Слѣдъ дѣятельности Арсеньева на поприщѣ юриспруденціи имѣется въ трудахъ петербургскаго Юридическаго Общества, да въ работахъ гражданскаго кассаціоннаго сената за время съ 1874 по 1880 годы. То было время, когда вмѣстѣ съ Арсеньевымъ въ рядахъ гражданской обер - прокуратуры блистали А. А. Книримъ, И. И. Карницкій, и какой нибудь усердный труженикъ, который взялся бы выдѣлить вопросы, разрѣшенные сенатомъ въ эпоху дѣятельности этихъ трехъ виднѣйшихъ нашихъ юристовъ, несомнѣнно обнаружилъ бы, какой большой правотворческій вкладъ сдѣланъ этими людьми, въ томъ числѣ Арсеньевымъ, въ нашу, до того, лишенную основъ, цивилистическую практику. Еще болѣе замѣтна была дѣятельность Арсеньева въ области уголовнаго права, гдѣ перу его принадлежали весьма популярныя въ свое время изслѣдованія — «Преданіе суду» и «Уголовное слѣдствіе», — служившія всѣмъ намъ въ 1880-хъ годахъ школьными пособіями.

Обрисовать фигуру Арсеньева, какъ дѣйствующаго передъ лицомъ судей адвоката, едва ли смогъ бы кто либо изъ нашихъ современниковъ: онъ поки-

нулъ адвокатуру еще въ 1874 году, и почти никого изъ тѣхъ, кто слышалъ его живую рѣчь на судѣ, нѣтъ уже въ живыхъ. Но дѣятельность его въ адвокатурѣ, какъ установленіи, отмѣчена въ исторіи адвокатскаго сословія неизгладимыми чертами.

Арсеньевъ былъ въ первомъ Совѣтѣ Присяжныхъ Повѣренныхъ; со второго года онъ уже былъ предсѣдателемъ и оставался имъ почти непрерывно, до самого ухода изъ сословія. Новое, не подходящее по стилю ко всему окружающему, учрежденіе должно было принять формы, въ которыхъ оно, сохраняя общественное уваженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ импонировало бы власти и не было бы оттерто, какъ неудачный административный опытъ, все усиливающимся реакціоннымъ движеніемъ. Дѣйствуя на чуждыхъ общему нашему строю началахъ внутренняго самоуправленія, оно должно было вмѣстѣ съ тѣмъ держаться въ предѣлахъ, за которыми могла оборваться связь съ судебнымъ строемъ и государственнымъ организмомъ, какъ цѣлымъ. Съ другой стороны, адвокатура должна была оправдать предоставленную ей свободу, — должна была выявить тѣ блага, которыя даются только свободнымъ, автономнымъ учрежденіемъ: взростить чистые нравы, укрѣпить въ своей средѣ сознаніе общественнаго долга, не доводя себя до оправдываемой свободолюбіемъ распущенности. Арсеньевъ вмѣстѣ со Спасовичемъ призваны были созидать въ русской жизни это особливое учрежденіе, На долю Арсеньева выпало затѣмъ и суммировать впервые результаты этого опыта: онъ это сдѣлалъ въ замѣчательной, доселѣ не превзойденной книгѣ, которую, точно прощальный даръ, подносилъ сословію присяжныхъ повѣренныхъ при своемъ съ нимъ разставаніи.

Въ минуту, когда появились въ свѣтъ Арсеньевскія «Замѣтки объ адвокатурѣ», корпоративная жизнь

адвокатуры слагалась не совсѣмъ спокойно. Снаружи, со стороны власти, на нее уже надвигались, по слову Спасовича, «шквалы и невзгоды», а общество, молодое, нетерпѣливое, быстро мѣняющее милость на гнѣвъ, — воспылало къ адвокатурѣ гнѣвомъ обманутой любви. Можно думать, что это именно тревожное и грозное настроеніе общества толкнуло Арсеньева на мысль указать гласно все «совершившееся и закрѣпленное» въ жизни адвокатуры. И кто знаетъ, не книгѣ ли Арсеньева, не вѣскому ли и авторитетному его слову адвокатура обязана тѣмъ, что на скорбномъ пути, пройденномъ всѣми великими реформами царствованія Александра II, адвокатура понесла сравнительно меньше ущерба,—гораздо меньше, чѣмъ земство и судъ. Въ поднесенномъ Арсеньеву адресѣ петербургской адвокатуры, который пришлось мнѣ писать, я процитировалъ слова Спасовича объ Арсеньевѣ, какъ « кормчемъ нашей шхуны », и прибавилъ: « на адвокатской шхунѣ есть много рубцовъ, но нѣтъ ни одной пробоины ». Это мѣсто, видимо, наиболѣе тронуло сидѣвшаго передъ нами съ поникнутою головою старца. По окончаніи чтенія онъ взволнованнымъ голосомъ нѣсколько разъ повторялъ: « А вѣдь въ самомъ дѣлѣ нѣтъ пробоинъ; все это мелочи, что пробовали сдѣлать; а существенное осталось, пробоинъ нѣтъ ».

Обозрѣвая дѣятельность Арсеньева, изслѣдователь не можетъ не поразиться одной характерной ея чертой: разнообразіемъ сферъ, въ которыхъ она проявлялась. Въ годы адвокатуры и судебной дѣятельности онъ былъ и цивилистомъ и криминалистомъ. По оставленіи судебной службы и адвокатуры, въ полосѣ публицистической и литературной дѣятельности, проявилось тяготѣніе къ новой, третьей сферѣ юридическихъ отношеній — къ государственному и админи-

стративному праву. За 30-40 лѣтъ этой публицистической дѣятельности не было ни одного вопроса нашей государственной жизни, ни одного крупнаго акта административной власти, на который не нашлось бы отклика въ « Общественной Хроникѣ » или « Внутреннемъ Обозрѣніи » Вѣстника Европы. Эта разносторонность въ одной только юридической сферѣ представляетъ у насъ — да, вѣротяно, не у насъ только — явленіе совершенно исключительное, чтобы не сказать безпримѣрное. Однако широта кругозора этимъ не ограничивается: добрая половина писательской дѣятельности Арсеньева остается внѣ юриспруденціи и публицистики и вращается въ сферѣ эстетики и литературной критики. Томъ критическихъ этюдовъ по русской литературѣ, книга о Салтыковѣ - Щедринѣ и спеціальное, единственное въ своемъ родѣ, изслѣдованіе о пейзажѣ въ русскомъ романѣ являются далеко не полной сводкой всего написаннаго Арсеньевымъ въ этой области за 40 лѣтъ литературной дѣятельности.

Въ этой разносторонности интересовъ, и въ частности въ тягѣ къ литературѣ, было нѣчто идущее отъ эпохи, отъ людей, среди которыхъ приходилось вращаться, но была тутъ и черта основного душевнаго склада самого Арсеньева. Первые дѣятели нашего суда и адвокатуры тянулись къ литературѣ — инстинктивно чувствуя, что въ нашихъ политическихъ условіяхъ нѣтъ источника болѣе живого для общественнаго строительства, чѣмъ литература, о которой Щедринъ говорилъ, что « ничто такъ не соприкасается съ идеей вѣчности какъ она », и что « не будь ея, жить было бы больно ». И строители новой жизни, какъ бы спеціальна ни была область ихъ дѣятельности, не могли не равняться по линіи литературы, не прислушиваться къ ней, не участвовать въ ней, — не тянуться изъ профессіональной жиз-

ли туда, гдѣ выявлялся духъ, одинаково рѣющій надъ печатнымъ словомъ и надъ новыми общественными ячейками. Это специфически русское явленіе, — совпаденіе въ настроеніи, и часто въ лицахъ, представителей двухъ міровъ, нигдѣ въ такой мѣрѣ не сближенныхъ, — приносило подчасъ горькіе плоды. Горечь разрывовъ, хотя и временныхъ, особенно мучительна послѣ долгой интимной близости; таковъ генезисъ нападокъ — жестокихъ, незаслуженныхъ нападокъ — Салтыкова и Достоевскаго. Однако, въ огромномъ большинствѣ случаевъ эта близость была исключительно благотворна. И двуликіе Янусы, какъ Арсеньевъ, Спасовичъ, Кони, Арцимовичъ, Унковскій, позднѣе Андреевскій, Урусовъ, В. И. Танѣевъ, глядящіе и въ судъ, и въ литературу, утромъ судящіе, обвиняющіе и защищающіе, а вечеромъ сходящіеся въ уютномъ « шекспировскомъ кружкѣ » — создали въ сферѣ суда, и особенно въ сферѣ молодого, никакими пережитками и дурными навыками не испорченнаго, адвокатскаго сословія, атмосферу, въ которой бился пульсъ общественности, свѣтилось отраженіе духа геройства, самоотверженія и нравственной чистоты, проникавшаго русскую литературу того времени.

Широта интересовъ Арсеньева была, однако, не только порожденіемъ этой особой внѣшней комбинаціи русской жизни. Спасовичъ, Кони, Андреевскій, не менѣе, чѣмъ Арсеньевъ, внутренне связанные съ литературой, далеко, однако, не въ такой мѣрѣ расширяли сферу своихъ интересовъ. Никто изъ нихъ не былъ такъ универсаленъ въ юриспруденціи, ни у кого не было и такого захвата въ литературной дѣятельности. Въ этой широтѣ и равномѣрности захвата кроется одна изъ самыхъ глубокихъ чертъ душевнаго склада Арсеньева. Его faculté maîtresse если угодно, состоитъ въ томъ,

что на равныхъ правахъ господствуютъ разныя facultés, но нѣтъ ни одной владычицы въ ряду равноправныхъ душевныхъ потребностей и запросовъ. Въ душевномъ строѣ нѣтъ сильныхъ рельефовъ, нѣтъ пафоса и страсти, могущихъ увлечь душу въ одну сторону, углубить интересъ въ одномъ мѣстѣ, усилить біеніе пульса въ одной артеріи, въ ущербъ другимъ. Ровною струею переливается кровь по всѣмъ каналамъ, оживляя всѣ клѣтки организма, питая равномѣрно всю душевную ткань и вызывая къ равномѣрной, не взбаламученной внезапными скачками, дѣятельности всѣ живыя клѣтки.

Спасовичъ сравнивалъ рѣчь Арсеньева съ большой русской рѣкою — Волгою или Днѣпромъ — во время ихъ весенняго разлива по плавнямъ: « рѣка широкая, она, какъ зеркало, золотится солнечными лучами, отражаетъ въ себѣ города, лѣса и горныя вершины ». Такова не только форма рѣчи — таковъ весь творческій процессъ Арсеньева. Душа золотится солнечными лучами — ровными, мягкими — и отражаетъ весь широкій просторъ человѣческой жизни. И течетъ этотъ осіянный ровнымъ свѣтомъ потокъ мыслей, какъ и потокъ словъ — не стѣсняемый въ своемъ движеніи ни сильными скатами, ни тайными водоворотами, сдерживая съ величавымъ спокойствіемъ свои воды въ единомъ, ровномъ, широкомъ руслѣ.

Было въ этомъ человѣкѣ особенное величіе уже въ годы мужественной зрѣлости, было, должно быть, и въ тѣ болѣе молодые годы, когда жизненныя тревоги и испытанія такъ легко расшатываютъ даже крѣпкіе, гранитные устои. Именно это величіе — не величіе старости — а величіе спокойной мудрости, величіе чистоты помысловъ и неподкупной совѣсти вѣнчаютъ и сейчасъ золотымъ нимбомъ его красивую голову. Все та же

чистая струя мысли, ласково отражающая всю вселенную, — все та же стойкая, крѣпкая, дѣйственная вѣра въ идеалъ, все то же убѣжденіе, что даже въ безнадежной борьбѣ со зломъ есть « нѣчто болѣе привлекательное, чѣмъ многія громкія и блестящія побѣды ».

Петроградъ, 1917 г.

ПОЗИТИВИСТЪ-МЕЧТАТЕЛЬ

(А. С. Гольденвейзеръ)

Скончавшійся въ Кіевѣ, на 61 году жизни, Александръ Соломоновичъ Гольденвейзеръ по праву займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи нашей адвокатуры.

Уроженецъ одной изъ южныхъ губерній, онъ рано, 21 года отъ роду, окончилъ курсъ петроградскаго университета и тогда же, въ 1876 г., поселился въ Москвѣ, съ которою его связывали литературныя и адвокатскія традиціи его семьи. Но совершенно неожиданно, при проѣздѣ черезъ Кіевъ, поддавшись убѣжденіямъ стариннаго друга семьи, Л. А. Куперкина, былъ «завлеченъ» въ кіевскую адвокатуру и съ тѣхъ поръ навѣкъ связалъ себя съ ея судьбой. Быть можетъ, эта близость съ однимъ изъ умнѣйшихъ и самыхъ тонкихъ нашихъ криминалистовъ окончательно опредѣлила его умственные и литературные интересы. Ибо Гольденвейзеръ былъ въ той же мѣрѣ литераторомъ и мыслителемъ, въ какой былъ адвокатомъ, и если вѣрно, что практическую свою дѣятельность онъ посвящалъ преимущественно, — хотя отнюдь не исключительно, — цивилистикѣ, то теоретическіе его интересы витали, главнымъ образомъ, въ сферѣ вопросовъ уголовнаго права — вмѣненія и наказанія — и только въ самыхъ общихъ своихъ источникахъ и построеніяхъ соприкасались съ цивилистикой. Если бы надо было обобщить сферу его умственныхъ интересовъ, то правильнѣе всего было бы сказать, что

онъ былъ юристъ-соціологъ, что юриспруденція интересовала его не своею догматическою стороною и даже вообще не тѣмъ, въ чемъ она является дисциплиною, себѣ самой довлѣющею: она являлась для него лишь орудіемъ для приложенія принциповъ морали и, въ частности, соціальной справедливости. Его интересовало не бытіе юридическихъ нормъ, не связь ихъ и взаимодѣйствіе, а ихъ образованіе, ихъ внутренняя цѣнность съ точки зрѣнія философскаго и моральнаго критерія; и, можетъ быть, этотъ интересъ къ соціальной динамикѣ содѣйствовалъ тяготѣнію его именно къ проблемамъ уголовнаго права, болѣе подвижнаго, болѣе непосредственно поддающагося вліянію инородныхъ, соціологическихъ и психологическихъ, построеній, чѣмъ право гражданское. Какъ практикъ, онъ былъ по преимуществу цивилистъ, — такъ ужъ судьба сложилась, — но свои уголовныя защиты онъ до конца дней своихъ любилъ любовью дней весеннихъ. Еще за день или за два до смерти онъ явился въ судъ, бодрый и свѣжій, пріятно возбужденный, для отбытія очередной уголовной защиты по назначенію.

Въ сословной жизни кіевской адвокатуры А. С. занималъ положеніе совершенно исключительное. Отсутствіе правильной сословной организаціи создало здѣсь обычный суррогатъ ея, подъ именемъ «распорядительнаго комитета консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ», — учрежденіе, которое призвано было еще отстоять передъ лицомъ власти свое «сверхзаконное» положеніе исключительно силою своего внутренняго авторитета. Гольденвейзеръ былъ творцомъ, вдохновителемъ и безсмѣннымъ фактическимъ главою этого учрежденія. То, что сдѣлали въ свое время для петербургской и всероссійской адвокатуры Спасовичъ и Арсеньевъ, сдѣлано было для кіевской адвокатуры Гольденвейзеромъ. Онъ

былъ кормчимъ сословія, былъ его воплощенною совѣстью, непререкаемымъ авторитетомъ въ вопросахъ адвокатскаго поведенія. Этимъ положеніемъ онъ обязанъ былъ, естественно, не цивилистическимъ и не криминалистическимъ талантамъ своимъ, а чему-то иному — тому самому, что создало ему совершенно особое положеніе и внѣ адвокатской семьи, во всемъ мѣстномъ обществѣ. Было во всей его жизни, во взглядахъ, въ отношеніяхъ къ людямъ, даже во внѣшней, благородной, достойной осанкѣ, нѣчто особенное, что невольно приковывало къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ бы онъ ни соприкасался. Есть такіе люди — они не смѣшиваются съ толпою, какъ бы она ни была пестра и громадна. Точно печать избранности на ихъ челѣ. И всякій жестъ, всякое слово обличаетъ, что все у нихъ свое, все личное, незамѣнимое. Что именно, не понять часто и людямъ проницательнымъ, — не понять, конечно, толпѣ; но эта толпа чувствуетъ величіе, разступается передъ одинокимъ, даритъ его своимъ преклоненіемъ, иногда и любовью. Самому избраннику всѣ эти люди вмѣстѣ могутъ быть безконечно дороги — имъ онъ отдаетъ часто свои лучшіе помыслы, за нихъ иногда и гибнетъ. Но къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности у него нѣтъ обычныхъ путей — обычной житейской близости, интимности, фамильярности. Онъ не заискиваетъ въ нихъ, ничего отъ нихъ не беретъ и не старается на нихъ воздѣйствовать. На то онъ одиночка. Чистая альпійская вершина, горделивая, недосягаемая. Авторитетъ этихъ своеобразныхъ, непреклонныхъ въ своей независимости, натуръ не зависитъ ни отъ мѣста, ни отъ условій среды, ни отъ рода дѣятельности: онъ почти-что стихійный, — люди всегда и вездѣ одинаково ему подчиняются. И исчезновеніе ихъ изъ нашей среды оставляетъ пустоту зіяющую, точно изсякъ драгоцѣнный живительный даръ природы,

— свѣтъ, тепло, — нѣчто, человѣчеству необходимое и, казалось, неисчерпаемое, — бодрящій образецъ внутренней силы, безъ котораго бѣдный, мятущійся въ непостоянствѣ, человѣкъ былъ бы еще болѣе жалокъ и бѣденъ...

Александръ Соломоновичъ Гольденвейзеръ принадлежалъ къ такому типу людей. Говорить, что его уважали, что цѣнили, какъ отличнаго адвоката и юриста, значитъ сказать банальность. Отношеніе къ нему окружающихъ передаваемо лишь однимъ словомъ: преклоненіе. Къ нему, еврею — въ краѣ, насыщенномъ націоналистическими міазмами — тянулись одинаково русскіе, евреи, поляки — тянулись за совѣтомъ, поученіемъ и нелицепріятнымъ судомъ. Такъ было заведено издавна, такъ это было прочно, такъ естественно, — никто не спрашивалъ, какъ и почему такъ завелось. Александръ Соломоновичъ былъ человѣкъ внѣ конкурса — почти что легендарный, внѣ времени и пространства, внѣ расы и сословія.

По натурѣ мечтатель - раціоналистъ, онъ старательно выдвигалъ наружу свой раціонализмъ и нарочито пряталъ мечтательность. Между тѣмъ, она — и именно она — составляла въ существѣ всю чарующую въ немъ силу. Для тѣхъ, кто зналъ его не близко, оно покажется страннымъ. Нѣсколько горделивая въ величавости своей внѣшность, культурная сдержанность, привѣтливость, равномѣрно ко всѣмъ обращаемая — какъ будто исключали мысль о порывахъ чувства, о горячей вѣрѣ, о мечтѣ... Европеецъ по нравамъ и симпатіямъ, онъ съ истинно-религіознымъ піэтетомъ относился ко всѣмъ культурнымъ завоеваніямъ Запада. Свобода человѣческой личности — свобода внѣшняя и внутренняя — была для него не только однимъ изъ элементовъ политическаго убѣжденія: она была по-истинѣ элемен-

томъ вѣры, и всякое давленіе на нее ощущалось имъ, какъ нестерпимая, почти-что физическая боль. На стѣнѣ его кабинета висѣли двѣ древнія хартіи: оригинальный печатный экземпляръ французской «деклараціи правъ человѣка и гражданина» и фотографическое воспроизведеніе рукописи первой американской конституціи. Отъ этихъ хартій шли къ нему, черезъ цѣлый вѣкъ культурной мысли Запада, всѣ его вдохновенія. А рядомъ съ хартіями — два портрета, въ такомъ сочетаніи едва-ли когда-либо встрѣчавшіеся: Гербертъ Спенсеръ и Левъ Толстой. Два мечтателя — на двухъ полюсахъ человѣческаго творчества, съ двухъ разныхъ сторонъ воспринимающіе міръ, но одинаково просвѣтленно взирающіе на будущее. Имъ двумъ посвятилъ Гольденвейзеръ свои литературно-научныя работы. Отъ нихъ падалъ свѣтъ на его душу, своеобразно въ ней преломляясь и объединяясь. Самая крупная его литературная работа озаглавлена: «Гербертъ Спенсеръ. Идеи свободы и права въ его философской системѣ». Самая популярная, самая задушевная его книжка посвящена «Воскресенію» Толстого; заглавіе ея: «Преступленіе — какъ наказаніе, а наказаніе, какъ преступленіе. (Мотивы Толстовскаго «Воскресенія»)». Заглавіе это и самые толстовскіе «мотивы» были настолько дороги автору, что онъ рѣшился затѣмъ присвоить это самое заглавіе сборнику всѣхъ своихъ «этюдовъ, лекцій и рѣчей на уголовныя темы», вышедшему въ Кіевѣ въ 1908 году. Въ книгѣ имѣются, между прочимъ, двѣ лекціи на тему: «Вопросы вмѣненія и уголовной отвѣтственности въ позитивномъ освѣщеніи» [1]). Сторонникъ позитивнаго мышленія и тостовецъ; эволюціонистъ-спенсеріанецъ, знающій лишь холодныя категоріи явленій, другъ изъ друга раз-

1) Читаны въ русской высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ въ 1902 году.

вивающихся, чуждыхъ имманентной идеѣ добра, — и страстный поклонникъ моралиста, всю силу своей души вложившаго въ проповѣдь самодовлѣющей силы добра; наконецъ, юристъ-адвокатъ, всю жизнь проведшій въ судебной борьбѣ, и проповѣдникъ идей произведенія, отрицающаго судъ. Все это сочеталось въ одномъ цѣльномъ человѣкѣ, благодаря одному основному элементу души: глубокому уваженію къ человѣку и искренней вѣрѣ въ заложенныя въ немъ добрыя начала. Изъ спенсеровской эволюціи онъ бралъ непреложное, «позитивнымъ освѣщеніемъ» добытое убѣжденіе въ неизбывной, безконечной цѣнности человѣческой личности, въ неминуемой побѣдѣ индивидуума надъ всѣми насилующими, ограничивающими его началами, вплоть до начала государственнаго — то самое убѣжденіе, которое глядѣло на него со стѣнъ его кабинета изъ пожелтѣвшихъ хартій двухъ, величайшихъ въ исторіи, человѣческихъ порывовъ въ защиту личности. Эта трепетная любовь къ человѣческой личности, къ ея самоцѣнности, къ ея святости — бьется и въ его, проникнутыхъ искреннимъ паѳосомъ, строкахъ, обращенныхъ къ «наукѣ криминалистовъ»: «по какому праву, на основаніи какихъ «экспериментальныхъ данныхъ» она проповѣдуетъ пользу или даже необходимость кары — она, «единственная наука, которая рекомендуетъ причиненіе страданія ближнему? Устрашительное наказаніе составляетъ порожденіе религіи страха, а не любви; поддерживать основанную на немъ систему могутъ только тѣ, кто вѣритъ въ силу проклятій больше, чѣмъ въ силу благословенія». [1]) Да и кто, и на основаніи какихъ данныхъ доказалъ, что индивидуумъ преступенъ, а не преступно то общество, которое его вскормило и давитъ въ

---

1) Вопросы вмѣненія и угол. отвѣтственности въ сборникѣ « Преступленіе какъ наказаніе », стр. 174 и 194.

своихъ тискахъ? — Ибо «не разлагается ли преступленіе все безъ остатка на составныя части, получающіяся отъ дурного примѣра въ окружающемъ, отъ малой заботливости о ближнемъ, отъ своекорыстія и эгоизма, лежащихъ въ основѣ существующаго экономическаго строя?» [1])

И горячая, протестующая любовь къ ближнему, къ святая святыхъ личной жизни, надъ которымъ измывается общество, само бросившее человѣка въ пучину, восклицаетъ: Преступленіе есть лишь наказаніе обществу, этому истинному, скрытому виновнику совершеннаго зла, — и если это общество дерзаетъ еще наказывать и причинять новыя и безцѣльныя страданія мнимому виновнику — то это наказаніе есть не что иное, какъ сугубое преступленіе того же общества. И потому-то общество не въ правѣ быть судьею... Это одна изъ цѣпей — быть можетъ, послѣдняя, формальнымъ закономъ ограждаемая, — которую надо снять съ личности, чтобы и здѣсь освободить ее отъ насильственно навязаннаго ей рабства. Не «грядущаго рабства», отъ котораго предостерегалъ человѣчество авторъ «Соціологіи», а настоящаго, подлиннаго, извѣчнаго.

Отъ этихъ мыслей — два пути къ совершенствованію, къ врачеванію зла. Одинъ — въ проповѣди, въ поученіи, во внѣдреніи въ человѣческія души «сочувствія», «жалости», въ «просвѣтленіи ума и сердца и очищеніи ихъ отъ неразумія и злобы». Другой — въ борьбѣ и защитѣ малыхъ сихъ всюду, гдѣ ихъ незаслуженно ущемила жестокая реальная жизнь. Первый есть путь гиганта мысли и слова, какимъ былъ Толстой, второй — путь скромныхъ поборниковъ любви къ человѣку на всѣхъ путяхъ ихъ обыденной дѣятельности. И можно, значитъ, не признавая права суда, бороться, въ фор-

1) Преступленіе какъ наказаніе. Кіевъ, 1908 г., стр. 29.

мѣ суда, въ защиту попираемой судомъ святыни — человѣческой личности. Форма суда является лишь орудіемъ — плохимъ, но единственнымъ въ нашихъ условіяхъ — для того, чтобы изнутри разрушить «грѣховное» учрежденіе, которымъ является судъ человѣка надъ человѣкомъ. Такъ именно смотрѣлъ на свою дѣятельность въ судѣ уголовномъ Гольденвейзеръ. И онъ не постѣснялся заявить объ этомъ публично въ самый торжественный день его адвокатской жизни, когда все сословіе, въ совершенно необычной по импозантности формѣ, праздновало день 35-лѣтія пребыванія его въ адвокатурѣ. «Судъ уголовный представляется мнѣ дѣломъ, не только превосходящимъ силы и способности человѣка, но и дѣломъ — въ виду цѣли его, заключающейся въ причиненіи ближнему страданій наказаніемъ, грѣховнымъ». [1]) И потому онъ въ теченіе всей своей 38-лѣтней адвокатской карьеры ни разу не принималъ на себя роли гражданскаго истца; потому онъ могъ еще недавно, недѣли за три до смерти, въ нашей дружеской бесѣдѣ, съ особою гордостью вспоминать, что, даже призванный исполнять гражданскій долгъ присяжнаго засѣдателя, онъ «не имѣлъ на совѣсти своей ни одного обвинительнаго приговора».

Такъ-то Гольденвейзеръ всю жизнь велъ дѣятельную проповѣдь идей яснополянскаго мудреца. Активная натура его и отчужденность отъ того источника, въ которомъ Толстой черпалъ вдохновеніе для теоріи «непротивленія злу», удержали его отъ слѣдованія за великимъ учителемъ на этомъ, наиболѣе рискованномъ, пути. Онъ бралъ у Толстого лишь общую идею, — въ живомъ родникѣ его моральной силы освѣжалъ свою любовь къ человѣку, вѣру въ его духовныя силы. Эту

---

[1]) Отчетъ распор. ком. консульт. прис. пов. Кіевъ, 1912 г., стр. 8.

общую идею онъ такъ для себя формулировалъ: «Надо духовнымъ свойствамъ сочувствія и безкорыстія взять верхъ надъ тѣлесными интересами, питающими злобу и мстительность. Въ этомъ и состоитъ «Воскресеніе»... Исторіей двигаетъ не умъ, а чувства... Воспитывать чувства человѣчества — вотъ величайшее изъ призваній».[1]) «Толстой вознесъ на новую высоту значеніе духовныхъ силъ человѣка и утвердилъ вѣру въ нихъ у своихъ слушателей, подвелъ подъ стремленія и надежды каждаго, среди моральныхъ шатаній и безнадежности матеріальныхъ требованій современнаго строя, прочную основу того властнаго сознанія у каждаго, что онъ самъ господинъ своего счастья, ибо для этого ему нужно лишь быть господиномъ своей души. Возвратить людей къ этому сознанію было такимъ даромъ для человѣчества, который въ проблемѣ счастья перевѣшиваетъ всѣ несмѣтныя матеріальныя цѣнности нашей эпохи». [2])

Въ мірѣ такихъ высокихъ помысловъ и мечтаній прожилъ Гольденвейзеръ, творя изо дня въ день свое незамѣтное обыденное дѣло. Свѣтъ этихъ идей проникалъ во всѣ движенія его души, — онъ невидимо разливался по всему его облику, онъ воспринимался безсознательно всѣми, кто къ нему приближался. Наружно всегда ровный, общительный, игриво-остроумный, онъ, казалось, скользилъ по всему окружающему, осторожно и снисходительно обходя всѣ мѣста, въ которыхъ могла потребоваться излишняя личная откровенность или черезчуръ суровая критика другихъ. Но и въ веселой искрящейся бесѣдѣ и въ теоретическомъ спорѣ, въ простыхъ житейскихъ замѣчаніяхъ, наконецъ, даже

---

1) Прест., какъ наказ., стр. 56, 61.

2) Рѣчь, посвященная памяти Толстого (произнесена въ собраніи кіевск. адвокат. 13 ноября 1910 г.).

въ минуты тихаго созерцанія природы — вы всегда чувствовали, что въ этомъ человѣкѣ есть нѣчто сверхъ того, что вамъ видится, и сверхъ того, что онъ самъ, раціонализируя и иронизируя надъ событіями и людьми, желалъ бы показать. И возбуждающій умственный турниръ, и радостное увлеченіе красотою природы, и даже непосредственное сердечное чувство — семейное, дружеское — не исчерпывали его. Что-то въ немъ было болѣе значительное, — какое-то прибѣжище, которое оставалось нетлѣннымъ и которое питало его вторую, невидимую жизнь. Я склоненъ думать, что и самъ онъ не зналъ — какъ не знаютъ многіе — что собственно было его главною, двигательною творческою силою. Онъ былъ увѣренъ, что его «раціональныя научныя воззрѣнія» только «сходятся тутъ» съ требованіями чьей-то чужой «религіозной морали». [1]) Онъ все оперировалъ разумомъ, а дѣйствовала въ немъ и производила чудеса обаянія — совѣсть, неусыпная мучительница и обновительница человѣческой души. Это она искала себѣ выхода черезъ разумъ, черезъ Спенсера, черезъ позитивизмъ, черезъ иронію и добродушную насмѣшку, черезъ критику науки криминалистовъ, черезъ изученіе демократическаго правосудія новаго свѣта, съ его «защитительными тенденціями», черезъ заботу и попеченіе объ осужденныхъ... Эта довлѣющая себѣ, сіяющая невидимыми для глазъ постороннихъ лучами счастья, духовная сила, придавала его блестящимъ,такимъ умнымъ глазамъ, ихъ привлекательную силу, озаряла блескомъ особаго достоинства эту красивую бѣлую голову: она-то налагала печать моральной непререкаемости на всѣ его поступки, она-то заставляла толпу разступаться передъ «одинокимъ» человѣкомъ. И ощущеніе этой

---

1) Вопросы вмѣненія, стр. 194.

особой силы сказалось въ трогательныхъ словахъ, которыми кіевская адвокатура, устами своихъ старѣйшинъ, прощалась съ нимъ недавно надъ свѣжею могилою: [1]) «Твое участіе подымало нашу групповую работу съ болота обывательщины и сообщало всему, къ чему ты прикасался, вѣяніе идеала. Тамъ, гдѣ ты появлялся, всегда начинали звучать въ нашихъ душахъ забытыя великія слова. Каждый изъ насъ въ твоемъ обществѣ чувствовалъ себя лучше и возвышеннѣе. Ты всегда и вездѣ будилъ въ насъ вѣчное».

Научныя заслуги Гольденвейзера не исчерпываются работою о философіи Спенсера, этюдомъ о «Воскресеніи» Толстого [2]) и лекціями о вопросахъ вмѣненія. Эти труды выдвинуты нами только, какъ главные элементы для уразумѣнія духовной сущности автора. Оцѣнка всей многосторонней литературной дѣятельности покойнаго не является задачей этихъ первыхъ, судорожно набросанныхъ, дружескихъ поминальныхъ строкъ. Достаточно будетъ потому сказать, что вся остальная писательская дѣятельность Гольденвейзера, даже въ области спеціальныхъ темъ, опредѣлялась въ большей или меньшей мѣрѣ все тѣми же запросами души. Такъ, забота о защитѣ соціально-слабыхъ элементовъ толкнула его на мысль изучить, еще въ концѣ 1880-хъ годовъ, наиболѣе совершенныя соціальныя законодательства Германіи и Англіи, и результатомъ этого труда явился рядъ докла-

---

1) См. Кіевск. Мысль, 26-го мая 1915 г. № 144: рѣчи прис. пов. Жеромскаго и Пересвѣтъ-Солтана.

2) Этюдъ этотъ переведенъ нынѣ почти на всѣ европейскіе языки. Англійскому переводу предпослано письмо Толстого къ переводчику. Очень интересное письмо Толстого къ самому А. С., за которымъ послѣдовало и личное знакомство съ Толстымъ (въ 1908 г. А. С. ѣздилъ въ Ясную Поляну), напечатано въ особомъ изданіи книги « Преступленіе, какъ наказаніе », поднесенномъ кіевскою адвокатурою Гольденвейзеру, въ качествѣ юбилейнаго дара, ко дню 35-лѣтія адвокатской дѣятельности.

довъ въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ и появленіе въ свѣтъ двухъ книгъ о соціальныхъ реформахъ обѣихъ странъ. [1]) Интересъ къ вопросамъ наказанія, обусловившій дѣятельное участіе его въ мѣстномъ обществѣ патроната, вызвалъ повторныя поѣздки на пенитенціарные конгрессы въ Зап. Европу и въ Америку, въ результатѣ которыхъ появился рядъ изслѣдованій о современной системѣ наказаній, о пенитенціарныхъ учрежденіяхъ Америки, о демократическомъ правосудіи, объ американской адвокатурѣ и др. [2]) Адвокатурѣ посвящена, между прочимъ, и статья, помѣщенная въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1897 г. и удаляющаяся отъ прежнихъ темъ Гольденвейзера: она представляетъ собою одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и горячихъ памфлетовъ по вопросу объ ограниченіи у насъ доступа въ адвокатуру евреямъ. Статья начинается съ исторической реминисценціи о томъ, какъ авторитетный австрійскій юристъ 18-го столѣтія, Кохъ, отстаивалъ противъ Беккарія пытку, съ условіемъ «wenn nur menschlich torquirt werde», и заканчивается мастерскимъ изображеніемъ горечи тѣхъ отбираемыхъ въ составъ процентной нормы евреевъ, которые не могутъ не ощущать, что ихъ принимаютъ, «точно исцѣлившихся отъ заразы», или только «какъ сносную часть неизбѣжнаго зла». «Слѣдовало бы

---

1) « Соціальное законодательство Германской Имперіи » (Кіевъ, 1890) и « Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи » (Кіевъ, 1891).

2) « Современная система наказаній и ея будущность по трудамъ парижскаго пенитенціарнаго конгресса » (Кіевъ, 1896 г.); « О международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ »(Кіевъ, 1911 г.); « Вопросы о малолѣтнихъ на международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ » (Кіевъ, 1911 г.); « Исправительныя заведенія въ Сѣв. - Америк. Штатахъ »; « Характерныя черты демократическаго правосудія »; « О судебныхъ порядкахъ и адвокатурѣ въ Соед. Штатахъ » — послѣдніе три очерка вошли въ сборникъ « Преступленіе, какъ наказаніе » Кіевъ, 1908 г.

подумать: это одно — что за пытка! Или, быть можетъ, полагаютъ, что этихъ людей подвергать пыткѣ можно, если только пытать по-человѣчески?»

Въ области гражданскаго права перу Гольденвейзера принадлежитъ, — кромѣ раннихъ изслѣдованій, [1]) — особенно для насъ цѣнный очеркъ: «Мнимая защита слабыхъ въ проектѣ гражд. уложенія». Попытка перестройки нашихъ гражданско-правовыхъ отношеній пробудила въ юристѣ-соціологѣ и на этомъ поприщѣ вниманіе къ проблемамъ соціальной справедливости, и онъ тщательно прослѣживаетъ на всемъ протяженіи проекта отсутствіе заботливаго вниманія составителей къ участи тѣхъ, кто и безъ того обойденъ условіями общественнаго уклада. Гражданское право, въ его непосредственномъ повседневномъ практическомъ примѣненіи, мало давало простора для приложенія его реформаторскихъ наклонностей. Постепенное внѣдреніе моральныхъ началъ въ норму закона,при его истолкованіи,шло для него слишкомъ медленно, — темпъ еро души былъ живѣе, голосъ совѣсти громче и настоятельнѣе. Онъ потому не могъ мириться съ неизбѣжнымъ консерватизмомъ гражданско-правовыхъ нормъ и корилъ судъ гражданскій — корилъ несправедливо — за то, что «онъ устанавливаетъ, собственно, не кто изъ спорящихъ правъ, а на чьей сторонѣ законъ» .[2]) Но и въ этой нетерпѣливой укоризнѣ слышится лишь тотъ же горячій, неизмѣнный призывъ къ болѣе глубокой, до корней жизни уходящей справедливости, все та же безконечная любовь къ человѣку, все та же вѣра въ его духовную цѣнность, все та же мечта объ его счастьѣ...

С. Новотроицкое (Тверской губ.), 1915 г.

---

1) Сѣв. Вѣстн., 1897, дек., стр. 53.

2) Рѣчь 28 ноября, 1911 г. въ « Отч. Расп. Ком. », стр. 8.

ИНСТИНКТЪ ПРАВОТВОРЧЕСТВА.

(Н. Н. Мясоѣдовъ)

Въ сентябрѣ этого года сошелъ въ могилу Николай Николаевичъ Мясоѣдовъ, первоприсутствующій въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ сената. Я едва ли ошибусь, если скажу, что на высшей ступени нашей гражданской юстиціи еще никогда не стояла фигура столь характерная, столь заслуживающая воскрешенія въ памяти современниковъ и увѣковѣченія въ памяти потомства, какъ Н. Н. Мясоѣдовъ. Судья, и особливо высокоодаренный судья, есть тотъ-же художникъ въ области творчества права. Онъ творитъ его изо-дня въ день, — но съ прекращеніемъ пульса жизни исчезаетъ память о его трудахъ, какъ затихаютъ чарующіе звуки со смертью виртуоза. Даже кассаціонный судья, даже первенствующій между ними, переживаетъ себя развѣ въ скромныхъ заголовкахъ немногочисленныхъ предаваемыхъ гласности кассаціонныхъ рѣшеній, но и тамъ имя его является свидѣтелемъ не индивидуальнаго творчества, а только участія въ совокупномъ творчествѣ коллегіи. Да и при жизни, кто ихъ знаетъ, кто къ нимъ присматривается, — къ этой огромной арміи людей, накопляющихъ, точно муравьи, изо дня въ день мелкими крупицами огромную сокровищницу правового опыта страны, — кто интересуется индивидуальными чертами ихъ творчества? По линіи криминальной юркій прокуроръ выдѣлится еще изъ об-

щаго фона, проскочитъ въ высшій, подчасъ и въ министерскій, рангъ; ретивый предсѣдатель политическихъ процессовъ запишетъ, быть можетъ, свое имя — не всегда во хвалу себѣ въ глазахъ потомства — въ лѣтописи исторіи. Но гражданскій судья, этотъ бѣлый негръ судебной семьи, въ тиши творящій свое дѣло, — кто его замѣтитъ? Было время, когда этотъ сѣрый, будничный тонъ дѣятельности скрадывался. Тихая обитель судебнаго творчества озарялась и согрѣвалась тогда особымъ свѣтомъ. Судебная власть была возведена на степень самодовлѣющей, третьей державы, и этотъ державный, независимый характеръ ея отпечатлѣвался въ душѣ каждаго изъ носителей ея. Судебное дѣло было не службою, а культомъ. Каждый винтикъ въ машинѣ, какъ бы ни была незначительна его функція, чувствовалъ себя причастнымъ къ грандіозной работѣ, вознесеннымъ на особую высоту: и онъ былъ призванъ искоренять неправду черную дореформенной жизни, и онъ стоялъ горделивый, независимый, рядомъ съ властью исполнительною, подчиненный только закону и своей совѣсти. Этимъ сознаніемъ скрашивалась жизнь, имъ пропитывались навсегда тѣ, кому тогда приходилось начинать жизненный путь. То было раннею весной... Въ эту именно весну началъ свою дѣятельность и Н. Н. Мясоѣдовъ.

Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто участвовалъ въ созданіи судебныхъ уставовъ; онъ не былъ и членомъ столичныхъ юридическихъ кружковъ, которые готовили первыхъ піонеровъ новаго суда; онъ не входилъ въ тотъ избранный кругъ людей, молодыхъ и старыхъ, которымъ власть, съ выборомъ отыскивая первыхъ отвѣтственныхъ исполнителей, ввѣряла руководство новымъ судомъ. Воспитанникъ петроградскаго университета, онъ незамѣтно проходилъ въ глухой

провинціи первыя ступени судебной службы, въ то время когда здѣсь, въ столицѣ, кипѣло идейное воодушевленіе около вновь возводимаго зданія. Но природныя данныя его были таковы, онъ такъ полно вмѣщалъ тѣ душевныя силы, которыхъ требовало себѣ новое дѣло, что, казалось, силою естества, не взирая на всѣ преграды, онъ долженъ былъ рано или поздно оказаться тамъ, гдѣ оказался, — во главѣ угла. И чудилось потомъ, будто такъ онъ стоялъ тутъ съизначала, — могучая каріатида, подпирающая главный фасадъ новаго зданія. И страшно было подумать, что станется, когда эта глыба рухнетъ, и послѣ нея останется пустое мѣсто...

Мнѣ неизвѣстна въ деталяхъ служебная линія, по которой двигалась карьера Мясоѣдова до поступленія его въ сенатъ. Оно, впрочемъ, и неважно, ибо онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не мѣняютъ своего облика по мѣрѣ передвиженія по іерархической лѣстницѣ. Я засталъ его во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ уже въ сенатѣ, человѣкомъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ — ему не было тогда пятидесяти — здоровымъ, широкоплечимъ, съ черною, какъ смоль, бородою и волосами, съ сильнымъ энергичнымъ лицомъ полутатарскаго типа, съ рѣзкимъ голосомъ, нѣсколько угловатыми движеніями и особенною, совершенно непередаваемою простотою пріемовъ рѣчи и обращенія, не вполнѣ гармонировавшими съ золотымъ шитьемъ мундира и звѣздами на груди. Эта особенная, нѣсколько мужиковатая, ни въ малѣйшей мѣрѣ не дѣланная, простота, — этотъ натуральный, во всемъ естественномъ цвѣтѣ и безъ всякихъ непріятныхъ рѣзкостей, глубокій демократизмъ не только манеръ, но и всего душевнаго склада, былъ — если не самою важною — то самою замѣтною, рѣзче всего бросавшеюся въ глаза чертою Мясоѣдова. Это не была простота корректнаго джентль-

мена, благовоспитанно и снисходительно низводящаго себя до уровня тѣхъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ стихійно не могъ дѣлать различія между людьми, ибо онъ младенчески не ощущалъ разницы между ними. Онъ былъ всегда съ ними заодно, ему неоткуда было и некуда снисходить. Если онъ не былъ лицепріятенъ, пристрастенъ, то это, если хотите, даже ему какъ будто и въ заслугу нельзя было ставить. Онъ не могъ быть инымъ, — не могъ по природѣ, по всему естеству своему. Чѣмъ бы онъ ни былъ, куда бы его судьба ни бросила, онъ былъ бы таковъ; а на нивѣ суда, на вновь вспахиваемой цѣлинѣ реформированнаго судебнаго строя, это сѣмя должно было принести особенно богатый, сочный плодъ. И таковъ онъ остался до конца дней. И несмотря на хмурое съ виду лицо, на рѣзкую, отрывистую рѣчь, на нависшія какъ будто сердито надъ узкими черными глазами брови, — не было человѣка, который бы послѣ первой же минуты бесѣды съ нимъ не почувствовалъ этого особаго обаянія простоты, того искренняго, глубокаго благодушія, которое свойственно только истинно крѣпкимъ, здоровымъ натурамъ. Сколько разсказовъ, почти легендарныхъ, связывалось съ этою особою простоватою манерою покойнаго. Я помню переданный мнѣ тогда же, еще на свѣжей памяти, разсказъ о томъ, какъ Мясоѣдовъ, будучи предсѣдателемъ гражданскаго департамента судебной палаты здѣсь, въ Петербургѣ, вступилъ на имперіалѣ конки (а онъ иначе не ѣздилъ, какъ на имперіалѣ конки, даже когда былъ первоприсутствующимъ) въ собесѣдованіе съ сидѣвшими рядомъ съ нимъ мужичками, пріѣхавшими въ Петербургъ хлопотать по дѣлу, и выслушалъ отъ нихъ, не знавшихъ, конечно, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, отборную ругань по своему же адресу за медленность; онъ предложилъ мужичкамъ помочь имъ одолѣть предсѣдателя,

тотчасъ отправился со всею этою свитою въ палату и, къ удивленію остолбенѣвшихъ мужичковъ, разнесъ канцелярію, а мужичковъ удовлетворилъ и отпустилъ домой въ деревню. Такихъ и еще болѣе характерныхъ анекдотовъ всякій, приходившій въ столкновеніе съ Мясоѣдовымъ, знаетъ немало. Та же простота сказывалась и во всѣхъ привычкахъ, во всемъ обиходѣ. Кому не довелось хоть разъ быть въ квартирѣ бывшаго первоприсутствующаго гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Мясоѣдова, тотъ едва ли сумѣетъ себѣ представить, до какой степени не было соотвѣтствія между этимъ пышнымъ титуломъ и всѣмъ естествомъ его носителя. Мнѣ пришлось одинъ разъ, не помню по какому случаю, навѣстить его на дому. Адресъ былъ очень сложный, мы съ извозчикомъ еле разыскали маленькую уличку или переулокъ на Петербургской сторонѣ. По номеру я могъ опредѣлить домъ, но все же съ сомнѣніемъ вступилъ, разыскивая швейцара, на крыльцо жалкаго деревяннаго домика. Швейцара не оказалось, не по случайности, однако, а по естеству: съ этимъ крыльцомъ, съ этой лѣстницей рѣзко дисгармонировала бы фигура какого ни на есть, хоть самаго непрезентабельнаго швейцара. На лѣстницѣ много дверей—все маленькія, маломѣщанскія квартиры — и среди многихъ обитыхъ продранной клеенкой дверей пришлось долго искать дверь первоприсутствующаго. Мѣдныхъ досокъ на дверяхъ нѣтъ; послѣ внимательнаго осмотра, на одной оказалась самодѣльная круглая деревяшка, и на ней чернилами написано, рукою первоприсутствующаго: Мясоѣдовъ. Я позвонилъ; открыла какая-то барышня, должно быть, дочь, а черезъ минуту появился въ передней и самъ хозяинъ, радушно сталъ стаскивать съ меня пальто и изъ маленькой тѣсной передней повелъ къ себѣ въ «покои».

Это собственно былъ одинъ покой, который не знаю, какъ назвать. Диванъ и нѣсколько стульевъ около круглаго стола давали ему тонъ гостиной; у стѣны простой письменный столъ съ грудой дѣлъ въ синихъ папкахъ показывалъ, что сіе есть и кабинетъ, гдѣ первоприсутствующій работаетъ; остальная часть комнаты была занята большимъ открытымъ роялемъ: у него, видимо, проводилъ часы отдыха Мясоѣдовъ, предаваясь второй своей страсти — музыкѣ...

Пора, впрочемъ, быть можетъ, вернуться и къ первой его страсти, къ той, которая роднитъ его ближе съ нами, юристами, — страсти, которой онъ отдалъ всю свою трудовую жизнь. Эта страсть — служба правосудію — требовала отъ него, какъ и отъ всѣхъ, прежде всего независимости. Но ему было такъ необычайно легко быть независимымъ. Человѣкъ такой прозрачной искренности и простоты не могъ ни передъ кѣмъ гнуть спину, онъ ставилъ себя естественно и непререкаемо внѣ всякой зависимости не только отъ давленія офиціальнаго, въ сферѣ служебной, но и отъ самаго обычнаго давленія внѣшнихъ условностей, общественнаго мнѣнія. Казалось, на него безполезно и было бы давить, гнуть его,—онъ бы просто не понялъ, чего отъ него хотятъ. А понявъ, гулко, по-дѣтски расхохотался бы и съ улыбкой, внѣшнимъ жестомъ отмахнулся. Онъ слушалъ очень охотно всѣхъ, къ нему обращавшихся, — положеніе кассаціоннаго судьи и даже предсѣдателя никогда не служило ему отговоркой: онъ предоставлялъ излагать и запретное для кассаціоннаго судьи « существо дѣла» — слушалъ, пристально вглядѣвшись въ стѣнку, пока не уловилъ сути; но улавливалъ быстро, какимъ-то здравымъ инстинктомъ нащупывалъ правовой нервъ, а разъ его нащупавъ, останавливалъ изліянія, — въ двухъ-трехъ краткихъ, ляпидарныхъ, мѣткихъ

фразахъ опредѣлялъ свой выводъ, и для него дѣло было кончено. Вы могли съ нимъ дальше спорить, могли его и переубѣдить, но всякія просьбы, давленія уже отъ него отскакивали; противъ того, что ему подсказывала совѣсть, онъ самъ уже не могъ ничего сдѣлать. Ибо — и это самое существенное изъ всего, что я знаю и могу сказать о Мясоѣдовѣ — у него былъ, несомнѣнно, въ наивысшей мѣрѣ развитой талантъ инстинктивно наскакивать на ту юридическую сердцевину вопроса, изъ которой уже, какъ изъ клубка, вились затѣмъ логическія нити къ закону и конкретному случаю. Въ этомъ была, если хотите, его faculté maîtresse, она же faculté maîtresse всѣхъ великихъ художниковъ въ примѣненіи права, отъ римскихъ юристовъ до нашихъ дней. Я готовъ думать, что въ области теоретической подготовки онъ не обладалъ большимъ запасомъ знаній, чѣмъ обычный нашъ судья. Но онъ и безъ этого запаса инстинктомъ взбирался на самые высокіе и отвѣтственные пункты юридической абстракціи, не теряя, однако, никогда связи съ тѣмъ конкретнымъ, живымъ сцѣпленіемъ фактовъ, изъ котораго вышелъ, отъ котораго получилъ толчекъ. Это сказывалось въ нѣсколько подчеркнутомъ, быть можетъ, вниманіи къ существу дѣла, — иногда могло сказаться и въ самомъ рѣшеніи нѣсколько чрезмѣрное тяготѣніе къ этому существу. Но, въ общемъ, воздѣйствіе существа, живое созерцаніе факта шло не далѣе тѣхъ предѣловъ, которые съ неизбѣжностью указуются и кассаціонному судьѣ, если кассаціонное творчество желаетъ исполнить истинную свою функцію: кристаллизовать на мигъ живую, текучую матерію права, а не умерщвлять его, сковывая лишь одною мертвящею схемою логически связанныхъ формулъ.

И какую огромную часть этого правотворческаго труда нашего высшаго судилища онъ одинъ несъ на своихъ

плечахъ... Когда недоставало знатоковъ Наполеонова кодекса, онъ, никогда не служившій въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ дѣйствовалъ кодексъ, изучилъ его и сталъ однимъ изъ лучшихъ, всегда желанныхъ докладчиковъ по польскимъ дѣламъ. Когда въ девятидесятыхъ годахъ сенатъ оказался заваленнымъ безнадежною, все возраставшею грудою неразрѣшенныхъ дѣлъ, когда всѣ мечты о скорости правосудія разбивались объ эту грань, возвращая мысль къ старому дореформенному времени, а оберъ-прокуроры одинъ за другимъ уходили съ мѣстъ, оставляя только все большіе залежи, — онъ одинъ, старый уже, 15 лѣтъ просидѣвшій на курульномъ креслѣ, сенаторъ взялъ на себя тотъ трудъ, который оказался непосильнымъ для болѣе молодыхъ. Сталъ оберъ-прокуроромъ, энергично двигалъ, распредѣлялъ, а главное, самъ перемалывалъ огромныя груды бимагъ, изъ сидячей перешелъ въ стоячую магистратуру, выступалъ не только въ департаментѣ, но и въ отдѣленіяхъ, становился у пюпитра и, несмотря на нѣкоторый природный дефектъ рѣчи, — онъ слегка заикался — съ жаромъ произносилъ заключенія, всегда дѣльныя, вѣскія, сильныя здравымъ жизненнымъ чутьемъ и несокрушимою логикою. И авторитетъ этихъ заключеній былъ безпримѣренъ въ исторіи сената.

Изъ оберъ-прокуроровъ онъ перешелъ затѣмъ въ первоприсутствующіе, но и здѣсь, главенствуя въ сенаторской коллегіи, продолжалъ быть въ то же время и руководителемъ и чернорабочимъ: не заставлялъ никого бѣгать къ себѣ на домъ, самъ почти каждый день являлся въ сенатъ, проглатывалъ исполинскую массу дѣлъ, самъ писалъ рѣшенія, самъ — чего никогда раньше не дѣлали первоприсутствующіе — докладывалъ наиболѣе трудныя дѣла. Трудоспособность у него была какая-то необычайная, богатырская; она и

сочеталась гармонически съ его богатырскою фигурою, съ мощнымъ голосомъ, съ рѣшительными движеніями. Это даже не просто трудоспособность, а какая-то особая пріятная легкость, рѣзвость въ работѣ; и чѣмъ труднѣе работа, тѣмъ рѣзвѣе онъ брался за нее. Точно гигантъ, огромные камни, какъ былинки, перекидывающій. Огромное, многотомное. застарѣвшееся дѣло докладывалъ съ особымъ необычайнымъ смакомъ и наивно по-дѣтски улыбался, когда удавалось ему доложить весь экстрактъ въ малое число минутъ. Въ совѣщательной комнатѣ, говорятъ, особенно горделиво подчеркивалъ, что огромное дѣло конки съ городомъ доложилъ въ 33 минуты! А доклады эти были прямо мастерскіе: краткіе, рельефные, живые, исполненные интереса самого докладчика и приковывающіе къ себѣ интересъ всѣхъ слушателей.И здѣсь сказывался все тотъ же талантъ: съ размаху наскочить на самое существенное, на сердцевину, не упускать ея уже во всѣхъ перипетіяхъ процесса, не затемняя ее ни лишнею фразою, ни педантическимъ перечитываніемъ банальныхъ судопроизводственныхъ бумагъ. Все шло живо, естественно двигалось и росло, юридическое отношеніе выростаро вновь въ судебномъ залѣ, какъ оно сложилось въ жизни, и заостряло вниманіе къ вѣнчанію дѣла, къ рѣшенію, — заостряло не только у публики, но, что гораздо важнѣе и, увы, часто гораздо болѣе необходимо, заостряло вниманіе къ дѣлу и у самихъ судей.

Въ качествѣ первоприсутствующаго онъ, впрочемъ, докладывалъ меньше, а по преимуществу долженъ былъ руководить судебнымъ засѣданіемъ. Руководство это состояло въ томъ, что онъ провозглашалъ заголовокъ дѣла и въ концѣ читалъ резолюцію; все остальное время слушалъ, никого не стѣсняя въ изложеніи его мысли, не перебивая, не пытаясь насильно втискивать мысли гово-

рящаго въ угодныя ему, первоприсутствующему, рамки, не надѣвая на него шоръ по своей мѣркѣ. Этому искусству слушать, слѣдить за чужою мыслью по ея собственному руслу, еще такъ мало кто у насъ наученъ. Мясоѣдовъ обыкновенно слушалъ, выводя карандашемъ какіе-то незамысловатые узоры на листѣ бумаги, то и дѣло поднимая голову, при каждомъ новомъ поворотѣ рѣчи, при каждомъ намекѣ, толкающемъ мысль въ новомъ направленіи. И говорившій передъ нимъ безошибочно ощущалъ, что эта наклоненная надъ узорами голова работаетъ вмѣстѣ съ нимъ, ни на минуту его не оставляя, что она открыта для его словъ, для убѣжденія, что оба они дѣлаютъ одно общее дѣло. И тяжущійся уходилъ съ успокоенной совѣстью, увѣренный, что его жизненные интересы не поставлены въ зависимость отъ случая, отъ настроенія, отъ нервовъ, отъ дурного пристрастія, и что единственное, что ему грозитъ, — это отсутствіе отзвука его словамъ въ чистой совѣсти судьи.

Таковъ былъ Мясоѣдовъ, какъ судья. Онъ участвовалъ и въ законодательной работѣ — впрочемъ, только въ подготовительной стадіи: въ комиссіи по пересмотру уставовъ и въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Сабурова о реформѣ сената. Почему его не привлекли къ настоящей законодательной дѣятельности на старости лѣтъ, когда болѣе молодые и безспорно менѣе достойные его товарищи уже давно перекочевали въ государственный совѣтъ, и когда реформированный государственный совѣтъ нуждался въ дѣльныхъ и опытныхъ людяхъ, — это остается неразгаданной тайной. Злые языки говорятъ, что онъ для этого слишкомъ много смолоду впивалъ въ себя старомодныхъ завѣтовъ и особенно не могъ излечиться отъ самой вредной привычки — быть независимымъ. Въ трудахъ комиссіи по пере-

смотру, судебныхъ уставовъ слѣдъ его дѣятельности замѣтенъ почти во всѣхъ отдѣлахъ судоустройства и гражданскаго процесса. Слишкомъ долго было бы подбирать отдѣльныя его замѣчанія, особыя мнѣнія, хотя они въ совокупности несомнѣнно отразили бы тотъ же образъ праведнаго, независимаго судьи, старающагося пронести нетронутыми, среди натиска разрушенія, самые драгоцѣнные завѣты судебныхъ уставовъ. Я приведу только, какъ характерное для широты его общественнаго кругозора, мнѣніе по вопросу, всплывшему теперь лишь на общественную поверхность, — по вопросу о женской адвокатурѣ. Это было не только особое, но и совершенно одинокое мнѣніе. И онъ его, однако, не только высказалъ и поддержалъ, но и подробно изложилъ и къ журналу представилъ. Рѣчь шла о предоставленіи женщинамъ права занятія частною адвокатурою, объ уничтоженіи запрета, ясно выраженнаго въ нынѣ дѣйствующемъ законѣ. Мясоѣдову возражали, «что означенное запрещеніе вызвано общей государственной мѣрой, принятой по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ въ Высочайшемъ присутствіи Его Императорскаго Величества, коей опредѣленъ кругъ полезной для государства и для общества дѣятельности женщинъ». Потому де, до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ томъ же порядкѣ оный кругъ расширенъ, не слѣдуетъ трогать и вопроса о женской адвокатурѣ. Мясоѣдовъ резонно на это отвѣтилъ, что «высказать свое свободное сужденіе о томъ, насколько удержаніе или отмѣна отдѣльныхъ законоположеній, вызванныхъ общей государственной мѣрой, но относящихся къ судебному дѣлу, согласуются съ проектируемымъ судебнымъ строемъ — составляетъ прямую обязанность комиссіи, по ея назначенію». Онъ указываетъ потому, что общая мѣра, которая принята была болѣе 25 лѣтъ назадъ, не коренится въ какихъ-либо не-

преложныхъ и устойчивыхъ положеніяхъ, а обусловлена временнымъ состояніемъ общества; что за послѣднее время уровень общаго образованія женщинъ значительно поднялся, и къ пріобрѣтенію ими юридическихъ познаній открытъ тотъ же доступъ, какой имѣютъ и мужчины внѣ университетовъ; что допущеніе женщинъ къ адвокатской дѣятельности не принесетъ послѣдней, по меньшей мѣрѣ, никакого ущерба. Заканчивается это обширное особое мнѣніе не лишеннымъ язвительности указаніемъ на то, что «не только не имѣется на лицо положительныхъ причинъ недопущенія женщинъ къ адвокатурѣ, но что опытъ показываетъ, что во многихъ случаяхъ женщины, предоставленныя собственной иниціативѣ, справляются съ такъ называемыми «дѣлами» по управленію имѣніями и даже по приведенію въ порядокъ цѣлыхъ состояній, разстроенныхъ ихъ мужьями, вполнѣ удовлетворительно». Это было писано 10 лѣтъ тому назадъ, въ самую мрачную эпоху девятидесятыхъ годовъ.

Въ комиссіи о реформѣ сената Мясоѣдова интересовалъ вопросъ объ улучшеніи личнаго состава сената. Онъ настаивалъ на устраненіи вмѣшательства министерства юстиціи въ назначеніе сенаторовъ и на предоставленіи самому сенату права кооптировать сенаторовъ изъ состава чиновъ палаты, которыхъ сенатъ лучше всего знаетъ по доходящимъ до него рѣшеніямъ. Въ болѣе широкомъ стилѣ была предположена другая часть реформы сената: предлагалось предоставить сенату право самостоятельной законодательной иниціативы, съ чѣмъ связывалось, сообразно съ условіями прежняго государственнаго строя, право непосредственнаго Высочайшаго доклада всѣхъ первоприсутствующихъ сената. Детали работъ Мясоѣдова въ этой области, впрочемъ, мало извѣстны, такъ какъ участіе его ограничилось рабо-

тою комиссіонною, а ходъ работъ комиссіи не преданъ пока гласности.

Впрочемъ, долженъ сознаться, вся эта часть дѣятельности Мясоѣдова, хотя съ виду болѣе общая и широкая, кажется мнѣ не столь важною, какова бы ни была широта его реформаторскаго размаха, и даже если бы этотъ размахъ захватилъ болѣе обширныя области общественной жизни. Мясоѣдовъ былъ судья, прежде всего судья. Въ немъ была та искра Божья, которая зажигается отъ прикосновенія съ неправдою въ живомъ конкретномъ ея воплощеніи, освѣщая путь къ истинѣ и справедливости. И этотъ священный даръ природы онъ сумѣлъ не разронять, не принизить, а наоборотъ, укрѣпить и возвеличить, благодаря своей простой, но глубокой, непреодолимой вѣрѣ въ равенство всѣхъ людей и въ особую цѣнность истинной, внутренней свободы и независимости. А эти данныя, при исполинской его трудоспособности и неисчерпаемой любви къ труду, при вѣрѣ въ огромную государственную цѣнность культурнаго труда, дали ему возможность накопить для насъ и для нашего потомства снаружи незамѣтный, лишенный марки личнаго творчества, но въ сущности огромный вкладъ въ исторію русскаго правосудія.

Петербургъ, 1908 г.

ІОСИФЪ ИВАНОВИЧЪ КАРНИЦКІЙ.

Третій, послѣдній предсѣдатель нашей кодификаціонной комиссіи сошелъ недавно въ могилу.

Будутъ ли труды комиссіи увѣнчаны окончательнымъ успѣхомъ, или нѣтъ — тридцатилѣтняя государственная работа въ отвѣтственнѣйшей области законодательнаго творчества является уже сама по себѣ значительнымъ этапомъ въ культурной жизни страны. Пора поэтому, казалось бы, вывести на свѣтъ гласности исторію самой работы и, особенно, фигуры главныхъ ея участниковъ, — пока онѣ еще живы въ воспоминаніяхъ современниковъ.

Три предсѣдателя, — Стояновскій, Книримъ и Карницкій, — точно три разнородныхъ историческихъ пласта въ основѣ крупнаго историческаго монумента.Одинъ — старый русскій бюрократъ либеральнаго покроя, проведшій полъ-жизни на службѣ въ дореформенную эпоху, ловкій царедворецъ, оберегающій новаторовъ комиссіи отъ косыхъ взглядовъ реакціоннаго начальства, всегда равномѣрно благодушный, съ неизмѣнной улыбкой на заплывшемъ, всегда чисто, на американскій манеръ, выбритомъ лицѣ, — своими воззрѣніями связанный со сводомъ законовъ, при нарожденіи котораго самъ еще юношей присутствовалъ, и съ русскими судебными прецедентами, въ созданіи которыхъ — и до и послѣ реформы — самъ принималъ участіе. Второй —

нѣмецъ по происхожденію, съ нѣмецкою методичностью и склонностью къ доктринѣ, искренній, прямой и рѣзкій, безконечно-преданный единственному дѣлу его жизни, закону и суду, съ виду невзрачный, угловатый, въ синихъ очкахъ, съ взъерошенной рыжеватой бородкою , съ простыми, неловкими манерами — захудалый нѣмецкій профессоръ, а не сановникъ — въ дни юности одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ работниковъ надъ судебною реформою, затѣмъ лучшій ея проводникъ на разныхъ ступеняхъ судебной іерархіи, вплоть до кассаціоннаго сената, — основатель и главный сотрудникъ одного изъ первыхъ нашихъ юридическихъ журналовъ, поклонникъ германской юриспруденціи, до конца дней расширявшій и углублявшій свои познанія въ ней и ее по преимуществу клавшій во главу своихъ кодификаторскихъ обобщеній. Превосходный организаторъ въ столь сложномъ и необычномъ для насъ дѣлѣ, какъ построеніе цѣльнаго кодекса на началахъ не только нашего, но и всемірнаго ученаго и судебнаго опыта, — онъ являлся центральною осью всей кодификаціонной работы, отъ начала и почти до самаго конца ея. Года за три до окончанія работъ Книримъ заболѣлъ и съ этого времени на мѣсто его сталъ — сначала фактически, а затѣмъ, по смерти Книрима, и оффиціально — долголѣтній товарищъ его по работѣ, Іосифъ Ивановичъ Карницкій.

Полякъ по происхожденію, католикъ по вѣрѣ, французъ по воспитанію и вкусамъ, онъ являлся какъ бы нарочитымъ дополненіемъ двухъ своихъ предшественниковъ. Уроженецъ Витебской губерніи, сынъ высокаго польскаго сановника (предсѣдателя стараго государственнаго совѣта въ Варшавѣ), Карницкій для полученія образованія отправленъ былъ въ Парижъ, гдѣ двадцати лѣтъ отъ роду, въ 1861 году, окончилъ курсъ École de

droit. Нѣкоторое время затѣмъ прослужилъ при польскихъ судахъ, а въ концѣ семидесятыхъ годовъ, по введеніи судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ, появился въ Петербургѣ и здѣсь уже провелъ всю свою дѣловую жизнь.

Высокій, стройный, съ нѣсколько вздернутой головой, съ густыми шляхетскими усами, съ мягкими, голубыми привѣтливыми глазами, моложавый даже въ старости, уравновѣшенный и общительный, онъ имѣлъ въ себѣ нѣчто отъ французскихъ маркизовъ эпохи Людовиковъ и отъ польскихъ магнатовъ временъ Рѣчи Посполитой. Маленькая холостая квартира, изящная въ простотѣ своей, съ Наполеономъ и другими царственными миніатюрами и портретами на стѣнахъ, съ неизмѣннымъ старымъ польскимъ слугою Ипполитомъ, каждый разъ вызываемымъ изъ кухни при выходѣ посѣтителей, прикладывавшимся еще къ ручкѣ бариновыхъ гостей — переносила васъ въ обстановку добраго стараго времени, въ старый, покойный барскій деервенскій домъ. Неподалеку маленькій костелъ св. Станислава, точно домовая церковь, усердно посѣщаемая и бариномъ и слугою. Въ просторномъ кабинетѣ книгъ немного, — только самое необходимое: нѣсколько классическихъ авторовъ, съ которыми хозяинъ смолоду сросся, — какъ подобаетъ свѣтскому образованному человѣку, не гоняющемуся за книгою вообще, но смакующему одну хорошую книгу. Онъ не книжный педантъ, хотя какъ будто все знаетъ — о новомъ и старомъ. Ему достаточны для этого его старые французскіе юристы, отъ которыхъ онъ нѣкогда крѣпко усвоилъ основы гражданско-правовыхъ институтовъ; все остальное, все новое уже легко, безъ особаго углубленія, по бѣглому знакомству, иногда по наслышкѣ, укладывается въ старыя рамки, при прирожденной ясности мысли и здоровомъ жизнен-

номъ тактѣ. Онъ никогда не переубѣждалъ никого ссылками на тексты, на авторитеты. Каждый вопросъ отводился привычнымъ, смолоду усвоеннымъ методомъ, въ его основное русло, и всякія уклоненія отъ основной линіи принимались уже или отвергались по непосредственному здравому смыслу. Таковъ былъ его методъ, оказавшійся убѣдительнѣйшимъ въ той средѣ, въ которой приходилось ему дѣйствовать — въ средѣ нашихъ, неперегруженныхъ наукою администраторовъ, законодателей и судей. И спорилъ-то онъ и аргументировалъ по здравому смыслу тоже какъ-то особенно. Это былъ не споръ въ истинномъ смыслѣ, а пріятная, изящная, подчасъ юморомъ заправленная causerie, никогда не затягивавшаяся и не доходившая ни до скуки, ни до раздраженія, ибо хозяинъ мастерски умѣлъ ее останавливать и незамѣтно, точно сдаваясь, переводить разговоръ на другіе рельсы, какъ только онъ грозилъ надоѣсть или перейти въ рѣзкое столкновеніе мнѣній. О подлинномъ «спорѣ» съ нимъ не могло быть и рѣчи. Даже когда онъ, предсѣдательствуя въ юридическомъ обществѣ, имѣлъ передъ собою рѣзко расходящіяся мнѣнія, всѣ расхожденія оказывались въ его заключеніи такъ близки, такъ одинаково законны, что противники, глядя на его привѣтливые глаза, слушая его ласковую, — такую, казалось, наивно-простую — рѣчь, д о л ж н ы были уходить примиренные, объединенные, — ибо это гармоническое объединеніе свѣтилось такъ живо и убѣдительно въ глазахъ, во всѣхъ словахъ, во всѣхъ движеніяхъ этого благороднаго, достойнаго grand-seigneur'a.

Аристократъ и консерваторъ, монархистъ до мозга костей, глубоко вѣрующій сынъ римской церкви, несомнѣнный сторонникъ двухъ вселенскихъ единодержавныхъ властей на землѣ, онъ, однако, отлично уживался и съ русской бюрократической средой, по существу

своему не аристократической, всегда обновлявшейся демократическими низами, и съ разночинной русской интеллигенціей, вольнодумной въ вопросахъ религіозныхъ и политическихъ. Онъ жилъ и дружилъ со всѣми, если слово «дружба» примѣнимо къ этимъ ровнымъ, проникнутымъ одинаковымъ ко всѣмъ доброжелательствомъ, отношеніямъ. Въ этой ровности была не только внѣшняя корректность, но глубокая терпимость,—слѣдъ старой умственной культуры, свыкшейся съ мыслью о разницѣ вѣръ и воззрѣній, научившейся сквозь эту разницу видѣть и искренно уважать человѣка. О политическихъ вопросахъ онъ говорилъ рѣдко — больше прислушивался, улыбаясь, когда ему разсказывали мы, младшіе; о религіозныхъ — еще меньше. Но, когда публично высказывались мысли, подрывавшія, по его мнѣнію, догматы правовѣрнаго христіанства, онъ со всѣмъ паѳосомъ выступалъ на ихъ защиту. Противъ тезиса о допустимости развода при душевной болѣзни одного изъ супруговъ, отстаивавшагося въ юридическомъ обществѣ Н. А. Полетаевымъ, онъ выдвигалъ съ истиннымъ жаромъ основное воззрѣніе «христіанской религіи, по крайней мѣрѣ, католической и православной, о томъ, что бракъ есть союзъ нерасторжимый, вѣчный. Союзъ этотъ освящается церковью путемъ таинства, послѣдствія котораго распространяются даже за предѣлы земной жизни, ибо въ основѣ брака, по христіанскому ученію, должна лежать не земная любовь, не утилитарныя соображенія, не выгоды и удобства супруговъ, а обоюдное стремленіе ихъ къ совершенствованію, взаимная помощь ихъ къ достиженію спасенія души». И съ негодованіемъ отвергая высказанную К. П. Змирловымъ оголенную мысль о томъ, что «бракъ вообще есть отношеніе чисто гражданскаго свойства, есть договоръ», онъ съ благороднымъ увлеченіемъ восклицаетъ: «съ христіанской точ-

ки зрѣнія бракъ долженъ быть основанъ на самопожертвованіи, и великое нравственное значеніе брака именно и выражается въ поддержкѣ другъ друга во всѣхъ невзгодахъ и несчастіяхъ жизни... Религія имѣетъ въ виду спасеніе души и нравственные идеалы, а не утилитарныя соображенія о пользѣ и выгодѣ». «Когда-нибудь — заканчиваетъ онъ съ горечью — можетъ быть, наступитъ время свободнаго развода, когда еще усилится распространенное уже нынѣ свободное сожительство мужчины и женщины, которое не есть бракъ; но уже, конечно, не христіанская религія будетъ лежать въ его основѣ».

Другой разъ, когда, по поводу доклада о знаменитой lex Heinze, кто-то попутно напалъ на католическій центръ въ германскомъ рейхстагѣ, Карницкій высказалъ свое возмущеніе въ слѣдующихъ словахъ: «Упреки, направленные противъ партіи центра, въ высшей степени несправедливы. Центръ никогда не стремился къ власти, къ министерскимъ портфелямъ. Эта партія выдержала упорную борьбу съ такимъ деспотомъ, какъ Бисмаркъ, притомъ безъ всякой внѣшней поддержки».

Преданность католицизму и связанное съ нимъ набожное преклоненіе передъ единымъ владыкою душъ на землѣ сочетались съ унаслѣдованною отъ дѣдовъ и укрѣпленною еще въ юности, въ атмосферѣ второй Имперіи, преданостью всякому живому воплощенію монархическаго начала.

Un édifice avec deux hommes au sommet...
L'un est la vérité, l'autre est la force...
L'univers ebloui contemple avec terreur
Ces deux moitiés de Dieu, le pape et l'empereur...
Pierre et César . . . . . .

(Victor Hugo. Hernani, IV, 2).

На этой почвѣ выросла самая чистая, джентльменская, не за страхъ, а за совѣсть лойяльность, — непоколебимая, не взирая на личныя политическія невзгоды, въ теченіе всей жизни. Но именно потому, что она была чиста въ своемъ источникѣ, она никогда не превращалась въ холопство, не закрывала глазъ на грѣхи временныхъ исполнителей, не рождала безразличія и квіетизма. Наоборотъ, всѣ мелкіе, недостойные величія сознающей себя власти, уколы и преслѣдованія — особенно всѣ ограниченія людей въ правахъ по вѣроисповѣданіямъ — вызывали въ немъ рѣзкое возмущеніе. И гдѣ онъ могъ — въ отведенной ему узкой сферѣ дѣятельности — онъ проявлялъ это наружу. Когда въ 1897 году комиссія Муравьева вздумала ограничить доступъ евреевъ въ адвокатуру опредѣленною процентною нормою, онъ присоединился къ единодушному голосу лучшихъ представителей адвокатуры и въ предсѣдательствуемой имъ комиссіи объ адвокатурѣ, учрежденной при юридическомъ обществѣ, подалъ голосъ за полное устраненіе предполагаемаго ограниченія. Припоминаются случаи и болѣе мелкіе.Помню, съ какою наивною озабоченностью онъ хлопоталъ цѣлые годы о повышеніи еврея, его сослуживца и подчиненнаго, въ слѣдующій чинъ и какъ ликовалъ, добившись, наконецъ, возстановленія справедливости. Бывали, конечно, дѣла и серьезнѣе, но степень искренняго усердія въ этомъ, столь второстепенномъ, но ближе ему понятномъ случаѣ была особенно показательна и по-истинѣ трогательна.

На служебную карьеру его легла несомнѣнно тѣнь отъ его польскаго происхожденія. Призванный въ Петербургъ на постъ товарища оберъ-прокурора по польскимъ дѣламъ, онъ фактически направлялъ первые шаги сената къ труднѣйшей области толкованія Наполеонова кодекса и мѣстныхъ польскихъ законовъ. Его да-

рованія были очень скоро замѣчены, но, несмотря на это — или, пожалуй, именно потому — ему, какъ поляку, ни разу не дано было исполнять судейскія функціи въ качествѣ отвѣтственнаго участника верховнаго судилища. Въ 1895 году его назначаютъ, наконецъ, сенаторомъ, однако, не допускаютъ фактически къ присутствованію, и роль его ограничивается участіемъ въ такъ называемыхъ предварительныхъ совѣщаніяхъ. Дѣйствовать за ширмою, направлять дѣятельность сената невидимкою — это дозволялось; но возсѣдать видному, вліятельному поляку открыто на судейскомъ креслѣ — почиталось недопустимымъ соблазномъ. Теорія о «засореніи правосудія» польскими и другими инородческими элементами еще не исповѣдывалась цинично вслухъ, но проводилась всегда довольно послѣдовательно на дѣлѣ. Между тѣмъ Карницкій былъ несомнѣнно прирожденный судья: знаніе, тактъ, жизненное чутье, самообладаніе, быстрота въ усвоеніи чужой мысли — все въ немъ знаменовало тотъ высшій судейскій даръ, который такъ рѣдко всѣми сторонами своими проявляется въ одномъ человѣкѣ. И его тянуло къ этой функціи. Не будучи въ состояніи исполнять ее открыто, онъ со всѣмъ усердіемъ набросился на ту ея сторону, которая оставалась ему доступною.Участіе его въ предварительныхъ совѣщаніяхъ сената по департаментскимъ вопросамъ, по общему отзыву ихъ участниковъ, составляло эпоху въ исторіи этого своеобразнаго учрежденія.Ничье мнѣніе не пользовалось такимъ авторитетомъ, какъ мнѣніе Карницкаго, и никто такъ часто не пользовался своимъ правомъ высказываться, какъ Карницкій.Онъ являлся во всеоружіи знанія и никогда не измѣнявшаго ему здраваго смысла, и разсѣкалъ съ необычайною, всегда поражавшею слушателей, простотою самые замысловатые вопросы. Его поста-

новка давала тонъ преніямъ и чаще всего ложилась въ основу рѣшенія.

Не знаю, годился ли этотъ методъ въ той же мѣрѣ для законодательнаго, въ какой годился для судебнаго творчества. Но несомнѣнно, что только этотъ методъ примѣнялся имъ и тамъ, завоевывая ему одно изъ самыхъ авторитетныхъ мѣстъ въ кодификаціонной коллегіи. Упрощеніе сложнаго, ясное, чисто-французское округленіе понятій, отсутствіе педантизма въ выводахъ, природный тактъ въ улавливаніи новыхъ потребностей, ясность безъ особой глубины и, во всякомъ случаѣ, безъ прямолинейности — вотъ та струя, которую вносилъ своей индивидуальностью Карницкій во всѣ разсматривавшіеся при его участіи вопросы.

Тѣ же природныя данныя сказались и въ его литературныхъ работахъ,тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ дѣятельностью въ юридическомъ обществѣ. Первыя литературныя попытки его направлены были на внѣдреніе въ русскій судебный бытъ основныхъ, недосказанныхъ въ нашемъ законѣ, принциповъ договорнаго права,—перенесеніе элементарныхъ ученій французскаго кодекса о свободѣ волеизъявленія въ систему русскаго гражданскаго права. Первый докладъ его въ обществѣ состоялся въ ноябрѣ 1879 года. Незадолго передъ тѣмъ читалъ докладъ К. К. Арсеньевъ на тему «О значеніи принужденія»: статья 700 и слѣдующія X тома объявлялись неполными, институтъ принужденія — требующимъ пополненія и развитія, согласно теоріи права. Эту задачу молодой Карницкій формулируетъ обобщеннѣе: «Вообще мнѣ кажется — говоритъ онъ — что тѣ пробѣлы, какіе встрѣчаются въ 1 части X тома въ правилахъ о договорахъ, , желательно было бы въ теоріи и на практикѣ пополнять на слѣдующемъ основаніи: такъ какъ несомнѣнно всѣ сдѣлки, составляющія источникъ

правъ и обязанностей, имѣютъ въ виду обоюдную выгоду договаривающихся сторонъ, основанную на началѣ справедливости, то коль скоро мы встрѣчаемъ такое начало, которое пропущено въ буквѣ закона, но которое подсказывается намъ природнымъ чувствомъ справедливости (aequitate naturali), здравымъ разумомъ и логикою, которое притомъ освящено теоріею права, римскою наукою и всѣми развитыми законодательствами, и при непремѣнномъ условіи, чтобы такое начало не только не противорѣчило буквѣ нашего закона, но еще согласовалось бы съ общимъ его духомъ — я думаю, что было бы весьма желательно проводить такое начало, въ теоріи и на практикѣ, и въ нашемъ договорномъ правѣ... Такъ именно поступали римскіе преторы»...

Можно, конечно, сомнѣваться во всеисцѣляющемъ характерѣ этого, нѣсколько перегруженнаго, рецепта, но новаторская тенденція — и именно въ сферѣ наиболѣе абстрактныхъ, римско-французскихъ началъ — весьма знаменательна для эпохи и для автора. Конкретно первая попытка примѣнить общую теорію сводилась къ введенію въ X томъ отсутствующаго въ 700 статьѣ указанія на обманъ, какъ на порокъ согласія. Слѣдуя опредѣленію французскаго кодекса и доктринѣ французскихъ судовъ, Карницкій пытается обосновать понятіе гражданскаго обмана, независимаго отъ уголовно-карательныхъ нормъ. Докладъ его, прочитанный по этому предмету и озаглавленный «Объ обманѣ въ договорахъ», сосредоточилъ на себѣ вниманіе всей, тогда еще юной, впослѣдствіи прославленной, плеяды нашихъ юристовъ. Фойницкій читаетъ дополнительный къ нему рефератъ, по особому порученію комитета отдѣленія, — а въ преніяхъ, приближающихся по объему своему къ ряду новыхъ докладовъ, принимаютъ участіе Неклюдовъ, Рихтеръ и Книримъ. Всѣ спорятъ долго и убѣдительно о

различіи обмана уголовнаго и гражданскаго. Неклюдовъ особенно упорно, со всей пылкостью своего темперамента, отвергаетъ самую идею гражданскаго, ненаказуемаго, подтачивающаго лишь гражданскую сдѣлку, обмана, требуя наказанія и для такого введенія въ заблужденіе, которое потерпѣвшій могъ предотвратить.[1]) Фойницкій привѣтствуетъ «симпатичную мысль докладчика, стремящагося расширить огражденіе частныхъ правъ,которыя должны пользоваться охраною не только при наличности уголовнаго преступленія,но и безъ такого элемента»,но находитъ,что съ точки зрѣнія дѣйствующаго права положенія доклада едва ли правильны. Поддерживаетъ референта только А. А. Книримъ, а въ заключеніе референтъ-новаторъ съ еще большей энергіею проводитъ французское различіе, необходимое, по его мнѣнію, — внѣ всякихъ видовъ уголовной политики — для спасенія кардинальной, основной идеи добросовѣстности въ гражданскихъ сдѣлкахъ, и требуетъ для проведенія его въ жизнь полной свободы судейскаго усмотрѣнія: «Допущеніе здѣсь извѣстнаго простора суда... не поведетъ къ колебанію прочности законныхъ и добросовѣстныхъ сдѣлокъ, а можетъ только способствовать истинному отправленію правосудія въ возвышенномъ смыслѣ этого слова». Заключительныя слова звучатъ гордо, и, судя по голосованію отдѣленія, склонившагося въ его пользу, новаторъ вышелъ съ тріумфомъ изъ труднаго турнира.

Вторая тема исходила изъ той же тенденціи — защиты добросовѣстности въ сдѣлкахъ — и преслѣдовала ту же внѣшнюю цѣль: восполненіе X тома по началамъ aequitas naturalis и западно-европейскихъ законодательствъ. Мы имѣемъ въ виду наиболѣе извѣстную ра-

---

1) Ж. Гр. и Угол. Пр. 1800 г. Прот. юр. общ., стр. 158 и сл.

боту Карницкаго, о правѣ кредиторовъ оспаривать вредящія имъ сдѣлки должника (actio Pauliana), доложенную юридическому обществу годъ съ лишнимъ спустя, въ январѣ 1881 года. Общность идей и методовъ обѣихъ работъ засвидѣтельствована была тогда же главнѣйшимъ его оппонентомъ, А. О. Гордономъ, въ слѣдующихъ, весьма показательныхъ въ устахъ современника словахъ: «Основная идея обоихъ рефератовъ содержитъ въ себѣ немало общаго. Идея эта заключается въ томъ, чтобы убѣдить нашу практику въ необходимости, при обсужденіи взаимныхъ юридическихъ отношеній сторонъ, выяснить внутреннюю сторону этихъ отношеній: недобросовѣстность, злой умыселъ, заблужденіе, гражданскій обманъ и проч. Практическое значеніе этой основной идеи отнюдь не ограничивается одними тѣми вопросами, которые обсуживаются въ упомянутыхъ реферетахъ. Идея эта — цѣлое направленіе, которое проникаетъ различные отдѣлы гражданскаго права — цѣлая система, школа. Система эта можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: устраненіе формализма, раціональное, соотвѣтствующее воззрѣніямъ и потребностямъ жизни, направленіе въ правѣ... Внѣшнее формалистическое направленіе въ правѣ является у насъ наслѣдіемъ дореформенной судебной практики, т. е. практики, образовавшейся при господствѣ 2 ч. X т... Вотъ почему я нахожу достойною особаго вниманія самую постановку рефератомъ вопросовъ о внутренней сторонѣ отношеній, независимо отъ того, согласимся ли мы съ отдѣльными его положеніями или нѣтъ»[1]). Работа Карницкаго объ actio Pauliana составила крупный, основной въ данной области, вкладъ въ нашу цивилистическую

---

1) Ж. Гр. и Уг. Пр. 1882, VI. Прот. юр. общ., стр. 43—46.

литературу. Центральнымъ пунктомъ ея явилась борьба съ установившимся взглядомъ, будто опроверженіе злонамѣренныхъ сдѣлокъ должника возможно лишь послѣ объявленія его несостоятельнымъ. Трудности, связанныя съ обоснованіемъ обратнаго взгляда — признаніе за кредиторами самостоятельнаго права иска по поводу сдѣлокъ полноправнаго должника — были весьма значительны. Карницкій ихъ одолѣлъ съ большою легкостью: и цитатами изъ римскихъ юристовъ и анализомъ ст. 1167 французскаго кодекса, и больше — и убѣдительнѣе всего — разсужденіями отъ здраваго смысла и отъ aequitas naturalis. Практическая задача, какъ указывалъ во время преній одинъ изъ оппонентовъ, А. К. Рихтеръ, «сводилось къ внѣдренію въ нашъ X томъ и въ судебную практику артикула 1167 фр. код. — къ признанію за кредиторами права на искъ даже, когда должникъ еще не признанъ несостоятельнымъ».И задача эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ протоколѣ засѣданія значится, что «по окончаніи преній на разрѣшеніе собранія былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: «Для предъявленія кредиторомъ иска, основаннаго на 2 п. ст. 1529 т. X. ч. 1, требуется ли непремѣнно объявленіе должника несостоятельнымъ. Вопросъ разрѣшенъ отрицательно». А вслѣдъ затѣмъ и сенатская практика (рѣшеніе 1883 г. № 21) окончательно утвердилась въ этомъ взглядѣ, неизмѣнно господствующемъ и до настоящаго времени.

Въ томъ же направленіи шла и вся дальнѣйшая дѣятельность Карницкаго въ юридическомъ обществѣ, поскольку она выражалась въ докладахъ, сообщеніяхъ и даже преніяхъ по докладамъ и сообщеніямъ: всегда и вездѣ онъ являлся аккредитованнымъ при обществѣ представителемъ отъ французскаго кодекса, французскихъ комментаторовъ, французскихъ и польскихъ су-

довъ, выясняя, сравнивая, и стараясь проводить въ отсталое русское законодательство принципы законодательствъ французскаго типа. [1]) Распространеніе въ русскомъ обществѣ свѣдѣній о французско-польскомъ законодательствѣ составляетъ также тему двухъ работъ, прошедшихъ мимо юридическаго общества и посвященныхъ ипотечной системѣ. Первою изъ нихъ, писанною въ 1878 году [2]) началась литературная дѣятельность Карницкаго, второю, появившеюся въ 1897 году, [3]) она въ сущности закончилась. По ясности основной мысли, по практической цѣнности наблюденій, по глубокому знанію ипотечныхъ образцовъ и даже по живости изложенія — вообще несвойственной Карницкому — эти

---

1) Въ 1877 году читается С. Ф. Платоновымъ докладъ « О неудовлетворительности дѣйствующаго порядка взысканій по безспорнымъ актамъ », а въ дополненіе къ нему І. И. Карницкій читаетъ сообщеніе о порядкѣ понудительнаго исполненія по французскому уставу. Въ 1883 г. читается докладъ объ узаконеніи внѣбрачныхъ дѣтей, и вслѣдъ за этимъ Карницкій читаетъ сообщеніе о томъ же предметѣ по франц. гражд. кодексу и по гр. ул. Царства Польскаго. Въ слѣдующемъ (1884) году заходитъ рѣчь объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ (докладъ А. Ф. Казиміра) — и Карницкій спѣшитъ съ сообщеніемъ « объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по законамъ французскимъ и польскимъ ». Въ 1885 году Н. И. Барковскій читаетъ свой знаменитый докладъ о значеніи нотаріальныхъ актовъ о продажѣ недвижимости до утвержденія ихъ старшимъ нотаріусомъ — докладъ, опредѣлившій взглядъ нашей судебной практики на моментъ перехода права собственности на недвжимость (рѣш. 1886 г. № 96), — и въ дополненіе къ нему Карницкій дѣлаетъ сообщеніе « О значеніи актовъ на продажу недвижимостей по франц. гражд. кодексу и ипотечному уставу Ц. П. 1818 г.» — дополненіе, особенно существенное потому, что въ основу измѣненнаго, подъ вліяніемъ Барковскаго, и господствующаго донынѣ взгляда сената, несомнѣнно легло классическое воззрѣніе французскаго кодекса на соглашеніе воль, какъ моментъ, устанавливающій переходъ права собственности.

2) О введеніи ипот. сист. въ Ц. П. по законамъ 1818 и 1825 г.г. Ж. Гр. и Уг. Пр. 1878, V.

3) О пріобрѣтеніи пр. собств. на польск. ипот. р. Ж. М. Ю. 1897, I.

работы, особенно послѣдняя, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Съ годами, и особенно съ усиленіемъ занятій въ области кодификаціонной, литературная дѣятельность Карницкаго, въ томъ числѣ участіе его въ чтеніи докладовъ и сообщеній, становится менѣе замѣтною, однако связь его съ трудами юридическаго общества — единственной публичной ареной его дѣятельности — не ослабѣваетъ. Въ гражданскомъ отдѣленіи онъ съ 1882 года безсмѣнно засѣдаетъ въ составѣ редакціоннаго комитета, съ 1892 года становится товарищемъ предсѣдателя, а съ 1900 года предсѣдателемъ; въ теченіе 8 лѣтъ исполняетъ и признававшуюся всегда весьма почетною должность секретаря всего общества, смѣняя на этомъ посту въ 1882 году уходящаго перваго секретаря общества, И. Я. Фойницкаго, и уступая въ 1890 году должность И. Г. Щегловитову.

Предсѣдательствованіе Карницкаго въ засѣданіяхъ гражданскаго отдѣленія придавало занятіямъ нашимъ отпечатокъ особой интимности и непринужденности. Оранизаторскіе таланты его были слабы, и потому рефераты стали поступать рѣже: вывелся обычай предварительнаго разсмотрѣнія доклада или бесѣды съ докладчикомъ въ редакціонномъ комитетѣ (помню, какому строгому экзамену я подвергался на квартирѣ А. А. Книрима передъ первымъ моимъ докладомъ, въ присутствіи всей редакціонной коллегіи!) — оппоненты тоже не подготовлялись заранѣе, какъ то дѣлалось при Книримѣ. Участники работъ кодификаціонной комиссіи, которыхъ Книримъ умѣлъ заставлять работать и въ юридическомъ обществѣ, поотстали отъ насъ при болѣе мягкомъ начальствѣ, — работоспособность отдѣленія въ общемъ несомнѣнно понизилась. Но зато атмосфера работы стала еще привлекательнѣе. Нашъ милѣйшій

предсѣдатель возсѣдалъ среди насъ, какъ въ своей семьѣ, душевно отдыхая отъ дѣлъ служебныхъ, пуская съ наслажденіемъ колечки дыма изъ толстой сигары, любовно всматриваясь въ насъ, точно въ гостей, почтившихъ его своимъ присутствіемъ-; онъ съ любопытствомъ вслушивался въ наши рѣчи, какъ-будто онъ ихъ не ждалъ, — добродушно смѣялся при наскокахъ оппонентовъ и отечески мирилъ всѣхъ въ краткомъ, умномъ и ясномъ заключительномъ словѣ. Исчезали старые ветераны общества, — вокругъ предсѣдателя за зеленемъ столомъ появлялась все чаще новая, незнакомая ему разночинная молодежь, — но это его нисколько не смущало: онъ съ удвоеннымъ интересомъ слѣдилъ за ея работою и съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ ее, когда она вступала въ область критики того, что составляло драгоцѣннѣйшій плодъ всей его жизни — Проекта Уложенія. Не знаю, осуществлялась ли когда либо такая благодарная для критиковъ комбинація, такая возможность въ присутствіи автора говорить открыто всю правду объ его твореніи, ожидая отъ него только поученія и только благодарности за правдивую, откровенную мысль.

Эта критика Проекта Уложенія, начавшаяся еще при ближайшемъ участіи послѣдняго предсѣдателя кодификаціонной комиссіи, является очередною задачею и понынѣ: окончательный судъ надъ проектомъ въ крупнѣйшихъ частяхъ его принадлежитъ ближайшему и болѣе отдаленному будущему. Будущее вскроетъ погрѣшности творенія, — оно взвѣситъ ошибки и заслуги отдѣльныхъ творцовъ его, — оно оцѣнитъ также, на основаніи неопубликованныхъ донынѣ данныхъ, и вкладъ, сдѣланный въ общую культурную сокровищницу Россіи такимъ незаурядным человѣкомъ, какимъ былъ Іосифъ Ивановичъ Карницкій. Намъ хотѣлось только

облегчить эту оцѣнку грядущихъ поколѣній, сохранить въ памяти нѣкоторыя черты характера и умственнаго склада человѣка, которыми, быть можетъ, небезполезно будетъ оживить мертвыя груды бумагъ — нѣмыхъ свидѣтелей трудовъ его жизни.

Эта жизнь — такая, казалось, ясная, легкая, изящная — въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ уже печально склонялась къ закату. Кодификаціонная комиссія закрылась, окончивъ труды, — а руководителю ея не оказано было того знака вниманія, который еще на ходу работъ комиссіи выпалъ на долю обоихъ его предшественниковъ: онъ не былъ назначенъ въ государственный совѣтъ, а сданъ въ архивъ общаго собранія сената. И когда чуткое къ этой обидѣ юридическое общество явилось, въ составѣ делегаціи совѣта, предложить ему почетную должность предсѣдателя общества, онъ съ горечью отклонилъ это предложеніе, ибо «считалъ бы вреднымъ для общества ставить во главѣ его поляка и католика». День пятидесятилѣтія государственной дѣятельности засталъ его уже обремененнымъ недугами старости,—но и къ этому дню у власти не хватило рѣшимости доставить ему заслуженное утѣшеніе,воздавъ должное полувѣковымъ государственнымъ заслугамъ.И опять единственною скромною радостью его былъ поднесенный ему нами, совѣтомъ юридическаго общества, адресъ, покрытый подписями всѣхъ старыхъ его друзей. То былъ, помнится, день солнечнаго затменія, — сумерки внезапно сгустились надъ этимъ взволнованнымъ, старческимъ уже, болѣзненнымъ лицомъ, — мы такъ и разстались съ нимъ въ желтой полутьмѣ. Больше уже мы не видѣлись. Вскорѣ мракъ скрылъ его отъ насъ навѣки.

Онъ былъ страстный музыкантъ въ душѣ, преклонялся передъ Вагнеромъ и изъ году въ годъ набожно совершалъ паломничество въ Баварію, въ Bayreuth.

Тамъ, въ Баваріи, гдѣ-то въ горахъ, онъ и скончался, — тамъ, повидимому, и похороненъ. Въ маленькомъ его костелѣ въ Петербургѣ, въ небольшомъ кругу друзей, служили по немъ траурную мессу.

Петербургъ, 1915 г.

ВЕТЕРАНЪ РУССКО-ЕВРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(М. И. Кулишеръ)

Ученый этнографъ и историкъ, публицистъ, юристъ, — а для русскихъ евреевъ пламенный борецъ за равноправіе и неутомимый работникъ на нивѣ еврейской исторіи и культуры. Таковъ человѣкъ, сошедшій недавно въ могилу, тамъ, въ холодномъ и опустошенномъ Петербургѣ, вдали отъ насъ, интимныхъ его друзей, разсѣянныхъ по всему свѣту. Въ исторіи русскаго еврейства имя Кулишера было въ нѣкоторой мѣрѣ знамя; вся его жизнь — такая ясная, прозрачная — была выраженіемъ одной основной тенденціи. Эта тенденція разлита была во всемъ поколѣніи его сверстниковъ, но въ немъ она получила особенно выпуклое выраженіе. Это была тенденція эмансипаціонно - просвѣтительная.

Кулишеръ началъ свою дѣятельность въ эпоху, когда начинала зарождаться русско - еврейская интеллигенція. Реформы перваго десятилѣтія царствованія Александра II открыли евреямъ доступъ въ высшія учебныя заведенія, и изъ глухихъ гнѣздъ еврейскаго гетто стали выплывать самоучки, вышколенные на талмудѣ, рвавшіеся на болѣе широкій просторъ, вынужденные иногда трагически ломать свою связь съ ортодоксальной средой, — піонеры общаго просвѣщенія среди русскаго еврейства. Въ первомъ ряду ихъ былъ Кулишеръ. Та вѣра въ силу знанія, въ безконечную цѣнность граж-

данственности и культуры, которая толкнула его въ дверь русской школы, которою насыщенъ былъ тогда, въ эпоху великихъ реформъ, воздухъ Россіи,— эта вѣра бодрила его всю жизнь. Она - то придавала его дѣятельности, — даже когда она вращалась въ спеціальной научной сферѣ — какую - то особенную жизненность и страстность. Точно неугасающій пламень горѣлъ въ душѣ и озарялъ особымъ духовнымъ свѣтомъ эту исхудалую фигуру, рѣзко семитическія черты его необычайно выразительнаго лица и всегда настороженный взглядъ его пытливыхъ глазъ, — этихъ несравненныхъ глазъ, въ которыхъ отражалось столько безконечной снисходительности и доброты къ людямъ и столько неисчерпаемаго, непосредственнаго интереса ко всему, что есть въ мірѣ живого, человѣческаго.

Началъ Кулишеръ свою литературную дѣятельность еще будучи студентомъ, въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, на страницахъ либеральныхъ петербургскихъ газетъ. Но особенно оживленною стала эта дѣятельность въ эпоху возникновенія русско - еврейской журналистики. Смыслъ и значеніе этой журналистики былъ и остается совершенно осбеннымъ, — онъ едва ли былъ бы понятъ внѣ Россіи. Во Франціи, въ Англіи, даже въ Германіи, гдѣ эмансипація евреевъ совершилась при наличности небольшой горсти евреевъ, достаточно было провозгласить принципъ равенства, чтобы евреи страны превратились въ «гражданъ моисеева закона», и теченіе ихъ исторіи почти цѣликомъ слилось съ исторіей и жизнью ихъ согражданъ. Иначе дѣло обстоитъ съ восточнымъ еврействомъ. Многочисленная масса еврейства объединяется тамъ не религіозными только, но и культурными и особыми историческими связями — отчасти и связью языка. Просвѣщенная часть еврейства въ Россіи, какъ и по-

всюду, теряетъ прежде всего религіозную связь съ массою. А для людей столь опредѣленно позитивистическаго умонастроенія, какимъ былъ Кулишеръ, да и для всего почти поколѣнія его сверстниковъ, потеря религіознаго единенія и отказъ отъ всякой религіи были даже въ нѣкоторомъ родѣ боевымъ пунктомъ программы. И тѣмъ не менѣе связь Кулишера съ еврействомъ была такъ крѣпка, такъ неизбывна. Онъ ощущалъ эту связь, не отрицалъ ея и гордился ею. Въ этомъ живомъ ощущеніи связи атеиста съ массою, которую принято считать только религіознымъ единствомъ, сказывается особенно рѣзко общая концепція всей русско-еврейской интеллигенціи. Борясь за равноправіе евреевъ, стремясь пріобщить массу къ русскому гражданству и къ общеевропейскому просвѣщенію, она не рвала во имя упрощенной идеи объ еврействѣ, какъ о религіозной общинѣ, живыхъ нитей, связующихъ ее воедино съ еврействомъ, какъ народомъ въ смыслѣ культуро - историческаго единства. И благодаря этому, русско - еврейская интеллигенція никогда не отрывалась отъ народной толщи, въ минуты тягостныхъ преслѣдованій открыто защищала народъ, въ минуты борьбы была всегда впереди его. И именно благодаря этому она пріобрѣла право смѣло и рѣшительно, не боясь никакихъ заподозриваній въ отступничествѣ, ратовать за пріобщеніе евреевъ къ русской гражданственности, будить въ еврейской массѣ сознаніе государственной связи съ Россіею, какъ родиной. Такова была идеологія эпохи, и ей соотвѣтствовала дѣятельность особой русско - еврейской печати. Начало этой печати восходитъ къ семидесятымъ годамъ, и развитіе ея не прекращалось затѣмъ уже до послѣднихъ дней, предшествовавшихъ большевистскому перевороту. Мѣнялись заглавія («Русскій Еврей», «Разсвѣтъ», «Вос-

ходъ», «Новый Восходъ», «Еврейская Недѣля»), но печать не умирала. И можно безъ преувеличенія сказать, что за все это время ничье имя не проходитъ такъ регулярно черезъ исторію русско - еврейской печати, какъ имя Кулишера.

Рядомъ съ этимъ Кулишеръ работалъ въ сферѣ обще - европейской науки, въ сферѣ общерусской журналистики. Это была вторая часть его credo. Научныя его изслѣдованія вращались въ области этнографіи, исторіи культуры, исторіи религіи, исторіи права. Ученикъ нѣмецкой школы, другъ Штейнталя и Лацаруса, у которыхъ онъ учился въ молодые годы, онъ однако по своимъ научнымъ вкусамъ былъ англоманъ. Книга вообще была его страстью, — этой страсти онъ не могъ не удовлитворять даже въ минуты самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ лишеній; онъ такъ былъ связанъ своими книгами, что не могъ мѣнять квартиру, чтобы не тронуть съ мѣста своихъ книжныхъ богатствъ, единственной роскоши въ его скромной обстановкѣ. «Моя библіотека — это моя недвижимость», говаривалъ онъ, «какъ же я трону ее съ мѣста? Это былъ бы переворотъ въ моей жизни». И среди этихъ богатствъ наибольшею любовью его пользовались большіе толстые англійскіе тома, которые онъ съ особенною любовной нѣжностью бралъ въ руки и въ которыхъ черпалъ источники невыразимаго научнаго наслажденія. Англійскій историкъ права и культуры Мэнъ (Maine) былъ для него образцомъ; отъ него и отъ всѣхъ, кто слѣдовалъ его индуктивному методу изслѣдованія общественныхъ явленій, онъ отправлялся во всѣхъ своихъ изысканіяхъ. Этимъ преклоненіемъ передъ индукціей проникнуты его «Очерки по исторіи этнографіи и культуры», «Разводъ и положеніе женщины» — отчасти также изслѣдованіе, написанное еще въ юные годы по нѣмецки, «Das Leben

Jesu», надѣлавшее въ свое время много шума въ научномъ мірѣ, — и огромное множество статей и изслѣдованій по исторіи евреевъ, древней и новой, разбросанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Научная дѣятельность его была прервана на время, когда друзья призвали его къ редактированію въ центрѣ южной Россіи, въ Кіевѣ, большой ежедневной общеполитической либеральной газеты «Заря». Не помню, сколько лѣтъ длилось это редактированіе — кажется, лѣтъ 6 или 7 (примѣрно отъ 1881 до 1887 года), — но едва ли ошибусь, если скажу, что въ исторіи русской повременной печати не было примѣра такого выдающагося успѣха и такого вліянія провинціальной газеты, какіе выпали на долю кулишеровской «Зари».

Безсеребренникъ, жившій всегда своимъ дневнымъ заработкомъ, онъ оказался, по прекращеніи «Зари» вслѣдствіе чьихъ - то личныхъ интригъ, выброшеннымъ на улицу съ семьей, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Ему было уже за 40 лѣтъ. Пришлось вспомнить, что по образованію онъ юристъ, и что, какъ еврею - юристу, ему остается одна карьера — вступить въ адвокатуру. Онъ сталъ стажьеромъ въ Петербургѣ, но не успѣлъ пройти свой стажъ, какъ изданъ былъ законъ, закрывшій стажьерамъ - евреямъ послѣднее убѣжище — доступъ въ адвокатуру. Шли годы, черная борода Кулишера стала замѣтно сѣдѣть, морщины участились, — ему шелъ уже шестой десятокъ, а онъ все еще былъ стажьеромъ. Казалось, такъ и умремъ мы съ нимъ стажьерами. Съ свойственнымъ ему юморомъ онъ говорилъ: «Увидите, будетъ на нашихъ могилахъ написано: «Ci git помощникъ присяжнаго повѣреннаго».

Пятнадцать лѣтъ это длилось. Кулишеръ разрабатывалъ для другихъ адвокатовъ самые сложные вопросы

права, участвовалъ въ юридической литературѣ, но до 60-ти лѣтъ не имѣлъ права адвокатской практики, какъ «лицо іудейскаго исповѣданія». И этому атеисту, униженному за свою «вѣру», лишенному изъ-за этой «вѣры» возможности удовлетворить элементарнымъ нуждамъ своей семьи, въ голову не приходило, однако, совершить правращеніе, на которое тогда съ большой легкостью шли люди,слабые духомъ. Онъ слишкомъ хорошо чувствовалъ, что не въ религіи тутъ дѣло, что связи его съ еврействомъ имѣютъ другіе корни, и что, оставаясь собою, онъ, Кулишеръ, не можетъ уйти изъ стана погибающихъ въ станъ ликующихъ...

Въ эти безпросвѣтные годы мы съ нимъ много работали въ разнообразныхъ общественныхъ еврейскихъ учрежденіяхъ. Онъ не имѣлъ никакихъ организаторскихъ, «коллегіальныхъ» талантовъ, — слишкомъ много въ немъ было индивидуальнаго. Но онъ былъ такъ непосредственъ, такъ простъ и безхитростенъ, такъ безконечно преданъ въ каждую отдѣльную минуту своей идеѣ, и такъ лишенъ всякаго самолюбія и самомнѣнія, что работать съ нимъ въ коллегіи было такое же наслажденіе, какъ вести съ глазу на глазъ дружескую бесѣду. Даже когда онъ со свойственной ему горячностью разилъ своихъ противниковъ, — и тѣ не могли на него сердиться. На Кулишера вообще никто никогда всерьезъ не сердился. Онъ такъ былъ чуждъ всего личнаго, всякихъ дрязгъ и обидъ, такъ незлобивъ, такъ увлеченъ стремленіемъ къ правдѣ, что и самъ могъ злѣйшаго врага немедленно простить за одну вѣрную мысль, — да и никто никогда по истинѣ не считалъ его своимъ «врагомъ».

До 1905 года, до первой русской революціи, о политической дѣятельности русскаго еврейства не могло быть и рѣчи. Шли споры между сіонистами и антисіо-

нистами; Кулишеръ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Онъ ставилъ своею задачею работу на благо еврейскаго народа въ Россіи и страстно при всякомъ случаѣ оспаривалъ мысль о возможности разрѣшенія еврейской проблемы внѣ Россіи. Всѣ эти споры носили пока характеръ кружковый, литературный. Въ 1905 году обозначилась возможность политическаго дѣйствія. Кулишеръ примкнулъ къ тому направленію демократической мысли, которое нашло выраженіе въ партіи к.-д., и оставался вѣренъ этой партіи до конца дней. Обнаружилась и среди еврейскаго населенія, хотя объединеннаго стремленіемъ къ равноправію, значительная дифференціація. Рядомъ съ сіонистской организаціей, направлявшей главное вниманіе на устройство евреевъ въ Палестинѣ, образовалась «Еврейская Народная Группа», ставившая себѣ задачею борьбу за полноправіе еврейскаго народа въ Россіи. Кулишеръ вступилъ въ нее и не только оставался до смерти своей въ ея составѣ, но почиталъ себѣ за гордость, что всѣхъ трехъ сыновей своихъ — нынѣ тоже извѣстныхъ уже ученыхъ и публицистовъ — ввелъ въ составъ той же политической группировки.

Интересъ къ политикѣ, къ жизни, къ наукѣ не угасалъ съ годами въ этомъ старцѣ, котораго никто, впрочемъ, старцемъ всерьезъ не считалъ: такъ въ немъ была жива до конца дней возбудимость, такъ ясна мысль. Мы пережили съ нимъ вмѣстѣ буйные дни восторга въ первый періодъ мартовской революціи. Вмѣстѣ справили празникъ праздниковъ русскаго еврейства — пасхальную вечерю 1917 года — три дня послѣ провозглашенія еврейскаго равноправія. Лились рѣчи; говорилъ и онъ о днѣ долгожданномъ, объ утрѣ новыхъ дней... Съ тѣхъ поръ, какъ спустилась черная завѣса надъ Россіей, я его не видалъ. Не разъ, во время вынужденной

разлуки, сердце ныло при мысли: что то дѣлаетъ мой добрый старый другъ въ той страшной пустотѣ, которая окружила его, среди кошмара, который долженъ угнетать его мысли и чувства? Вынесетъ ли онъ эту муку? Доживетъ ли до лучшихъ дней?... Увы, не вынесъ, — умеръ среди оргіи варварства, подъ шумъ издѣвательствъ надъ правомъ и культурой, на защиту которыхъ ушла его жизнь.

Парижъ, 1920 г.

СУДЬЯ ТИШАЙШІЙ

(Ф. И. Проскуряковъ)

Сенаторъ гражданскаго кассаціоннаго департамента сената Федоръ Ивановичъ Проскуряковъ началъ свою карьеру съ преподавательской дѣятельности, въ качествѣ учителя «законовѣдѣнія» въ Ларинской гимназіи. Къ этому времени относится и его главная научно-литературная работа: переводъ институцій Юстиніана,единственной и до сихъ поръ части Corpus juris, переведенной на русскій языкъ. Съ открытіемъ новыхъ судовъ Проскуряковъ поступилъ на службу по министерству юстиціи и въ 1866 году былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя Новгородскаго окружнаго суда. Затѣмъ въ теченіе тридцати восьми лѣтъ, проходя всѣ ступени судебной службы, Проскуряковъ все время безъ перерыва оставался судьею и, несмотря на преклонный возрастъ (онъ умеръ 75 лѣтъ отъ роду) и исполнившіеся уже 50 лѣтъ службы, не думалъ покидать свой постъ. Онъ точно сросся со своей функціей и въ 75 лѣтъ исполнялъ ее, какъ человѣкъ, полный еще силъ и энергіи. Все съ тою же педантичною добросовѣстностью онъ изучалъ дѣла; все съ той же неторопливою точностью и полнотою ихъ докладывалъ. Доклады его, и особенно манера его предсѣдательствованія въ засѣданіяхъ, не всѣхъ удовлетворяла: засѣданія его считалусь длинными, затяжными, скучными. Но Проскуряковъ оставался наивно равнодушенъ ко всему, что о немъ думали или говорили: онъ такъ свято вѣрилъ въ

долгъ судьи и—главное—такъ глубоко чувствовалъ его отвѣтственность, что не могъ иначе.Такъ онъ и продолжалъ до конца своихъ дней, съ неугасающимъ интересомъ для дѣла, съ замѣтнымъ, но чуждымъ всякой страстности, возбужденіемъ излагать все, что могло привлечь вниманіе судьи-слушателя, не скрывая и даже особенно подчеркивая всѣ свои судейскія сомнѣнія. Въ манерѣ его доклада, запинающейся и робкой, была какая то особенная совѣстливость, слышалась какъ бы просьба, обращенная къ другимъ судьямъ, прислушаться къ его дѣлу: оно именно казалось его дѣломъ.

Онъ и самъ умѣлъ слушать другихъ какъ-то особенно, не такъ, какъ слушаютъ обычно наши судьи. Вдумчивое, спокойное отношеніе къ преніямъ сторонъ всегда выдѣляло засѣданія, въ которыхъ предсѣдательствовалъ Проскуряковъ. Когда предсѣдатель слушаетъ, невольно за нимъ слушаетъ и вся коллегія. А Проскуряковъ - предсѣдатель былъ весь вниманіе. Съ головою, наклоненною впередъ, съ надставленнымъ ухомъ, съ блестящими глазами, направленными прямо на говорящаго, онъ жадно ловилъ рѣчь, не смущаясь тѣмъ, что въ ней иногда приходилось долго разыскивать зерно среди груды плевелъ. Ему слишкомъ дорого было это зерно истины, чтобы жалѣть для него свое время; ему, опытному судьѣ, было, вѣроятно, извѣстно и то, что «нормировка» чужой рѣчи чаще всего ломаетъ чужую мысль, отклоняя говорящаго отъ того единственнаго, быть можетъ, пути, которымъ онъ, по своимъ индивидуальнымъ особенностяпъ, только и можетъ подойти къ истинѣ... Въ уваженіи Проскурякова къ живому слову тяжущагося, да и во всемъ его образѣ служенія правосудію, чувствовалось закваска шестидесятыхъ годовъ, — привитая въ юности любовная преданность ве-

ликимъ принципамъ. Но было тутъ и нѣчто иное. Была въ натурѣ Проскурякова, особенная голубиная кротость и скромность, сказывавшаяся во всемъ: и въ тонѣ голоса, и во взглядѣ голубыхъ, непомеркнувшихъ отъ старости глазъ, и въ тихихъ, нерѣшительныхъ движеніяхъ; было въ немъ и истинное уваженіе къ чужой личности, и глубокое вниманіе къ ея нуждамъ. Принципы великой реформы пали на благородную почву. И въ рѣдѣющихъ уже рядахъ тружениковъ, пролагавшихъ путь къ новому суду, немного было — и еще меньше осталось — такихъ, которые въ такой чистотѣ и съ такимъ достоинствомъ пронесли эти принципы, какъ пронесъ ихъ черезъ всю свою жизнь покойный Проскуряковъ.

Петербургъ, 1904 г.

ВДОХНОВИТЕЛЬ ГРАЖДАНСКАГО КОДЕКСА

(А. А. Книримъ)

Въ декабрѣ истекшаго 1904 года скончался Александръ Александровичъ Книримъ. Главный вдохновитель трудовъ по составленію Новаго Гражданскаго Уложенія, одинъ изъ творцовъ Устава Гражданскаго Судопроизводства, многолѣтній Предсѣдатель Гражданскаго Отдѣленія Юридическаго Общества — А. А. Книримъ имѣетъ сверхъ того особенную заслугу передъ русскою юридическою литературою: въ 1871 г. онъ основалъ одинъ изъ первыхъ нашихъ журналовъ: «Журналъ Гражданскаго и Торговаго права». Расширяя затѣмъ свою программу, мѣняя свое названіе («Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права», «Журналъ Юридическаго Общества», «Вѣстникъ Права»), журналъ этотъ не прекращалъ своего существованія въ теченіе 35-ти лѣтъ. Такая долговѣчность — и особенно непрерывность — не доставалась еще на долю ни одного изъ нашихъ юридическихъ изданій.

Въ теченіе многихъ лѣтъ самъ Книримъ редактировалъ журналъ. За это время на страницахъ его печатались работы Спасовича, Арсеньева, Оршанскаго, Таганцева, Пахмана. Рядомъ съ ними появлялись въ каждой книжкѣ безымянныя замѣтки, безымянные обзоры практики, безымянныя рецензіи; ни для кого теперь не тайна, что большинство изъ нихъ принадлежали перу Книрима. Безымянный трудъ, повидимому, наиболѣе соот-

вѣтствовалъ его скромной, дѣловитой натурѣ. Эта скромность сочеталась въ Книримѣ съ другимъ достоинствомъ: онъ умѣлъ — и, повидимому, любилъ — быть невидимымъ вдохновителемъ большихъ собирательныхъ трудовъ, организаторомъ многихъ творческихъ силъ, направляемыхъ къ одной большой цѣли. На долю его, естественно, выпадало при этомъ и отыскиваніе людей, и руководство ими, и созиданіе плана работы, и изысканіе путей исполненія, и, наконецъ, вся та необходимая связующая черная работа, которая не оказывалась достаточно заманчивою для чьего-либо индивидуальнаго творчества. Весь этотъ тяжелый трудъ Книримъ всегда исполнялъ, не считаясь съ тою іерархическою ступенью, на которой приходилось ему стоять, все съ тою же энергіею и добросовѣстностью, и всегда также энергично скрывая свое личное творчество.

Сверстникамъ А. А. по созданію Судебныхъ Уставовъ извѣстно, что уставъ гражданскаго судопроизводства весь почти былъ разработанъ однимъ А. А. Но вы тщетно стали бы искать его имя подъ отдѣльными частями печатныхъ матеріаловъ по судебной реформѣ. Имя это часто попадается въ особыхъ мнѣніяхъ, многія изъ этихъ мнѣній несомнѣнно принадлежатъ перу самого Книрима, но авторство и здѣсь можетъ быть съ несомнѣнностью установлено только въ тѣхъ случаяхъ, когда при особомъ мнѣніи оставался одинъ Книримъ. Случаи эти, конечно, крайне рѣдки, — и біографу остается потому строить догадки объ индивидуальномъ участіи Книрима въ той или иной части работы лишь на основаніи отдаленныхъ и недостаточно точныхъ предположеній.

Ту же скромную роль безымяннаго труженика отвелъ себѣ А. А. и при составленіи гражданскаго уложенія. Вся исторія уложенія неразрывно связана съ именемъ

А. А. При условіяхъ нашей дѣйствительности, всякая законодательная попытка, хотя бы она затрагивала наиболѣе животрепещущіе вопросы, силою вещей превращается въ канцелярское упражненіе. Составленіе гражданскаго уложенія всегда и вездѣ составляло особенно торжественный актъ народной жизни. Оно волновало общество, привлекало къ себѣ вниманіе ученыхъ. Для его созданія снаряжались органы особенные, изъ ряда обычныхъ выходящіе. У насъ работа надъ уложеніемъ, начатая въ сѣрые восьмидесятые годы, производилась въ тѣсной коллегіи судебныхъ практиковъ и чиновниковъ, при полномъ почти отсутствіи представителей науки и тѣмъ менѣе представителей общества. И кто знаетъ, не заглохла ли бы эта работа совершенно, какъ глохнетъ у насъ изъ года въ годъ опредѣленное число снаряжаемыхъ въ лонѣ вѣдомствъ комиссій, если бы во главѣ ея не стали два человѣка «изъ стаи славной» творцовъ нашихъ уставовъ — Стояновскій и Книримъ. Стояновскій, впрочемъ, былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, и естественно потому, что все дѣло уложенія пришлось вынести на своихъ плечахъ Книриму. Въ отношеніи Книрима къ работѣ по уложенію сказывалась — какъ и во всемъ, что онъ дѣлалъ — тенденція къ устраненію всякой казенщины, къ упрощенію отношеній, къ низведенію себя на степень работника, равнаго всѣмъ прочимъ, и къ поднятію этимъ самымъ во всѣхъ сотрудникахъ сознанія важности труда и непосредственной за него отвѣтственности. И если работа по уложенію, при всей ея медленности и при всѣхъ недостаткахъ ея, все же доведена до конца, то этимъ мы въ значительной степени обязаны той энергіи, подвижности и безусловной вѣрѣ въ окончательную побѣду добрыхъ намѣреній, которыми А. А. преодолѣвалъ всѣ препятствія, встрѣчаемыя имъ на пути. Препятствія эти, не всегда

замѣтныя снаружи, были особенно сильны въ виду обнаружившихся рано «либеральныхъ» общественныхъ тенденцій комиссіи по составленію уложенія — тенденцій, встрѣчавшихъ отпоръ въ представителяхъ высшей администраціи, особенно изъ тѣхъ, кто нѣкогда былъ близокъ къ гражданскому праву и кто горячо отстаивалъ самобытность и неизмѣнность устарѣлыхъ формъ гражданской жизни и устарѣлой формы самой кодификаціи.

И, быть можетъ, безшумная побѣда надъ этимъ подземнымъ, но глубокимъ теченіемъ, — побѣда мысли, эмансипирующейся отъ древнихъ формъ быта и созидающей, хотя бы не вполнѣ еще совершенныя, но новыя, болѣе свѣжія формы — такая побѣда являлась, быть можетъ, у насъ наиболѣе цѣнною и даже единственною возможною для государственнаго дѣятеля въ только что пережитые нами безпросвѣтные годы.

Работа Книрима надъ гражданскимъ уложеніемъ близко соприкасается съ дѣятельностью въ юридическомъ обществѣ.

Въ теченіе двухъ — если не ошибаемся — десятилѣтій Книримъ руководилъ гражданскимъ отдѣленіемъ общества. Не всегда соглашаясь быть оффиціально предсѣдателемъ, онъ всегда оставался однимъ изъ главныхъ его руководителей. И съ тѣхъ поръ, какъ комиссія по составленію уложенія принялась за дѣло кодификаціи, Книримъ пытался создать внѣ комиссіи — въ юридическомъ обществѣ, обособленномъ отъ комиссіи и состоящемъ изъ представителей разныхъ общественныхъ не-чиновныхъ группъ — органъ контролирующій, освѣщающій труды комиссіи. И хотя общество, въ широкомъ смыслѣ слова, не пошло навстрѣчу этимъ начинаніямъ, А. А. со свойственною ему настойчивостью продолжалъ двигать начатое дѣло. Онъ являлся въ

довольно пустынныя засѣданія гражданскаго отдѣленія вмѣстѣ съ ближайшими своими сотрудниками по комиссіи, самъ возбуждалъ вопросы, вызывалъ пренія, и не проходило почти ни одного реферата, по поводу котораго не обсуждался бы вопросъ,связанный съ будущимъ гражданскимъ уложеніемъ. Чувствовалось, что даже самыя пренія — элементъ, казалось бы, случайный — какъ будто инсценированы; ощущалась и здѣсь невидимая организаторская рука, толкавшая людей всѣми средствами на работу, на обмѣнъ мнѣній, на выясненіе того, что темно и что трудно выяснить небольшому кружку лицъ, работающему въ служебной атмосферѣ, вдали отъ научныхъ движеній и отъ непосредственной живой дѣйствительности. Увы, представители науки и живой дѣйствительности плохо откликались, и общеніе дѣятелей кодификаціи съ учеными и общественными группами дало слишкомъ слабые, не соотвѣтствующіе затраченнымъ усиліямъ, результаты...

Быть можетъ, грядущее обновленіе нашей жизни возбудитъ творческіе порывы и въ гражданско-правовой сферѣ; быть можетъ, въ эти дни общественнаго вдохновенія будетъ разомъ понято, что гражданскій кодексъ есть огромный рычагъ въ дѣлѣ культурнаго подъема страны, и хватитъ тогда напряженія и силъ, чтобы ускореннымъ темпомъ, — такимъ, какимъ вообще живется въ эти дни — разомъ переработать груды собранныхъ комиссіей матеріаловъ, вдохнуть въ нихъ единый духъ и сдѣлать будущее гражданское уложеніе такимъ же народнымъ достояніемъ, какимъ стали въ свое время судебные уставы. Во всякомъ случаѣ, огромная заслуга накопленія этихъ матеріаловъ, заслуга посильнаго выведенія ихъ на свѣтъ Божій, за стѣны административныхъ канцелярій, останется всегда за покойнымъ Книрамомъ.

Петербургъ, 1905 г.

ПАМЯТИ Г. Ф. БЛЮМЕНФЕЛЬДА.

Въ Одессѣ отъ голода и истощенія скончался Германъ Фаддѣевичъ Блюменфельдъ, сенаторъ гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената.

Какъ это пышное званіе не шло къ невысокой скромной фигурѣ, съ небрежною внѣшностью, съ движеніями и интонаціями еврейскаго ешиботника... Блюменфельдъ былъ всю почти жизнь адвокатомъ, но не обладалъ никакими внѣшними данными, обычно связываемыми съ представленіемъ объ адвокатѣ, не обладалъ даже ораторскимъ талантомъ. И тѣмъ не менѣе, съ какимъ неослабнымъ вниманіемъ въ теченіе десятковъ лѣтъ слушали этого провинціальнаго адвоката столичные кассаціонные судьи, какою заслуженною славою онъ пользовался въ рядахъ всей русской адвокатуры. Среди русскихъ цивилистовъ я не зналъ ему равнаго. Онъ не имѣлъ блеска Пассовера и Потѣхина, но я не ошибусь, если скажу, что не уступалъ имъ — если не превосходилъ ихъ — силою интуитивнаго проникновенія въ конкретныя сплетенія гражданско-правового быта, остротою анализа, ясностью изложенія. И несомнѣнно превосходилъ ихъ — да и всѣхъ нашихъ цивилистовъ — своимъ юридическимъ стилемъ. Это былъ слогъ единственный: по двумъ-тремъ строчкамъ можно было безошибочно узнать Блюменфельда. Сжатость и необычайная ясность.Краткія фразы въ нѣсколько словъ,

почти безъ придаточныхъ предложеній. Такая же сжатость въ общей конструкціи: двѣ-три страницы вмѣщаютъ часто цѣлый трактатъ по сложнѣйшему юридическому вопросу.

Рѣдкая эрудиція сочеталась въ немъ съ какою то особенною, почти что боязливою литературною скромностью. Онъ такъ высоко цѣнилъ науку, питалъ такое уваженіе къ печатному слову, что съ робостью и недовѣріемъ относился къ собственному писательству. Какъ редакторъ «Вѣстника Гражданскаго Права», я въ теченіе пяти лѣтъ еле могъ добиться отъ него одной-двухъ статей; но статьи эти были первоклассныя по содержанію и по стилю. Помню одну статью — о русскомъ цивилистѣ конца 18-го и начала 19-го вѣковъ, Василіи Кукольникѣ. Другого образца такого рода монографій, съ такимъ исчерпывающимъ знаніемъ литературы всей исторической эпохи, цивилистика наша не знаетъ.

Такому человѣку отказывали долгіе годы даже въ правѣ именоваться присяжнымъ повѣреннымъ. Мы съ нимъ были почти ровесники и вмѣстѣ подпали подъ дѣйствіе закона, коимъ, какъ евреи, обречены были на вѣчное, казалось, пребываніе въ стажіерахъ. Пробыли мы въ этомъ молодомъ званіи, вмѣсто законныхъ пяти лѣтъ, лѣтъ 18-20, и уже сѣдые, возведены были, по волѣ непонятнаго каприза власти, въ 1904 году въ чинъ настоящихъ адвокатовъ.

Революціонное правительство въ 1917 году возвело двухъ евреевъ въ званіе сенаторовъ гражданскаго кассаціоннаго департамента, и здѣсь опять оба мы оказались рядомъ. Засѣдать съ нимъ въ качествѣ судьи было истинное наслажденіе. Мѣткость сужденія, чувство правды, отсутствіе колебаній дѣлали его участіе въ судебной коллегіи неоцѣнимымъ. Бывало, въ совѣщательной комнатѣ идетъ споръ. Блюменфельдъ какъ будто и не слу-

шаетъ; стоитъ у окна, глядитъ на Неву, руки въ карманахъ, мундиришка — купленный, видно, уже поношеннымъ — мѣшкомъ виситъ на узкихъ плечахъ. Вдругъ обернется, скажетъ одну фразу — попалъ прямо въ центръ, и споръ прекращается. Авторитетъ въ глазахъ товарищей-сенаторовъ онъ пріобрѣлъ огромный; едва ли когда либо предложенный имъ проектъ рѣшенія былъ забракованъ. Поражалъ онъ всѣхъ и своею работоспособностью. Бралъ для доклада дѣлъ втрое больше, чѣмъ другіе — «отъ скуки», какъ онъ говаривалъ. Послѣ усиленной работы въ адвокатурѣ надъ исключительно сложными вопросами, даже трудъ кассаціоннаго судьи казался ему слишкомъ легкимъ. Точно играючи разрѣшалъ онъ сложнѣйшія дѣла.

Не долго это длилось — не больше полугода. Кассаціонный судъ былъ упраздненъ большевиками. Блюменфельдъ вернулся въ Одессу. Но его талантъ, его умственная сила уже не находили примѣненія. Исчезли суды, исчезло право: кому нуженъ былъ теперь этотъ нѣжный ароматъ мысли? Куда было дѣваться Блюменфельду въ пустынѣ, гдѣ голодные бродятъ съ одной мыслью — о кускѣ хлѣба, — гдѣ во всѣ поры жизни проникаетъ голый принципъ насилія?

Онъ и зачахъ въ пустынѣ.

Парижъ, 1921 г.

НА СЛУЖБѢ УСТАВОВЪ

(В. Л. Исаченко)

Изъ рукъ престарѣлаго Василія Лаврентьевича Исаченко выпало перо. Онъ не выпускалъ его до послѣдняго вздоха, точно въ немъ была вся его жизнь — быть можетъ, нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ сама жизнь. Отмирали всѣ интересы, внѣшній міръ замыкался передъ старцемъ, давно не выносившимъ уже ни свѣжаго воздуха, ни рѣзкой перемѣны зрительныхъ впечатлѣній — оставались четыре стѣны кабинета, среди которыхъ продолжала горѣть отвлеченная отъ внѣшнихъ впечатлѣній мысль, — продолжало работать перо. И, когда уже смерть стояла у изголовья, за полчаса до рокового конца, Исаченко, зная, что близокъ его часъ, спѣшилъ дописывать свое послѣднее мнѣніе по очередному сенатскому вопросу — мнѣніе, съ піэтетомъ прочтенное затѣмъ, черезъ три дня послѣ его смерти, сенаторской коллегіей при рѣшеніи спорнаго дѣла.

Немного найдется примѣровъ такой благородной, трогательно-наивной вѣры въ единоспасающую силу умственнаго творчества, — такого горделиваго властвованія духа надъ немощною плотью...

Судебный дѣятель, добросовѣстно исполнявшій свой долгъ на всѣхъ ступеняхъ служебной карьеры и удосужившійся при этомъ одарить цивилистическую литературу огромнымъ шеститомнымъ комментаріемъ къ гражданскому процессу, учебникомъ судопроизводства, изслѣдованіемъ объ основахъ процесса, монографіями

объ особыхъ производствахъ и о мировомъ судѣ, двумя систематическими сводами сенатской практики (по матеріальному праву и по судопроизводству), наконецъ, обширнымъ комментаріемъ къ обязательствамъ по договорамъ, не считая многочисленныхъ статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ въ спеціальныхъ повременныхъ изданіяхъ, — явленіе у насъ совершенно исключительное. У насъ книги пишутся только представителями университетскихъ кафедръ; — практики, отвлекаемые отъ усидчивой и систематической литературной работы измѣнчивыми интересами дня, не умѣютъ привести обѣ сферы дѣятельности въ такую гармонію, при которой оставалась бы непрерывно хоть нѣкоторая толика времени и вниманія для сосредоточенія на болѣе крупныхъ литературныхъ трудахъ. Въ средѣ судей — и особенно кассаціонныхъ сенаторовъ — были у насъ всегда люди пишущіе, участвующіе въ юридическихъ журналахъ, издающіе томы законовъ съ разъясненіями. Но книги — самостоятельнаго изслѣдованія крупной области права—не написалъ, кажется, ни одинъ. Если не считать Побѣдоносцева и Пахмана, перешедшихъ въ сенатъ изъ профессуры и писавшихъ по должности профессоровъ, а не сенаторовъ, то въ наибольшей мѣрѣ писателемъ являлся Боровиковскій. Но и его трехтомный «отчетъ судьи» — въ сущности сборникъ статей полу-публицистическаго оттѣнка; а попавъ въ сенатъ, и Боровиковскій открыто заявилъ, что уже не имѣетъ больше досуга для писанія такихъ «монографій» и долженъ свои наблюденія излагать въ бѣглыхъ журнальныхъ статьяхъ. Серія этихъ статей (начатая въ журналѣ министерства юстиціи подъ заглавіемъ «Въ судѣ и о судѣ») оборвалась, впрочемъ, на второй статьѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оборвалась почти окончательно вся литературная дѣятельность Боровиковскаго. Одинъ только Исаченко

успѣвалъ во всѣхъ фазисахъ своей жизни проявлять равномѣрно-дѣятельный интересъ и къ судейской и къ литературной области. Даже радостный день 75-лѣтняго юбилея, отпразднованный года за полтора до его смерти, встрѣтилъ его въ тиши рабочаго кабинета надъ синею обложкою очередного сенатскаго дѣла и надъ грудою карточекъ съ тезисами для очередного литературнаго изданія. Онъ черпалъ изъ какихъ-то невидимыхъ источниковъ ровное неустанное воодушевленіе, — непостижимую въ этомъ слабомъ тѣлѣ упругость воли и свѣжесть мысли. Все создавались и выполнялись новые планы, все манило еще неизвѣданное, все еще, до послѣдняго вздоха, глубокою радостью наполняло душу всякое достиженіе. Такова сила искренней дѣйственной любви къ своей жизненной задачѣ.

Задача эта опредѣлилась, впрочемъ, не сразу. По образованію математикъ, Исаченко сначала занимался преподавательскою дѣятельностью и даже написалъ книги по математикѣ: «Курсъ теоретической ариѳметики». Но лишь только въ томъ краѣ, гдѣ онъ жилъ (въ западныхъ губерніяхъ), появился новый судъ — въ 1872 году мировой, а затѣмъ, въ 1883 году, и общій — его потянуло въ новую, оказавшуюся наиболѣе ему близкою и родственною, стихію, — и съ тѣхъ поръ, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, жизнь его являлась сплошнымъ, непрерывнымъ и неутомимымъ служеніемъ идеямъ судебныхъ уставовъ.

Сколько нужно было вѣры въ идею права, сколько дѣйственной любви къ человѣку, страждущему отъ неправды, чтобы преодолѣть всѣ внѣшнія затрудненія, — теоретическую неподготовленность, условія провинціальной жизни, отсутствіе книгъ, недостатокъ въ руководителяхъ, — и отъ занятія «теоретической ариѳметикой» перекинуться въ житейскую накипь мелкихъ на

видъ интересовъ, пытливо добиваться ихъ осмысленія и посвятить затѣмъ всю свою жизнь на внѣдреніе въ эти мелкія дѣла людскія, столь далекія отъ возвышенно-холодныхъ математическихъ проблемъ, — не менѣе возвышенной, но не легко доступной, не всякимъ ощущаемой, чистой идеи права. И сколько нужно было природныхъ данныхъ, чтобы, при отсутствіи систематической спеціальной подготовки, занять передъ лицомъ цѣлыхъ поколѣній судей и адвокатовъ то же положеніе въ области гражданскаго процесса, которое занялъ въ области матеріальнаго права такой одаренный и превосходно образованный юристъ, какъ Побѣдоносцевъ. Ибо безспорно, что только имъ двумъ, — или, если угодно, имъ двумъ въ наибольшей степени — присвоено въ нашихъ судахъ по традиціи нѣчто подобное римскому jus respondendi. Только ихъ авторитетъ приближается въ глазахъ нашихъ судей къ авторитету кассаціонныхъ рѣшеній. По натурѣ совершенно не схожіе, по характеру умственнаго кругозора и политическихъ взглядовъ чуть ли не антиподы, они, однако, въ одномъ были близки, и это одно создало обоимъ одинаковую силу и вліяніе въ нашемъ судебномъ обиходѣ. Оба они не гнушались самаго хулимаго, имѣющаго, однако, въ себѣ непреодолимую привлекательность, метода: такъ называемой казуистичности. Изъ однихъ казусовъ, конечно, системы не построишь и въ поискахъ за рѣшеніемъ случаевъ непредусмотрѣнныхъ остановишься на распутьѣ безъ руководства общей идеи. Но, при правильномъ жизненномъ чутьѣ, каждое звено въ этой дробной цѣпи случаевъ пріобрѣтаетъ убѣдительность само по себѣ, — и при извѣстномъ уровнѣ юридическаго мышленія въ странѣ оно дѣйствуетъ на людей сильнѣе самаго точнаго и безошибочнаго вывода изъ общей идеи. Наше юридическое мышленіе еще только образуется; для нашихъ судей абстрактная идея не всегда облада-

етъ тою степенью повелительности, какою обладаетъ конкретное, отъ здраваго смысла идущее, частное рѣшеніе. Нужно только, чтобы эти частныя рѣшенія были умѣло предугаданы, чтобы въ нихъ ощущалось стремленіе къ внутренней правдѣ; а отсутствіе связи, отсутствіе стройности системы, подчасъ и наличность противорѣчій, легко простятся. Не характерно ли, что спеціально въ области процесса, построеннаго у насъ на систематическомъ судопроизводственномъ кодексѣ, никакія общія теоріи, отражающіяся и въ профессорскихъ курсахъ и въ журнальныхъ статьяхъ, не находятъ доступа къ судебной практикѣ и не оказываютъ на нее почти никакого вліянія, а вліяніе оказывается именно «казуистическими» трудами Исаченко и Анненкова — двухъ самоучекъ-казуистовъ?

Въ служеніи Исаченко правосудію не было, если угодно, паѳоса молодой восторженности, которую носили въ сердцахъ своихъ творцы уставовъ и молодежь кружковъ, готовившаяся стать первыми насадителями новыхъ идей. Натурѣ Исаченко вообще не свойственъ былъ паѳосъ общихъ идей. Но ей свойственно было здоровое, ровное ощущеніе соотвѣтствія практическаго рѣшенія болѣе тѣсной, но опредѣленной идеѣ закона, — отчетливое и ясное пониманіе тѣхъ формъ, въ которыхъ конкретизировалась общая идея. Людямъ его поколѣнія, первымъ мало замѣтнымъ провинціальнымъ труженикамъ на нивѣ новаго суда, и не нужно было воодушевленія къ дѣятельности, ни рѣзкихъ, обобщенныхъ,—всегда отдающихъ нѣкоторою дозою политики— антитезъ между старымъ и новымъ, ни углубленія философско-политической концепціи новаго суда. Эту концепцію они восприняли какъ готовую, непреложную, впередъ данную, не нуждающуюся болѣе въ оправданіи и требующую лишь одного: умѣлаго и неизмѣннаго

воплощенія въ жизни. И, какъ трудолюбивые муравьи, они разносили крупицы ея всюду, гдѣ возродившаяся жизнь предъявляла на нихъ спросъ. Этотъ мелкій, муравьиный, но огромный по объему своему, трудъ, выявившій всю жизненность и практичность судебныхъ уставовъ, и создалъ около нихъ броню, отъ которой отскакивали стрѣлы противниковъ, всегда неизмѣнно пользовавшихся однимъ и тѣмъ же, весьма ходкимъ, и весьма дешевымъ, аргументомъ: мнимою «отвлеченностью» реформаторскихъ начинаній 60-хъ годовъ. Трудъ этотъ исполнялся къ тому же съ особенною горделивою сдержанностью, чуждающеюся искательства и жажды внѣшняго поощренія, свойственною всякому идейному служенію, характерною особенно для вѣрующаго піонера на нивѣ общественной.

Однимъ изъ піонеровъ такого типа былъ Исаченко. Первые шаги на поприщѣ судебной дѣятельности пришлось ему ставить, какъ сказано, въ Западномъ краѣ, среди разноплеменнаго населенія — русскихъ, поляковъ, евреевъ, литовцевъ. Эта разноплеменность окружала его, впрочемъ, уже съ дѣтства. Уроженецъ Черниговской губерніи, онъ остался въ ней до поступленія въ университетъ, а затѣмъ тотчасъ по окончаніи курса, въ 1865 году, направился въ Западный край, въ Минскую губернію, гдѣ протекли цѣлыхъ 34 года его жизни: и время преподавательской дѣятельности, и годы службы въ качествѣ мирового судьи (съ 1872 по 1883 г.), и послѣдующія затѣмъ 16 лѣтъ (съ 1883 по 1899 г.) дѣятельности въ качествѣ члена и товарища предсѣдателя минскаго окружнаго суда. Это продолжительное пребываніе въ разношерстной по племенному составу средѣ отпечатлѣлось въ душѣ Исаченко какою-то особенною мягкою и привлекательною терпимостью: онъ этой окружающей его разноплеменности даже какъ-то не видѣлъ,

не воспринималъ. Тутъ было, конечно, нѣчто изъ общей психики людей того вѣка, но было и индивидуальное, характерное для самого Исаченко: онъ просто лишенъ былъ способности видѣть за человѣкомъ еще нѣчто — поляка, еврея, литовца. Онъ зналъ категоріи истца и отвѣтчика, праваго и виноватаго, — но никакихъ болѣе. И этотъ трогательный органическій недостатокъ его вспоминается до сихъ поръ съ особенною теплотою и любовью тяжущимися и адвокатами того края, гдѣ такъ много вторгается въ правосудіе элементовъ націоналистической злобы и неправды. Теплота и любовь сопровождала его изъ провинціи въ Петербургъ, и еще въ теченіе долгихъ лѣтъ бывшіе «земляки» стучались въ его двери въ Петербургѣ, жалуясь на новыя вѣянія и находя у своего, всегда доброжелательнаго, стараго судьи совѣтъ, поученіе и утѣшеніе.

Изъ нѣдръ повинціальнаго суда Исаченко извлеченъ былъ въ Москву (въ 1899 г.), а затѣмъ (въ 1901 г.) и на болѣе широкую петербургскую арену, исключительно благодаря достигнутой имъ литературной извѣстности. То было время министерства Муравьева и его затѣи съ пересмотромъ судебныхъ уставовъ. Исаченко, какъ выдвинувшійся процессуалистъ (комментарій его сталъ выходить выпусками еще въ 1890 г.), былъ назначенъ въ 1898 г. въ Петербургъ для участія въ работахъ комиссіи по пересмотру, а года три спустя назначенъ былъ товарищемъ оберъ-прокурора сената. Муравьевъ — при всей внутренней его неискренности въ отстаиваніи судебныхъ уставовъ, роднящей его политику съ позднѣйшимъ, открыто-реакціоннымъ режимомъ въ области юстиціи, — обладалъ, однако, особою вѣдомственною гордостью, заставлявшею его искать для высокихъ судебныхъ постовъ, поскольку не была въ дѣлѣ замѣшана политика, людей, пользующихся научно-общественнымъ призна-

ніемъ. Онъ любилъ во всемъ декорумъ — въ рѣчи, въ позѣ, въ строѣ своего вѣдомства — и съ удовольствіемъ украшалъ потому фасадъ судебнаго зданія блескомъ популярныхъ именъ. При немъ оберъ-прокуроромъ былъ назначенъ Боровиковскій, первоприсутствующимъ Мясоѣдовъ; при немъ же попалъ въ сенатъ и Исаченко. Съ тѣхъ поръ Исаченко уже съ сенатомъ не разлучался. Въ составѣ нашей «стоячей магистратуры» онъ занялъ — особенно при Мясоѣдовѣ — чрезвычайно вліятельное положеніе. Можно безъ преувеличенія сказать, что ни одно изъ болѣе крупныхъ разъясненій въ области процесса не состоялось за это время безъ дѣятельнаго его участія. Въ отношеніи Мясоѣдова къ Исаченко сказывалось, впрочемъ, не одно уваженіе къ познаніямъ процессуалиста, — тутъ было нѣчто большее: праведный, безпристрастный судья чутьемъ находилъ въ другомъ близкое ему, сродное. Помнится, какъ-то разъ пришлось бесѣдовать съ Мясоѣдовымъ по одному тяжелому случаю. Дѣло было разрѣшено сенатомъ явно ошибочно, и палата отказалась ему подчиниться. Дѣло вторично поступило въ сенатъ, и, по заведенному въ сенатѣ порядку должно было поступить въ тотъ же столъ, къ прежнему докладчику. Мало того: обнаружилось, что докладчикъ самъ уже просилъ направить къ нему дѣло — просьба, противъ которой возражать еще никто никогда не осмѣливался. Формально никакихъ резоновъ для изъятія дѣла отъ докладчика не было, — но Мясоѣдовъ своей непосредственностью и прямотою и не такіе умѣлъ гордіевы узлы разрубать. Слушалъ, слушалъ — молча, насупивши брови — перелисталъ быстро дѣло и, ударяя ладонью по бумагамъ, произнесъ зычно и рѣшительно своимъ густымъ, прерывистымъ басомъ: — «Дѣло неладно. Направлю къ Исаченко. Онъ все рас-

чиститъ. Довольны?» Мнѣ оставалось только благодарить.

Заключенія Исаченко въ качествѣ товарища оберъ-прокурора не отличались внѣшнимъ блескомъ. Онъ не былъ ораторомъ, какъ и огромное большинство представителей нашей гражданской оберъ-прокуратуры, назначаемыхъ изъ состава судей и не имѣющихъ потому случая развить ораторскія дарованія, даже когда природа ими не обидѣла. Но онъ не замыкался никогда въ рамки приготовленной впередъ бумажки — онъ слушалъ пренія и принималъ въ нихъ участіе, то черпая въ рѣчахъ сторонъ матеріалъ для полемики, то подчиняясь убѣдительнымъ доводамъ и открыто отступаясь отъ своего ошибочнаго, сложившагося заранѣе, мнѣнія. Заключенія Исаченко были всегда вѣски, авторитетны, основаны на добросовѣстномъ изученіи дѣла и превосходномъ знаніи сенатской практики. Къ нимъ прислушивались, — чашка вѣсовъ почти всегда склонялась въ ихъ сторону.

Среди груды сенатской работы 76-лѣтній старецъ находилъ время и энергію погружаться во все новыя литературныя дѣла, — переиздавать старыя и предпринимать новыя работы. Прежнія книги изъ области процесса появляются вновь исправленными и дополненными, а въ 1913 г., менѣе чѣмъ за два года до смерти, Исаченко вступаетъ въ новую область — матеріальнаго права—и издаетъ большой трудъ«Обязательства по договорамъ». Эта книга задумана была давно: мысль о ней зародилась въ дружескихъ бесѣдахъ Исаченко съ С. А. Муромцевымъ. Муромцевъ, ѣздившій тогда еженедѣльно въ Петербургъ для чтенія лекцій въ Александровскомъ Лицеѣ, бывалъ частымъ гостемъ Исаченко, котораго очень цѣнилъ, какъ справедливаго, богатаго практическимъ опытомъ судью, всегда готоваго прислу-

шаться къ голосу науки. И вотъ у обоихъ явилась мысль объединить свои познанія въ общемъ трудѣ — въ научно-практическомъ комментаріи къ X тому. Слѣдъ отъ этой мысли остался на обложкѣ одного изъ сочиненій Исаченко, въ видѣ объявленія о готовящемся къ печати совмѣстномъ трудѣ Муромцева и Исаченко. На этомъ объявленіи дѣло закончилось — по крайней мѣрѣ для Муромцева. Бурные годы политической жизни отвлекли его къ болѣе важному и отвѣтственному дѣлу, а затѣмъ вынужденный отдыхъ отъ политической дѣятельности приковалъ его къ Москвѣ. Исаченко, однако, исполнилъ, повидимому, свою «практическую» часть работы, — результатомъ ея и является появившійся незадолго до смерти толстый томъ объ «Обязательствахъ по договорамъ».

Передъ лицомъ этихъ результатовъ — этого вліянія на судебную практику и этого объема литературнаго наслѣдія — невольно возникаетъ вопросъ о самомъ процессѣ творчества, о тѣхъ душевныхъ силахъ, которыя здѣсь приведены въ дѣйствіе. А. В. Завадскій въ юбилейномъ очеркѣ объ Исаченко (Юридическій Вѣстникъ, 1914 г., кн. VII — VIII) неоднократно подчеркиваетъ необычайную логическую силу въ работахъ второго нашего процессуалиста, Анненкова — досужаго помѣщика, впитавшаго въ себя французскіе учебники и старавшагося затѣмъ разрѣшать всѣ поставленныя французами проблемы съ точки ярѣнія нашего устава, — разрѣшать отъ одного разума, безъ какого-либо запаса личнаго опыта. Исаченко противополагается Анненкову, какъ человѣкъ опытный, пишущій исторію своихъ судейскихъ переживаній. Но въ этомъ нѣтъ еще всей разгадки успѣха, нѣтъ разгадки той долговѣчности, которую признаетъ Завадскій за трудами Исаченко. Ибо и переживать и суммировать свои переживанія можно разно.

Разгадка заключается, быть можетъ, въ томъ, что у Исаченко въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ у Анненкова, было чувство мѣры, — умѣнье удержаться на наклонной плоскости выводовъ и слишкомъ мелочнаго крохоборства, которое и при казуистическомъ трактованіи предмета должно имѣть извѣстные предѣлы для того, чтобы методъ сохранилъ главную, единственную прелесть свою: непосредственную жизненность. Исаченко было присуще это ощущеніе предѣловъ: у него было нѣчто отъ bons sens французскихъ юристовъ-практиковъ, умѣющихъ, при всей склонности къ резонерству, во-время остановиться, повинуясь элементарному — если угодно, эстетическому — чутью. Резонерства у Исаченко было мало — я бы сказалъ даже: слишкомъ мало; тѣмъ сильнѣе оказалось чувство мѣры. Даже по отношенію къ строю гражданскаго процесса въ цѣломъ было у него не столько догматическое знаніе, сколько ощущеніе его внутренней архитектоники. Изъяны и дефекты процесса восполнялись и чинились не столько съ точки зрѣнія абстрактныхъ ученій, сколько съ точки зрѣнія безсознательно ощущаемой связности частей. Это ощущеніе могло подчасъ обманывать, могло запутываться и сбиваться съ пути, когда требовалось точно формулированное обобщеніе; но рѣдко оно приводило въ ложной цѣпи послѣдствій, обусловленной единственно ложностью исходной точки зрѣнія. И какъ судья при разрѣшеніи спора всегда остается во власти впечатлѣній отъ конкретнаго случая, такъ Исаченко и въ области общихъ научныхъ проблемъ могъ оріентироваться только черезъ ощущеніе частныхъ конкретныхъ случаевъ — дѣйствительныхъ или фиктивныхъ. Не ученый опредѣлялъ въ немъ судью, а судья опредѣлялъ ученаго. Методы судейскаго творчества проникли въ область, обычно изслѣдуемую другими путями, и дали

своеобразный результатъ: судью, ученаго математика, юриста-самоучку въ роли авторитетнѣйшаго толкователя одного изъ крупнѣйшихъ актовъ законодательнаго творчества эпохи великихъ реформъ.

Чувство мѣры, связываемое съ ощущеніемъ живого конкретнаго случая, опредѣляло и его стиль. Этотъ стиль былъ не яркій, безъ блестокъ и безъ образности, но простой и ясный, какъ бываетъ ясно ощущеніе отчетливо видимаго простого явленія. Онъ не пестрилъ ни учеными терминами, ни иностранными словами, ни сложными періодами, отражающими сложность и развѣтвленность мысли. Этотъ простой, ясный стиль покоился на довѣріи къ читателю, на предположеніи, что онъ самъ ясно воспринимаетъ явленіе по одному общему абрису, что онъ самъ доскажетъ себѣ всѣ нужныя оговорки, — безъ педантическаго перечисленія ихъ тутъ же, въ вереницѣ придаточныхъ предложеній всѣхъ ранговъ и наименованій. Онъ чуждался цитатъ, ссылокъ на авторитеты: ясная, простая мысль, черпающая свою силу въ непосредственномъ ощущеніи, рѣдко ищетъ опоры въ чужомъ мнѣніи; она съ неподражаемою вѣрою въ свою собственную силу опирается на свою внутреннюю непосредственную убѣдительность, и больше ни на что.

Таковъ былъ размахъ, такова сфера дѣйствія и таковы творческія душевныя силы отошедшаго въ вѣчность судьи-процессуалиста. Въ минуты разставанія съ прахомъ покойнаго, въ минуты первыхъ сосредоточенныхъ воспоминаній, только эти общія очертанія рисуются, — только они адэкватны живому чувству скорби и сожалѣнія. Все прочее, — болѣе дробное или болѣе углубленное — есть дѣло спокойной, объективной, научной оцѣнки въ будущемъ. Для такой оцѣнки матеріала накоплено много. Въ этомъ матеріалѣ окажется не-

сомнѣнно много ошибокъ и недочетовъ, окажутся и безплодные, слишкомъ смѣлые порывы въ область общихъ вопросовъ, не разрѣшимыхъ тѣми методами, которые составляли силу Исаченко. Но не окажется во всемъ, написанномъ Исаченко, ни одной строки, не продиктованной неподкупною, безграничною пытливостью ума и чистымъ побужденіемъ совѣсти, ищущей правды и только правды.

Петербургъ, 1915 г.

РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ И ФОЛЬКЛОРИСТЪ

(С. А. Ан-скій)

Талантливый русскій писатель и восторженный поклонникъ еврейскаго жаргона; русскій народникъ, шедшій въ каторгу и изгнаніе за «землю и волю» для русскаго крестьянина, и истый еврей, страстно влюбленный во всѣ тонкія извилины еврейскаго быта, въ еврейскую старину, въ еврейскую пѣсню, въ еврейскую присказку. Гдѣ еще, какъ не у насъ, возможно такое явленіе — красивое, трогательное и поучительное? Сколько еврейскихъ юношей, только что оторвавшихся отъ Библіи и Талмуда, шли на борьбу и гибли за этотъ, казалось бы, чужой имъ, крестьянскій народъ, о которомъ они знали только, что онъ трудится и страдаетъ. Они проникались вѣрою въ душу этого народа, только потому, что они были приготовлены къ вѣрѣ въ правду и добро, въ конечное торжество справедливости. Къ этому ихъ готовило общеніе съ пророками, съ великими завѣтами всей еврейской культуры. Сѣмя, брошенное русскими подвижниками, боровшимися во имя правды - истины и правды - справедливости, пало на благодарную почву, и непрерывною цѣпью, въ теченіе десятковъ лѣтъ, тянулись еврейскіе юноши въ ряды тѣхъ партій, которыя строили благо народное на вѣрѣ въ имманентное, присущее мистическому цѣлому — человѣчеству или народу — стремленіе къ добру. Кое-кто готовъ былъ потомъ — въ годы погромовъ — кидать въ этихъ мечтателей камень, за то, что они шли

стеречь «чужіе виноградники». Обвиненіе дикое. Бороться за правду, значитъ исполнять заповѣдь еврейскихъ пророковъ — значитъ стеречь свои, а не чужіе виноградники. Да и нѣтъ въ этомъ аспектѣ разницы между охраною своего и чужого виноградника.

И вся жизнь Ан—скаго (Семена Акимовича Рапопорта) лучшій тому примѣръ. Та же страсть, то же непрерывное горѣніе, которое онъ проявлялъ въ работѣ на пользу русскаго народа, сказывались въ его отношеніи къ еврейскому народу. Тутъ была та же вѣра въ народъ, какъ нѣкое вмѣстилище абсолютной правды, добра и красоты, была та же любовь къ этому сверхъ-раціональному цѣлому. Въ отношеніи къ еврейскому народу любовь эта была — если угодно — даже болѣе конкретна, болѣе связывалась съ корнями еврейской жизни, съ ея тонкою соціальною тканью, подсознательно воспринятою съ раннихъ лѣтъ уроженцемъ еврейскаго гетто. Я не помню ни одного значительнаго художественнаго разсказа Ан—скаго изъ русской жизни, — а какъ хороши его русскіе же разсказы изъ еврейской жизни, въ которыхъ такъ трогательно изображены всѣ интимныя стороны еврейской души, еврейскаго быта, сохранившаго свою цѣльность и оригинальность среди самыхъ чудовищныхъ внѣшнихъ условій. А самое знаменитое теперь произведеніе его «Дибукъ», разыгрываемое съ такимъ успѣхомъ на еврейскихъ сценахъ, не потому ли потрясаетъ зрителей, даже не понимающихъ языка, что чувствуется въ немъ особенно глубокое интимное проникновеніе автора въ извѣчно - трагическія, но близкія ему стороны еврейскаго быта? И «Дибукъ» тоже былъ первоначально написанъ по русски; онъ читался по русски авторомъ, еще до напечатанія, у меня, въ Петербургѣ, въ кругу литературныхъ друзей.

Народническая вѣра и художественная влюбленность въ бытъ не могли не привести Ан—скаго къ культу народнаго еврейскаго языка. Въ этомъ языкѣ слышался ему стонъ столѣтній, слышались и призывы къ борьбѣ, и возможный голосъ пробужденія — вся гамма чувствъ и переживаній, не разложимыхъ для поэта и неотдѣлимыхъ отъ языка, отъ формы выраженія. Ан—скій не борется противъ древне-еврейскаго языка, и отстаиваетъ жаргонъ не раціональными доводами, не соображеніями цѣлесообразности. Онъ его просто любитъ и не можетъ не любить душою народника - поэта. И въ этомъ не было также антагонизма между его «русскою» и «еврейскою» дѣятельностью.

Любовь къ еврейскому языку сдѣлала Ан—скаго — русскаго соціалиста-революціонера и еврейскаго писателя- — ученымъ фольклористомъ. Онъ углубился въ изученіе еврейской этнографіи, еврейской пѣсни, еврейскаго напѣва; отправился въ экскурсію по чертѣ осѣдлости, объѣзжалъ самые глухіе углы во главѣ еврейской историко-этнографической экспедиціи, записывалъ мотивы, легенды, сказки, собиралъ остатки еврейскаго искусства, дѣлалъ снимки съ памятниковъ и синагогъ, — и все это привозилъ въ Петербургъ, какъ основаніе для Еврейскаго Историко - Этнографическаго Музея. Среди еврейскаго молодого поколѣнія того времени было вообще сильно стремленіе къ собиранію и охранѣ еврейскихъ культурныхъ цѣнностей. На этой почвѣ возникло въ Петербургѣ особое Еврейское Историко-Этнографическое Общество. Ан—скій участвовалъ въ научномъ журналѣ этого Общества, читалъ доклады, показывалъ свѣтовыя картины своихъ путешествій, но главная его забота была направлена на созданіе Музея Общества. Я имѣлъ не разъ случай наблюдать его въ этой дѣятельности. Было нѣчто дѣтски привлекатель-

ное въ этомъ рано состарившемся красивомъ лицѣ съ львиною сѣдою головою, съ блестящими, всегда восторженными и нѣжными карими глазами, когда онъ, наклонясь надъ какою-нибудь старинною мелочью или прочитавъ строку еврейской пѣсни, точно сливался съ неодушевленнымъ предметомъ, со сладкими для него звуками еврейской рѣчи, точно приникалъ грудью къ тому великому, таинственному слитному, что можно только восчувствовать, а не уразумѣть.

Пришелъ годъ великихъ надеждъ, великаго смятенія. Выходецъ изъ гетто, безправный скиталецъ, страдавшій всю жизнь и за русскій, и за еврейскій народъ, услышалъ вновь трубный звукъ, будившій его въ юности, и ринулся опять въ бой, вмѣстѣ со своими старыми товарищами. Въ 1917 году, пока всенародная русская революція не была окончательно сметена натискомъ большевиковъ, Ан—скій опять оказывается на общеполитической аренѣ. Мы съ нимъ встрѣтились, какъ гласные въ петербургской городской думѣ въ самую послѣднюю пору ея дѣятельности, когда,за отсутствіемъ другой политической трибуны,она стала центромъ борьбы противъ большевизма. Мы сидѣли въ разныхъ секторахъ этого своеобразнаго парламента, были людьми разныхъ партій, но въ эту минуту шли къ одной цѣли, шли тѣми же путями. И отъ этихъ тягостныхъ дней, дней послѣднихъ нашихъ свиданій, у меня сохранился въ памяти тотъ же образъ восторженнаго, рвущагося въ бой старца съ львиной головой. Только какъ будто спина нѣсколько больше согнулась, и глаза стали глядѣть болѣе тускло...

Что онъ пережилъ за послѣдніе страшные три года, не знаю. Но тѣхъ страданій, которыя онъ перенесъ, до крушенія нашихъ надеждъ, той дани таланта, высокихъ помысловъ и чистыхъ стремленій, которыя успѣлъ при-

нести въ даръ еврейскому и русскому народу, достаточно для того, чтобы и среди еврейскаго и среди русскаго народа на всегда сохранилась о немъ благодарная память.

Парижъ, 1920 г.

НАЕДИНѢ СЪ КНИГОЙ

(Н. А. Полетаевъ)

Тихо сошелъ въ могилу Николай Александровичъ Полетаевъ, скромный труженикъ на нивѣ нашей цивилистики. Имя его пестритъ на страницахъ кропотливаго «Опыта комментарія» Анненкова, оно сопровождается большою описью статей и трудовъ въ Алфавитномъ указателѣ Поворинскаго, его не обойдетъ молчаніемъ ни одна регистраціонная работа въ области гражданскаго права. Практикъ найдетъ у него полезныя указанія, уяснитъ себѣ не одинъ вопросъ съ точки зрѣнія закона и сенатской практики. Но наука — та наука, которая ищетъ углубленнаго проникновенія въ общія идеи, творческаго начала въ ихъ выясненіи и связываніи конкретнаго съ общимъ — вѣроятно, забудетъ его. Ибо онъ умѣлъ воодушевляться лишь ограниченными, случайными предметами изслѣдованія, внося въ свою работу весь пылъ живого, не остывавшаго съ годами темперамента, всю безпредѣльную любознательность, но и всю случайность разсѣянныхъ наблюденій и всю неровность своей общей научной подготовки. По образованію естественникъ и юристъ, онъ съ одинаковымъ интересомъ писалъ о протозоахъ и о завѣщательныхъ отказахъ. Не знаю, въ какой степени разнообразны были его темы въ научно-естественной области; помню только, что этихъ естественно-научныхъ работъ на одной обложкѣ какой-то брошюры его было перечислено около 30. Но въ области юриспруденціи

можно поистинѣ сказать, что не было уголка, въ который онъ не проникалъ бы и въ которомъ не пытался бы подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателемъ. Тутъ и «давность виндикаціи», и «завѣщательные отказы», и «малоизвѣстныя наказанія прежняго времени въ Англіи и Америкѣ», и вопросъ «о душевной болѣзни одного изъ супруговъ» и «Шекспиръ и Іерингъ», и «искъ о признаніи юридическаго отношенія», и «объяснительная записка къ проектамъ таксъ на лѣсъ губ. Минской, Могилевской и Смоленской», и вопросъ «о дѣлимости признанія», и „causa obligationis“, и «наказъ императрицы Екатерины II», и «отвѣтственность акціонернаго общества передъ акціонерами» и многое, многое другое. Все это набросанныя спѣшно, въ видѣ статей или брошюръ, краткія разсужденія или, если хотите, умственныя впечатлѣнія, очень живо воспринятыя, сопоставляемыя съ такими же впечатлѣніями вчерашняго дня, — впечатлѣніями отъ книги, отъ случайно видѣннаго, испытаннаго. Они рѣдко даютъ законченный отвѣтъ на вопросъ, но всегда возбуждаютъ вниманіе читателя и слушателя, — а главное: всегда и неизмѣнно проявляютъ трогательный, сохранившійся до глубокой старости, интересъ автора къ знанію, къ движенію человѣческой мысли.

Полетаевъ былъ адвокатомъ, и адвокатомъ безупречно добросовѣстнымъ, чуть-ли не въ теченіе пятидесяти лѣтъ, — ходилъ почти до послѣднихъ дней по всѣмъ инстанціямъ, отъ высшихъ до самыхъ низшихъ, — но въ большой и пестрой семьѣ столичной адвокатуры его какъ-то не было замѣтно, да и для него адвокатскія занятія какъ будто шли мимо настоящей жизни. Настоящая жизнь была въ общеніи съ книгою, — въ ней, въ самомъ процессѣ воспріятія ея содержанія, крылись питавшіе его душу живительные соки. Среди подвижной

массы молодой, заполняющей коридоры петербургскаго суда, «палестры» — проскальзывала часто спѣшными шажками невысокаго роста старческая фигура, съ бѣлою, какъ лунь, бородою, съ оголеннымъ красивымъ черепомъ, съ вѣчно горящими голубыми глазами, куда-то глядящми поверхъ окружающаго, съ торопливыми движеніями, съ какимъ-то особымъ выраженіемъ чуждости той непосредственной средѣ, въ которой приходится двигаться. Подъ мышкою туго набитый портфель, изъ котораго торчала всегда, рядомъ съ дѣловыми бумагами, книга. Она сопровождала его и сюда, въ эту шумную, сутолочную, нервно-возбужденную обстановку. Рѣдкій адвокатъ умѣетъ читать книгу въ судѣ, въ безконечные часы ожиданія очереди по гражданскимъ дѣламъ. Волненіе передъ предстоящею схваткою — какъ бы ограниченъ ни былъ кругъ спорныхъ вопросовъ — владѣетъ человѣкомъ въ такой мѣрѣ, что никакое сосредоточеніе мысли невозможно; и безконечно дорогіе часы пропадаютъ даромъ въ томительномъ бездѣльи, въ нервномъ вытаптываніи каменныхъ плитъ коридоровъ, въ безцвѣтныхъ, случайныхъ бесѣдахъ. Двухъ только людей — отнюдь не равной мѣры — я видалъ въ дни судебныхъ засѣданій всегда за книжкою. Одинъ изъ нихъ былъ Спасовичъ. Ораторъ бурный, взволнованный и неровный, онъ обладалъ рѣдкимъ своеобразіемъ творчества — умѣніемъ воспламеняться непосредственно и цѣлостно въ моментъ подготовки къ дѣлу, когда мысль отливалась разомъ въ окончательно отточенную рѣчь, и затѣмъ заново воскрешать въ себѣ то же возбужденіе, съ виду такое непосредственное и свѣжее, въ моментъ произнесенія давно написанной рѣчи. Въ промежутокъ между этими двумя моментами полное внутреннее спокойствіе, никакого волненія, никакихъ сомнѣній. И до самой той минуты, когда, гля-

дя поверхъ очковъ, онъ неловко вытаскивалъ изъ перегруженнаго портфеля свои разграфленные въ клѣтку листочки съ заготовленною рѣчью, мысль его свободно витала въ любой области умственныхъ интересовъ. Онъ могъ читать Канта, изучать Байрона за минуту до произнесенія судебной рѣчи. Люди, не взысканные въ такой мѣрѣ судьбою, не обладающіе этимъ особливымъ даромъ двойного перевоплощенія, могутъ всецѣло оторваться душою отъ круга мыслей, которыя имъ придется сейчасъ же, черезъ мигъ воплотить и отстоять, только при одномъ условіи: если весь этотъ міръ, съ своеобразнымъ блескомъ творчества въ борьбѣ, внутренне имъ чуждъ, и есть у нихъ другой мірокъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, гдѣ свѣточъ ихъ творчества горитъ радостнѣе и ярче. Таковъ былъ Полетаевъ. Огонь его тихаго воодушевленія зажигался отъ прикосновенія къ чужой, вылившейся въ литературную форму, мысли, и онъ съ этимъ драцѣннѣйшимъ сокровищемъ своей жизни *не могъ* разстаться. Все остальное былъ эпизодъ: и дѣло предстоящее, и эти люди въ черныхъ фракахъ, снующіе кругомъ, и всѣ ихъ временные интересы, и торжественный залъ, и вся окружающая шумливая среда. Онъ и глядѣлъ потому поверхъ ихъ, не замѣчая ихъ, и прокладывая себѣ только спѣшно дорогу къ краешку скамейки, гдѣ онъ могъ вытащить изъ портфеля свою книгу.

Мысли падали изъ книги на эту изсохшую отъ неутолимой жажды знанія душу, которая не успѣвала перерабатывать ихъ, а поглощала какъ будто безслѣдно. То, за что мысль хотя бы на мигъ случайно зацѣплялась, что вызывало воспоминанія, сопоставленія, — быстро набрасывалось на бумагу въ видѣ статьи. Статьи печатались во всевозможныхъ повременныхъ изданіяхъ, но прежде и чаще всего шли въ видѣ докладовъ въ юридическое общество. Въ лѣтописи гражданскаго отдѣле-

нія петербургскаго юридическаго общества едва ли найдется докладчикъ болѣе усердный и болѣе продуктивный. Никто такъ часто не выручалъ насъ изъ бѣды во время хроническихъ застоевъ въ дѣятельности гражданскаго отдѣленія, какъ Полетаевъ; никто не былъ такъ безсмѣнно готовъ къ немедленному отклику на любое новое явленіе нашей гражданской жизни: новый законъ, новую книгу, новое сенатское разъясненіе. То было время, когда во главѣ отдѣленія стояли всѣ члены кодификаціонной комиссіи (Книримъ, Юреневъ, Карницкій, Поворинскій, Лыкошинъ, Ильяшенко), съ вниманіемъ прислушивавшіеся къ свободной критикѣ, откуда бы она ни исходила, — когда засѣданія общества носили характеръ интимныхъ бесѣдъ за длиннымъ столомъ, въ маломъ дружескомъ кругу. И мнѣ всегда казалось, что именно здѣсь, на этой незамѣтной, скромной научной аренѣ, скромный, сторонящійся отъ всѣхъ Полетаевъ раскрывался, находилъ то, чего не давала ему адвокатская трибуна. Онъ какъ-то выпрямлялся, въ приподнятомъ настроеніи становился у каѳедры, которая спеціально для него ставилась (всѣ мы докладывали, сидя за столомъ), и своею скороговоркою, съ подчеркиваніемъ, не всегда правильнымъ, но всегда возбужденнымъ, исполнялъ свое очередное священнодѣйствіе. И аудиторія платила ему сердечнымъ вниманіемъ, умиляясь передъ этимъ трогательнымъ, неподкупнымъ старческимъ порывомъ къ новому, къ работѣ мысли — въ какой бы сферѣ она ни проявлялась. И волненіе докладчика не улегалось до конца преній, къ которымъ онъ прислушивался, какъ-то особенно насторожившись, жаждая только одного: и здѣсь впитать въ себя новую крупицу истины, — сдаваясь сразу со всею искренностью и скромностью, когда противникъ убѣждалъ его, но за-

то страстно упорствуя, когда не удавалось выбивать его изъ позиціи.

Многіе изъ тѣхъ, съ кѣмъ приходилось ему тогда проводить эти, быть можетъ, самые счастливые вечера его жизни, уже отошли въ вѣчность, иные другимъ богамъ молиться стали. Долгъ тѣхъ, кто еще остался на посту, вспомнить съ умиленіемъ ушедшаго скромнаго соратника и тихо поклониться праху его.

Петербургъ, 1914 г.

РЫЦАРЬ ИСТИНЫ

(С. А. Бершадскій)

Профессоръ петербургскаго университета по каѳедрѣ исторіи философіи права, историкъ Литвы и историкъ евреевъ — все это совмѣщалось въ лицѣ Сергѣя Александровича Бершадскаго.

Въ бумагахъ его найдено мною нѣсколько весьма замѣчательныхъ, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныхъ, строкъ автобіографическаго характера. Онѣ составляютъ, повидимому, отрывокъ рѣчи, произнесенной при защитѣ диссертаціи. Сынъ малороссійскаго священника, Бершадскій росъ въ средѣ, въ которой доселѣ живо преданіе объ ужасахъ хмѣльничины и неразлучно съ нею связанномъ жидѣ-душегубцѣ. «Здѣсь на каждомъ шагу, ежечасно, ежеминутно встрѣчаешься съ еврейскимъ вопросомъ. Народныя украинскія пѣсни сохранили живыя воспоминанія о рѣшеніяхъ этого вопроса огнемъ и кровью. До сихъ поръ рыбаки, вытягивая неводъ, косари, возвращаясь съ поля, слѣпой бандуристъ на ярмаркѣ или рынкѣ, попѣваютъ какъ во времена Хмѣльницкаго или Гонты: — Не будетъ лучше, не будетъ краше, какъ у насъ на Украинѣ, нѣтъ жида, нѣтъ ляха, нѣтъ уніи. Такого рода пѣсни, разсказы, преданія и т. д. окружали мое дѣтство и отрочество, время безсознательной и полусознательной жизни. Мнѣ кажется, трудно было бы отыскать болѣе ревностнаго и болѣе убѣжденнаго ю д о ф о б а, какимъ былъ я».

Не вѣрится, когда читаешь, а между тѣмъ это писано

рукою Бершадскаго. Да и товарищи его по университету - евреи помнятъ еще, какъ этотъ дюжій, чумазый парень, съ большою окладистою бородою, съ угловатыми движеніями малоросса, грозилъ имъ, произнося по малороссійски на о: «погодите, ужъ я васъ изобличу».

И онъ пошелъ изобличать. Онъ удалился для этого въ архивы и тамъ сталъ искать матеріаловъ для своихъ грозныхъ обвиненій. Прошло нѣсколько лѣтъ, и явился первый плодъ этихъ розысковъ: «Опытъ новой постановки нѣкоторыхъ вопросовъ по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ», — но явился, къ удивленію, въ «Еврейской Библіотекѣ»; появилась затѣмъ другая работа — въ «Восходѣ», третья въ «Русскомъ Евреѣ» — все еврейскія изданія, и имя Бершадскаго до того крѣпко срослось съ ними, что большинство читателей искренне были убѣждены, что этотъ «убѣжденный юдофобъ» — самый безсомнѣнный еврей. Появилось, наконецъ, то, что составляетъ вѣнецъ его трудовъ — собраніе документовъ къ исторіи евреевъ въ Литвѣ и историческое изслѣдованіе о литовскихъ евреяхъ. Это два краеугольныхъ камня при оцѣнкѣ его творчества. Первое — собраніе документовъ — состоитъ изъ двухъ объемистыхъ томовъ и содержитъ около 700 актовъ въ подлинникахъ и извлеченіяхъ изъ первой эпохи поселенія евреевъ въ Литвѣ (съ 1388 г. по 1569 г.). Русская исторіографія знаетъ очень мало случаевъ, гдѣ бы одному спеціальному вопросу была посвящена такая коллекція. Чтобы ее собрать, нужно было стряхнуть архивную пыль съ сотенъ фоліантовъ, разобрать десятки тысячъ древнихъ рукописей и изъ этой массы выловить перлы. Для такихъ работъ у насъ учреждаются обыкновенно многоголовыя комиссіи; люди живутъ на мѣстахъ, гдѣ находятся архивы, получаютъ приличные оклады, имѣютъ соот-

вѣтственный штатъ помощниковъ и исключительно однимъ этимъ дѣломъ занимаются. И печатаютъ они не отдѣльный видъ актовъ, а въ большинствѣ случаевъ, въ томъ или иномъ порядкѣ, печатаютъ в с е содержаніе архива, — ни одинъ шагъ ихъ въ архивѣ не пропадаетъ даромъ. Бершадскій исполнилъ свой трудъ одинъ, черпалъ изъ Виленскаго и Кіевскаго архивовъ, живя большую часть года въ Петербургѣ, читалъ одновременно разные курсы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, долженъ былъ изъ массы сырого матеріала вылавливать лишь то, что пригодно было для его спеціальныхъ цѣлей. И весь этотъ трудъ исполненъ имъ по-истинѣ мастерски.

Одновременно съ собираніемъ кирпичей шла постройка зданія: въ 1883 г. издано изслѣдованіе «Литовскіе Евреи». На видъ изслѣдованіе заключено въ тѣсныя рамки 200 лѣтъ; на самомъ же дѣлѣ оно пытается дать схему всей литовско-еврейской исторіи, общій законъ ея развитія. Законъ этотъ опредѣляется отношеніемъ индивида къ общинѣ: свобода личности отъ давленія громады способствуетъ росту жизненныхъ силъ, преобладаніе общины ведетъ къ упадку. Съ особенною любовью останавливается Бершадскій на первой эпохѣ поселенія евреевъ въ Литвѣ, когда они наравнѣ съ прочимъ населеніемъ были близки къ землѣ, когда свободно вступали въ общегражданскія сдѣлки, когда въ вопросахъ публичнаго права индивидъ стоялъ непосредственно передъ лицомъ государства. Съ середины 16-го вѣка крѣпнетъ кагальная организація,въ половинѣ 17-го она достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Но и возникновеніе, и ростъ ея вызываются не присущимъ данной группѣ лицъ стремленіемъ къ обособленію; она зарождается и крѣпнетъ исключительно подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій: слабости государст-

венной власти и всемогущества господствующаго класса. Обезсиленное государство отдаетъ свою власть въ руки отдѣльныхъ группъ населенія; внутри группы устанавливается крѣпкая организація власти во-внѣ группа выступаетъ какъ одинъ человѣкъ. Передъ лицомъ государства она несетъ лишь одну обязанность:исправнаго, за круговою порукою, платежа повинностей. Рядомъ съ паденіемъ авторитета государственной власти идетъ паденіе авторитета закона,и необезпеченная отъ произвола личность ищетъ естественной опоры въ общинѣ. Могущественные классы поддерживаютъ и съ своей стороны,въ личныхъ видахъ, силу кагальной организаціи. Религіозный запретъ издавна стѣснялъ богатыхъ и сильныхъ магнатовъ въ производствѣ денежныхъ, наиболѣе выгодныхъ, операцій, — явилась тенденція маскировать ростовщическія сдѣлки, производить ихъ черезъ чужія, нехристіанскія руки. Кагалъ, какъ имущественная единица, дѣйствующая подъ круговою отвѣтственностью всѣхъ членовъ, представлялся наиболѣе удобнымъ контрагентомъ. Къ тому же на кагалъ со временемъ перешла отвѣтственность и за частныя обязательства отдѣльныхъ его членовъ: бывали случаи опечатанія синагогъ, какъ кагальнаго имущества, за частные долги. Все это представлялось чрезвычайно выгоднымъ имущему и господствующему классу. И когда современемъ, съ половины 17-го вѣка, возникаетъ броженіе внутри кагаловъ, когда, съ наростаніемъ богатой и властной кагальной олигархіи, въ низшихъ классахъ еврейства — въ «поспольствѣ» — пробуждается протестъ противъ давленія общины, кагалъ находитъ постоянную и дѣятельную защиту въ государственной власти и магнатахъ. Движеніе, обѣщавшее обильные плоды въ будущемъ, не успѣло благодаря этому развиться, — оборвалась нить исторіи государственнаго организма, въ которомъ

евреи жили — попытки лучшихъ польскихъ людей 18-го вѣка оказались запоздалыми, — и евреи съ клеймомъ государственной и экономической обособленности вошли въ составъ новаго организма.

Такова у Бершадскаго схема литовско-еврейской исторіи. Его интересуетъ не повѣствовательная ея часть, а общія теченія, основныя идеи, обобщенныя историософскія теоремы. И такую исторію написалъ тотъ самый человѣкъ, который годы просиживалъ въ архивахъ и издалъ прекрасную коллекцію архивныхъ матеріаловъ. Нужно было особенное сочетаніе внутреннихъ силъ, чтобы исполнить съ одинаковымъ мастерствомъ двѣ столь различныя задачи.

Бершадскій по профессіи былъ государствовѣдъ - философъ; онъ читалъ въ университетѣ исторію философіи права, самъ любилъ заниматься философіею и имѣлъ въ ней большія познанія. Однако, до самостоятельнаго творчества онъ въ ней не доросъ, и даже изложеніе чужихъ системъ не отличалось у него оригинальностью. Но сила отвлеченія, неспособная обнять вселенную, оказалась способною обнять одинъ уголокъ ея, и стремленіе къ абстрактному мышленію создало еврейскую исторіографію.

Рядомъ съ философомъ жилъ въ Бершадскомъ — мало замѣтный для тѣхъ, кто не зналъ его ближе — художникъ. При разборкѣ его бумагъ, изъ груды магистратскихъ, замковыхъ и прочихъ урядовыхъ актовъ внезапно выскакиваетъ головка, нарисованная его рукою, фигура средневѣковаго рыцаря, пейзажъ. Лѣтніе досуги онъ проводилъ на берегу моря — и впечатлѣнія свои переливалъ на холстъ. Этими опытами увѣшаны были всѣ стѣны его кабинета. Библіотека его изобиловала прекрасными коллекціями гравюръ. Внимательный глазъ читателя не можетъ не замѣтить, что и въ «Литов-

скихъ Евреяхъ» въ самомъ внѣшнемъ видѣ книги сквозятъ замашки художника: начало и конецъ каждой главы вѣнчаетъ особый орнаментъ. Еще характернѣе въ этомъ отношеніи позднѣйшее изданіе — изслѣдованіе о литовскомъ наслѣдственномъ правѣ, — гдѣ вся обложка покрыта рисунками собственной композиціи Бершадскаго. Его интересовало спеціально и еврейское искусство: въ бумагахъ его остались первыя страницы только-что начатой статьи объ исторіи еврейскаго искусства; онъ просиживалъ въ Публичной Библіотекѣ надъ еврейскими фоліантами и срисовывалъ съ нихъ орнаменты. Странную картину представлялъ залъ рукописнаго отдѣленія библіотеки, когда Бершадскій вмѣстѣ съ другимъ любителемъ еврейскаго искусства, Владиміромъ Васильевичемъ Стасовымъ, оглашали своими зычными голосами своды обычно-тихаго древлехранилища, стараясь перещеголять другъ друга въ похвалахъ еврейской орнаментикѣ.

Эта любовь къ пластикѣ, къ живой, конкретной и особенно оригинальной, выпуклой дѣйствительности, выступала у Бершадскаго и когда онъ говорилъ объ еврейской старинѣ. Онъ зналъ каждаго еврея въ Вильнѣ, въ Брестѣ, въ Гроднѣ 14, 15, 16 вѣка, зналъ каждый уголъ и закоулокъ города. Въ разговорѣ съ нимъ возставали передъ вами Нѣмецкія, Ятковыя, Жидовскія и прочія улицы, съ ихъ высокими узкими домами, съ тѣсными дворами, кривыми окнами, причудливыми выступами, — возставали живыя и характерныя фигуры обитателей, съ ихъ оригинальными костюмами, со всѣмъ своеобразіемъ средневѣковаго уклада жизни. Онъ зналъ ихъ всѣхъ и по своему любилъ. Я думаю, что только при такой особой любви къ пластикѣ, къ своеобразію и можно быть превосходнымъ архиваріусомъ, оставаясь живымъ и чуткимъ человѣкомъ.

Но и эта любовь къ пластикѣ была недостаточна для самостоятельнаго творчества; она направилась въ другую сторону: она нашла себѣ приложеніе тамъ, куда съ юности еще толкали Бершадскаго бряцанье старца бандуриста и пѣсни малороссійскихъ косарей и рыбаковъ.

Надъ этими внутренними силами царствовало у Бершадскаго одно верховное начало. Изъ всѣхъ философовъ древнихъ и новыхъ особенно близокъ былъ сердцу его Платонъ. Онъ въ него вѣрилъ: онъ вѣрилъ, что есть особый міръ идей, и что человѣкъ призванъ въ сей жизни водворять ихъ господство на землѣ. И самъ онъ сталъ служителемъ одной изъ этихъ идей. Эта идея была — справедливость. Ея завѣтъ онъ начерталъ на первой страницѣ своей исторіософіи; ея факелъ онъ несъ всюду, куда его ни направляла судьба. Благо намъ, что она занесла его въ нашъ край, такъ сильно нуждавшійся въ свѣтѣ правды.

Изумительно по-истинѣ: безвинно пролитою еврейскою кровью питалась украинская пѣсня, и та же пѣсня взлелѣяла заступника за обиды угнетеннаго народа. Потомокъ тѣхъ, кто насъ жегъ и истязалъ, возсталъ, чтобы повѣдать свѣту про вѣковыя обиды истязуемыхъ. Отдѣляясь отъ сомкнутаго строя нашихъ хулителей, онъ и намъ говорилъ: «Вамъ чинили неправду. Не вы были осквернителями святынь: въ васъ вѣками оскверняли величайшую святыню — человѣческое достоинство. Воспряньте же духомъ». И дерзалъ онъ такъ говорить потому, что душою былъ праведникъ.

Петербургъ, 1897 г.

PRAESES MAGNIFICUS

(В. О. Люстихъ)

— «Когда стукнуло 70 лѣтъ, надо быть каждый мигъ готовымъ».

Таковы были послѣднія его слова при недавнемъ нашемъ прощаніи. Онъ былъ тогда еще бодръ, здоровъ, ничего не предвѣщало конца, но онъ добросовѣстно велъ счетъ своимъ годамъ и аккуратно готовился, — какъ добросовѣстно и аккуратно дѣлалъ все на свѣтѣ. Изъ насъ, болѣе молодыхъ, — тѣхъ, кто вступилъ въ адвокатуру около четверти вѣка назадъ, — никто 70-ти лѣтъ Люстиха не замѣчалъ. Онъ былъ такой же прямой, стройный, — такъ же свѣтелъ былъ взглядъ его голубыхъ сентиментальныхъ глазъ, — такъ же бѣла была сѣдина волосъ и бороды. Сѣдина эта, повидимому, съ юности къ нему пристала, едва ли многіе изъ оставшихся въ живыхъ помнятъ его инымъ — брюнетомъ или блондиномъ, не знаю. И какъ-то казалось, что молодая шевелюра и не шла бы къ нему. Онъ такъ былъ смолоду уже старчески умудренъ, — такъ ровенъ душою, такъ крѣпокъ въ убѣжденіяхъ, такъ неизмѣнно вѣренъ избранному пути... Такъ ему чужда была всякая суетливость, непостоянство, даже всякое увлеченіе, — точно онъ отъ роду былъ уже зрѣлъ. Оттого онъ и душевно не мѣнялся съ годами. Одѣтый въ броню принциповъ, святость которыхъ никогда не возбуждала въ немъ со-

мнѣній, чуждый страстей, онъ спокойно шелъ впередъ и донесъ до гроба нетронутымъ тотъ запасъ идей, которыми въ юности проникся. То были идеи простѣйшія, и ихъ было немного. Онъ вѣрилъ, что общество зиждется на фундаментѣ права, и что правовое начало не можетъ проявиться въ атмосферѣ неравенства — сословнаго, національнаго, соціальнаго. Онъ вѣрилъ, что развитіе и преуспѣяніе общества достижимо мирными, культурными путями и отвергалъ всякое насиліе, всякій неправовой методъ общественной борьбы, кѣмъ бы онъ ни примѣнялся: властью или обществомъ. Этими идеями онъ жилъ — ихъ онъ пронесъ черезъ всѣ жизненныя бури. Набожная преданность правовому началу опредѣлила и его жизненный путь. Она его толкнула въ профессію, задачей которой всегда было и остается насаждать и укрѣплять правовое начало; она его связала съ этой профессіей узами особой, нѣжной, родственной — я бы сказалъ: отцовской — близости.

Внѣшними данными для этой профессіи онъ не обладалъ: голосъ тихій, рѣчь не плавная, затрудненная и какая-то робкая до самой старости, темпераментъ не боевой, — ни подвижности, ни внѣшняго блеска. А взамѣнъ всѣхъ этихъ, несомнѣнно нужныхъ адвокату данныхъ, одна только глубокая, непреклонная, искренняя преданность самой идеѣ права. И если бы нужно было доказать, что въ этой именно преданности — а не во внѣшнихъ орудіяхъ — истинный, живительный нервъ адвокатуры, что она въ состояніи преодолѣть и внѣшнія препятствія, что она сильнѣе и значительнѣе всѣхъ внѣшнихъ данныхъ, — карьера Люстиха служила бы живымъ тому примѣромъ. Онъ стоялъ долгіе годы во главѣ Совѣта — этимъ онъ обязанъ былъ своей выдающейся моральной силѣ. Но онъ стоялъ также долгіе годы въ ряду лучшихъ нашихъ адвокатовъ-цивилистовъ, а этого

онъ достигъ исключительно присущимъ ему правовымъ чувствомъ, — желаніемъ и умѣніемъ проникнуть въ каждый комплексъ жизненныхъ явленій однимъ только путемъ, съ одною мѣркою: съ мѣркою права. Онъ не былъ ученымъ юристомъ, хотя нѣкогда пробовалъ свои силы и на научно-литературномъ поприщѣ, онъ и не умѣлъ возлетать высоко въ сферу абстракціи. Онъ твердо зналъ основные принципы тѣхъ юридическихъ отношеній, которыми приходилось оперировать, зналъ законъ, зналъ сенатскую практику и въ ихъ предѣлахъ отыскивалъ въ данномъ конкретномъ фактѣ то, что его связывало съ правовою сферою. А отыскавъ правовую основу, онъ ее претворялъ разомъ въ крѣпкое свое убѣжденіе, имѣвшее для него силу моральнаго императива, — и убѣжденіе это, въ силу обычной его сдержанности и глубокой искренности, становилось уже a priori автотетнымъ для судьи. Это былъ авторитетъ не возраста и не накопленнаго опыта — это былъ авторитетъ воплощаемой въ человѣкѣ правовой идеи.

Въ правовыхъ его воззрѣніяхъ, въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ на консультаціяхъ, не было особой оригинальности, рѣдко была выдумка, но была солидность, дѣловая твердость — была та средняя житейская линія, по которой обычно идетъ судья. Кто-то изъ адвокатовъ такъ и объяснилъ мнѣ когда-то, почему онъ всегда привлекаетъ Люстиха къ консультаціямъ:

— Я желаю знать, что скажетъ судья. Вильгельмъ Осиповичъ — мой оракулъ. Другіе консультанты дадутъ мнѣ новыя идеи, расширятъ горизонтъ, а онъ, не очень углубляясь, скажетъ впередъ то самое, что скажетъ потомъ судья.

Покойный Пассоверъ находилъ, что адвокатъ долженъ возвыситься надъ судьею, чтобы затѣмъ къ нему снизойти. Люстихъ этого не умѣлъ — онъ былъ по

кругозору своему на одномъ уровнѣ съ судьею; судья это чувствовалъ и впередъ дарилъ ему свое довѣріе.

Непреклонная, упрямая вѣра въ правовые пути не оставляла его и въ политической сферѣ. И тутъ-то былъ моментъ, когда между нимъ и всѣми нами — большинствомъ его товарищей, обычно съ нимъ солидарныхъ, — воздвиглась непроходимая, казалось, стѣна. То было время, когда политическая жизнь страны вышла изъ обыденнаго русла, когда судьбы родины рѣшались — и это всѣми чувствовалось — въ зависимости отъ того, сумѣетъ ли новое, безформенное еще, но руководимое тѣми же идеалами права и свободы, движеніе властно проявить себя во-внѣ. Онъ этого не понималъ — онъ не признавалъ никогда и ни при какихъ условіяхъ ничего властнаго, что не покоится на формальномъ правѣ,—и, одинъ среди бушующей толпы, съ несвойственнымъ ему жаромъ и гнѣвомъ удерживалъ отъ «пролитія хотя бы единой капли крови» для достиженія хотя бы самыхъ заманчивыхъ идеаловъ. Это происходило 10 января 1905 года въ большомъ, неуютномъ коридорѣ петербургскаго суда, когда по зову товарищей, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, собралось 325 человѣкъ адвокатовъ, для обсужденія «вопросовъ, связанныхъ съ событіями вчерашняго дня». Собраніе было единственное въ своемъ родѣ. Люди весьма умѣренныхъ убѣжденій объявляли, что срываютъ съ себя адвокатскій знакъ и отрекаются отъ присяги. Молодые товарищи изъ пригородныхъ мѣстъ разсказывали о готовящихся рабочихъ выступленіяхъ и объ ужасахъ минувшаго дня. Предлагалась адвокатская забастовка: она представлялась всѣмъ самымъ невиннымъ и мизернымъ способомъ реакціи — всѣмъ, кромѣ Люстиха. Помню, какъ онъ, стоя гдѣ-то въ толпѣ, невидимый при тускломъ свѣтѣ

двухъ стеариновыхъ свѣчей (электричество не горѣло), — громкимъ голосомъ, по которому я его не узналъ — попросилъ слова, и какъ затѣмъ блѣдный, весь дрожа, продвинувшись къ тому мѣсту, гдѣ я, стоя, предсѣдательствовалъ, заговорилъ — на сей разъ съ необычайною плавностью и подъемомъ — о томъ, что адвокатъ ни въ коемъ случаѣ не въ правѣ бастовать, что отказывая нуждающемуся единожды въ правовой защитѣ, онъ не только караетъ невиннаго, но и колеблетъ общественный порядокъ. За забастовкою ему виднѣлось насиліе и кровопролитіе, а противъ нихъ онъ возставалъ со всѣмъ доступнымъ ему паѳосомъ.

Онъ не дѣлилъ затѣмъ ни нашихъ восторговъ, ни нашихъ горестей во всю послѣдующую тревожную эпоху. Молодое поколѣніе особенно чувствительно охладѣло къ нему. Непривычное идейное одиночество въ средѣ своей сословной семьи, въ связи съ нѣкоторою принципіальною прямолинейностью, толкнуло его въ ряды октябристовъ—партіи,съ которою онъ ни по своему прошлому, ни по своему душевному складу не могъ быть внутренне связанъ; его могла связать съ октябристами только утрируемая ими, въ полемическихъ цѣляхъ, «подзаконность» всей ихъ тактики. Но и воззрѣнія его на національные вопросы и демократическій строй его мыслей не могли не дѣлать его чуждымъ этой, довольно быстро проявившей свою «націоналистическую» сущность, антидемократической группѣ Онъ и бросилъ скоро политику и отдался муниципальной общественной дѣятельности. На службу сословію онъ болѣе не вернулся, но улегшаяся политическая буря примирила съ нимъ вновь молодыхъ и старыхъ, и послѣдніе годы жизни онъ опять сталъ прежнимъ, единодушно признаваемымъ и уважаемымъ патріархомъ сословія.

Спасовичъ назвалъ его praeses magnificus адвокатскаго сословія. Онъ, дѣйствительно, возсѣдалъ величественно на своемъ престолѣ, — красивая голова его и уравновѣшенныя движенія, и суровая сдержанность тона придавали особую торжественность нашей правительственной коллегіи. Безъ принудительныхъ законныхъ нормъ, устанавливающихъ чинъ засѣданій, при внутренней простотѣ отношеній, установилось, однако, особенное внѣшнее благолѣпіе, обязывающее всѣхъ участинковъ къ дѣловитой выдержкѣ, — устранена была грозящая у насъ всякимъ вольнымъ коллегіямъ опасность легкой распущенности и запанибратства. Судъ, какъ судъ, и правительство, какъ правительство. И это чувствовалъ каждый молодой стажеръ при первомъ шагѣ своемъ въ сословіи — въ самую минуту пріема его въ составъ корпораціи. Однако, magnificentia нашего предсѣдателя не была чѣмъ-то внѣшнимъ, напускнымъ, самодовлѣющимъ. Благообразной внѣшности соотвѣтствовалъ и особый внутренній стиль: особая душевная опрятность, пуританская строгость въ маломъ и большомъ — прежде всего въ отношеніи къ самому себѣ. И эта строгость къ себѣ заразительно дѣйствовала на другихъ, она отражалась и въ общемъ отношеніи къ нашему, такъ называемому, сословному кодексу, вырабатывавшемуся долгіе годы при его ближайшемъ участіи, подъ непрерывнымъ моральнымъ его воздѣйствіемъ. Пусть первые вожди сословія — Спасовичи, Арсеньевы — дали болѣе глубокія идейныя основы, очертили орлинымъ взмахомъ общій кругъ дѣятельности на долгіе годы, установили путеводныя вѣхи: онъ изо-дня въ день, съ негаснущимъ рвеніемъ прозелита, расчищалъ поле внутри очерченнаго круга, укрѣплялъ устои, таскалъ кирпичи на возводимое въ строгомъ стилѣ зда-

ніе, строилъ изъ благороднаго матеріала безукоризненно чистыхъ помысловъ и неподкупнаго голоса совѣсти.

Съ Люстихомъ сошла въ могилу цѣлая полоса нашей сословной жизни, — эпоха, когда укрѣплялись основы адвокатской организаціи. Трудъ отходящихъ съ нимъ поколѣній не прошелъ даромъ: зданіе стоитъ крѣпко. Такимъ крѣпкимъ сознавалъ его онъ самъ; такимъ его сознавали, уходя со сцены, и его товарищи — первые наши зодчіе. И надъ свѣжею могилою одного изъ вдохновителей и творцовъ нашей сословной жизни да раздастся вмѣстѣ со словомъ благодарности и бодрое слово вѣры, не смущенное никакими малодушными воплями о наступившемъ или грядущемъ разложеніи.

Иматра (Финляндія), 1915 г.

ПАЛАДИНЪ ЗДРАВАГО СМЫСЛА.

(П. А. Потѣхинъ)

Скончался Потѣхинъ... Свалился кряжистый дубъ костромскихъ лѣсовъ, котораго, казалось, ничто надломить не можетъ. Кто видалъ когда-либо эту широкоплечую, коренастую, съ твердою, свинцовою поступью, фигуру ,съ окладистою, русою, въ послѣдніе только годы посѣдѣвшею и укороченною бородою, съ крупными чертами лица, съ крѣпкими зубами, съ шапкой нерѣдѣющихъ волосъ на высоко поднятой головѣ — тотъ не могъ не чувствовать въ ней чего-то почвеннаго, неизживающагося, ядрено-здороваго, недоступнаго воздѣйствію преходящихъ жизненныхъ невзгодъ, и, казалось, неподвластнаго даже сокрушительному дѣйствію смерти. Соотвѣтственный фигурѣ и голосъ, — глубокій басъ, единственный въ своемъ родѣ по полнотѣ и силѣ, всегда одинаковый, безъ модуляцій, не пѣвучій, но какой-то особенно звонкій. Раскаты этого голоса, какъ звонкій гулъ горняго колокола, долго таяли въ воздухѣ и лелѣяли ухо, когда рѣчь уже давно умолкла. Одного только оратора въ мірѣ я слышалъ съ голосомъ, подобнымъ этому: то былъ Жоресъ. Въ нашей средѣ, при всемъ богатствѣ дарованій нашихъ судебныхъ и политическихъ ораторовъ, при всемъ разнообразіи внѣшнихъ ихъ данныхъ, — не упомню человѣка, который бы обладалъ голосомъ такой исключительной силы. Именно

въ силѣ тутъ было дѣло, — не въ обаятельности, не въ красотѣ, а въ той самой нутряной силѣ, которая сказывалась и въ фигурѣ, и въ поступи, и во всѣхъ движеніяхъ, — которая сказывалась и во всѣхъ душевныхъ процессахъ. Кругозоръ не широкій, но безоблачно ясный, крѣпко стянутый мыслительнымъ обручемъ. Ни раздвинуть, ни сломать этотъ обручъ никто не былъ бы въ силахъ. Всякая попытка со стороны расширить перспективу, ввести новые элементы въ процессъ мышленія вызывала нѣкоторое безпокойство, минутное смущеніе, послѣ котораго съ неизбѣжностью рока слѣдовало изверженіе чужероднаго начала и выправка сдавшаго на минуту стального круга. Никакого разнообразія нюансовъ, никакой красочности, — я бы сказалъ даже: никакой музыкальности, никакой лирики. Одна примитивная землистая сила. Но сила, не кинутая во власть неуравновѣшенной стихіи, а сдерживаемая прочными, нѣсколько жесткими, цѣпями здраваго практическаго смысла. Не логики. Это было бы слишкомъ широко. Самодовлѣющія логическія построенія, сцѣпленныя съ бытіемъ только первою своею посылкою и затѣмъ свободно парящія, повинуясь только своему внутреннему закону, были ему чужды. Его контрольный аппаратъ слѣдовалъ за мыслью на каждомъ шагу и имѣлъ смѣлость останавливать ее именно тамъ, гдѣ она пыталась ускользать отъ его жизненнаго, почвеннаго здраваго смысла. Это не была робость, останавливающаяся на полпути въ смутномъ сознаніи своего безсилія идти дальше. Нѣтъ, это была дерзость бойца, видящаго, куда заведутъ его эти чуждые ему пріемы, и сознательно кидающаго имъ вызовъ, презрительно топчущаго ихъ въ грязь, отдѣлывающагося отъ нихъ высокомѣрною насмѣшкою, въ царственномъ сознаніи пріо-

ритета той силы, которая ему дана, и которою онъ ворочаетъ, точно циклопъ обломками скалъ.

Въ средѣ адвокатовъ перваго выспуска — утонченныхъ интеллигентовъ, связанныхъ съ литературою, кинувшихся въ адвокатуру, какъ на одинъ изъ этаповъ общественнаго служенія, — онъ долженъ былъ чувствовать себя не совсѣмъ дома; онъ и не присталъ къ нимъ, не вошелъ въ ихъ интимные кружки, при всей дѣловой съ ними близости. Какъ ни тѣсенъ былъ весь кругъ адвокатуры въ то время,какъ ни часто и близко всѣ другъ съ другомъ сталкивались—особенно люди, быстро выдѣлившіеся — тѣмъ не менѣе и Стасовъ, и Арсеньевъ, и Спасовичъ, а затѣмъ Урусовъ, Андреевскій, Пассоверъ, представляли собою нѣчто чуждое. — я бы сказалъ: нѣчто непереваримое — для этого провинціальнаго гиганта-самородка. Онъ превосходилъ талантомъ многихъ изъ нихъ, но былъ проще, грубѣе, необтесаннѣе ихъ, а главное: повидимому, не желалъ быть ни сложнѣе, ни тоньше, ни глаже, — вполнѣ сознавая свою внутреннюю цѣнность въ томъ видѣ, какъ онъ сложился и вышелъ изъ костромскихъ лѣсовъ.

И разговоры его на общія темы всегда держались въ сферахъ болѣе низкихъ, обывательскихъ, и шутки были грубоваты, и полета фантазіи не было въ бесѣдѣ, и литературныя познанія въ ней сказывались весьма умѣренныя, простенькія, доморощенныя. Была въ нихъ только всегда и неизмѣнно та же здоровая мужицкая сила разума и всегда тотъ же божественный даръ сочетанія ясной, простой мысли съ яснымъ, простымъ словомъ.

Когда провинціалъ Некрасовъ явился въ Петербургъ, Бѣлинскій, прочитавъ его стихи, пришелъ въ восторгъ и воскликнулъ: «Что за талантъ у этого человѣка! И

что за т о п о р ъ его талантъ!» [1]) Вотъ такой топоръ данъ былъ природой и Потѣхину. Не скальпель Пассовера, и не звучная лира Андреевскаго, и не рубенсовская кисть Спасовича, а топоръ, — здоровый, хорошо отточенный, никогда не тупѣющій, ловко къ рукѣ прилаженный, стальной топоръ, отъ ударовъ котораго падали и матерыя дерева и, особенно часто, нѣжныя, филигранныя, сотканныя изъ формально-логической матеріи, постройки. Онъ и пустилъ свой топоръ въ ходъ мѣтко сразу по тому самому мѣсту, на которомъ онъ могъ проявить наибольшую силу. Всѣ остальные — Стасовъ, Арсеньевъ, Спасовичъ, Унковскій — пришли въ адвокаты изъ профессуры, изъ общественной службы; Потѣхинъ сталъ сразу адвокатомъ, еще до существованія у насъ адвокатуры: онъ былъ единственный — по крайней мѣрѣ изъ нашихъ современниковъ — начавшій свою дѣятельность въ качествѣ стряпчаго и ходатая въ дореформенныхъ судахъ. Помню, какъ онъ разсказывалъ у насъ въ старомъ адвокатскомъ клубѣ на Фонтакнѣ о своихъ похожденіяхъ въ Управахъ Благочинія и другихъ судебно-полицейскихъ учрежденіяхъ начала шестидесятыхъ годовъ,—вспоминалъ быль, которая намъ казалась легендою, — о вымогательствахъ, о безсудіи, о произволѣ и о той печальной роли, которая выпала на долю дореформенной «адвокатуры». Крѣпкаго душою, сразу почуявшаго свое истинное призваніе, человѣка эта гнилая атмосфера не испортила: поступивъ въ присяжную адвокатуру, онъ вдохновился ея первичными идеалами и во всей чистотѣ пронесъ ихъ до конца дней.

Въ адвокатурѣ онъ занялъ мѣсто одного изъ первыхъ — если не перваго — среди нашихъ цивилистовъ. Для криминалиста были у него внѣшнія данныя, но не

---

1) Письмо Бѣлинскаго къ Тургеневу (Сборникъ писемъ Бѣлинскаго, Спб. 1914, т. III, стр. 181).

было души, не было интереса къ интимнымъ личнымъ переживаніямъ, къ царству слѣпой страсти, къ міру ирраціональнаго, къ импульсамъ политическаго свойства. Въ гражданскихъ отношеніяхъ, гдѣ регуляторомъ является одна воля, гдѣ побѣждаетъ чаще всего отважный пловецъ съ сильными мускулами, гдѣ для пониманія отношеній требуется ощущеніе здороваго хозяйственнаго расчета — онъ былъ въ своей средѣ. Онъ и здѣсь не творилъ и не желалъ творить ничего новаго, онъ держался вдали отъ предѣльныхъ, сумеречныхъ линій, гдѣ область права соприкасается или смѣшивается съ областью морали или государственнаго интереса, гдѣ создаются новыя цивильныя построенія, обвѣянныя соціальными элементами. Сила его была не въ созиданіи новаго, а въ четкой, непреоборимой аргументаціи въ сферѣ стараго, обыденнаго. Вѣхами на пути служили ему X томъ, кассаціонная практика и, кажется, больше ничего. Люстихъ, котораго объединяло съ Потѣхинымъ чувство жизненной мѣры, неумѣніе или нежеланіе « воспарять » въ высь, былъ образованнѣе, во всякомъ случаѣ начитаннѣе Потѣхина. Но онъ былъ безконечно слабѣе Потѣхина въ аргументаціи и, слѣдовательно, въ самомъ важномъ для адвоката : въ способности убѣдить слушателя. Преклоненіемъ передъ X томомъ дышали всегда и рѣчи Пассовера, но это преклоненіе — въ той мѣрѣ, въ какой оно было искренне, — вытекало изъ нѣсколько надуманнаго англоманскаго консерватизма, чуть-чуть снисходительно-презрительнаго къ предмету преклоненія. Потѣхинъ не преклонялся, но и не презиралъ; онъ дышалъ X томомъ, какъ дышетъ человѣкъ воздухомъ, своей природной стихіей. Онъ не воскрешалъ съ романтическимъ захлебываніемъ институтовъ временъ Царя Алексѣя Михайловича, подбирая для сего разсѣянныя по X тому крупицы; но и не очень возмущался изъянами X

тома и не горевалъ объ отсталости его отъ западно-европейскихъ кодексовъ. Эти западно - европейскіе кодексы, — да и самые языки, на которыхъ они написаны, —были ему знакомы мало,и онъ по нимъ не тосковалъ,а изъяны X тома восполнялъ легко и просто... отъ здраваго смысла. И такъ какъ этотъ здравый смыслъ никогда его не обманывалъ, и такъ какъ судья, котораго онъ долженъ былъ вести за собою, тоже только этого и искалъ, и такъ естественно, ровно и хорошо осваивался съ его простою, житейскою, ядреною аргументаціею, то даже какъ будто исчезала грань между тѣмъ, что есть въ X томѣ, и тѣмъ, чего нѣтъ. — ибо должно же оно гдѣ-нибудь быть, это простое, ясное, такое сродное X тому, всему стилю его, всей его атмосферѣ... И потому формальный поклонникъ X тома, Пассоверъ, такъ искалъ и цѣнилъ Потѣхина: такъ стосковавшійся по вѣрѣ скептикъ цѣнитъ наивно вѣрующее дитя. Цѣнилъ и Потѣхинъ Пассовера, — и даже не просто цѣнилъ, а, если угодно, изумленно преклонялся передъ блескомъ его умственнаго аппарата, какъ преклоняется дитя природы передъ прихотливою игрою артиста, не зная, какъ и почему все такъ кругло у него выходитъ, но добродушно смѣясь надъ тѣмъ, что оно такъ вышло, и радуясь, что проняла штука публику.И длинный роскошный консультаціонный кабинетъ Потѣхина не разъ оглашался здоровымъ басистымъ хохотомъ хозяина, когда тонкій дискантъ Пассовера въ заключеніе консультаціи выводилъ какую-нибудь очередную « штуку ».

Этотъ длинный и узкій кабинетъ коричневаго потѣхинскаго особняка на Литейномъ впиталъ въ себя много, очень много консультаціонной премудрости. Не за круглымъ рыцарскимъ столомъ, а за изящнымъ, въ стилѣ рококо, продолговатымъ столомъ съ золоченіями и инкрустаціями возсѣдали тамъ, въ великолѣпныхъ крес-

лахъ по четыремъ угламъ стола, обращенные попарно лицомъ другъ къ другу, великіе мастера ордена цивилистовъ и предварительно рѣшали всѣ тѣ вопросы, которые затѣмъ, выведенные на широкую арену судебнаго спора, пріобрѣтали громкую извѣстность. Смѣнялись поколѣнія, умирали одни, приходили другіе, только старый дубъ не гнулся. Попрежнему онъ возсѣдалъ за консультаціоннымъ столомъ на своемъ неизмѣнномъ мѣстѣ и, попивая чай, по старому обычаю, въ прикуску, изъ огромной, единственной въ своемъ родѣ, чашки, вглядывался своими умными голубыми глазами въ говорящаго, бурно врываясь время отъ времени въ его рѣчь то краткимъ, недоумѣннымъ, но по ясности своей убійственнымъ, вопросомъ, то плохо сдерживаемою смутительною улыбкою, то громкимъ возгласомъ одобренія. Въ тѣ годы, когда мнѣ пришлось впервые вступить « въ придѣлъ къ храму судебныхъ установленій », какъ Пассоверъ любилъ называть кабинетъ Потѣхина, наиболѣе частыми засѣдателями за продолговатымъ столомъ были, кромѣ хозяина, Пассоверъ и Люстихъ; четвертый уголъ занимали обычно адвокаты minorum gentium — приходилось довольно часто съ тѣхъ поръ занимать его и мнѣ. Моимъ vis-à-vis былъ самъ Павелъ Антиповичъ, и, какъ это ни странно, самое это случайное расположеніе мѣстъ вызывало болѣе частый непосредственный colloquium между консультантами vis-à-vis и, естественно, болѣе внимательное наблюденіе за мыслью, за рѣчью, за игрою лица непосредственнаго собесѣдника. И игра лица моего vis-à-vis была такъ выразительна, и реакція на высказываемыя мысли такъ ясно обнаруживалась и въ блескѣ глазъ, и въ сходящихся и расходящихся морщинахъ открытаго лба, и въ особенной, нѣсколько лукавой, улыбкѣ крупныхъ губъ, что и безъ словъ съ его стороны можно было знать, до

какого пункта онъ идетъ съ тобою, и гдѣ нить обрывается, — гдѣ тотъ предѣлъ, за которымъ его практическое чутье отказывается уже слѣдовать за вашими, слишкомъ для него утонченными, воззрѣніями. Тутъ именно о предѣлѣ рѣчь шла, о степени, а не о разногласіи въ существѣ. Такихъ разногласій, споровъ основныхъ между нами я не помню; но отчетливо помню случаи — да чуть ли не въ каждомъ конкретномъ дѣлѣ бывали такіе отдѣльные моменты, — гдѣ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ Павелъ Антиповичъ останавливался, точно опускалъ мощно свою длань, отдѣляя чистое отъ нечистаго: доселѣ можно, а дальше ни на шагъ.

Вотъ уже лѣтъ пять, какъ « придѣлъ » сталъ пустѣть. Первымъ ушелъ наиболѣе своеобразный и наиболѣе частый посѣтитель, — исчезъ худой человѣкъ, съ барашковой шапкой въ рукѣ, угловатою походкою сюда входившій, съ опущенною головою и мертвеннымъ лицомъ слушавшій, раскидывавшій затѣмъ обворожительные фейерверки рѣчи, остроумной, находчивой, язвительной, и, стремительно схвативъ шапку, съ послѣднимъ словомъ срывавшійся съ мѣста и вылетавшій въ дверь, точно кѣмъ-то гонимый. Умеръ Пассоверъ. Исчезъ затѣмъ, вотъ уже скоро годъ, высокій, голубоглазый, молодой старецъ, Люстихъ, всегда въ черномъ сюртукѣ, важно, съ спокойнымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушавшій и мѣрно, полно и добросовѣстно, съ превосходнымъ знаніемъ дѣла, излагавшій свое мнѣніе, — корректно, но упорно, до конца споря и возражая. Придѣлъ, однако, все еще былъ открытъ: молящіеся — помоложе и пониже рангомъ — въ него заходили, ибо главный жрецъ все стоялъ на посту и до послѣдняго вздоха оберегалъ не гаснущій на алтарѣ огонь. Теперь отошелъ въ вѣчность и самъ великій понтифексъ, — огонь потухъ.

Петербургъ, 1916 г.

Того же автора:

Конфликты въ первой Думѣ, СПБ. 1907.

Исторія Выборгскаго воззванія, Берлинъ 1909. 2-е изд., Петроградъ 1917.

Очерки объ адвокатурѣ, СПБ. 1902.

Рѣчи (Изъ думскихъ отчетовъ), СПБ. 1907.

Адвокатура и правовое государство, СПБ. 1905.

Изъ области цивилистики, СПБ. 1908.

Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII вѣка, Варшава 1888.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Наше правительство (Крымскія воспоминанія 1918-1919 г.).